Р 19
Ф 3646
801-18
2460

ПРОФ. Г. Г. ШВИТТАУ

РЕВОЛЮЦИЯ
и
НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО
В РОССИИ

(1 9 1 7 — 1 9 2 1)

23812

1 9 2 2

ЦЕНТРАЛЬНОЕ Т-ВО КООПЕРАТИВНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина
Отдел специального хранения
Руб - 5360.

2007077920

ТИПОГРАФИЯ ШПАМЕРА В ЛЕЙПЦИГЕ

Российская Государственная Библиотека
17218-и

„Das Attische Reich zerfiel, und Platon schrieb seinen Staat mit Flammenschrift in die Wolken: — das Zeitliche mußte vergehen, damit das Ewige entstehen konnte."

v. Wilamowitz-Moellendorff

„Политическое об'единение Аттики распалось, и огненными знаками на небесах Платон начертал свое государство: — временное должно было исчезнуть, чтобы могло возникнуть вечное."

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий труд был задуман еще в России на третий год вспыхнувшей в ней революции. Но выполнению задуманной работы тогда помешали недостаточность фактических данных и крайняя неопределенность основных руководящих начал советской политики.

Только сейчас наступает для автора благоприятный момент здесь, вдали от родины и разбушевавшейся в ней революционной стихии, окинуть общим взглядом результаты всех перемен, происшедших в русском народном хозяйстве за время мировой войны и вызванной ею революции. Настоящий момент оказался благоприятным для автора в трех отношениях:

Во-первых, после отказа от интервенции и окончания гражданской войны в России наступило время для решительного пересмотра со стороны советской власти основных начал ее экономической политики, носившей раньше по необходимости случайный характер, обусловленный заботами о самосохранении и самозащите; наступившее внешнее успокоение страны позволяет советской власти спокойнее, а потому и более определенно и твердо установить основы для русского народного хозяйства переходного времени. Это обстоятельство дает возможность исследователю не только более отчетливо представить картину общего положения вещей в России, но и установить надлежащую оценку предпринимаемых советской властью дальнейших шагов по отношению к будущему состоянию русского народного хозяйства.

Во-вторых, настоящий момент оказался благоприятным для автора еще и потому, что из всех стран одна только Германия со свойственным ее национальному духу живым откликом и интересом ко всему проистекающему не решилась прерывать сношений с Советской Россией; и следя с большой тщательностью за всем, что совершается в близкой ее интересам Восточной Европе, открыла целый ряд учреждений по собиранию и разработке всех материалов, касающихся положения дел в России и соседних

с нею государств. В двух из таких учреждений автору была предоставлена возможность широко воспользоваться имеющимися весьма обильными источниками по истории России и ее народного хозяйства. Сюда относится прежде всего состоящий при Берлинском университете Seminar für Osteuropäische Geschichte und Landeskunde, а затем находящееся в ведении Германского Министерства Иностранных Дел специальное Бюро печати с обширным отделом русской периодической печати.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы выразить здесь большую свою благодарность этим учреждениям и стоящим во главе их лицам. С особым чувством благодарности я должен упомянуть здесь орд. профессора Берлинского университета, большого знатока русской хозяйственной жизни Dr. Hoetsch'a, не только любезно доставившего мне возможность заниматься в руководимом им Восточно-Европейском семинаре, но дружески разрешившего мне посещать его живые и богатые по содержанию лекции в университете, близко касавшиеся интересующей меня темы по истории русской экономической политики. С благодарным чувством я должен также вспомнить здесь стоящего во главе германского Бюро печати университетского лектора Dr. Ad. Lane и его ближайшего помощника Dr. Meyer-Heydenhagen'a, с товарищеским сочувствием отнесшихся к моей работе и помогавших мне разбираться в громоздком газетном материале. Без поддержки, сочувствия и помощи указанных лиц едва ли удалось бы автору довести предпринятую им работу до конца.

В-третьих, наконец, момент оказался благоприятным для автора еще и в том отношении, что при современных затруднительных условиях книжного и издательского дела автору была оказана и с этой стороны весьма существенная для него поддержка заграничным представителем «Кооперативного Издательства» Н. Е. Терлецким и стоящим во главе фирмы «Издательство И. П. Ладыжникова» Б. Н. Рубинштейном. Выражая им здесь свое товарищеское спасибо я должен сознаться, что без их помощи и поддержки настоящий труд вряд ли бы скоро мог появиться на свет.

Таковы были внешние условия, случайно оказавшиеся весьма благоприятными для автора при составлении и выпуске в свет настоящего труда. Но не всегда и далеко не в полной мере этим внешним условиям соответствовали условия, таившиеся в душевном состоянии автора. Не испытав на себе никакого внешнего давления, побуждаемый исключительно одними только научными интересами в близкой для него области хозяйственных явлений Западной Европы и Америки, автор решился воспользоваться предоставленной ему научной командировкой и, как предполагал, на короткое время оставить родину и прервать свою преподавательскую деятельность в радушно приютившем его университете. Предположения автора в короткое время запастись свежими научными данными, возвратиться на родину и продолжать служить на избранном им научном поприще еще до сих пор не осуществились.

Не говоря о внешних к тому затруднениях, но и по собственной воле автор не спешил возвращаться в Россию. Экономическая жизнь Европы и Америки подверглись в период мировой войны столь сильным и значительным переменам, что сколько нибудь полное ознакомление с современным состоянием западноевропейского капитализма требует довольно продолжительного времени и большого напряжения сил. Не решаясь прерывать свои научные изыскания на половине пути, автор обрекал себя тем самым значительное время думать и писать о России на большом от нее расстоянии. Правда, такое обстоятельство, как дальность расстояния не мешало нашему великому художнику слова — Тургеневу, по собственному его признанию видеть и понимать Россию лучше и яснее, чем тогда, когда он приезжал на родину и окунался весь головою в будничные сумерки тогдашней повседневной русской действительности. Но то́ был художник, жрец свободного искусства, вдохновляемый с одинаковой силой как непосредственным иногда мимолетным впечатлением, так и внезапно блеснувшим рефлексом. Исследователь, как научный работник, в этом отношении имеет совершенно иную природу: он не может ограничиться блеском мысли или случайным непосредственным впечатлением; он, как Фома неверный, необходимо тяготеет к тому, чтобы непосредственным прикосновением к действительности — как бы она ни была тяжела и мучительна — удостовериться в правильности и реальности своих отвлеченных представлений. И в этом отношении невозможность такого живого непосредственного соприкосновения со всем тем, что пережила и переживает сейчас Россия, часто мучительным образом отзывалось в душе автора, когда ему приходилось заглядывать в туманную для него даль сейчас там творящагося... С большим усилием удавалось сдерживать в себе порыв отчаяния,

рассеивать сомнения, распутывать сбитые в кучу мысли, браться вновь за перо и доводить до конца раз начатое суждение.

При таких внешних и внутренних условиях своей работы автор уже заранее должен был мириться с возможностью и даже неизбежностью значительной неполноты, неточности и неопределенности передававших им большею частию из вторых рук (периодической печати) современных фактических данных. Но автор мирился со всем этим потому, что не в передаче им фактических данных — как бы они ни казались сами по себе интересны и важны — полагал он центр тяжести своих изысканий. Автором во все время его работы руководила другая идея: по отрывочным фрагментарным данным попытаться восстановить образ единой и целой, свободной и жизнетворческой, истерзанной, измученной, безконечно много испытавшей, но вышедшей из своих испытаний здоровой и обновленной России. Только этот образ неотступно стоял перед автором; только он, этот образ, помогал автору одолевать смущавшие его душу сомнения и колебания в его вере в лучшее будущее.

Вызвать и укрепить живую веру в Россию, помочь слабым и колеблющимся найти в себе силу и волю в этой вере в обновляющуюся Россию — такова была главная и непосредственная цель автора; и в достижении своей цели автор искал поддержки в чудном образе поэта:

«В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба
Грянула. С треском кругом от нее разлетелись осколки.
Он же вздрогнул — и к народу могучие медные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая».

Fürstenwalde a. Spree,
Осень 1921 г.

ВВЕДЕНИЕ.

О мировой войне, мировом капитализме, мировой революции и о призыве нашего времени.

Мировая война была — и должна будет явиться — чрезвычайным событием, не только для отдельных пострадавших от нея стран и не только для всех стран, принимавших в ней непосредственное участие, а для всего человечества, в той или иной степени причастного к сложившейся в течение двух с половиною тысяч лет западно-европейской культуре.

Мировая война завершает собою определенный период в истории развития этой культуры: она устанавливает конечный предел в развитии западно-европейского капитализма, на котором базируется вся современная западно-европейская культура. Как бы продолжительно еще ни было дальнейшее существование современного мирового капитализма он более не в состоянии дать каких либо новых значительных форм по сравнению с теми, какие он уже прошел в своем четырех — или пяти вековом поступательном процессе — от примитивной своей формы «первоначального накопления» до момента своего пышного торжества капиталистического империализма.

В течение быть может еще долгого времени очень значительно будет меняться относительная роль отдельных стран и народов в борьбе за то или иное участие их в мировом капитализме. На смену одних стран, вышедших из этой борьбы сокрушенными и побежденными, выступят другие, новые страны, новые народы. В затяжном процессе этой борьбы будут создаваться все новые многообразные и многочисленные союзы и ассоциации отдельных стран и отдельных народов. Торжество и победа их будет сменяться их поражением и крушением. Истощение и обнищание еще не раз уступят место новому временному расцвету и кажущемуся внешнему обилию. В судьбах отдельных стран и народов могут наступить новые, совершенно непредвидимые в настоящий момент явления и события... Но, чтóбы ни ожидало впереди отдельные страны и отдельные народы, ныне торжествующий в мире западно-европейский капитализм не создаст никаких

новых существенных форм, определяющих его сколько-нибудь значительное дальнейшее поступательное движение вперед. Напротив, независимо от каких бы то ни было позднейших реставрационных попыток западно-европейский капитализм обречен на неминуемое умирание; и окончательная смена капиталистического периода в развитии мирового хозяйства периодом нового уклада социально-экономических отношений сейчас представляется только вопросом ближайшого или более отдаленного времени.

Мировое хозяйство — явление относительно новое. До самой позднейшей стадии в развитии западно-европейского капитализма существовало лишь отвлеченное представление о мировом единстве человечества. Такое представление зарождалось в отдельныхъ умах уже с очень давних времен и оно знакомо целому ряду научных дисциплин — от историка Полибия (II в. до Р. Х.) и теолога Павла Орозия (V в. по Р. Х.) до новейших мыслителей Гегеля, Канта, Спенсера и др., поставивших свои историко-социологические построения в неразрывную связь с проблемой всечеловеческого универсального прогресса.

Однако, как ни грандиозна и ни значительна была сама по себе идея всечеловеческого универсализма, ее реальное осуществление, в форме вовлечения всех стран мира в один общий производственный процесс единого мирового хозяйства, органически связанного миллионами невидимых нитей отдельных хозяйственных интересов, могло претвориться в действительность только в период расцвета западно-европейского капитализма. Этот период характеризуется метко указанным еще К. Марксом несоответствием роста производительных сил наличным социально-производственным отношениям. Феодально-аристократическая Европа исчезла не сразу под напором зарождавшагося капитализма. Даже Великая Французская революция с ее позднейшими отпрысками в июльские и февральские дни не могла сразу уничтожить остатки феодально-аристократического хозяйственного уклада, пустившего глубокие корни в социально-политическом строе западной Европы. И как ни велик был напор молодых капиталистических сил на этот уклад феодального хозяйства, отдельные его элементы продолжают еще существовать на ряду с господствующими элементами капиталистического строя, подобно тому, как возле сохранившихся остатков античного Рима, у подножия гордого Палатина, без всякого чувства благоговения перед великим прошлым, задымились в своей кричащей наглости

фабричные и заводские трубы, столь легко восторжествовавшего даже в запущенной полунатурально-земледельческой Римской Кампании промышленного капитализма.

Капитализм, а с ним и мировое хозяйство явились стихийно. В их зарождении, осуществлении и господстве никогда не было ни системы, ни плана, кроме узко-эгоистических расчетов и личных интересов выгоды и обогащения. Это было ничем не сдерживаемое победоносное движение в росте производительных сил человечества, побуждаемого к тому голодом, нищетой и лишениями. Когда на пути своего развития в отдельных более старых странах Европы капитализм встречал сколько-нибудь значительные для себя препятствия или преграды, он с легкостью обходил их, вторгаясь в новые многочисленные и слабо защищенные уголки широко раскрывавшагося перед ним всего мира; а подчинив себе эти уголки и подкрепив себя ими, он легко возвращался назад к временно покинутым им странам и встречался там, как общепризнанный несокрушимый победитель. Так, постепенно, идя по линии наименьшего сопротивления, расширялась власть капитализма над миром до тех пор, пока этот последний не достиг определенной ступени хозяйственно-мирового единства.

Мировая война с полной наглядностью могла продемонстрировать это единство, заставив производительные силы всего мирового хозяйства служить одной единственной цели: удовлетворению ненасытных потребностей всечеловеческой бойни. Не отдавая себе отчета и не предвидя возможных последствий, империалистически настроенные капиталисты всех стран и национальностей оказались жалкими рабами, слепо повинующимися своему богу и господину — капиталу. Привлекаемые золотом и возможностью легкого обогащения они безрассудно истощали силы и средства мирового хозяйства, не считаясь с тем, что может наступить момент, когда, голодные и разутые, они останутся с одними своими мешками золота, награбленного за счет миллионов погибших молодых жизней...

Мировая трагедия еще не доиграна до конца. Господствующий над миром злой гений решил удержать занесенный над врагом окровавленный меч раньше, чем все человечество оказалось голодным и разутым. Со своей мефистофельской улыбкой злой гений решил как будто продлить мировое представление: дать время народам, доведенным в своей взаимной злобе и ненависти до бешенства, накопить новые силы и средства,

чтобы ринуться вновь друг на друга еще в одной и быть может последней для них кровавой схватке.

Таковым представлялся тот общий темный фон мировой жизни, когда на нем яркими огненными буквами внезапно запылали зловещие слова: мировая революция!

Мировая революция — прежде всего идея; затем, это — идея нашего времени. Она еще находится в той стадии, в какой находилась идея мирового хозяйства до наступившего господства западно-европейского капитализма. Но мировая революция родится не от капитализма, а от мировой войны, от новой кровавой схватки народов, которая до конца истощит силы и средства, еще оставшиеся от временно прервавшегося всемирно-человеческого самоистребления. Мировая революция — законный плод оскудения и нищеты. С ними человечество явилось на свет и с ними оно по существу никогда не расставалось на долго. Кое-где и кое-когда оскудение и нищета прикрывались внешним обманчивым видом кажущегося довольства и благоденствия отдельных немногочисленных классов и лиц; но мировая революция безжалостно сорвет эту внешнюю лживую завесу и за нею выступит во всем своем неприкрытом безобразном ужасе оголенный скелет всеобщего мирового обнищания.

Мировая революция — оборотная сторона мирового капитализма: она начинается там, где завершилась последняя победа этого последнего. Как и капитализм, мировая революция — стихийна; как и капитализм, она пойдет по линии наименьшого сопротивления и, встречая себе препятствия и преграды в одних странах, станет их временно обходить, имея перед собою простор всего мира; как и капитализм, мировая революция, укрепив свои силы в менее защищенных от нее уголках мира, будет возвращаться в покинутые ею страны и будет встречаться там, как торжествующий победитель.

Разлагая капитализм, мировая революция не разрушит однако созданного капитализмом хозяйственно-мирового единства. Напротив, завершив свою разрушительную работу, мировая революция значительно укрепит и усилит в сознании отдельных народов идею мирового единства.

Эту идею, с столь давних пор привлекающую к себе друзей человечества, капитализм пытался претворить в мировом хозяйстве. Но вследствие неизбежно присущих капитализму антагонистических гетерогенных элементов, идея мирового единства

через мировое капиталистическое хозяйство привела лишь к мировой бойне и всечеловеческому взаимному самоистреблению. Мировое единство, которое явится после мировой революции, знаменует собою конец всякой бойне и взаимного самоистребления народов, которым в противном случае грозит неминуемо возвратиться до самой начальной ступени своего полуживотного существования... И на оголенной земле, покрытой лишь остатками былой материальной культуры, должна будет возродиться новая для нас, еще неведомая жизнь.

Как уже не раз бывало в истории человечества, среди всеобщего морового хаоса и разрушения где-нибудь в стороне от великих сокрушенных империй и пышно-расцветших центров былой культуры возникнут новые, в начале малозаметные, скромные очаги нового мира, новой цивилизации, новых культурных ценностей, еще не порвавших своей внутренней связи с тем, что наивысшего и наиболее ценного создали уже сошедшие со сцены мировой истории, угасшие и погибшие поколения человечества. И чем более удастся человечеству сохранить таких «вечных» ценностей, тем легче, скорее и прочнее может возродиться из пепла погибших культур новая культура, а с нею и новая попытка осуществления идеи мирового единства человечества.

Мы, современники, свидетели и вольные или невольные соучастники наступающего крушения капитализма, не в состоянии ни предупредить, ни даже приостановить начавшийся со времени мировой войны процесс разрушения мирового капиталистического хозяйства. Наступление мировой революции стало для нас фатальным с того момента, когда мы восприняли западно-европейскую культуру, опиравшуюся на начале капитализма с его разлагающими его самого элементами антагонистических гетерогенных интересов. Восприняв эту культуру, мы вместе с нею восприняли и эти интересы, и их антагонизм, роковым образом приводящие к мировой войне и к завершающий ее мировой революции.

Но если мы не в состоянии приостановить наступательный ход мировой революции, то в нашей воле в той или иной степени предотвратить от гибели те культурные ценности, которые создавались человечеством еще до капитализма и не смотря на капитализм: творения гениев не обусловлены внешним видимым нами состоянием вещей.

Наше время — время крушения нетолько материальной культуры, но и связанных с нею более общих духовных ценностей.

Как в далекую старину, гибнут не только Троя и Аѳины, но с ними гибнут творения народных певцов, художников и мыслителей. И как в далекую старину, в наше время на ряду с борцами, охваченными пылом сокрушения и истребления, должны выступить жрецы культуры, остающиеся до последнего момента на своем посту стражей вечных культурных ценностей.

Мировая революция началась с России, куда позже всего проник западно-европейский капитализм. Русская Великая Революция, знаменуя собою неизбежное наступление мировой революции, еще далека до своего окончания: она может окончиться только вместе с окончанием мировой революции, которая лишь постепенно будет охватывать своим пламенем отдельные страны. Сейчас мы не в состоянии представить себе ни самый ход мировой революции, ни ее возможных последствий по отношению ко всякой отдельной стране. Мы сейчас не можем знать, какие страны и в какой степени сохранятся от надвигающагося всеобщего хозяйственно-мирового крушения? где именно зародятся те очаги новой культуры, которые явятся посредниками по передаче, «вечных» ценностей далеким от нас будущим поколениям?

Мы, как представители одной только нации, одной только части всего человечества не можем претендовать ни на какую особую исключительность и историческую привилегированность и должны быть всецело готовы разделить общую участь других нам родственных народов. Но переживаемое нами сейчас переходное время — бурное и смутное, полное тревожных опасений со стороны одних и радостных ожиданий со стороны других, — налагает на нас, как и на все другие народы, неотстранимое и неотложное обязательство: понять сущность протекающего перед нами мирового процесса и не отстраняя себя от участия в нем, стремиться всеми силами предохранить от крушения все то, что́ мы имеем наиболее ценного из полученной нами доли всечеловеческих культурных ценностей. Но предохранить духовные ценности от их гибели значит творить их безостановочно и безпрерывно, не смотря ни на какие окружающие нас внешне-материальные, а потому по существу переходные, условия.

К вам, смелым борцам, выступающим на завоевание нового лучшего будущего, и к вам творцам и служителям культуры, к вам одним обращен призыв нашего времени: нет победы без наступления, нет и не может быть культуры без духовных «вечных» ценностей!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

1. Государственная власть в первый период революции. — 2. Структура советской власти. — 3. Коммунистическая партия, советы и общественно-профессиональные организации. — 4. Диктатура пролетариата и демократия. — 5. В чем выход?

1. Государственная власть в первый период революции.

Приближавшийся голод и всеобщее недовольство правительством дали первый и самый сильный толчок движению; встреченное свинцом — это движение превратилось в Великую Русскую Революцию.

Ослабленная неудачами войны, напуганная неудержимо надвигавшейся хозяйственной разрухой, непопулярная, развратная и вечно колеблющаяся старая государственная власть сама себе, наконец, подписала свой смертный приговор изданием указа от 26-го февраля 1917 г. о роспуске Государственной Думы. Узнав об этом на следующий день, члены Думы решили на этот раз не подчиняться указу и оказать старой власти открытое сопротивление, опершись на военную силу Петербургского гарнизона. Члены Думы остались на местах и по обсуждении вопроса приступили к образованию из своего состава нового правительства в лице Совета Старейшин (Сеньерен-Конвента), из которого затем был избран Временный Комитет Государственной Думы в числе 12 членов с М. М. Родзянко во главе.

В то самое время, когда войска Петербургского гарнизона отдельными частями собирались вокруг Таврического дворца для защиты новой революционной власти и для выражения ей своего сочувствия, днем того же 27 февраля, в том же помещении Государственной Думы, собрались представители рабочих и солдат во главе с целым рядом политических вождей и образовали тут же другой орган власти — Совет Рабочих Депутатов, уже хорошо знакомый по революции 1905 г. Образовав тотчас же свой собственный Исполнительный Комитет, Совет Рабочих Депутатов обратился к населению с двумя воззваниями. В одном указывалось на необходимость представительства «революционной демо-

кратии», т. е. солдат — по одному на каждую роту, и рабочих — по одному на каждую тысячу, по заводам. В другом воззвании населению Петрограда предлагалось приложить все усилия к тому, чтобы накормить, ставших на строну народа и находившихся еще с утра на улице, голодных солдат.

В своей декларации от 28 февраля Совет Рабочих Депутатов считает своей задачей «организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России». Для осуществления этой задачи он назначает районных комиссаров «для установления народной власти в районах Петрограда». В этой же декларации приглашается «все население столицы немедленно сплотиться вокруг Советов, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами». Декларация заканчивалась демократическим воззванием: — «все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и за созыв учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права».

В то время, как орган «революционной демократии» так определенно выяснял свое отношение к грядущим событиям начавшейся революции и так твердо пред'являл свои права на власть, имея в виду ближайший созыв учредительного собрания, революционная буржуазия, в лице Временного Комитета Государственной Думы, в ночь на 28 февраля выпустила тоже два, но очень бледные, воззвания к населению. В одном из них говорится о необходимости «щадить государственные и общественные учреждения и приспособления», а в другом — о том, что Комитет «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка» и потому просит оказания ему поддержки со стороны населения и армии.

Так одновременно на смену старой власти выступили два политических органа — буржуазный, в лице представителей господствующих партий в Государственной Думе, и демократический, в лице представителей более крайних политических течений, питаемых интересами широких рабочих масс населения. Яркость, сила и революционный энтузиазм были на стороне Совета и уже по этому одному с самого начала революции именно он один мог занять, если не оффициально, то фактически доминирующую роль. Трудно говорить даже о «двоевластии» того времени — скорее уже и тогда это была единая «советская власть» еще не

оформленная в своей идеологии и до времени прикрывавшаяся за более или менее легализованный орган буржуазно-революционной власти в лице Временного Комитета, а позже — Временного Правительства.

Уже по самому своему личному составу Временный Комитет Государственной Думы не мог быть органом власти решительным, определенным и твердым. Состав этот был случайный и весьма пестрый, как по настроению вошедших в него лиц, так и по политическим партиям, ими представляемым. Так, на ряду с социалистически настроенным энтузиастом А. Ф. Керенским мы в составе Комитета встречаем подавленную всем происшедшим нерешительную фигуру октябриста М. М. Родзянко и известного своими реакционно-националистическими выступлениями шумливого В. В. Шульгина.

Совершенно иное представляла собою пришедшая в Таврический дворец «революционная демократия». Пока еще однородная в своем революционном экстазе, давно уже ждавшая политического переворота и потому, хотя по настроению подготовленная к разыгравшимся событиям, эта «революционная демократия» в лице Совета не только не могла растеряться — как то случилось со свергнутой старой, царской властью, но и не думала даже сомневаться и колебаться — как то невольно случилось с новой «легальной» властью в лице представителей Государственной Думы.

Видя нерешительность этой власти, «революционная демократия» безпрепятственно фактически заняла ее место, даже внешне устроившись в здании высшего законодательного учреждения. И, заняв место юридически именовавшего себя «властью» Временного Комитета, Совет Рабочих Депутатов, имея уже некоторую традицию и опыт по революции 1905 года, не замедлил приступить к фактическому «управлению» страной через посредство оказавшегося слишком инертным и пассивным Временного Комитета Государственной Думы.

В этом отношении весьма показательны уже первые распоряжения новой государственной власти.

Так, уже в первом своем заседании вечером 27 февраля Совет Рабочих Депутатов, по предложению уже образовавшейся при нем собственной финансовой комиссии, принимает решительные меры к немедленному из'ятию всех государственных финансовых средств из распоряжения органов старой власти. В силу этого

распоряжения революционным караулом немедленно занимаются в целях охраны такие учреждения, как Государственный Банк, Главное и Губернское Казначейство, Монетный Двор, Экспедиция заготовления государственных бумаг и др. Впоследствии, при всякой перемене власти не только в столицах, но и в провинции, этот прием стал уже общеупотребительным в революционной практике; но для первых моментов революции очень характерно, что такого рода меры исходили не от Временного Комитета, а от Совета Рабочих Депутатов, как органа «революционной демократии». Как велики были при этом авторитет и сила этого фактического носителя власти, видно, между прочим, из того, что, установив вышеуказанную меру, Совет не берет на себя ее исполнение, а «п о р у ч а е т Временному Комитету Государственной Думы немедленно привести в исполнение настоящее постановление», как гласит о том уже упомянутая выше декларация Совета.

Для характеристики взаимоотношений между Временным Комитетом и Советом Рабочих Депутатов можно еще указать и на другое распоряжение Совета, касающееся «арестованных денежных средств», о чем следующим образом гласит 4-ый пункт означенной декларации: «Совет Рабочих Депутатов и Временный Комитет Государственной Думы выбирают совместно финансовый комитет. На обязанности этого комитета лежат: а) принятие всех мер, необходимых для предотвращения финансовых замешательств в стране, и б) надзор и контроль за нормальным течением всех денежных и кредитных операций во всех кредитных учреждениях». Далее, финансовому комитету представляется право выдачи ассигновок на нужды «революционных учреждений». Под такими «революционными учреждениями», конечно, в первую очередь понимается Совет Рабочих Депутатов и его органы, за которыми определенно признается обще-государственное значение. Так, например, указывается, что «все исполнительные комиссии Совета Рабочих Депутатов представляют свои сметы. Утверждение этих смет и определение общего кредита, необходимого Совету, возлагается на финансовый комитет. Вместе с тем, в свою очередь, Совет обязуется все поступающие в его распоряжение частные суммы передавать в распоряжение финансового комитета».

Как на такую «правительственную» деятельность Совета реагировала «оффициальная» новая власть, судить сейчас еще

трудно из-за отсутствия относящихся сюда более полных фактических данных. Но не подлежит никакому сомнению, что никаких открытых протестов со стороны Временного Комитета против «захвата власти» Советом не раздавалось и, подчиняясь силе обстоятельств, оффициальный орган власти был озабочен лишь установлением тех основ, на которых могло бы покоиться совместное существование «юридической» власти Временного Комитета с «фактической» властью Совета. Об этом, между прочим, довольно определенно говорит другая декларация уже вполне сконструировавшегося Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Декларация эта без даты, но, несомненно, она относится к первым дням революции. В этой декларации речь идет об образовании Временного Правительства и взятых им на себя обязательствах с указанием на то, что новый орган власти — Временное Правительство — создан Временным Комитетом Государственной Думы п о с о г л а ш е н и ю с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. В другой декларации (тоже без числа), выпущенной образовавшимся Исполнительным Комитетом Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, мы находим еще более определенное отношение этого органа к Временному Правительству: «Новая власть, создавшаяся из общественно умеренных слоев общества, объявила сегодня о всех тех реформах, которые она обязуется осуществить частью еще в процессе борьбы со старым режимом, частью — по окончании этой борьбы. Среди этих реформ некоторые должны приветствоваться широкими демократическими кругами. И мы полагаем, что в т о й м е р е, в к а к о й зарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств... демократия должна оказать ей свою поддержку». Эти слова весьма знаменательны: в них не только впервые устанавливается позднейшее «по стольку — по скольку» коммунистической партии, но твердо и определенно власть «умеренных кругов общества» — позднейшей «буржуазии» — противопоставляется, ограничивается и подчиняется фактически уже существующей власти «революционной демократии» — позднейшего «пролетариата».

Нет необходимости приводить еще целое множество других доказательств (как например, — Приказ № 1, Сообщение по поводу ареста Николая II, подписанного представителем «демократии» Н. Д. Соколовым и др.), убеждающих нас в том, что фактически власть с первых же моментов революции находилась

не в руках «умеренных кругов общества», т. е. не в руках «буржуазии», по позднейшей терминологии, а в руках рабочего класса, называвшего себя тогда еще не пролетариатом, а «революционной демократией» в лице «Совета Рабочих и Солдатских (а позже и) Крестьянских Депутатов». Этим рассеивается довольно широко распространенное убеждение, будто власть сначала была в руках думского представительства, и, что только позже, вследствие обнаружившейся слабости представителей этой умеренной части общества, власть перешла к Совету, как выразителю более радикальных стремлений. Вернее было бы представить себе дело так, что с самого начала революции самые крайние течения захватили власть в свои руки, но, что радикализм этих крайних тогда течений не был еще так заострен, и готовность их работать совместно с умеренным элементом общества не представлялась тогда еще невозможной. Теперь, конечно, было бы неразумно и безцельно спорить о том, могли ли бы умеренные партии Думского прогрессивного блока захватить и удержать исключительно за собою «всю полноту власти», о которой так трагически много раз тогда говорил А. Ф. Керенский, став во главе Временного Правительства. Одно остается вне сомнений: Думский прогрессивный блок не предвидел и вряд ли хотел того, что случилось помимо и против его стремлений (ср. например, телеграммы М. М. Родзянко от 25 и 26 февраля царю и главнокомандующему); тогда как «революционная демократия» не только была убеждена в неизбежности революции, но и хотела ее и ее вызывала со всей своей активностью — пропагандою в войсках, подготовкою рабочих масс, организацией их выступлений на улицу и, наконец, общим, — хотя и смутным, — планом действия. Неразумно и безцельно было бы спорить также еще и о том, неминуемо ли должен бы был произойти тот резкий раскол между различными течениями русской интеллигенции, который разбил вначале один общий «революционно-демократический» фронт на две части в связи с требованиями, выдвинутыми представителями коммунистической партии, позже других выступившей на арену борьбы, и сильнее других с'умевшей овладеть государственным аппаратом. Все споры этого рода сейчас могут иметь лишь исторический интерес. С точки зрения проникновения в сущность русской революции достаточно лишь отметить одно, что позднейший перелом в ней, в форме, так называемого, «октябрьского переворота», знаменующего собою переход к господству «советского режима», уже целиком заключался в самом первом моменте «февральской» революции, и, что самые видные представители и вожди «большевизма» сами не создали никакой позднейшей социальной революции на место прежней революции «политической». Явившийся в Россию в апреле 1917 г. Ленин застал уже самый разгар борьбы между Временным Правительством и Советом и самое большее, что́ он мог сделать, это только «оформить» эту борьбу и указать на ее идеологическое основание в борьбе классов.

В этом нас вполне убеждает появившаяся во всех газетах «программа русской революции в устах тов. Ленина» в апреле 1917 г. «Своеобразие текущего момента в России», говорит Ленин в одном из тезисов этой программы, «состоит в переходе (курсив подл.) от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства».

В этом тезисе Ленин констатирует не столько слабость власти Временного Правительства, как представителя «буржуазии» или «капиталистов», сколько недостаточную силу еще слишком смешанной и подлежащей процессу политической дифференциации «революционной демократии», представляющей «блок всех (курсив подл.) мелко буржуазных, оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов». Отсюда «переход» власти Ленин видит не в одной только замене Временного Правительства Советом Рабочих Депутатов, что́ могло бы совершиться в первые дни и на что́ Временное Правительство само не раз соглашалось позже, а в коренном изменении самого состава Совета в смысле бо́льшей его однородности по отношению к единой политической программе. Этого русская интеллигенция тогда не могла или не хотела понять и с трагическим самопожертвованием сама подготовляла «октябрьский переворот», силясь поддерживать мертвое и обреченное на пассивность с самого своего возникновения Временное Правительство, хотя и принявшее впоследствии социалистический характер, против радикальных требований «революционной демократии», скоро превратившейся в «революционный пролетариат».

Тут пред нами один из моментов более широкой и общей

проблемы «философии революции», когда политический радикализм, раз войдя в жизнь, роковым образом должен дойти до своего победоносного конца и только тогда раствориться в реальных условиях окружающей его действительности. Но именно этого момента не хотела или не могла понять значительнейшая часть даже радикально настроенной русской интеллигенции, выступившая на защиту умеренных требований против собиравшей свои силы другой, более революционно настроенной части русского общества.

2. Структура советской власти.

Сущность всякого революционного процесса определяется ростом присущего ему элемента радикализма. Под воздействием чисто психических факторов — духовного под'ема, экстаза, энтузиазма и т. д. — революционный радикализм относительно быстро достигает своей верхней точки, но, не удерживаясь на ней под напором расхолаживающих повседневных требований жизни, он падает и постепенно ассимилируется с более умеренными элементами общества.

Рост революционного радикализма одинаково отражался на обоих вышеуказанных органах власти в России. В то время, как орган буржуазной власти — Временное Правительство — менял не только свой личный состав, но и самый свой характер — сначала думский, позже — коалиционный и наконец — социалистический, — орган «революционной демократии» тоже оставался не без влияния, все определеннее выступавших на арену борьбы, наиболее радикальных элементов русского общества — в лице приверженцев и вождей «коммунистической партии» — большевиков. Задача этой партии состояла не столько в немедленном свержении оффициальной государственной власти — в лице Временного Правительства, сколько в овладении фактической властью Совета Рабочих Депутатов. Если при приезде в Россию Ленина и его единомышленников весною 1917 г. коммунисты-большевики имели в Совете ничтожное меньшинство, то, по мере того, как развивались революционные события в связи с разложением армии, катастрофическим приближением хозяйственного развала, неспособностью и нерешительностью оффициальных представителей государственной власти — все более усиливались радикальные элементы общества, а с ними росло влияние

и коммунистической партии на состав и деятельность советской организации. Первая открытая попытка политической реакции (выступление ген. Корнилова) дала решительный перевес радикальным течениям над более умеренными; и питаемое опасением контр-революции радикальное течение вылилось, наконец, в «октябрьский переворот», т. е. в низвержение Временного Правительства, как органа, представлявшего собою более умеренные элементы общества, и в провозглашении новым органом государственной власти Совета, отражавшего на себе в бо́льшей степени рост революционного радикализма. Поставленная коммунистами задача — овладение Советом после переворота значительно облегчилась; и на втором — октябрьском — Всероссийском С'езде Советов большевики без труда впервые добились преобладающего большинства, в соответствии с чем и заняли в управлении страной господствующее положение. Но, добившись большинства, коммунистическая партия не сразу приобрела присущий ей ныне характер привиллегированной исключительности и сектантской изолированности. Еще в течение первых месяцев по занятии своего господствующего положения коммунисты склонялись к тому, чтобы в управлении страной через советскую власть предоставить участие и представителям других социалистических партий, входивших в состав советских органов. Но представители других партий, не желая играть подчиненной роли по отношению к коммунистам и рассчитывая на близкий созыв учредительного собрания, отказались тогда от какого-либо сотрудничества с большевиками.

С отказом социалистов, к которым примкнули и все прочие представители умеренных течений в русском обществе, выступившие с политическим бойкотом советской власти (саботаж чиновников), начинается процесс полной изолированности и замкнутости представителей коммунистической партии, захватившихся в свои руки государственную власть и начавших ею владеть безраздельно.

Начавшееся после разгона учредительного собрания оспаривание этой власти со стороны других партий, открытая и скрытая борьба их с советско-коммунистическим режимом приводили все к большему террору, к безпощадному подавлению всякой активности по отношению к населению, а с этим и еще к бо́льшей ожесточенности, изолированности и замкнутости самих господствующих элементов. Все заботы этих последних, вполне

понятно, сосредоточивались на одном: удержать власть в своих руках и не допустить политической реставрации, которою угрожали «белые генералы» при поддержке союзников. Целых три года представители советского режима посвятили борьбе с «контр-революцией», истощая в конец последние остатки запасов прежнего капиталистического хозяйства страны. Не смотря на полную нищету, голод, лишения, с неимоверной жестокостью и безпощадностью коммунисты, в конце концов, удержали за собою власть и вновь об'единили в своих руках всю территорию России — за исключением образовавшихся окраинных самостоятельных государств. Этот момент об'единения России под властью коммунистов знаменует собою новую эру не только в развитии советско-коммунистического режима, но и в самой Русской Революции: не возбуждаемое внешней борьбой и необходимостью самозащиты, население России вновь получает возможность не только подмять свой голос за признание того или иного социально-экономического строя, но и приступить к активному его осуществлению на тех принципах, которые наилучшим образом могли бы соответствовать дальнейшему под'ему и развитию лучших его свойств и способностей. Революционный радикализм, не раздражаемый извне, впервые может дойти до своего предела и тогда естественным ходом вещей начнется процесс внутренней ассимиляции и взаимного приспособления требований к жизни и жизненных требований. Этот процесс уже, несомненно, начался. Но, чтобы понять в каком направлении может пойти процесс ассимиляции и приспособления — процесс, потребующий, быть может, от страны еще бо́льших усилий, чем только что закончившийся период борьбы с «контр-революцией», необходимо несколько вернуться назад и дать себе ясный отчет в тех политических предпосылках, на которых строилась советская власть и на которые она думает опираться в дальнейшем своем развитии. Достаточны ли эти основания? являются ли они разумными требованиями к жизни? и соответствуют ли им действительно живые творческие жизненные требования?

Начнем с внешне-правовой стороны дела.

Согласно провозглашенной в январе 1918 г. «декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа» и конституции 10 июля 1918 г. в России устанавливается новый социально-политический строй под оффициальным наименованием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, или

сокращенно Р С Ф С Р. Отличительным признаком этого строя является: социалистический уклад жизни на место капиталистического и федерация национальных советских республик на место прежней централистической империи. Основным моментом в новом построении государственной власти являются «советы» — рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, т. е. трудящихся масс с недопущением ни в один орган власти «эксплоататоров»; к этим последним конституция причисляет не только лиц, прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли, но и лиц, живущих на нетрудовой доход.

Этим «советам» принадлежит вся власть, как в центре, так и на местах; это значит, что вместо существовавшего раньше расчленения власти на государственно-административное управление и общественное самоуправление (земское и городское) устанавливается единая власть общественно-государственного характера в форме выборных советов. Самая идея советов, по словам коммунистов, почерпнута ими у К. Маркса, по учению которого, будто, совет рабочих депутатов должен быть «не только парламентским, но и работающим, законодательствующим и выполняющим законы, учреждением». Другими словами в органах советской власти не должно быть того резкого расчленения функций — законодательных и исполнительных — которое со времен Монтескье стоит во главе всякого конституционно-парламентарного государственного строя. И в структуре советской власти в России, действительно, функции чисто законодательного характера резко не отличаются от исполнительных функций. Но до некоторой степени и тут мы находим расчленение органов законодательных от органов исполнительных.

Законодательная власть (а также распорядительная и контрольная) принадлежит учреждениям троякого рода:

Во 1-х, сюда относятся Всероссийские с'езды советов. До 1 января 1921 г. таких с'ездов было созвано восемь. Таким образом с'езд созывается не чаще (по конституции не реже) двух раз в год, сравнительно на короткое время; во 2-х, имеется еще Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (В Ц И К); члены его числом до 200 человек (по конституции) избираются на с'езде; сам комитет в полном своем составе (пленум) созывается на непродолжительные периодические сессии; наконец, в 3-х, в качестве постоянного органа функционирует Президиум

ВЦИК'а, состоящий из 13 членов (и 6 кандидатов), избираемых ВЦИК'ом.

Центральным административным органом является Совет Народных Комиссаров (Совнарком), состоящий из представителей отдельных ведомств, именуемых народными комиссариатами. Народные комиссары утверждаются ВЦИК'ом.

Однако Совнарком с председателем во главе (Лениным) отнюдь не является чисто исполнительным органом (как, напр., совет министров в конституционных странах); и распределение законодательно-исполнительных функций между Совнаркомом и ВЦИК'ом не совсем ясно ни в советской конституции, ни на практике.

Все четыре сейчас указанных органа, т. е. С'езд, ВЦИК, Президиум Вцика и Совнарком имеют законодательные функции, но лишь с тем различием, что нормальная органическая законодательная работа должна принадлежать Всероссийскому С'езду Советов в лице ВЦИК'а или даже одного его Президиума. На Совнарком же возлагается обязанность «рассматривать и утверждать все декреты и мероприятия, не терпящие отлагательства, в том числе все законодательные мероприятия по делам военным и все мероприятия по иностранным делам, влекущие за собой обязательства для РСФСР».

В виду того, что фактически между сессиями С'ездов вся власть их переходит на ВЦИК, то на практике господствует большая неопределенность в расчленении функций между этим органом, или, вернее, между Президиумом его и Совнаркомом. По постановлению VII-го С'езда Советов взаимоотношения между этими органами определяются следующим образом: «в промежуток между пленумом ВЦИК'а, деловым органом, т. е. органом управления и законодательства является Совнарком, тесно связанный с отделами ВЦИК'а и комиссариатами, которые несут повседневную работу; что касается Президиума ВЦИК'а, то он несет функции политического представительства, подготовляет сессии ВЦИК'а и руководит ими». Таким образом можно было бы думать, что между сессиями ВЦИК'а в роли законодательного органа выступает лишь один Совнарком. Но этому противоречит дальнейший текст того же постановления; согласно этому последнему Президиуму ВЦИК'а представляется право утверждать от имени ВЦИК'а определенные решения Совнаркома

и даже приостанавливать проведение в жизнь тех или иных уже состоявшихся его постановлений; на ряду с таким правом veto Президиуму все-таки предоставляется право и самостоятельно «издавать в порядке управления необходимые постановления от имени ВЦИК'а с обязательством представлять о том доклады в очередной сессии ВЦИК'а».

Такая же неопределенность в разграничении функций наблюдается и в сфере местного управления по отношению к местным советам (губернским, уездным, волостным и сельским), их с'ездам и исполнительным комитетам этих последних. Осложняющим моментом сюда привходит еще иерархия: право отмены постановлений низшего органа органом высшим. Так, постановления местных с'ездов советов могут быть отменены не только вышестоящими с'ездами, но и их исполнительными комитетами, ВЦИК'ом и его Президиумом; а постановления местных исполнительных комитетов могут быть отменены выше стоящими с'ездами, их исполнительными комитетами, их президиумом, ВЦИК'ом, его Президиумом и, наконец, Совнаркомом.

Все вышесказанное убеждает нас в том, что выступающему на смену старого конституционно-парламентарного строя, новому «советскому» режиму, столь простому по своей отвлеченной схеме, на практике не удалось еще стать ясным и твердым основанием новой государственности. И в этом отношении сторонникам советского режима еще предстоит впереди большая и трудная работа, если они действительно захотят осуществить свою новую форму государственной структуры, по существу, быть может, более совершенную, чем господствующая ныне в Европе система конституционного парламентаризма в его уже изжитых формах представительства не народа, а отдельных политических партий. Но это последнее обстоятельство — наличность политических партий — принципиально не устранено и из новой структуры советской власти. Правда, в настоящее время государственная власть в России не раздирается (по крайней мере открыто) той борьбой многочисленных политических партий, какую мы наблюдаем в других странах. Но это достигается сейчас дорогою ценою отказа от политических прав, предоставляемых населению на Западе. И это временное положение «диктатуры» таит в себе большие опасности для установленной путем революционного захвата советской государственной власти. Проблема нового социально-политического уклада жизни едва лишь намечена коммунистами

и встречает на пути своего практического решения значительные сопротивления со стороны широких масс населения.

Дело в том, что первоначальная, более упрощенная попытка построения государственной власти в форме «диктатуры пролетариата» по мере укрепления и роста советского режима скоро подверглась очень резкой оценке не только со стороны преобладающей массы населения, непричастной к коммунистической партии и ей враждебной, но и со стороны самих коммунистов. С переходом из «боевого» периода в период органического строительства идеологи советской власти скоро убедились, что перед ними в данном случае сложнейшая проблема; проблема соотношения между государством, как принудительным союзом, и обществом, как формой общения свободной от всякого принуждения; проблема соотношения между правом, вооруженным властью, и хозяйством, как выражением забот о материальном существовании. Следуя догме экономического материализма, русские марксисты, как и сам Маркс, игнорируют эту проблему; но, как отражение живых запросов жизни, она требует к себе внимания и, не находя для себя удовлетворительного решения в регулирующей воле органов государственной власти, она стремится найти себе фактическое решение в полуосознанных выступлениях народной массы.

В этих выступлениях проблема соотношения государства и общества, права и хозяйства, — находит себе выражение в столкновении трех одинаково важных элементов современной русской действительности: партии, советов и свободных профессионально-общественных об'единений.

Господствующая сейчас коммунистическая партия с ее тщательно разрабатываемой политической догмой не ограничивается присущей всякой политической партии задачей выяснения идеологической стороны современных социально-политических отношений, но стремится занять положение руководительницы самой государственной власти. Выступающая от имени этой партии советская власть, не имея опоры в самой массе населения и потому не отражая на себе ее живых и насущных интересов, превращается в узкую мертвящую деспотию кучки привилегированных над безгласной, но не безвольной массой. Наконец, сама эта масса, полная революционного под'ема и настроения, лишь до времени соглашалась терпеть свое безправное и безгласное положение и теперь все определеннее и упорнее пред'являет свои требования не только на свое существование, но и на предоставление ей

возможности оказывать со своей стороны соответствующее воздействие на складывающийся в стране новый общественно-хозяйственный уклад жизни. Это требование массы, непричастной к коммунистической партии и лишенной доступа в пропитанные партией советские органы власти, выражается в признании самостоятельности и самодеятельности таких «демократических» организаций, как рабочие профессиональные союзы, крестьянские, общественные и артельно-кооперативные об'единения, с'езды и конференции «беспартийных» и т. д.

Сплетение всех трех означенных элементов — партии, советов и свободно-общественных организаций образует сейчас тот узел, в разрешении которого таится вся дальнейшая судьба советского строя, а с нею и судьба самой Русской Революции. Поэтому, чтобы уяснить себе природу советской организации власти и возможное ее изменение в ближайшем будущем, необходимо ближе остановиться на анализе этих элементов — в особенности на вопросах о роли коммунистической партии и политических партий, вообще, и о советских профессионально-общественных организациях, как выражении «демократических» требований масс.

Но раньше, чем переходить к анализу указанных элементов, остановимся на освещении общего положения интересующего нас вопроса в концепции главного вождя коммунистов и самого выдающегося из них идеолога В. И. Ульянова (Ленина).

В первой своей «программе», уже однажды цитированной выше, Ленин в одном из своих тезисов говорит об общем характере ближайшего социально-политического строя лишь следующее: «Не «введение» социализма, как наша н е п о с р е д с т в е н н а я (курс. подл.) задача, а переход тотчас лишь к к о н т р о л ю (курс. подл.) со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов». Не смотря ни на какие национализации и огосударствовления отдельных отраслей хозяйственной жизни, установленный в этом тезисе п е р е х о д н ы й характер советско-коммунистического режима остается в силе и до настоящего времени. Это никем из коммунистов не оспаривается и все они одинаково говорят о народном хозяйстве «переходного времени».

Это положение весьма важно не только потому, что снимает с вождей коммунистов целый ряд взводимых на них их политическими противниками, большею частью совершенно не обоснованных и часто несправедливых, упреков и обвинений по отно-

шению к тому, что будто коммунисты обещали народу немедленное введение социализма в России, как осуществление земного рая. Это положение важно еще и потому, что позволяет более решительно пред'являть к коммунистам требования об отказе от слепого их подчинения партийной догме: самое понятие «переходности» обусловлено фактической данностью и целесообразным ее использованием, как средством для конечной, быть может, весьма отдаленной от нас, цели.

В задачу настоящего исследования не входит сколько нибудь подробный критический разбор эволюции идей самого Ленина, как идеолога большевизма; для общего освещения выдвинутого вопроса вполне достаточно остановиться на позднейших его взглядах, которые он высказывал официально и публично перед представителями партий, советов и профессиональных организаций. Эти воззрения Ленина сводятся к следующему (цит. почти дословно по сборн. мат. «Продовольственная политика», Москва 1920 г.):

Социализм есть уничтожение классов. Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть власть помещиков и капиталистов. Эта часть задачи уже выполнена; но это только часть и при том не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками (курс. подл.). Этого нельзя сделать сразу. Это задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением власти какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными и законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне.

Но одной техники еще не достаточно: техникой могут легко воспользоваться еще оставшиеся элементы мелко-капиталистических буржуазных классов; и потому Ленин указывает еще на одну ближайшую задачу революционного пролетариата — на содействие дифференциации среди сельского населения. «Чтобы решить вторую, труднейшую часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своего политического отношения к крестьянству: пролетариат должен разделять (курс. подл.), разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта. В этом разграничении вся суть социализма (курс. подл.)».

Останавливаясь ближе на деятельности пролетариата, Ленин рисует следующую картину:

Захватив государственную власть в свои руки и установив свою собственную классовую диктатуру, пролетариат тем самым стремился, как к конечной своей цели, к уничтожению классов вообще. Но сразу достичь этой цели невозможно; и классы остались и останутся еще в течение всей эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Но они не исчезнут без диктатуры пролетариата.

Классы хотя и остались, но каждый видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы.

Из угнетенного пролетариат стал господствующим классом: он держит в своих руках государственную власть, он распоряжается обобществленными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплоататоров. Класс эксплоататоров — помещиков и капиталистов — не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплоататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал, отделением коего они являются. У них осталась часть некоторых средств производства, остались деньги, остались громадные общественные связи, их деловой опыт, знание и проч. Энергия сопротивления их возросла, именно вследствие их поражения, в сотни и в тысячи раз. Классовая борьба свергнутых эксплоататоров против победившего авангарда эксплоатируемых, т. е. против пролетариата, стала неизмеримо более ожесточенной. Наконец, крестьянство, как и вся мелкая буржуазия, вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее промежуточное

положение, которое обусловливает собою неопределенность и колебания во взаимоотношениях между пролетариатом и мелкой буржуазией. А при обостренной борьбе между этими элементами общества, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому, рутинному, неизменяемому, — со стороны именно крестьян и мелкой буржуазии, вообще, мы неизбежно и впредь будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.

Где-же отсюда выход? Ленин не дает одной общей решающей формулы. Он — этот «творец» русской большевистской революции — отказывается в данном случае верить в силу революционного экстаза и решает опираться на поступательный ход, обусловленный указаниями опыта. В этом отношении чрезвычайно характерна речь Ленина на IX с'езде представителей коммунистической партии в апреле 1920 г. (цит. по стенограф. отчету с'езда):

«Советская система, в которой мы, создавая ее в октябре, следовали заветам 1905 года и которую разрабатывали собственным опытом, оказалась всемирным и историческим явлением»...

«Эта система позволила русской революции, в отличие от прежних революций, освободиться отъ утопизма. Но такое освобождение от утопизма и желание следовать практическим указаниям одного опыта, однако, тоже не освобождали от ошибок»...

«Мы наглупили достаточно в период Смольного и около Смольного. В этом нет ничего позорного. Откуда было взять ума, когда мы в первый раз брались за новое дело! Мы пробовали так, пробовали этак. Плыли по течению, потому что нельзя было выделить элемента правильного от неправильного: на это надо время. Это прошлое, когда царил хаос и энтузиазм, ушло... и остается опыт».

Итак, к чему сводятся основные положения Ленина?

Главное его утверждение касается установления переходного состояния за переживаемым сейчас Россией моментом. Этот переходный момент выражается в трех отношениях:

Во 1-х, в установлении контроля в производстве (государственное регулирование), а не в введении социализма;

во 2-х, в продолжающейся борьбе классов; чтобы уничтожить самые классы, предварительно необходимо: свергнуть господствовавшую власть капиталистов, опролетаризовать крестьянство (путем совершенствования сельско-хозяйственной техники и расслоения) и, наконец, усилить и укрепить власть самого пролетариата, как ныне господствующего класса;

в 3-х, не постепенная и медленная эволюция, но и не революционный порыв, а упорное искание опытным путем новых путей и средств к одной, уже давно определившейся, общей цели: к установлению коммунистического строя, свободного от социальных классов и социальной борьбы классов на почве связанных с этими классами материально-имущественных интересов.

Опираясь в своих стремлениях к этой, еще очень далекой цели, на опыт, как на самое верное и надежное средство, Ленин в своих ближайших планах и намерениях никогда не высказывается категорично и до конца. Он как будто всматривается в предстоящее, еще туманное для него будущее, углубляется мыслью в него, как бы пытается осязать руками окружающее его — и только в связи со всем этим он определяет свою политическую деятельность.

3. Коммунистическая партия, советы и общественно-профессиональные организации.

Складывающийся сейчас в России советско-коммунистический режим, как было сказано, представляет собою еще определенно не установившееся соотношение трех элементов — партий, советов и общественности. Это соотношение можно выразить следующей формулой: господствующая коммунистическая партия является мозгом советского строя, общественно-профессиональные союзы — источником производительных сил и производственных средств, советы — тем нервно-двигательным аппаратом, при помощи которого коммунистическая мысль претворяется в коммунистическое действие.

Остановимся ближе на анализе этой формулы.

Всякая политическая партия является прежде всего выразительницей идеи некоторого определенного социально-политического строя. Идея такого строя может черпать свое содержание в прошлом (политический романтизм или реакционизм), или в развитии и укреплении настоящего (политический либерализм), или, наконец, в стремлении создать совершенно новые социально-

политические отношения в будущем при полном коренном разрыве с прошлым и настоящим (политический радикализм).

Коммунистическая партия принадлежит к тем политическим партиям, которые разделяют идею политического радикализма. Как и некоторые другие близкие к ней партии, коммунистическая партия является выразительницей идеи нового социально-политического строя, резко противоположного современному строю. Современный капиталистический строй, признавая частное право собственности на орудия и средства производства, создает возможность экономической зависимости одних общественных классов от других. Новый коммунистический строй, отрицая частную собственность на орудия и средства производства, ставит себе целью уничтожение какой бы то ни было экономической зависимости одного класса от другого и необходимым для того средством считает обобществление орудий и средств производства и создание таким путем на место современного стихийного капиталистического народного хозяйства — общественного организованного хозяйства.

Сущность коммунистической партии, как всякой политической партии, — в установлении цели и указании общих путей к ней. Не располагая для непосредственного достижения своей цели ни организованной в форме государства принудительно-правовой властью, ни необходимым производственным аппаратом, партия вынуждена опираться на два других указанных выше элемента — на органы государственной власти и на общественно-профессиональные хозяйственные организации.

Органами государственной власти в России сейчас являются советы. До октябрьского переворота, как было указано выше, советы являлись выразителями воли «революционной демократии». Коммунистическая партия поставила себе задачей опролетаризовать «революционную демократию», т. е. сделать советы, как органы государственной власти, более однородными по составу и потому более сильными в проведении в жизнь самой идеи коммунистического строя. Этим путем советы превратились в подчиненные партии органы власти; задача советов сводилась к конкретному осуществлению не только общей идеи, выдвигаемой коммунистической партией, но и тех средств, которые вырабатывались партией для достижения ею своих общих целей. Отсюда взаимоотношения между партией и советами были вполне определенны: партия проверяла и санкционировала действия советов, поскольку эти действия соответствовали партийным требованиям; советы, в свою очередь, стремились лишь к тому, чтобы наилучшим образом практически осуществлять требования коммунистической партии.

Единая политическая партия и подчиненная ей единая государственная власть должны были выражать собою господство единого общественного класса — «диктатуры пролетариата».

Итак, коммунистическая цель должна быть достигнута освободившимся рабочим классом путем захвата им государственной власти. Таково было идеологическое задание творцов октябрьского переворота. Но, столкнувшись с фактическими условиями окружающей русской действительности, это задание встретило на пути своего разрешения чрезвычайно серьезные затруднения. Эти затруднения обусловлены тем, что ни коммунистическая партия со своей идеологией, ни советы со своим принудительным властвованием, не в состоянии были до сих пор подчинить своим требованиям сложившиеся в стране общественно-производственные отношения.

Как идея без власти представляется мертвой идеей, а власть без идеи становится слепой властью, так идея без живой конкретной действительности превращается в отвлеченный фантом, а власть, не опирающаяся на живую творческую активность общества, вырождается в простую механическую силу.

Это, столь самое по себе ясное и очевидное положение, определяет собою третий из установленных выше элементов сложившегося в России советско-коммунистического строя, а именно, элемент, выражающий наличность совершенно иных производственных отношений, чем те, на какие рассчитывали члены коммунистической партии при овладении ими государственной властью.

Производственные отношения складывались у нас до октябрьского переворота под воздействием трех категорий сил: из представителей частного капитала, в лице промышленно-торговых предпринимателей и помещиков, из не успевшего еще окончательно опролетаризироваться самого по себе немногочисленного рабочего класса и из огромной преобладающей массы мелких землевладельцев и полусельских кустарно-промысловых ремесленников.

За время господства советской власти из прежних трех категорий сил, определявших собою производственные отношения

страны, прежде всего исчез класс собственников земли и орудий производства, т. е. крупных капиталистов. Самый их капитал был частью уничтожен и расхищен, частью переведен за-границу, главным образом, в форме бумажных ценностей и организационных сил. Оставшиеся в стране организационные силы капитала подчинились советской власти, но с нею органически не слились; они представляют собою пассивную оппозицию по отношению к утвердившейся советской власти, — имея собственную партийно-политическую идеологию и не отказываясь совершенно от мысли современем принять непосредственное активное участие в управлении страной для осуществления своих попранных советской властью имущественных и социально-политических интересов.

Затем значительно изменился в своей численности и в самой структуре промышленный рабочий класс. Из него исчез весь тот элемент, который еще до последнего времени не потерял своей связи с землей и своей тяги к деревне. Воспользовавшись вынужденным сокращением производства и тяжелым положением городского продовольствования, этот элемент возвратился в деревню и осел там или в сельском хозяйстве, или в промысловом кустарничестве. В связи с этим, в промышленном рабочем классе впервые могло образоваться более плотное ядро чисто промышленного пролетариата, порвавшего окончательно свою связь с деревней и зависимого всецело от промышленности. Эта более тесная связь с промышленностью пробудила в рабочем классе ясное сознание общности интересов прежде всего в сфере производственных условий страны. Под воздействием дисциплинирующих идей политических партий значительно возросла рабочая профессиональная организация и, осознав свою силу, эта организация вступила в конфликт, как с господствующей коммунистической партией, так и с господствующей советской властью.

Наконец, что касается третьей из указанных выше категории сил, влиявших на исторически сложившиеся прозводственные отношения в России, т. е. широкой массы сельского люда, то он прежде всего значительно возрос в своей численности, вобрав в себя всех ушедших из промышленных центров. Затем в результате борьбы деревенской бедноты с более состоятельными элементами деревни, а с другой стороны, вследствие захвата помещичьих земель и сельско-хозяйственного инвентаря, эта широкая масса сельского люда стала более однородной в имущественном отношении, представляя самый многочисленный в стране класс мелких самостоятельных производителей сырья и предметов сельского обихода.

Образуя собою в настоящее время главнейший элемент в существующих в стране производственных отношениях, эта широкая масса сельского люда, однако, до сих пор остается совершенно чуждой по отношению к дисциплинирующей идее какой бы то ни было политической партии; неорганизованная политически и далекая от государственной власти, она проявляет себя в стихийных выступлениях, руководясь смутным сознанием своих непосредственных имущественно-производственных интересов, являясь слепым орудием всякой сколько нибудь организованной и вооруженной власти и становясь безответственной жертвой внутренней смуты.

До октябрьского переворота деревня живо откликнулась на зарождавшееся в сельском хозяйстве кооперативное движение. Кооперация, как потребительская, так, в особенности, кредитно-производительная, явилась первым сколько-нибудь значительным организующим началом в сфере непосредственных хозяйственных интересов сельского населения. Вокруг кооперации постепенно стал образовываться центр из наиболее хозяйственных элементов деревни. Эти элементы не особенно гнались за захватом помещичьей земли и относились положительно к завоеваниям революции лишь с точки зрения обезпечения демократических свобод и прежде всего своей едва начавшейся общественно-трудовой организации. Октябрьский переворот, выдвинувший в деревне на первое место крестьянскую бедноту (малоземельных и батраков), начавшую борьбу не только с деревенскими кулаками, но со всяким хозяйственным крестьянином, не мог прийтись по душе этим элементам; и ни коммунистическая партия, ни советская власть, не в состоянии были до сих пор побороть недоверие и неприязнь к ним со стороны этой широкой массы сельского люда. И перед коммунистической советской властью во весь свой угрожающий рост стал неожиданно «крестьянский вопрос»; но не в смысле аграрной политики, которая сама собою уже разрешилась революционной сельской массой в смысле раздела помещичьих земель, а в смысле признания за этой сельской массой права на свое свободное политическое самоопределение, как особого общественного класса, и на участие в осуществлении завоеванной революцией государственной власти.

Представители частного капитала, рабочий класс и крестьянство образуют в своей совокупности тот третий элемент «общественности», с которыми еще до сих пор не удалось прийти к соглашению ни коммунистической партии, ни советской власти.

В первый, боевой, момент захвата государственной власти — советская власть, инспирируемая коммунистической партией, выдвинула своим лозунгом «огосударствовление» всех общественно-хозяйственных и профессиональных рабочих организаций. Этот лозунг нашел себе частичное практическое осуществление только по отношению к кооперации (декрет от 12 апреля 1918 г.). Что касается рабочих профессиональных союзов, то тут советская власть встретилась с более сильной оппозицией. Из столкновения советской власти с рабочими с'ездами родился принципиальный спор среди самих членов коммунистической партии, создавший два диаметрально противоположных течения: одно с прежним лозунгом «огосударствовления союзов», другое с прямо противоположной тенденцией, как говорят их критики, «осоюзить государство».

В настоящее время, вследствие общей скудости печатного материала, трудно ознакомиться сколько-нибудь полно с обоснованием второго из указанных течений, имеющего будто, по отзыву его критиков — «синдикалистский» характер. Значительно определеннее выступает первое течение с лозунгом «огосударствовления». Одно время это течение приняло весьма резкий и острый характер; но затем жизненные требования значительно смягчили резкость и остроту, но по существу вопрос остается не решенным и по настоящее время.

Резкими выразителями тенденции огосударствовления рабочих союзов выступали Троцкий (Бронштейн), Рыков и целый ряд других видных коммунистов.

В «рабочем государстве», по мнению Троцкого, профессиональная организация труда «может иметь только производственную основу и цель». В современном состоянии народного хозяйства «переходного времени» выдвигаются совершенно иные требования к производству, чем какие выдвигаются при капиталистическом хозяйственном строе, родившем и воспитавшем профессиональное рабочее движение. Современные профессиональные союзы не соответствуют по своему характеру и по своим тенденциям современным производственным заданиям; вследствие такого несоответствия, профессиональные союзы при нынешнем своем состоянии не могут стать руководителями соответствующих производств. Отсюда основной задачей Троцкий считает «необходимость перегруппировки, перестройки и перевоспитания профсоюзов и соответствии с задачей организации производства». Практически эта задача может быть достигнута тем, что профессиональные рабочие союзы превращаются в «производственные» союзы, правления которых превращаются в административно-хозяйственные органы, ведающие всей организацией промышленного производства и потому снабженные для того в соответствующей степени принудительной государственной властью. Но и этого еще не достаточно. В виду переживаемого страной полного хозяйственного краха, могут оказаться необходимыми особые меры для насаждения и поднятия производства в стране; и Троцкий решается перенести весь свой воинственный пыл с армии на рабочих и прямо требует, наряду с огосударствовлением профессиональных союзов, еще и милитаризации рабочей силы. В своей речи на IX с'езде коммунистической партии он развивал мысль, что основою новой организации труда должна служить «милитаризация», проводимая в промышленности через огосударствленные профессиональные союзы, а в деревне — так прямо через военные органы, по примеру войсковой службы.

Это течение поддерживается и другим видным коммунистом — Рыковым, заявлявшим на том же с'езде, что «профессиональные союзы у нас плохи и слабы... и целый ряд работников из среды самих профессиональных союзов год тому назад выступал за огосударствовление профессиональных союзов, ибо для нас необходимо, чтобы профессиональные союзы являлись организацией пролетарской дисциплины, пользующегося методом государственного принуждения... профессиональные союзы должны быть не только организациями, обеспечивающими экономические задания, но дающими стальной хребет для всех наших мероприятий»... и потому Рыков «настаивал», чтобы профессиональные союзы уже «теперь были бы огосударствовлены».

Основной смысл этого «левого» течения «большевизма» сводится к сознанию факта не достаточной пролетаризованности профессиональных союзов и недостаточного проникновения в их среду коммунистических воззрений. В огосударствовлении рабочих союзов защитники этого течения видят средство достижения пролетаризации и коммунизации рабочих, а с ними и

прочих элементов профессионально-общественных об'единений (кооперации).

Противники огосударствовления профессиональных союзов прежде всего указывают на невозможность фактического проведения этой меры в жизнь, в силу охватывающей со всех сторон «мелко-буржуазной стихии» (Каменев), в силу невозможности одновременно «стремиться к вовлечению новых пролетарских элементов в сферу деятельности союзов», и — к огосударствовлению этих последних; при этом как огосударствить организации, в которых насчитывается $3^1/_2$ миллиона членов, через партию, в которой числится едва полмиллиона членов (Томский)? По этому поводу часто цитируются слова Ленина: «мы тогда огосударствим профессиональные союзы, когда в них будет два миллиона коммунистов; до этого союзы должны пройти ту предварительную стадию, которую они сейчас выполняют». Столкновение мнений за и против огосударствления рабочих профессиональных союзов, а с ними и других общественно-хозяйственных (кооперативных) организаций, как было указано выше, имеет под собою весьма широкую принципиальную основу, таящуюся в общей проблеме государства и общества, права и хозяйства. Коммунисты не только не пытаются уяснить себе эту проблему, но сознательно от нее отворачиваются, не разрешая вопроса, а отстраняя его, — даже в форме постановлений Центрального Комитета Коммунистической Партии. Так, на IX с'езде (в апреле 1920 г.) один из принятых на нем тезисов гласит: «политика есть самое концентрированное выражение экономики, ее обобщение и завершение; поэтому ... противопоставлять политику (т. е. государственность, Г. III.) экономике (т. е. хозяйству, Г. III.) нелепо и является уклоном от марксизма». Но отвлеченные проблемы едва ли приобретают что-либо в своем содержании, когда решение их подвергается голосованию и даже когда это решение принимается единогласно. Доказательством этого может служить, между прочим, мнение одного из коммунистов (Лозовского), пытающегося указать на более широкие перспективы, раскрывающиеся в связи с этой проблемой перед самой коммунистической партией.

Выступая на том же IX-м с'езде партии, Лозовский прежде всего оспаривает положение об иерархии, будто «на верху — партия, потом ниже — советы, а еще ниже — профессиональные союзы». Принимая, как коммунист, требование подчинения союзов партии, он категорически высказывается против того, чтобы союзы всегда и при всяких условиях подчинялись советам. Совет — нечто переходящее, меняющееся в зависимости от исторических условий ... Диктатура пролетариата — определенная государственная форма переходного времени, государственная организация рабочего класса, различные проявления которой по мере придвижения нашего к коммунизму, отмирают ... все признаки государственности должны постепенно отмирать. Отомрут советы, как органы административной власти, и на первое место будут выдвигаться хозяйственные функции советов, их экономические щупальцы — местные советы народного хозяйства. В связи с этим профессиональные союзы выдвигаются на первую очередь, как организаторы труда и производства. Все специальные функции этих трех организаций — политическая, административная и узко-профессиональная — отомрут, и создастся в развернутом социалистическом строе какая-то новая форма, новая организация, которая явится синтезом этих трех, проникнутых духом коммунизма, организаций ... Отсюда Лозовский переходит к тому заключению, что «огосударствовление и вся построенная на этом теория не верны; не верны самая постановка вопроса и подход к нему, поскольку не принимается во внимание тенденция развития ... — отмирания государственности, как таковой.

Вполне последовательно вытекающая из самого понятия коммунизма, как обобществленного народного хозяйства, концепция Лозовского остается однако далеко непонятою другими коммунистами. И самая партия в лице своего Исполнительного Комитета проходит мимо этого положения. Сосредоточивая свое внимание на борьбе с «синдикалистскими» течениями, партия видит перед собою дилемму: или подчинение союзов государству, или государства союзам — и настаивает на первом, игнорируя самую сущность проблемы.

4. Диктатура пролетариата и демократия.

Если приведенные выше взгляды Ленина на значение дифференциации сельского населения сопоставить с указанной сейчас тенденцией огосударствовления профессиональных рабочих союзов, то не трудно видеть, что сущность дела сводится к тому, чтобы оставшиеся от капиталистического строя мелко-буржуаз-

ные элементы растворить в процессе пролетаризации всех производительных сил страны.

Тут перед нами выдвигается новая весьма сложная проблема, — сложная не столько в своем отвлеченном построении, сколько в практическом своем разрешении.

Вопрос сводится к тому, что будущий коммунистический строй необходимо должен покоиться на пролетариате; но пролетариат не должен быть ни господствующим классом, ни классом вообще. Сами коммунисты приходят к тому, что будущий общественный строй в основании своем будет иметь не господство или диктатуру пролетариата, а *демократию*. Но не современную «демократию», смешанную из пестрых элементов различных враждебных, антагонистических партийно-политических течений, но демократию рабочую, или *опролетаризированную*, единую по существу, сплоченную общим социально-политическим миропониманием, нераздираемую современными противоречивыми интересами отдельных классов.

Но что такое пролетариат? И каким путем демократия становится опролетаризированной?

Под пролетариатом, конечно, нельзя понимать просто рабочий класс, т. е. группу лиц, выступающих в производственном процессе без собственных орудий и средств производства. Пролетариат — понятие более широкое.

Подобно тому, как Маркс под капиталом понимал не простую совокупность средств и орудий производства, а целый общественный строй, обусловленный особыми производственными отношениями, покоющимися на праве частной собственности на орудия и средства производства; подобно этому и под пролетариатом необходимо понимать совокупность новых производственных отношений, определяющих собой такой общественный строй, в котором рабочий класс не противопоставляется классу капиталистов, и, в котором не может быть места какой бы то ни было экономической зависимости одной группы общества от другой общественной группы или класса. Другими словами, для того, чтобы рабочий класс мог опролетаризироваться, а с ним и демократия могла стать опролетаризированной демократией, необходимо, чтобы рабочий класс, а с ним и все общество, *прониклось новым миропониманием* на складывающиеся в обществе производственные отношения, в которых не может быть места экономической зависимости, в какой бы то ни было форме.

Как рабочий класс является категорией капиталистического строя, так пролетариат является категорией строя социалистического.

Если от этого общего построения мы обратимся к фактическому положению вещей, то мы прежде всего сталкиваемся с тем обстоятельством, что провозглашенная в России «диктатура пролетариата» и идейно, и фактически опирается на весьма малую часть трудового населения: коммунистическая партия насчитывает всего только 600 тысяч членов, что по отношению ко всему трудовому населению России составляет совершенно ничтожную долю; и даже по отношению к рабочему классу, занятому в промышленности и транспорте, партийно-коммунистический «пролетариат» составляет, по подсчету самих членов партии, едва лишь одну седьмую часть.

Но быть может это только начало? и в будущем коммунистической партии удастся настолько развить свою деятельность, что если не все трудовое население, то значительная его часть войдет в состав коммунистической партии и с нею сольется? Но что такое партия? и в состоянии ли коммунистическая партия или какая либо политическая партия, вообще, претендовать на подчинение всего общества одной своей программе? И может ли и хочет ли этого коммунистическая партия в Советской России?

Остановимся несколько на фактическом состоянии этой ныне господствующей политической партии в России.

Коммунистическая партия, названная этим именем по предложению Ленина в 1917 году, как известно, представляет собой «большевистское» крыло, отделившееся в 1903 году от существовавшей с 90-х годов прежде единой Российской Социальдемократической Рабочей Партии. Образовавшись, следовательно, еще совершенно недавно, коммунистическая партия до последнего времени была поглощена всецело борьбой за активное участие в осуществлении государственной власти. На эту борьбу уходили почти все живые силы партийных работников и вопросы о более широком содержании партийных лозунгов, как и самый вопрос о внутреннем строении партии, оставались до последнего времени совершенно в стороне. Сами члены партии указывают на то, что «оформленное строительство» партии едва лишь намечено в последние два года и поэтому оно представляется еще далеко не завершенным.

Так, созванные весной 1917 года конференция и VI-ой с'езд

коммунистической партии, по словам ее членов, «происходили в условиях почти нелегальных», так что на них даже и не ставилось вопросов организационных, в смысле строительства партии; тогда выдвигалась в первую очередь задача чисто тактического характера — завоевание власти пролетариатом. Только со времени «октябрьского переворота», который коренным образом изменил положение партии и самые ее задачи, который сделал эту партию господствующей, руководящей всем центральным административным аппаратом, который дал в руки партии недоставшие ей до тех пор средства, как материальные, так и технические, только этот переворот поставил впервые перед партией вопрос об ее соответствующей организации, как партии пролетариата, ставшего у власти. Но поставленный перед партией вопрос не получил тогда себе разрешения. И следующий с'езд (VII-й) в марте 1918 г. не мог заняться этим вопросом, так как он был созван для решения вопроса о Брестском мире и кончился полурасколом партии. В виду этого последнего обстоятельства, после с'езда пришлось еще сначала бороться за идейное об'единение всех членов партии. Только в промежуток между VII и VIII с'ездом, т. е. в течение всего 1918 и начала 1919 года определилось конституционное строительство самой советской власти и перед партией стали отчетливее вырисовываться задачи руководства этой «конституционно-устроенной» советской Россией. Таким образом если самая партия находится еще в процессе своего образования, то само собой понятно, что можно ожидать значительных изменений не только в ее тактических приемах, но и в самой ее программе. Это отчетливо сознают и сами руководители партии. Так, на X с'езде коммунистической партии (весной 1921 г.) Ленин в своей речи прямо заявил: «трезво учитывая производственные отношения, мы заявляем о готовности нашей пересмотреть политику и видоизменить даже ее, ибо мы в первый раз в истории, в течение нескольких лет, предприняли дело создания основ социалистического общества, основ пролетарского государства».

О соотношении между коммунистической партией и рабочим классом, мы находим в трудах Ленина следующие весьма интересные замечания (см. его ««Детская болезнь «левизны» в коммунизме»», 1920 г., стр. 35 и сл.):

«Диктатуру осуществляет организованный в советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков, имеющая по данным последнего партийного с'езда (апрель 1920 г.) 611 тысяч членов. Число членов (партии) колебалось и до октябрьской революции и после нее очень сильно; и прежде (оно) было значительно меньше, даже в 1918 и в 1919 годах. Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы...»

Партией, собирающей ежегодные с'езды (по одному делегату от 1000 членов) руководит выбранный на с'езде Центральный Комитет (Цека), состоящий из 19 членов. Но вся текущая работа в центре (в Москве) ведется двумя более узкими коллегиями: организационным бюро (оргбюро) и политическим бюро (политбюро), личный состав которых избирается на пленарных заседаниях Цека в числе 5 членов в каждое бюро.

Значение Цека огромно: «ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии».

Коммунистическая партия непосредственно опирается в своей работе на профессиональные рабочие союзы, которые к весне 1920 г. насчитывали в своем составе свыше 4 миллионов членов. Но преобладающее большинство членов профессиональных союзов формально считают себя «беспартийными». Тем не менее, фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно, обще-профессиональный всероссийский центральный орган (ВЦСПС) — состоят из коммунистов и проводят в жизнь директивы партии.

«Получается, по выражению Ленина, в общем и целом формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса»...

Сами коммунисты, однако, не могут не признать, что при указанном соотношении числа членов партии (600 тыс. чел.) и числа членов профессиональных союзов (ок. 4 милл. чел.) связь партии не только с «массой», но и с «классом» является далеко не прочной; и, поэтому, советская власть вынуждена допустить на личность «демократических учреждений» в лице беспартийных рабочих и крестьянских конференций. Но, допуская наличность этих организаций, советская власть стремится использовать их в своих

целях. Так, по словам Ленина, «через эти демократические с'езды, а равно и через постоянные командировки сознательных рабочих на всякие должности в деревню осуществляется руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству»... Существование таких демократических с'ездов и конференций облегчают советской власти следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из них лучших работников на государственные должности»...

По существу и сами советы, как органы государственной власти, являются «демократическими учреждениями», так как они об'единяют трудящиеся массы без различия профессий и партий. Но фактически через советы идет вся работа коммунистической партии и, по признанию самого Ленина, «за ними, как демократическими учреждениями, устанавливается самая внимательная слежка».

Если фактически связь коммунистической партии с рабочим классом еще не достаточно крепка, то такое укрепление связи партии не только с классом, но и с массой ставится, как одна из ближайших и насущнейших задач партийной деятельности.

«Мы не делаем разницы, говорил один из коммунистов на IX с'езде партии в апреле 1920 г., между коммунистами рабочими и не рабочими (т. е. интеллигенцией! Г. Ш.), мы расцениваем товарищей (т. е. членов коммунистической партии, Г. Ш.) по их удельному весу, партийному стажу и индивидуальной ценности. Но в то же время мы понимаем, что главное ядро нашей партии — рабочие. Руководившая прежде интеллигентская часть партии представляет из себя ничтожное меньшинство, притом достаточно выбитое и истрепанное... Вся задача работы партии со времени VII с'езда (1918) была направлена к тому, чтобы, в виду того, что верхний слой пролетариата, который делал октябрьскую революцию, и интеллигентская часть нашей партии износились, поумирали, повыбиты на фронтах, нужно было выдвинуть новый слой рабочих, которые могли бы на свои свежие плечи принять эту работу, с которой трудно стало справляться тонкому слою прежних руководителей». Путями к «орабочению» партии, по мнению оратора, являются: партийная неделя (пропаганда), беспартийные конференции, постоянное втягивание крестьян — средняков, работниц и крестьянок. «Но, оговаривается оратор, не нужно делать это орабочение фетишем, не нужно понимать это орабочение, как понимали его махаевцы (выступавшие враждебно по

отношению к интеллигенции, Г. Ш.). Мы против махаевщины боролись и будем бороться». (Из стенограф. отчета с'езда, стр. 35 и сл.)

Сопоставляя приведенные замечания, в особенности, замечания Ленина, являющегося в настоящее время не только фактическим главою советской власти в России, но — что в данном случае для нас еще более важно — крупнейшим идеологом советско-коммунистического режима, мы должны признать две особенности, которыми характеризуется современная, несомненно, переходная стадия советского режима.

Во 1-х, этот режим представляет собою не столько «диктатуру пролетариата», сколько *диктатуру (коммунистической) партии*», или «диктатуру коммунистического пролетариата», и

во 2-х, неизбежно связанные с этим узко — партийные односторонность, пристрастность, исключительность и т. д., должны будут исчезнуть по мере того, как с уничтожением всех «контрреволюционных» попыток станут в стране укрепляться не только указанные выше «демократические учреждения», но и самые *демократические принципы*, обезпечивающие за всяким членом советско-коммунистического единения свободу совести, убеждения и личного самоопределения.

Уже в настоящее время можно наблюдать в жизни советской России вполне определенные тенденции к переходу от современной диктатуры коммунистических партий, через, быть может, настоящую диктатуру пролетариата к диктатуре или, вообще, к господству демократии. Так, весьма симптоматичным представляется следующее признание коммуниста А. Кантынь в «Экономической Жизни» (от 29 декабря 1920 г. № 294): «Мы на опыте отыскиваем те или иные формы втягивания рабочей массы, от самых демократических до самых милитаристических, но они пока не дали желательного эффекта. Мы не проанализировали еще со всей тщательностью самого вопроса о формах пролетарской диктатуры и не дали должного отчета на поставленный всем ходом нашей революции вопрос. Мы совершаем колебания от всеобщего демократизма первых февральских дней до крайних пределов диктаторского начала в жесточайшие моменты гражданской войны, от стихийного централизма в первой половине 1918 года до мертвящего бюрократического централизма... От этих крайних форм надо, наконец, перейти к действительно отвечающим переходной эпохе формам пролетарской диктатуры,

опирающейся на свободную волю и самодеятельность миллионов сознательных трудящихся»...

Еще определеннее высказывается по этому поводу видный коммунист Зиновьев в своей речи на VIII с'езде советов в декабре 1920 года:

«Когда нас спрашивают, что мы понимаем под рабоче-крестьянской демократией, я говорю, что ничего другого кроме того, что понимали о ней в 1917 г. Во время войны мы жертвовали демократизмом в рабоче-крестьянской среде. Теперь нам надо восстановить выборность рабочей и крестьянской демократии. Нужно понять, что если мы до сих пор (одни) занимали наши организации, если мы отказывались от элементарнейших демократических прав рабочих и крестьян, то теперь с этим нужно покончить. Теперь никто не должен ставить себя в такое недостойное положение, когда его за волосы притягивают рабочие и крестьяне признавать рабоче-крестьянскую демократию. Мы должны идти впереди и первые указать путь народу. Мы должны сказать, что когда наступить момент, мы введем демократизм гораздо более, чем раньше».

Но что же понимать под истинным демократизмом и почему в период борьбы за власть приверженцы советско-коммунистического строя временно должны были отказаться от демократических принципов?

По этому вопросу уже накопилось множество недоразумений; по нему имеется уже обширнейшая литература и потому сколько нибудь полное освещение этого вопроса выходит далеко за намеченные пределы настоящего исследования. Ограничимся здесь лишь указанием на самое существенное в этой проблеме, как она выдвигается русским социально-политическим опытом.

Демократия, или русское выражение «народовластие», противопоставляется автократии или абсолютизму; в своем процессе исторического развития демократия пережила две различные формы: во 1-х, форму непосредственных народных собраний, еще сохранившихся до настоящего времени в некоторых кантонах Швейцарии или в наших сельских сходах; и, во 2-х, форму представительных учреждений — государственных законодательных учреждений (парламентов) и местных органов самоуправления. На этой второй стадии своего развития демократия, или народовластие, переживает критический момент раздробленности нации в нескончаемом процессе образования и распадения

множества политических партий на почве все более отчетливо выкристаллизовывающихся классовых интересов труда и капитала. Долгое время эта стадия разнопартийной и разноклассовой демократии характеризуется господством одного класса представителей интересов капитала и связанных с этими интересами политических партий; и прежняя непосредственная демократия уступает место демократии «капиталистической», т. е. за народом признается право на власть только принципиально, но фактически у власти стоят одни только представители интересов капитала (как собственники орудий и средств производства). С ростом пролетариата (т. е. класса наемных рабочих и необеспеченных собственными орудиями и средствами производства крестьян) и с обострением классовых интересов наступает борьба за власть, при которой не только фактически, но и юридически отменяются «демократические свободы» (собраний, слова, передвижения и др.). Когда власть, наконец, попадает в руки одной партии или класса в форме «революционного пролетариата», естественно, в целях самозащиты, устанавливается «диктатура пролетариата», отменяющая на все время борьбы все «демократические свободы». Но вот, борьба кончается, власть нового господствующего класса (пролетариата) укрепляется и сам собою выдвигается вопрос о восстановлении демократических принципов:

Но каких принципов? — И в каком об'еме?

Прежде всего при установившемся новом советско-коммунистическом строе демократические принципы должны будут являться ограниченными в такой же степени, как они ограничивались при демократии, не только в ее представительной парламентарной форме, но и в ее форме непосредственных народных собраний, а именно: господство демократических принципов обусловливается признанием данного общественно-государственного строя; в противном случае нормальное течение демократической жизни уступает место революционной вспышке или революции вообще. Отсюда само собою вытекает условие, при котором представители советской власти сочтут для себя возможным восстановить «демократические свободы»; это условие — признание установленного ими в России нового режима — советско-коммунистического государственного строя.

Затем, надо иметь в виду, что главным основанием для раздробления нации на отдельные враждебные друг другу полити-

ческие партии раньше служила классовая борьба между представителями интересов труда и капитала; с уничтожением же частной собственности на орудия и средства производства, с установлением на место капиталистического строя нового социально-экономического уклада жизни уничтожается самая основа для борьбы классов, а с ней и главное основание для раздробления нации или общества на враждующие между собой политические партии. Это не значит, что всякое свободное выражение политических убеждений будет воспрещаться или преследоваться, а это значит, что из политической борьбы будет вынут тот яд, который превращал демократию в систему односторонней капиталистической эксплоатации; против этой эксплоатации, естественно, возникала борьба во всевозможных видах — от забастовки до восстаний и революции. С уничтожением этого яда, борьба политических партий, как столкновение антагонистических интересов, превратится сама собою в столкновение различных мнений, направленных по существу к одной общей цели, — не личной и не классовой, а обще-национальной или даже общечеловеческой, общественной.

Короче говоря, для восстановления демократии необходимо, чтобы эта демократия могла стать однородной по отношению к существу социально-экономического строя; другими словами, чтобы не было партий, направленных к подрыву этого строя; а для этого необходимо, чтобы демократия из разнопартийной и разноклассовой превратилась в демократию о п р о л е т а р и з о в а н н у ю, т. е. проникнутую верой в новый социалистический строй. Без этого основного условия у сторонников этого строя, — к которым могут принадлежать отнюдь не одни только члены коммунистической партии — не может быть никакой уверенности в том, что восстановление «демократических свобод» не будет использовано в реставрационных и реакционных целях с уничтожением всех так дорого стоивших народу завоеваний революции!

Таким образом, восстановление «демократических свобод» в России предполагает прежде всего разрешение более общего вопроса: о какой демократии может идти речь?

С момента наступления классовой борьбы все общество расчленяется на два резко отличных и антагонистических течения: сторонниками одного течения являются все те, интересы которых совпадают с сохранением и укреплением существующего

ныне повсюду социально-экономического строя, т. е. капиталистического, покоющегося на частной собственности по отношению к орудиям и средствам производства — с допущением всяких дальнейших частичных реформ и улучшений. Сторонниками другого социально-политического течения являются все те, интересы которых не совпадают с установившимся порядком вещей и ему противоположны; они отрицают этот социально-экономический строй во имя иного строя, в котором не будет существовать привилегированных классов с их частной собственностью на орудия производства, т. е. строя социалистического. Оба эти течения одинаково могут опираться на признание народоправства, или демократии; но с расчленением классовых интересов одна демократия будет по существу капиталистическо-буржуазной, другая — социалистическо-пролетарской.

Само собою очевидно, что с уничтожением права частной собственности на орудия и средства производства, т. е. с провозглашением начал социалистического строя в России, должны восторжествовать принципы не западно-европейской многоклассовой и многопартийной капиталистическо-буржуазной демократии с соответствующей ей парламентской системой государственного устройства, а принципы новой социалистическо-пролетарской демократии с ее стремлениями уничтожить самую основу для раздирания общества на классы и, с соответствующими этому стремлению, новыми началами социалистического устройства общества.

Между этими двумя видами демократии не может быть никакого соглашения или компромиссов; они по существу различны в той же степени, как были когда то различны два основных миропонимания — нового христианского и старого языческого. Тот, кто исповедует первое миропонимание, органически не в состоянии воспринять в себе начала другого миропонимания.

5. В чем выход?

В тесной связи с тем или иным видом демократии, под воздействием того или другого общего социально-экономического миропонимания, стоит общий вопрос о современной социально-политической группировке в России и о возможности какой бы то ни было совместной деятельности отдельных политических партий в деле достижения демократических начал в складывающемся в России новом социально-политическом строе.

Политическая партия, по всеобщему современному признанию, является одним из самых свободных групповых об'единений в обществе. Образование партий обусловлено совместными интересами некоторых общественных групп — классовыми, профессиональными, исповедными и др. Внешним выражением общности этих интересов является политическая программа партии; иногда этой программе предшествует политическая платформа с ее боевыми лозунгами и девизами. Платформа — более живое и более непосредственное отражение быстро меняющейся социально-политической действительности. Но и программы политических партий необходимо подвергаются пересмотру и изменению в связи с достижением тех или других программных задач или с отказом от задач, несоответствующих целесообразным требованиям переживаемого социально-политического момента.

В зависимости от исторического развития материальной и духовной культуры страны, во всяком обществе в различное время складываются разные, свои особенные, партийно-политические группировки. Обыкновенно какая либо более крупная группа образует политическую партию в собственном смысле слова, затем она легко может распадаться и тогда рядом с ней могут существовать более мелкие партийные образования, под именованием «фракции», «крыла», «секции» и т. д.

Эта терминология социально-политических группировок создается в связи с возникновением представительных государственных учреждений, в особенности парламента. Образование таких учреждений является конститутивным моментом в истории развития политических партий. Смутные и слабые общественные течения начинают впервые формироваться в определенные, сильные политические партии только тогда, когда перед обществом открывается возможность признанного за ним участия в осуществлении функций государственной власти.

Но в такие исторические моменты, когда представители отдельных общественных течений не имеют доступа к осуществлению общегосударственных функций, политические партии получают совершенно иной, по существу им чуждый характер: вместо отражения насущных потребностей живой действительности, партия становится выражением общих, отвлеченных и, иногда очень далеких от жизни, социально-политических концепций; и из наиболее свободной формы человеческого общения, партия легко превращается в политическую секту, члены которой, потеряв связь с действительностью, всем своим существом предаются служению не живому общественному делу, а выполнению иногда только буквы своей мертвой партийной догматики. Из живого свободно-активного отражения вечно меняющейся окружающей действительности партии при таких условиях легко превращаются в узкие секты — или привиллегированных господ, или преследуемых рабов. Такое извращение политических партий еще до сих пор не изжито в России.

Если не считать периода дворцовых переворотов XVIII века с их узкими интересами перемены лиц на троне и если не углубляться в еще более отдаленную от нас старину боярских дум, то впервые партийную группировку русского общества можно отметить лишь в начале XIX века. Сначала мы имеем зарождение партийных разногласий еще в Екатерининских законодательных комиссиях. Эти социально-политическия разногласия перешли в общественное движение, подготовившее Декабрьское восстание 1825 г. Не смотря на внешность старой традиции — перемены лица на троне — это движение по существу являлось первой открытой революционной вспышкой, обнаружившей два основных течения в радикальной части тогдашнего русского общества: более умеренное государственно-конституционное течение на Севере (во главе с Муравьевым) и более радикальное течение социально-правового переустройства на Юге (во главе с Пестелем). Подавленный и задушенный безпощадной царской властью, радикальный элемент на время уступил место более умеренным течениям, разбившим русское общество на консервативно настроенных славянофилов и либеральных западников. На этой почве позже развились и чисто радикальные политические течения: славянский анархизм Бакунина и западно-европейский социализм Герцена. В связи с реформами 60-х годов, со второй половины 19 века, умеренные течения резко отмежевываются от радикальных по вопросу о поддержании и развитии современного капиталистического строя и о крушении его для перехода к социализму. Так образовались две основные группы политических партий: либерально-конституционных и социалистических. С насаждением и развитием капитализма в России социалистические партии разбились, выдвинув каждая свое особое социально-политическое мировоззрение — народническое (во главе с Чернышевским и Михайловским) и марксистское во главе с русскими последователями К. Маркса. Так образовалась партия

социалистов-революционеров и вышеупомянутая социаль-демократическая рабочая партия, выделившая из себя более крайнее крыло «большевиков», принявших для себя новое наименование «российской коммунистической партии».

В силу вышеуказанных общественных течений в настоящее время в русском обществе можно отметить сохранившимися три главнейшие партийно-политические группировки, различающиеся не столько программами, по которым каждая из групп в дальнейшем расчленяется на ряд более мелких группировок, сколько общим социально-политическим мировоззрением. Надо заметить, что в силу недифференцированности у нас чисто политической жизни от социальной в широком ее значении, политическо-партийная группировка у нас с самого начала приняла характер общего миропонимания и почти религиозного умонастроения. Этим политическая жизнь в России и выдвинутые ею политические партии еще и до сих пор резко отличаются от партий в Западной Европе.

Одной из главнейших партийно-политических группировок в России является буржуазно-демократическая группировка. Она в настоящее время состоит из остатков различных прежних либеральных и консервативных течений. Она играет роль консервативно-реакционной партии, выдвигающей на своем знамени возвращение к капиталистическому строю и к его укреплению. По тем средствам, которыми она думает достичь этого и по тем внешне-государственным формам, в которых она считает возможным облечь соответствующее экономическое содержание, эта партийно-политическая группировка расчленяется в настоящее время на целое множество мелких течений, даже еще не имеющих сколько-нибудь определенных политических программ, — от абсолютистов, мечтающих о реставрации автократии, до конституционных демократов и либералов, допускающих широкие социальные реформы.

Как для всех этих течений, так и для всей данной группы в целом, создающийся в России новый социально-политический строй чужд и неприемлем. Если этот строй укрепится и представители данной партийно-политической группировки найдут и себе место в советской системе государственной власти, то, верные своим заветам, они по необходимости займут место прежних оппозиционных радикальных партий; и по скольку в них будет находить себе отражение живая действительность борющихся

интересов, представители этой группировки могут своей критикой лишь предупреждать узость и односторонность в деятельности господствующих партий.

Наряду с этой группировкой имеется еще и другая, об'единяющая старые народнические течения; главнейшей из относящихся к этой группе партий является в настоящее время партия социалистов-революционеров, занимавшая господствующее положение в первый период революции. Эта партия с точки зрения построения своей идеологии в настоящее время переживает значительный кризис. Партия до сих пор не отказывается от обоих своих основных элементов: социализма, как цели, и революции, как средства. В этом отношении, казалось бы, партия социалистов-революционеров довольно близко подходит к партии коммунистов; но обе партии резко расходятся по своим общим воззрениями и, в частности, по вопросу о преобладающей роли промышленно-городского рабочего класса и сельского крестьянства. Идя в отрицании частной собственности на землю гораздо далее самих коммунистов, партия социалистов-революционеров считает своим основным требованием самостоятельное выступление крестьянства, не различая в нем следов позднейшего расслоения. Крестьянству, как таковому, по мнению с-р., должна принадлежать руководящая роль в управлении страной, хотя бы уже в силу одного численного его преобладания над всеми прочими категориями населения. Таким образом, на место господства промышленного пролетариата с-р. готовы требовать господства крестьян и на место диктатуры пролетариата требуют крестьянскую демократию. В какой конкретной форме могла бы проявиться деятельность — по своему существу столь разнородного — крестьянства (с его отсталыми признаками сословности!) и к каким реальным последствиям могло бы привести это господство? На эти вопросы представители партии пока не дают никаких определенных ответов, сосредоточивая сейчас все свои силы на борьбе с господствующей в России коммунистической партией. В этой борьбе они по странной иронии судьбы об'единяются с представителями по существу для них противоположных партий, против которых еще недавно сами восставали. Если не считаться с чисто личными общечеловеческими свойствами и слабостями отдельных представителей и лидеров этой партии, если признать крестьянско-национальный элемент в ней до некоторой степени уже историческим пережитком, то по пере-

смотру своих партийных положений с-р. могли бы легко договориться до принятия некоторых основных общих положений с коммунистами и этим помочь последним выйти из состояния их политической изолированности, сектантской замкнутости и фанатически-узкой партийности, к которым их, естественно, привела борьба и самозащита. Залогом тому может служить тот факт, что левые с-р «интернационалисты» уже с самого начала октябрьского переворота выступают совместно с коммунистами.

О своих требованиях созыва теперь учредительного собрания со всеми его прежними партийно-классовыми раздорами и борьбой вряд ли могут серьезно думать члены партии с-р., в особенности оставшиеся в России. С другой стороны, отрицание ими исключительного господства промышленного пролетариата находит себе возможное осуществление в указанных выше демократических стремлениях самих коммунистов, вынуждаемых к этому переходом от периода милитаризации к периоду живой положительно-творческой работы по восстановлению производительных сил в России.

Еще проще, казалось бы, могло состояться слияние с коммунистической партией членов российской социаль-демократической партии (меньшевиков). В этих двух течениях русской мысли нет расхождения ни по отношению к роли промышленного пролетариата, ни по отношению и к общей цели. Раз'единяющим их моментом является признание различных путей и средств к единой и общей для них цели — перехода от капитализма к социализму.

В противоположность эсерам и коммунистам эсдеки по существу не революционеры; они сторонники социальной эволюции и считают современное состояние капитализма, в особенности, по отношению к России, еще недостигшим того развития и степени зрелости, при каких мог бы сам собою совершиться переход современного строя к социалистическому. Но вряд ли принципиально меньшевики согласились бы в ущерб социалистическим тенденциям сокрушать все попытки к коммунизму и этим искусственно поддерживать «сам собою» приближающийся к своему крушению капиталистический строй? С дальнейшим успехом социально-революционного опыта в России с.-д. меньшевики должны будут все более терять свою веру в эволюцию и признать, хотя бы post factum, революционный момент значительным фактором в процессе пересоздания господствующих социально-

экономических отношений. В противоположность с.-р. заграничные представители партии с.-д. не обнаруживают особенных тенденций к совместным выступлениям с другими указанными выше партиями против Советской России. Отсюда — если не слияние, то совместное сотрудничество членов этой партии с представителями советской власти могло бы быть — вопросом ближайшего будущего.

Наконец, ставшая ныне у власти коммунистическая партия, одна из самых юных партийно-политических образований в России. Лишенная собственной самостоятельной, строго определенной и установленной идеологии, представляя своеобразную смесь догматического учения Маркса и разрушительно-революционного порыва Бакунина, эта партия оказалась не только наиболее решительной по достижению преследуемых ею целей, но и наиболее чуткой к запросам жизни в ее настоящий «переходный» момент. Выше не раз отмечалась готовность Ленина, главы и идеолога партии, пересмотреть свои программные требования и изменить их в соответствии с меняющимися условиями действительности. С окончанием междоусобной войны и блокады, с признанием, хотя бы de facto, советской власти на Западе, условия действительности коренным образом изменились по сравнению с прежним «боевым» периодом укрепления советской власти. И такое изменение обязывает эту власть более точно определить свое отношение как к коммунистической, так и к прочим социалистическим партиям.

А именно, советская власть, как носительница идеи государственности, должна отказаться играть подчиненную и зависимую роль по отношению к какой бы то ни было отдельной политической партии; обусловливаемая в социально-политических воззрениях своих представителей господствующими в стране течениями, она не должна навязывать населению ту или иную, для нея почему либо особенно близкую, партийно-политическую идеологию и, наконец, она больше всего должна избегать того, чтобы в стране не укрепилась бы та диктатура партии, какая сама собою образовалась в результате классовой и партийно-революционной борьбы: деспотия неограниченно правящей партии вряд ли не худший вид деспотии вообще.

Итак, в чем же выход?

Русское общество или, вернее, русская интеллигенция раскололась в политическом отношении на две резко враждебные и

непримиримые части: на буржуазно-капиталистическую — с ее защитниками современного порядка вещей, господствующего в капиталистических странах мира, и на пролетарско-социалистическую, еще не успевшую сговориться об общих положениях, одинаково приемлемых для всех отдельных течений и умонастроений этой значительно более многочисленной и морально выше стоящей части русского расколовшегося общества.

Будущность советско-коммунистического режима в России, его успех и продолжительность всецело зависят от того, насколько социалистической части русской интеллигенции удастся вновь об'единиться на общей ниве культурно-политической жизни России и этим осуществить уже ныне намечающийся процесс от «диктатуры пролетариата», как исключительного господства одной партии, к демократии опролетаризированного, т. е. социалистически настроенного общества.

Можно легко допустить, что русский социалистический опыт не встретит себе поддержки в руководителях общественного мнения в самой стране, окажется преждевременным в мире современных чуждых для него отношений и будет обречен таким образом погибнуть, не достигнув поставленных им себе целей — или заглохнуть на время и уйти в самые глубокие тайники коллективного народного самосознания. Но трудно себе представить, чтобы сущность учения, выдвинутого еще задолго до русского коммунистического опыта, могла бы исчезнуть совершенно без следа по отношению к будущей борьбе общественных течений; и легче представить себе, что в случае крушения данного социалистического опыта в России не прекратится процесс новых подобных же опытов, из которых в конце концов должен будет сложиться какой-то новый, сейчас еще нам неведомый, социально-экономический порядок во всем культурном мире. Не важны частности того строя, какой сейчас складывается в России в переживаемую ею столь бурную эпоху революции и враждебного к ней отношения господствующих классов всех стран мира. Не важны даже те средства и приемы (по существу чрезмерно жестокие и грубые, «топорные» по признанию самих коммунистов), при помощи которых пытаются осуществить этот новый строй в действительности. Но важно то, что перед нами *новая идея*. Живая ли она или измышленная праздным или, быть может, болезненным воображением кучки манияков и фантазеров? Как мы можем судить об этом, не испытав этой идеи

на деле? Если это испытание требует жертв, то жертвы *уже принесены*: надо было иметь силу и мужество не допускать вовсе этого опыта; но если те, кто стоял за этот опыт, оказались значительно сильнее всех своих противников и если этот опыт уже проводится в течение четырех лет и окружающий внешний мир, несмотря на все его противодействия, оказывается бессильным — то мудро ли, честно ли, достойно ли всячески препятствовать осуществлению этого опыта и, не дожидаясь его результатов, кричать об его несостоятельности?!

И если этот опыт оказался бы даже неосуществимым при современных условиях жизни отдельных народов, то что могли бы противопоставить ему его противники? Возвращение назад? — к восстановлению в России того самого порядка вещей, который родил этот самый опыт? Где же гарантии в том, что какой либо вновь восстановленный строй с'умеет убить самую идею, а с нею и стремление к новому опыту?! . . .

Выход один и только один: итти на встречу этому опыту, приложить все старания к тому, чтобы он в переживаемую нами переходную эпоху кризиса, а может быть, и полного крушения капитализма, — стоил возможно меньше жертв, вообще, и не повлек бы за собою потери уже добытых человечеством культурных ценностей. Но, чтобы этого достичь, необходимо хорошо усвоить себе сущность, выступающих на поверхность общественного самосознания, политических партий. Тая свои корни в классовом построении современного капиталистического строя, политическия партии в дальнейших своих выражениях часто жертвуют своей живой актуальностью во имя сохранения своей, лишенной живого творчества, политической догмы.

Пересмотр всеми партиями своих тактических и общеполитических задач является поэтому неизбежным условием для достижения совместными усилиями одной выше указанной общей цели — для перехода от диктатуры к демократии и от капитализма к социализму.

Выводы, к которым мы приходим на основании изложенного в настоящей главе, сводятся к следующим трем положениям:

1. Русская революция представляется длительным процессом нараставшего радикализма — от думского либерализма через социалистически настроенное Временное Правительство к советскому коммунизму. Достигнув своего кульминационного пункта в гражданской войне и терроре, этот радикализм начинает терять

свою крайность и под давлением фактически сложившихся производственных отношений обнаруживает тенденцию перехода от диктатуры к демократии.

2. Принимая характер пролетарской демократии, государственный строй России имеет переходный характер, обусловливаемый неустановившимся взаимоотношением трех основных его элементов: правительства (в лице советов), партии и общественности.

3. Устанавливающийся в России в результате чрезвычайных жертв и напряжения национальных сил, новый социально- экономический уклад жизни представляет опыт осуществления новой обще-человеческой идеи; истина и справедливость этой идеи могут обнаружиться только в доведении ее до фактического конца, — т. е. до заслуженной ею гибели или до достойного ее торжества.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

1. Взаимоотношение политики и экономики в России. — 2. Центральные и местные хозяйственные органы. — 3. Советская экономическая политика. Национализация. — 4. Меры по поднятию национальной производительности. — 5. Идея единого хозяйственного плана.

1. Взаимоотношение политики и экономики в России.

Народное хозяйство и заботы об его преуспеянии в России никогда не составляли сколько-нибудь значительной области самостоятельных явлений. Широкие социально-экономические интересы страны всегда поглощались более узкими интересами государственности, т. е. заботами о сохранении и поддержании той формы государственного уклада, какая наиболее благоприятствовала в данную минуту какой либо отдельной группе лиц, определенному сословию или отдельному классу. Экономика в истории России всегда находилась в подчиненном положении по отношению к своей госпоже — политике. Историки русского быта с редким единодушием подчеркивают то положение, что воздействие государственной власти на развитие и направление производительных сил страны вытекало из побуждений расширения или укрепления государственной власти. Последние два века, уже после того, как окончательно сложилось российское государство, царское правительство все еще продолжало вести безпрерывные войны; при этом главнейшими основаниями для военных выступлений часто являлись стремления к усилению престижа государственной власти в глазах Европы иногда путем безкорыстных вмешательств в ее политические дела. Руководящей идеей при этом в лучшем случае было желание создать и укрепить в России европейскую государственность, при чем с непонятною слепотою руководители внешней политики России игнорировали то немаловажное обстоятельство, что в Европе государственность выростала постепенно в строгом соответствии с ее хозяйственным укладом, тогда как в России для европейской государственности еще далеко не доставало надлежащего экономического базиса; и что потому при наличном хозяйствен-

ном основании Россия однажды может и не выдержать навязываемого ей слишком для нее дорогого и роскошного трэна политической жизни.

В последние два века государственная власть в России не только олицетворялась, но и фактически выражалась в воле монархов, насилием захвативших царский трон и потому, естественно, опасавшихся захвата его со стороны других претендентов. После периода дворцовых переворотов, с укреплением престола за наследниками Павла I, русские монархи не переставали трепетать за целость своей власти, опасаясь конституционно-политических веяний нового века. Отсюда, как и раньше, все ставилось на карту, чтобы как во-вне, так и внутри сохранить и повозможности укрепить за собою эту власть, — чего бы это ни стоило стране и росту ее производительных сил. Автократия — этот русский Молох, требовал себе чрезвычайных жертв со стороны населения; и жертвы эти приносились в размерах, быть может, неведомых даже древним восточным деспотиям.

Автократическая Россия вела широкую игру; для игры нужны были средства и средства эти находились. Из каких источников черпались эти средства и к какому истощению народного хозяйства они вели — об этом мало заботились: власть требовала и послушные ей безгласные холопы спешили эти требования исполнять. Естественно, что долго так продолжаться не могло; и уже с середины XIX века в русском обществе стали раздаваться предостерегающие голоса. Но эти голоса заглушались требованиями власти до тех пор, когда, наконец, сама эта власть от нанесенного ей первого сильного толчка пошатнулась и рухнула...

Наступила Великая Русская Революция, но и она не в состоянии была изменить веками закрепленное в России соотношение между политикой и экономикой. Сначала необходимость закончить затеянную царской властью внешнюю войну, затем борьба с интервенцией и междоусобная распря в виде борьбы с «контрреволюцией» и готовившейся реакцией вынуждали новую государственную власть попрежнему игнорировать экономику в пользу политики, т. е. требовать все новых и новых средств для своих политических целей, по прежнему не считаясь с тем, куда может привести окончательное истощение народных производительных сил.

Такая подчиненная роль экономики заставляет исследователя весьма осторожно подходить к анализу и оценке всякой правительственной меры, направленной к достижению того или иного хозяйственного эффекта. Исследователь должен быть всегда подготовлен к тому, что за каждой мерой, направленной к под'ему народных производительных сил, скрывается прежде всего расчет на изыскание со стороны государственной власти новых средств для удовлетворения ее политических потребностей; — при этом в данном случае безразлично, будут ли то попечения о дворянстве, как господствующем сословии и надежном оплоте автократической власти, или заботы о создании такого же оплота в лице нарождавшегося торгового, промышленного и банкового капитала, или, наконец, расчет на вполне преданное данному государственному строю мелкое, но крепкое крестьянство. Во всех этих случаях за экономикой стоит довольно грубо и откровенно узкая и близорукая политика.

Но в какой мере изменилось такое положение вещей в России под влиянием революции?

Февральская революция и господство Временного Правительства не могли или не успели внести ничего нового в область хозяйственного уклада. Советский режим, напротив, пытался и пытается совершенно изменить весь, веками сложившийся, уклад хозяйственной жизни России. В чем же выразились эти попытки и насколько они нарушили — да и нарушили ли вообще — традиционную для России предпосылку подчинения экономики политическим расчетам и интересам? Ответом на это послужит все дальнейшее изложение.

Пока здесь можно лишь отметить те печальные итоги, к которым приводило господство политики над экономикой. Старый, до-революционный, режим в России характеризуется в хозяйственном отношении принципом частной инициативы и частно-капиталистической организации народно-хозяйственных сил страны. Нередко фактически этот принцип испытывал на себе воздействие государственной власти не только в смысле помехи и противодействия, но и в смысле поощрения и помощи. Но как в том, как и в другом отношении, вмешательство государственной власти в сферу свободной игры частных хозяйственных интересов никогда не выливалось в стройную и строго проводимую систему экономической политики. Даже такие крупные реформы, как введение золотой валюты, установление новых таможенных пошлин, насаждение крупной отечественной промышленности, постройка

железных дорог, наконец, даже земельная реформа Столыпина — все эти реформы являлись единичными, случайными, разрозненными элементами одной общей идеи сохранения и укрепления установившейся в России формы правления или государственного правопорядка. Отсюда сама собою понятна та постоянная игра случая, то влияние отдельных лиц, стоявших во главе отдельных ведомств, та неустойчивость и то колебание, при наличности которых должна была протекать хозяйственная жизнь России, принявшая внешний облик западно-европейского капитализма.

Первый этап революции, как уже было отмеченно раньше, не внес ничего нового и существенного в тот порядок вещей, который постепенно сложился в хозяйственной жизни России под натиском требований военного времени. Этот порядок вещей, как известно, не привел в России, как то было в других воевавших странах, к милитаризации народного производства в форме так наз. «государственного капитализма». Перемена коснулась лишь внешней стороны дела: на ряду с об'единявшейся крупной промышленностью, концентрировавшейся вокруг вполне соответствующих им по духу «военно-промышленных комитетов», под таким же, как прежде контролем правительства, начали свою деятельность общественные организации в лице общеземского и общегородского союзов; да наряду с этим начался процесс об'единения мелкого капитала в форме кооперации.

Революция застала этот процесс просачивания общественности в дело организации народных производственных сил лишь в самом его зарождении, поскольку то допускалось гнетущей опекой, господствовавшей тогда надо всем, чисто российской, мертвящей и безответственной бюрократии. Провозглашение революционных свобод весьма слабо повлияло на дальнейшее развитие этого процесса: непривычная к деловой практической деятельности, многоречивая, но слабая и нерешительная русская общественность и не в состоянии была взять в свои руки дело организации народного хозяйства, уже и без того сильно пошатнувшагося за время войны и хищнического господства частного капитала.

Общедемократические органы земств и городов ограничились узкой специальной областью обезпечения нужд фронта. Профессионально-демократические организации сосредоточивали свои силы на отстаивании своих узко-профессиональных интересов в борьбе с капиталистическими об'единениями. Слабости общественных организаций соответствовала и слабость весьма неустойчивой революционной государственной власти в лице Временного Правительства.

Хозяйственный развал, начинавшийся еще до революции, как следствие истощения производительных сил в стране, с первых же дней революции принял угрожающие размеры.

Чтобы яснее себе представить, в каком состоянии оказалось народное хозяйство в России к моменту революции, достаточно хотя-бы бегло ознакомиться с современными для той эпохи сообщениями оффициозной «Торгово-Промышленной Газеты».

Так, в статье «Промышленный развал России» один из сотрудников этой газеты (в № от 25 мая 1917 г.) на основании поступавших в Министерство Торговли и Промышленности оффициальных данных о положении дел на фабриках и заводах, между прочим, констатирует, что в смысле снабжения промышленности топливом и материалом дело значительно ухудшается, ибо «картина развала, которую мы видим в области обрабатывающей промышленности, наблюдается и в области добывающей промышленности, снабжающей первую топливом и металлами, а также в области транспорта»...

«Приводимые в обзоре данные свидетельствуют о глубоко-разрушительном процессе, совершающемся в области промышленности. — Вместо планомерности и разумного руководства, в ней воцарились страшный хаос и безудержная анархия»...

В следующем своем очередном обзоре «положения на фабриках и заводах» та же газета отмечает:

«Случаи закрытия промышленных предприятий, а равно сокращения ими своей деятельности и массового расчета рабочих учащаются»... «Общая картина положения на фабриках и заводах продолжает оставаться весьма грозной». И в одном из позднейших № эта же газета отмечает: «Положение промышленности за июль и август (1917) продолжало оставаться весьма тяжелым. Случаи закрытия и приостановления фабрик, являющиеся самым ярким проявлением глубокого недуга нашего народного хозяйства, стали повседневным явлением».

Еще в одном из июньских номеров этой газеты, в статье «Кризис народного хозяйства», мы находим следующую общую оценку создавшегося положения вещей:

«Экономическая жизнь сорвалась со своих петель. Механизм народного хозяйства лежит перед нами в полуразушенном состоя-

нии. Движущие силы его не действуют, а регулирующие части не функционируют»...

«Нельзя забывать, совершенно правильно замечает далее автор статьи, что основной причиной происходящей теперь хозяйственной разрухи является не только, и, быть может, не столько повышенные требования рабочих, сколько то о б щ е е о б н и щ а н и е с т р а н ы, при котором, с одной стороны, неизбежен постоянный рост номинальной заработной платы, — в виду вздорожания всех предметов первой необходимости, а с другой, — ощущается резкий недостаток средств производства — топлива и всякого рода сырья — угрожающий окончательным разрушением промышленности».

Эти отзывы получают для нас в настоящее время особенное значение потому, что они давались лицами, в общем сочувствовавшими февральской революции, и в органе, являвшемся тогда оффициозным изданием Временного Правительства. Если так, то эти отзывы нельзя заподозрить в преувеличениях или тем более измышлениях; и следовательно, таково было действительное положение дел, когда приближался октябрьский переворот. Таково было наследство царской России, принятое Февральской Революцией и переданное в свою очередь Октябрьской Революции. Как это наследие старой России видоизменилось за три года господства советской власти? и какие новые факторы выступили в сфере народно-хозяйственных отношений в России за этот период?

В дальнейшем мы остановимся подробнее на современном состоянии отдельных отраслей промышленности, транспорта и сельского хозяйства Советской России; тут отметим лишь в общих чертах два основных вопроса: в чьих руках сейчас находится руководительство экономической политикой России? и в чем именно заключается эта политика?

Остановимся на первом из этих вопросов.

2. Центральные и местные хозяйственные органы.

Сосредоточивая все свое внимание на политической борьбе, на захвате государственной власти, члены коммунистической партии, овладев, наконец, этой властью, оказались, однако, совершенно неподготовленными в области необходимых чисто-хозяйственных мероприятий. Отказываясь от мысли немедленного

введения в России социалистического строя, руководители экономической политики не выработали никакой определенной и реальной программы для народного хозяйства «переходного времени». Первые три года, протекшие со времени октябрьского переворота, прошли в смутных исканиях каких-нибудь твердых исходных начал.

Эти искания наложили отпечаток крайней неопределенности не только на проводимые советской властью мероприятия экономического характера, но и на самые учреждения, ведущие хозяйственную жизнь страны.

Если прежде хозяйственная жизнь страны расчленялась на отдельные независимые друг от друга отрасли, руководимые в своей производительной программе частно-капиталистическими организациями, и потому не имела единого хозяйственного центра, то с уничтожением руководящей власти частного капитала само собою должна бы была родиться мысль о создании особого государственного органа, в котором сосредоточивались бы все нити хозяйственной регулировки. Однако, фактически такая мысль не получила себе осуществления и до настоящего времени. Правда, к тому делалось не мало шагов.

Еще в самом начале революции при Временном Правительстве тогдашний Продовольственный Комитет на заседании 13 апр. 1917 г. признал необходимым «создание при Временном Правительстве органа, который бы поставил на разрешение общие проблемы организации и согласования различных отраслей народного хозяйства и труда» (Торг.-Пром.-Газ. № 87, 1917 г.).

Временное Правительство учредило (21 июня 1917 г.) такой орган в лице «Экономического Совета»; на него возлагалась выработка общего плана организации народного хозяйства, а также разработка законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни страны. Одновременно с Экономическим Советом был учрежден и Экономический Комитет, в качестве исполнительного органа; этот последний имел своим назначением «согласованное проведение отдельными ведомствами и учреждениями всех мероприятий по регулированию народного хозяйства». Другими словами, Комитет должен был руководить деятельностью всех существовавших организаций по урегулированию народного хозяйства в различных отраслях в их исполнительных функциях (особых совещаний, комитетов и т. д.), в целях согласования их деятельности по осуществлению единого целостного плана.

Оба новых учреждения — Экономический Совет и Экономический Комитет совместно должны были представлять собою единый механизм, которому предстояло сыграть роль регулятора народно-хозяйственной жизни. Единство этих органов и их высокий авторитет выражались в том, что председателем их обоих являлся глава правительства — министр-президент.

Но уже очень скоро это единство, а с ним и целостность всего построения единого экономического центра распались. Экономический Комитет из простого исполнительного органа Совета постепенно фактически стал занимать все более и более самостоятельное место, а Экономический Совет все более стал отходить на задний план. На ряду с этим в октябре возник еще один центральный орган в лице Совета Российской Республики; в виду того, что совещательные функции по экономическим вопросам фактически уже перешли к Совету Российской Республики, сам собою возник вопрос об упразднении Экономического Совета.

Наступивший затем Октябрьский переворот похоронил под собою все эти три центральных органа. Но, взявшая в свои руки управление страной, новая советская власть не отказалась от преемственности идеи единого экономического центрального органа и уже 1 декабря 1917 г. ею было создано соответствующее учреждение под наименованием «Высшего Совета Народного Хозяйства» (ВСНХ).

По первоначальному замыслу его инициаторов ВСНХ должен был явиться сосредоточением всей хозяйственной жизни страны, как в области производства, так и в области распределения. Такие хозяйственные ведомства как продовольственное, земледелия, путей сообщения, труда, финансов и внешней торговли — должны были явиться отделами ВСНХ. Но в действительности такая цель не была достигнута. По об'яснению коммунистов (Троцкого) этому мешали, с одной стороны, «состояние величайшего безпорядка» в народном хозяйстве после мировой войны, а с другой стороны — «опасение удушающего бюрократического централизма».

Никакого единства в регулировании хозяйственной жизни страны достигнуто не было. Отдельные ведомства (комиссариаты) строили свои хозяйственные аппараты и вырабатывали свои методы управления хозяйством страны совершенно самостоятельно, без всякой даже связи с работами ВСНХ. Этот последний в свою очередь фактически сам превратился в народный комиссариат промышленности, уступив свои функции, как центрального хозяйственного органа, другим создавшимся учреждениям.

Первое из таких учреждений возникло еще почти одновременно с началом деятельности ВСНХ.

Согласно опубликованному 8 декабря 1917 г. «Положению о рабочем контроле» создается особая сеть хозяйственных организаций в форме местных «Советов Рабочего Контроля» с периодически созываемыми «Всероссийскими С'ездами» таких советов и с постоянным их исполнительным органом в лице «Всероссийского Совета Рабочего Контроля». Как значительна должна была бы быть власть и деятельность этого хозяйственного органа можно себе представить из тех функций, какие, согласно Положению, возлагались на «рабочий контроль»; а именно, контроль включал в себе «наблюдение за производством», «установление минимума выработки предприятия, принятие мер к выяснению себестоимости производства продуктов и т. д.», — имея в виду «интересы планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельско-хозяйственных, транспортных и пр. предприятиях»... Каковы именно ближайшие задачи самого Совета, Положение не говорит, указывая лишь на необходимость «согласования органов рабочего контроля со всеми другими учреждениями, ведающими дело организации народного хозяйства» (стр. 13). О фактической деятельности этого органа ничего неизвестно и он замер сам собою, не успев даже наметить каких либо новых путей в деле урегулирования народного хозяйства.

Наконец, согласно декрету от 30 ноября 1918 г. в момент чрезвычайно напряженной борьбы Советской власти с контрреволюцией был образован еще один хозяйственный центральный орган «Совет Рабочей и Крестьянской Обороны», позже переименованный в «Совет Труда и Обороны». Функции этого органа тоже представляются не совсем ясными и по окончании междуусобной борьбы в апреле 1920 г. этот орган потерял свое боевое значение, но с тем большей силой он начал развивать свои чисто экономические функции и в этой сфере столкнулся с ВСНХ.

В течение долгого времени происходила борьба между этими двумя органами по отношению к руководящей роли в общей экономической политике страны, так как и с потерей самостоятельной важной роли за «Советом Труда и Обороны» признава-

лись не только широкие функции по «сплачиванию и усилению деятельности ведомств в области обеспечения обороны страны и хозяйственного строительства», но на него же возлагалось «установление единого хозяйственного плана РСФСР, представление этого плана на утверждение ВЦИК'а, направление работ экономических народных комиссариатов сообразно этому плану, наблюдение за его осуществлением и установление в случае необходимости из'ятий из этого плана». Для придания этому учреждению бо́льшего веса во главе его становится председатель совета народных комиссаров (Ленин), а в число членов этого органа входят народные комиссары, управляющие отдельными хозяйственными ведомствами.

22 Марта 1921 года состоялось постановление Совета Народных Комиссаров о дальнейших мерах по организации единого хозяйственного центра.

«Для устранения параллелизма и несогласованности, для увеличения стройности и упрощения экономического аппарата и для создания правильной соподчиненности его частей» учреждается шесть новых плановых комиссий. Эти комиссии состоят при отдельных комиссариатах, но в своей деятельности об'единяются единой общеплановой комиссией, состоящей при Совете Труда и Обороны. Число членов плановых комиссий сокращено до минимума — от 3 до 7 лиц, — специалистов. С введением в жизнь плановых комиссий должны исчезнуть многочленные и многочисленные междуведомственные комиссии и совещания, которых в последнее время насчитывалось в Советской России до 90 организаций.

В настоящее время каждой основной хозяйственной функции соответствует своя особая плановая комиссия с строго определенными задачами.

Так, при нар. ком. земледелия учреждаются две комиссии: одна по выработке общего плана сельского и лесного хозяйства, другая — специально по сырью; при Главном Комитете Государственных Сооружений — комиссия по выработке плана государственного строительства, далее транспортная комиссия, топливная и для выработки плана заготовок. На ряду с этими новыми плановыми комиссиями остается в силе существовавшая еще раньше комиссия по использованию, имеющая своей задачей все вопросы распределения материальных рессурсов страны между отдельными народными комиссариатами. Наконец, план

внешней торговли по прежнему разрабатывается Советом внешней торговли, но утверждается Сов. Труда и Обороны.

Трудно сейчас предвидеть насколько успешно пойдет работа этих плановых комиссий и об'единяющего их Совета Труда и Обороны. Во всяком случае, нельзя не приветствовать этой новой попытки организации хозяйственной жизни страны; попытки являющейся, по выражению советской печати, «первым и в достаточной мере радикальным шагом по пути уничтожения ведомственной «драчки», ведомственного самолюбия и самомнения и междуведомственной неразберихи и безтолочи» (Новый Мир, № 56, 7 апр. 1921 г.).

В тесной связи с указанными выше попытками установления центральных хозяйственных учреждений стоит вопрос о надлежащей постановке соответствующих местных хозяйственных органов.

Надо заметить, что существующая ныне широкая сеть разного рода местных хозяйственных органов образовалась тоже не сразу; она создавалась постепенно в связи с изменением общей экономической политики советской власти.

Так, в первый период промышленного строительства, в эпоху ломки старого аппарата фабрично-заводского управления, когда предприятия бессистемно захватывались рабочими, а бывшие владельцы исчезали заграницу, был выдвинут принцип губернской промышленной автономии. Такой губернский орган об'единял все однородные фабрики, находившиеся на территории одной какой-либо губернии — губтекстиль, губметалл и т. д. Этот губернский орган их об'единял, финансировал, учитывал и т. под. Скоро, однако, обнаружилась отрицательная сторона такой местной организации промышленности, как, например, развитие местничества и отстаивание узких чисто личных интересов в ущерб иногда всему народному хозяйству, как единому целому.

Последовавший 28 июня 1918 г. декрет о национализации фабрично-заводских предприятий и начавшаяся затем фактически национализация промышленности в связи с новой организацией заводо-управления и урегулированием производства в его целом, естественно, повлекли за собою значительное изменение и всей организационной структуры губернских промышленных органов. Начали возникать специальные органы для управления

национализированными предприятиями одной какой-либо отрасли промышленности, но на всей территории государства; эти органы получили наименование «главных управлений» (сокращенно «главки») или «центральных управлений» (сокращенно «центры»). Несколько позже для облегчения работ «главков» и «центров» стали образовываться особые производственные группы, называемые «кустами». Кусты представляют собою об'единение фабрик по роду производства зависимых одна от другой, соответственно тому, что при капиталистическом строе являлось в форме крупных «комбинированных» предприятий, выпускавших в результате совместной деятельности, вполне законченный продукт. Таким образом в основе «кустов» лежит чисто производственный принцип, имеющий в виду рациональное использование всего, что вело к образованию комбинированных групп и отстранение всего того, что вело к их раз'единению и расщеплению.

Как в образовании «главков» и «центров», так и в создании «кустов» советская власть стремилась завершить едва лишь начинавшийся в России процесс оформления крупной капиталистической промышленности, известной под именем «трестирования». «Главки» и «центры» являются ничем иным, как промышленными «трестами» в руках государства, а об'единяющий их ВСНХ — «трестом трестов».

Что касается тех отраслей промышленности, которые еще не успели окрепнуть в самостоятельные тресты, то они регулируются особыми секциями при производственных отделах ВСНХ, как например, существующие ныне секции: сельско-хозяйственного машиностроения при отделе металлургической промышленности, москательная секция при отделе химической промышленности и др. По мере своего укрепления и роста такие секции могут образовывать главные управления, центры или производственные отделы.

Во главе секции стоит особо заведующий, а во главе управления, центра или отдела — комиссия из 5—7 лиц, назначаемых президиумом ВСНХ по соглашению с центральным комитетом соответствующего профессионального союза или с Всероссийским С'ездом профессиональных союзов.

Низшими промышленными единицами на местах являются самые предприятия. Их различают по трем категориям: в первую категорию входят все важнейшие из наиболее крупных предприятий; они подчинены непосредственно «главку» или «производственному отделу» ВСНХ; вторую категорию предприятий образуют такие, которые работают по планам, утверждаемым «главками», но сами находятся в непосредственной организационной связи с губернскими советами народного хозяйства (совнархозами), как подчиненными органами ВСНХ; и, наконец, третья категория состоит из предприятий, имеющих чисто местное значение; они находятся всецело и исключительно в ведении губернских совнархозов.

Надо заметить, что губсовнархозы, в руках которых между прочим находится и городское хозяйство в более крупных центрах, хотя и являются местными подчиненными органами ВСНХ, но фактически пользуются большой долей независимости и самостоятельности. Их президиум назначается местным «исполкомом», т. е. исполнительным комитетом совета рабочих и крестьянских депутатов, по соглашению с губернским советом профессиональных союзов и утверждается президиумом ВСНХ.

Раньше существовали еще и уездные советы народного хозяйства, позже уничтоженные и замененные экономическими отделами уездных советов рабочих и крестьянских депутатов; однако, в служебном отношении эти экономические отделы подчинены губсовнархозам.

В самое последнее время, согласно постановлению VIII с'езда советов (декабрь 1920 г.), вводится некоторое изменение в сфере функций главков, центров и губсовнархозов, и рядом с этими промышленными органами образуется еще один новый вид учреждений под наименованием «Губернского Экономического Совещания» при губернском исполкоме, в качестве его комиссии. Задача нового хозяйственного органа «об'единение и укрепление деятельности всего местного хозяйственного аппарата». Председателем этого Совещания состоит председатель местного исполкома, а в состав его членов входят председатели всех местных хозяйственных и финансовых комиссариатов.

Центры и главки ВСНХ, согласно тому же постановлению, реорганизуются в том направлении, что от них отнимается непосредственное управление предприятиями, которое передается в ведение губернского совнархоза; за центрами и главками остается лишь руководительство, — они дают задания, регулируют и контролируют работы губернского совнархоза. Но при этом допускается из'ятие для предприятий уже вполне трестированных; они попрежнему остаются в ведении главков и центров.

Постановление с'езда возлагает «на обязанность и ответственность ВСНХ и его органов составление и осуществление входящих в область его ведения производственных планов по всем отраслям народного хозяйства, составление и утверждение производственных программ и планов снабжения, общее руководство всей промышленности».

Этим постановлением сфера деятельности ВСНХ и его местных органов (совнархозов) определенно ограничивается пределами одного только промышленного производства. Для регулирования же всей местной хозяйственной жизни страны создаются новые специальные органы в лице «областных экономических советов», подчиненных вышеуказанному Совету Труда и Обороны.

В задачи этих областных экономических советов на ряду с общим наблюдением и руководством деятельностью всех местных хозяйственных органов, входит также рассмотрение, согласование и представление в Совет Труда и Обороны хозяйственного плана области и, наконец, развитие самой хозяйственной инициативы данной области в целях повышения ее производительности.

С признанием большей самостоятельности за органами местной хозяйственной жизни получает особенное значение вопрос о регулировании всего народного хозяйства страны, как единого целого. Но этот вопрос может получить себе реальное осуществление только на основе единого хозяйственного плана, который имеет уже свою длинную историю в экономической политике советской власти. Но раньше, чем касаться вопроса об едином хозяйственном плане, необходимо ознакомиться как с общим характером советской экономической политики, так и с отдельными ее элементами.

3. Советская экономическая политика. Национализация.

Сами руководители экономической политики в России для характеристики своей деятельности пользуются той или иной периодизацией в зависимости от тех внешних условий, при которых постепенно территориально расширялась советская власть. Как уже упоминалось выше, борьба за упрочение и расширение советской власти является основным и определяющим фактором хозяйственной стороны советского режима в первые три года его существования. И это обстоятельство в свою

очередь обусловило отмеченный раньше роковой для России момент подчинения экономики политике.

Считаясь с этим обстоятельством, можно установить три самостоятельных периода экономической политики в Советской России.

Первый из этих периодов — от октябрьского переворота приблизительно до середины 1918 г. характеризуется разрушением старого хозяйственного строя, когда во имя социальной революции не только сокрушался молодой Российский капитализм, но с ним безпощадно уничтожался и самый национальный капитал. Сначала всякого рода регламентация и преследование отдельных «саботировавших» предпринимателей, затем недолгий опыт «рабочего контроля» в связи с непосредственным захватом фабрик и заводов самими рабочими, даже без ведома и участия в том рабочих организаций, и наконец, национализация промышленных заведений, банковского дела и торговли. Этими последними мерами, по скольку они начали проводиться в жизнь, знаменуется переход ко второму периоду хозяйственной политики советской власти. Этот второй период характеризуется лозунгом «все для войны» и он действительно совпадает с победным наступлением и оборонительным движением красной армии, движением закончившимся войною с Польшей и занятием Крыма. Милитаризация народного хозяйства опиралась в это время еще на сохранившиеся запасы от прежнего капиталистического строя. Задача момента диктовала целый ряд экстренных и решительных мероприятий, как например, принцип ударности, начало единоличия, стремление к централизации, привлечение специалистов и, наконец, непосредственная милитаризация рабочей силы. В связи с этими мероприятиями производится тщательный учет наличным запасам. Этот период завершается к лету 1920 г. не только окончанием военных действий, но и почти полным истощением самых запасов. С этого момента наступает третий, ныне продолжающийся период «мирного» хозяйственного строительства, характерной особенностью которого должны явиться фактический прорыв блокады, привлечение иностранного капитала и широкие планы по самостоятельному воссозданию народного хозяйства на новых не только социальных, но и технических началах (электрофикация).

Таковы три момента в истории правительственных мероприятий по отношению к экономике страны, поскольку эта эко-

номика находилась в неразрывной связи с политикой советско-коммунистического режима.

Остановимся несколько ближе на отдельных элементах, из которых складывалась эта экономика и, прежде всего, на главнейшем из них — национализации.

Идея национализации промышленности и торговли не входила в первоначальную программу действий ставшей у власти коммунистической партии. Начало национализации, как принципа экономической политики советской власти, явилось естественным результатом некоторых фактически сложившихся внешних обстоятельств, быть может, оказавшихся неожиданными даже для самих представителей и вождей захватившей власть партии. Одним из этих обстоятельств следует признать начавшееся еще при Временном Правительстве бегство фабрикантов и заводчиков и оставление ими своих предприятий вследствие невыгодности или невозможности продолжать дело из-за отсутствия сырья, повышенных требований рабочих, установления твердых цен, реквизиций, личных преследований и т. д. Во всяком случае, идея национализации выступила уже после того, как государственная власть фактически оказалась в руках коммунистической партии. По крайней мере в тезисах Ленина от 4 апреля 1917 г. говорится только о «слиянии всех банков страны в один общенациональный банк и о введени контроля над ним со стороны Совета Рабочих Депутатов» (тез. 7-й). В следующем 8-м тезисе тоже говорится лишь о «контроле за общественным производством и распределением продуктов». Даже в опубликованной 5 (18) января 1918 г. «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа» о «национальной собственности» говорится только по отношению к почве, лесам и водным пространствам, а по отношению к промышленности, торговле и транспорту провозглашается начало рабочего контроля, общее положение о котором явилось одним из первых актов советской власти (декр. от 8 дек. 1917 г.). В действительности, однако, принцип национализации, хотя и не в ясной форме, выступил сам собою при стремлении советского правительства регулировать и монополизировать в своих руках отдельные стороны хозяйственной жизни страны.

Так, первоначальная идея контроля над деятельностью банков уже с первых же дней водворения советской власти превратилась в идею национализации банков, хотя в самом декрете от

17 дек. 1917 г. и говорится не о национализации, а о государственной монополии банкового дела.

Но монополизация государством отдельных отраслей народного хозяйства не различалась особенно строго от национализации и декрет о монополиях на сахар и чай (от 3 дек. 1918 г.), на газетные об'явления (от 14 дек. 1917), на сельско-хозяйственные машины и орудия (от 16 дек. 1917) — явились естественным переходным моментом для провозглашения общего начала национализации — торгового флота (дек. от 26 янв. 1918 г.) и «главнейших промышленных и торгово-промышленных предприятий» (декр. от 28 июля 1918 г.). Но этому последнему декрету предшествовал целый ряд предварительных мер.

Согласно изданным 7 марта 1918 г. «правилам об управлении национализированными предприятиями» устанавливается ряд мер не по национализации, а лишь по контролю над промышленными предприятиями. Так, например, согласно этим правилам все дело управления переходит к назначаемому директору под контролем комиссара и центрального управления; при административном директоре состоит хозяйственно-административный совет из выбранных рабочих и служащих; функции этого совета сводятся к рассмотрению сметы предприятия, плана его работы, правил внутреннего распорядка, поступающих жалоб и т. д.; о том, что доход предпринимателя конфискуется или, что, вообще, каким либо образом бывший владелец «национализированного» предприятия лишается права на доход своего предприятия не говорится ничего; следовательно, вопрос идет не о национализации капитала, как средства производства, не о конфискации частно-хозяйственного дохода, а только об установлении государственного регулирования производства в форме рабочего контроля.

На первом Всероссийском с'езде советов народного хозяйства 26 апреля 1918 г., в связи с вопросом о финансировании промышленности, был поднят и более общий вопрос о конфискации и национализации частно-хозяйственных промышленных предприятий и тогда против этой меры высказался комиссар государственного банка.

Начало национализации промышленности впервые стремилось найти себе приложение в металлургической промышленности. В начале мая 1918 г. в Москве была созвана конференция из представителей 11 крупнейших металлургических заводов, уже

находившихся между собою в связи в форме треста. Считаясь с этим обстоятельством конференция постановила признать все эти предприятия национализированными, т. е. перешедшими всецело в руки государства (см. Изв. С. Р. № 103 от 12/25 мая 1918 г.).

Но и в самом декрете о всеобщей национализации промышленности (от 28 июля 1918 г.) не указаны общие принципы национализации и порядок перехода от частно-хозяйственной системы промышленности к новому порядку производства. Неподготовленность советской власти к идее национализации и к практическому ее осуществлению в жизни вполне отчетливо выступает из следующего описания положения вещей в эффициозном органе «Нар. Хоз.» (март 1918 г. № 1): «Мероприятия, проводившиеся в экономической жизни, в областях промышленности, продовольствия, финансов, транспорта и др. были проникнуты одной руководящей идеей: взять в руки новой государственной власти и подчинить ей как производство, так и распределение, а также взять в руки государства технический, рабочий аппарат, имевшийся в этих областях экономической жизни. Национализация крупнейших капиталистических предприятий в различных областях промышленности, национализация банков, торгового флота и т. д. по форме и темпу проведения их были различны в зависимости от условий и состояния той или иной отрасли промышленности. Если в одних областях национализацию можно было провести в чистой форме, то в других случаях (напр., в кожевенной промышленности) приходилось проводить переходные формы путем использования старого аппарата и его подчинения советским государственным органам».

Процесс национализации торгово-промышленной жизни и через три года после декрета еще далеко не был закончен. Целые области народного хозяйства оставались и еще остаются в руках частных предпринимателей, над деятельностью которых установлен лишь первоначальный рабочий контроль, часто в лице одного лишь комиссара. Еще только в самое недавнее время (декр. от 24 ноября 1920 г.) отменена система подрядных работ. И на IX с'езде коммунистической партии весной 1920 один из представителей советской власти (Каменев) следующим образом осветил создавшееся положение вещей: «наше народное хозяйство, находящееся в руках государства, кругом осаждается стихией, мелко-буржуазной стихией, которая нам не подчинена,

над которой мы еще не получили господства. Мы сейчас переживаем ожесточеннейший момент борьбы государства с мелко-буржуазной стихией — мешечничеством, спекуляцией... Если бы подвести статистически, какая доля народного хозяйства, народного производства, всего того, что производится, какая доля трудовых усилий проходит по плану государства и под нашим контролем, какая доля этого учитывается, то я могу смело сказать, что мы отвоевали у мелко-буржуазной стихии в области народного хозяйства, в смысле учета, контроля и распределения может быть только 20 %» (Стен. отч. стр. 141).

Но не только по отношению к «мелко-буржуазной стихии», о которой говорит Каменев, но и по отношению к крупной промышленности принцип национализации еще далеко не был проведен в жизнь до конца.

По последним отчетным данным этот принцип пока нашел себе приложение лишь в некоторых отраслях производства по отношению лишь к некоторым наиболее крупным предприятиям. Так по последнему отчету ВСНХ (см. Новый Мир, № 30, 1921 г.) из 6900 учтенных предприятий с 1,277,505 рабочими к 1 ноября 1920 г. было национализировано 4,547, или 65,7% всех предприятий. Причем лишь некоторые отрасли промышленности национализированы более или менее целиком, как напр., химическое производство, бумажное, типографское, горная и горнозаводская промышленности. Но с другой стороны, такая отрасль хозяйственной жизни, как обработка металлов и в особенности добыча и обработка камней, земли и глины, еще в значительнейшей своей части (св. 75%) остается в руках частных предпринимателей. Это обстоятельство стоит в связи с об'единением и организацией промышленности в тресты. Всего в настоящее время в России насчитывается до 179 трестов. Из учтенных по этому вопросу 3,507 крупных предприятий, из которых лишь 2494 предприятия дали сведения о числе рабочих (981,651) трестированных насчитывается 1,449, из которых 1151 показали число рабочих (563,237).

Но что же такое «национализация» и почему это начало не получает себе всеобщего признания в Советской России? Как на этот вопрос отвечают сами коммунисты — не известно, так как, вообще, вопрос о национализации хозяйства представляется пока еще почти совершенно не разработанным коммунисти-

ческой догмой. Подходя к этому вопросу с более общей точки зрения можно его себе представить в следующем виде.

Под национализацией следует понимать признание за государством верховного права собственности по отношению к той или иной совокупности производственных средств. Оставляя за собой верховное право собственности и контроля, государство от имени народа может предоставлять владение, пользование и распоряжение национализованными производственными средствами отдельным лицам или общественным организациям — в форме концессий, социализации (обобществления), муниципализации и т. д.

Таким образом национализация отличается от социализации, с которой ее часто отожествляют, как общий принцип от частной формы его приложения. Социализацию мы имеем в том случае, когда национализованные государством производственные средства предоставляются в пользование той или иной общественной группы или общественной организации. Частным видом социализации может являться кооперация.

Издавая декрет о национализации промышленных и торговых предприятий, советская власть мало разбиралась в смысле и значении самого понятия национализации. Действуя по упрощенному рецепту Маркса — «экспроприации экспроприаторов», советское правительство просто конфисковало, или отбирало и захватывало в казну те предприятия, которые представлялись особенно значительными по роду своего производства (металлургические заводы) или по размерам производства. Обыкновенно, еще до окончательной конфискации эти предприятия захватывались самими участвовавшими в производстве рабочими.

По своему общему характеру управление национализованными предприятиями представляло собою обычный тип господствовавшего и раньше «казенного» управления, лишь с бо́льшим против прежнего допущением к управлению самих рабочих. Но директивы и распоряжения давались, как и раньше, из центра, общеведомственным порядком. Неуспешность национализации следует видеть именно в отожествлении национализации с казенным управлением. Только уже на 4-ый год своей деятельности советское правительство убедилось в несостоятельности казенного управления торгово-промышленными предприятиями и выдвинуло вопрос о передаче владения и пользования национализованными производственными средствами рабочим и кооперативным организациям. Другими словами, не отказываясь от права верховной собственности и контроля, т. е. от принципа национализации — государство решается осуществлять свое верховное право собственности в форме социализации. На ряду с этой формой советское правительство выдвигает и другую — форму концессий для привлечения в страну иностранных производственных средств. Как та, так и другая форма осуществления принципа национализации сейчас еще только едва намечается.

4. Меры по поднятию национальной производительности.

Принцип национализации должен определять собой внешнюю форму организации народного хозяйства; но этот принцип сам собою не решает вопроса о бо́льшей производительности национального труда. Между тем, не только самый коммунистический строй покоится на начале большей производительности труда, но и переходный к нему период народного хозяйства после безпощадного крушения капитализма и уничтожения национального капитала всецело обусловлен возможностью поднятия национальной производительности.

По скольку производительность труда определяется двумя основными факторами — техническим оборудованием и повышением интенсивности труда —, все относящиеся сюда мероприятия советского правительства можно расчленить на соответствующие этим факторам две категории: к первой из этих категорий относятся такие мероприятия, как рациональное снабжение предприятий сырьем и орудиями производства, что выдвинуло принцип «ударности» в связи с общей попыткой милитаризации промышленности; затем, сюда же следует отнести и заботы о соответствующем, более рациональном заводоуправлении, как-то: принцип централизации и децентрализации, привлечение специалистов, переход от принципа коллегиальности к единоличному началу и др. В связи с обеспечением страны нужными машинами и орудиями производства стоит вопрос о привлечении в страну иностранного капитала в форме отмеченных выше концессий.

Что касается второго рода мероприятий, т. е. таких, которые имеют в виду повышение интенсификации труда, то на них мы здесь останавливаться не будем; в виду их большого самостоятельного значения все этого рода мероприятия удобнее

выделить в особую главу, посвящаемую, так называемому, «рабочему вопросу» в его целом. Там нам придется еще раз вернуться к положению рабочих профессиональных союзов в Советской России, к положению труда вообще, к вопросу о формах производственной пропаганды и ее результатах, о постановке, так называемой, «научной системы» (тэйлоризма) и т. д.

Тут для общей характеристики экономической политики революционного правительства достаточно остановиться на той стороне вопроса о национальной производительности, какая обусловливается мерами внешней организации и управления отдельными промышленными предприятиями.

Эта сторона дела стояла до последнего времени под знаком милитаризации. Личное ли влияние организатора советских военных сил Троцкого, или сложившийся в течение последних 6 лет военный уклад жизни или, наконец, необходимость самых решительных и даже крайних мер по восстановлению окончательно истощившихся народных производительных сил, но принцип милитаризации был выдвинут с большой силой, хотя со строны рабочих масс и не получил сколько нибудь широкого признания. Самый экономический язык революции вобрал в себя множество военно-боевых выражений, как «хозяйственный фронт», «ударность», развертывание», «мобилизация труда» и т. д.

«Речь идет», говорит советский орган (Экон. Жизнь. № 259 от 18 ноября 1920 года), «об установлении формы длительного сосуществования военного и мирного хозяйства в республике»... Введение «военного» момента в качестве составной неотделимой части в систему единого народного хозяйства — такова основная задача, подлежащая разрешению. От установления правильного, приближающегося к идеальному, соотношения между «военным» и «мирным» трудом зависит темп восстановления народного хозяйства».

На этой почве милитаризации хозяйства прежде всего и возник принцип «ударности».

Как средство, необходимое для поднятия производительности национального труда, «политика ударности», по об'яснению самих ее сторонников, родилась вследствие «тех невыразимо тяжелых условий, в которых приходилось жить всему государственному организму Советской России, заставивших прибегнуть к

чрезвычайной экономизации сил и средств». («Экон. Жизнь» № 235, 21 окт. 1920 г.»)

Принцип «ударность» должен был иметь очень широкое значение. Он состоит в том, что при разрешении выступавших перед правительством многочисленных производственных задач из за невозможности удовлетворительно разрешить их всех единовременно, правительство сосредоточивает свое главное внимание на одной или на некоторых из самых неотложных задач и на разрешение их направляет все имеющиеся в его распоряжении силы и средства. Затем, разрешив таким образом одну задачу, переходят к разрешению тем же путем другой, третьей и т. д. Этот принцип по отношению к промышленности должен напоминать собою известный тактический прием в военном деле. Но скоро ему было придано и иное значение, более соответствующее задачам рационально поставленной экономической политики.

Согласно постановлению президиума В. С. Н. Х. от 9 сентября 1920 г. принцип ударности переходит в область мер по установлению некоторого небольшего числа о б р а з ц о в ы х предприятий. В этих целях из всех предприятий выделяется некоторая их группа, которая по проводимым в ней методам организации, способам ведения работ и достижению результатов должна стать образцовой для других соответствующих предприятий. Для этого все предприятия данной группы в срочном порядке снабжаются рабочей силой, соответствующим штатом служащих и техников, продовольствием, топливом, сырьем, полуфабрикатом и т. д.

«Имея своей целью задачи не только чисто производственные, но и задачи промышленно-воспитательные, образцовые предприятия должны будут явиться теми показательными курсами, на которых русская промышленность будет обучаться надлежащей постановке соответствующих предприятий». («Экон. Жизнь», № 211, 23 сент. 1920 г.)

В первоначальный список было намечено включить 36 «ударных» предприятий, но фактически вначале их было всего 21 предприятие — по отделу металла (4), химическому производству (10), горному делу (5), текстильной промышленности (1) и 1 газовый завод. Затем число ударных заводов начало быстро возростать и к началу 1921 года их уже насчитывают 1.716 предприятий, из которых 466 приходится на обработку пищевых и вкусовых ве-

ществ, 408 на обработку волокнистых веществ, 240 на обработку металла и 146 на обработку дерева.

О результатах производительности «ударных» предприятий данных, сколько-нибудь полных, пока еще не имеется, а по отрывочным сообщениям отдельных предприятий судить об этом трудно. В общей оценке их мнения самих сторонников советской власти расходятся: тогда как оффициальный отчет В. С. Н. Х. считает их «основным нервом промышленности в данный момент» («Новый Мир», № 30, от 5 марта 1921 г.), Ларин в «Экономической Жизни» (№ 257, от 16 ноября 1920 г.) считает самый принцип ударности «лишь временным суррогатом, порожденным общей бессистемностью, безпланностью на фоне недостатка материальных рессурсов».

Для правильной оценки этого принципа мог бы дать ценные указания отчет по состоявшемуся в январе 1921 г. общему с'езду представителей ударных заводов. К сожалению, сколько нибудь полных отчетных данных по этому с'езду у автора не имеется.

В тесной связи с милитаризицией промышленности в тех же целях повышения производительности народного труда стоит политика перехода от коллегиального управления к единоличному и от централизма к децентрализации народно-хозяйственной жизни России.

Существование двух основных форм фабрично-заводского управления — коллегиальной и единоличной представители советской власти обыкновенно об'ясняют двумя различными моментами в общем процессе революционного хозяйственного строительства. В первый, организационно-подготовительный период, когда советская власть еще только приступала к организации хозяйственной жизни страны, проводя меры по национализации промышленности и по учету остававшихся запасов, — приблизительно до середины 1920 г. — коллегиальное начало являлось более соответствующим принципом хозяйственного управления. При этом само коллегиальное начало подвергалось в зависимости от хода событий некоторым внутренним изменениям. Так, в самом начале своего существования коллегии имели «представительный» характер, состоя из лиц делегированных различными не только хозяйственными, но и чисто административными органами и партийными организациями; часто они включали в свой состав и предпринимателей, и представителей кооперации; позже коллегии приняли более однородный состав, представляя собой

чисто профессиональную организацию, так как члены коллектива подбирались из профессионалистов и назначались по соглашению с центральным органом рабочих профессиональных союзов.

Однако, обнаруживавшиеся постепенно недостатки коллегиальнаго начала уже довольно рано вынудили к замене вначале очень многолюдных коллективов — коллективами из небольшего числа людей, а иногда и к фактическому единоличию, где, напр., председатель коллектива оказался очень дельным и энергичным, а сами члены слабыми и пассивными. Таким путем еще до введения единоличного начала в управление хозяйственными предприятиями сама собою стала зарождаться некоторая промежуточная форма смешанного характера; эта последняя во многих случаях сохранилась и до настоящего времени.

Необходимость коллегиального начала и его значение в первую пору хозяйственного строительства в советской России один из сотрудников «Экономической Жизни» (№ 138, от 26 июня 1920 г.) об'ясняет следующим образом:

«Невозможность подобрать администраторов и специалистов, преданных революции, с одной стороны, и явная невозможность в эпоху ожесточенной борьбы довериться администраторам и специалистам из враждебного лагеря, с другой — заставляли охватить весь аппарат управления хозяйством страны громоздкими коллегиями, находившимися под постоянным надзором органов профессиональных союзов». Значение коллегий автор статьи видит в том, что они явились «своего рода социалистическими лабораториями, в которых мысль рабочего чекала формы управления социалистическим хозяйством; в них усиленно шел процесс подбора на ответственные места управления из профессиональных рабочих, с одной стороны, и из специалистов честно пришедших работать с советской властью, с другой».

Но тот же автор подчеркивает недостаточность коллегиального начала и несоответствие его более поздней эпохе, когда хозяйственный аппарат страны начинал уже более или менее налаживаться.

«Коллегии были необходимы, говорит он, в организационный период, но они стали не нужны в период деловой работы организованного управления. Коллегии решают вопрос большинством одного голоса, коллегиальная громоздкость вообще в разрешении вопросов управления, коллегия с текучим составом их

членов, выборность председателя, перерыв в работах членов коллегии в отделах и т. д. — все это приводило к волоките, безответственности, к отсутствию единой воли, столь необходимой в деле управления. Отсюда, как скоро аппарат управления народным хозяйством окреп, встал вопрос об изыскании новых форм управления и как противоположная коллегиальности была выдвинута форма единоличного управления».

Однако, как уже указывалось выше, переход к единоличию является довольно сложным процессом, требующим знания условий работы каждого конкретного органа управления и умения определить способности кандидата на пост единоличного управителя. Отсюда само собою понятно, что такая переходная форма управления выражается в различных видах, в зависимости от тех или иных конкретных условий. Так, например, в таком предприятии, где требуется для управления лицо во всеоружии технических и административных знаний, назначается инженер, но во избежание могущих возникнуть недоразумений с рабочими данного предприятия к инженеру назначали еще кого либо из рабочих в качестве комиссара или помощника. При наличности хорошего инженера-техника, но плохого администратора, управляющим заводом иногда назначается рабочий с явно обнаружившимися у него административными способностями, а в помощь к нему инженер-специалист. Иногда составляется коллегия из трех лиц — из техника в качестве управляющего с полной ответственностью за производство, из уполномоченного рабочих в качестве комиссара или помощника и еще из третьего лица, являющегося представителем фабричного комитета для установления более тесной связи управления с рабочим союзом. На ряду с приведенными, конечно, можно легко себе представить и разные другие формы смешанного управления. Надо вообще заметить, что никто из самых горячих сторонников единоличного начала не оспаривает полезности коллегиального начала в качестве совещательного органа; господство единоличия требует только установления единой решающей власти и связанной с такой властью всей полноты личной ответственности.

В этом отношении интересно следующее заключение председателя В. С. Н. Х. Рыкова, высказанное им на 3-м Всероссийском с'езде кожевенников осенью 1920 г.:

«Я специально наблюдаю и слежу, что делается с заводами после того, как в них вводится единоличие. Должен сказать, что

в громадном большинстве случаев мы видели быстрые и несомненные успехи в области производства на таком заводе, где имелась единая воля. Находились люди, которые чувствовали, что вся ответственность лежит на них, что они не только отвечают, но и имеют право решать; и громадные заводы в области металлургии, хотя бы в роде Коломенского, при системе единоличного управления дали результаты гораздо большие, чем раньше, когда существовала коллегия, когда было представительство от целого ряда органов, и эти представители боролись между собою за власть, а весь завод, вся администрация, все рабочие находились в состоянии расхлябанности» («Экон. Жизнь» № 223, от 7 октября 1920 г.).

В виду того, что на ряду с горячими сторонниками единоличия наблюдаются в большом числе и сторонники коллегиального начала, а в особенности, в виду трудности проведения единоличной системы в ее чистом виде вследствие отсутствия или недостаточности кадра подготовленных к тому лиц, IX с'езд коммунистической партии принял следующее среднее решение:

«В целях более простой и точной организации управления производством, а также в целях экономии организационных сил, с'езд считает необходимым приблизить управление промышленностью к единоличию, а именно: установить полное и безусловное единоличие в мастерских и цехах, идти к единоличию в заводоуправлениях и к сокращенным коллегиям в высших и средних звеньях административно-производственного аппарата» (стен. отч.).

На ряду с этим с'езд настаивает на том, чтобы со всею энергиею продолжалось привлечение рабочих масс к делу управления промышленностью в форме производительной пропаганды, курсов промышленной администрации, назначения помощниками или на самостоятельные административно-производственные должности.

В связи с этой резолюцией IX с'езд вынес еще и другую резолюцию, касающуюся привлечения к промышленности специалистов и техников:

«Одной из задач производственной и обще-политической агитации с'езд считает выяснение широким рабочим массам грандиозного характера стоящих перед страной хозяйственных задач, важности технического образования, административного и научно-технического опыта, и вменяет в обязанность всем членам пар-

тии вести непримиримую борьбу с невежественным самомнением, считающим, будто рабочий класс может разрешить все задачи без использования на самых ответственных постах специалистов буржуазной школы. Тем демагогическим элементам, которые играют на такого рода предрассудках отсталой части рабочих, не может быть места в рядах партии научного социализма» (по стенограф. отчету).

По последним отчетным данным В. С. Н. Х., из давших показания 2.483 наиболее крупных предприятий единоличное управление уже введено в 2.183 предприятиях, а в остальных 300 предприятиях сохранилось коллегиальное начало.

Выше, в общем очерке развития форм организации хозяйственной жизни страны уже было указано на то, что такой процесс хозяйственной организации начался с образования на местах вполне автономных промышленных единиц; но, после того, как период ломки старого фабрично-заводского аппарата управления уступил место более планомерной деятельности по проведению в стране начала национализации промышленности, местные автономные промышленные единицы стали поглощаться центральными органами в форме, так наз. «главков» и «центров»; эти «главки» и «центры» должны были представлять собою своего рода «огосударствовленные тресты» по отдельным отраслям народного хозяйства. Раз возникнув, этот процесс быстро начал развиваться в сторону чрезвычайной централизации и скоро вызвал к себе очень враждебное отношение со стороны обессиленных местных промышленных организаций. Началась борьба против, так назыв., «главкократии».

Очень отчетливую картину этой борьбы рисует одна из резолюций, принятых на IX с'езде коммунистической партии (весной 1920 г.):

«Нынешняя форма организации промышленности является формой переходной. Рабочее государство национализовало капиталистические тресты, пополнив их отдельными предприятиями той же отрасли промышленности, и по типу этих трестов об'единило предприятия нетрестированных при капитализме отраслей промышленности. Это превратило промышленность в ряд могущественных вертикальных об'единений хозяйств, изолированных друг от друга и только на верхушке связанных Высшим Советом Народного Хозяйства. В то время, как при капитализме каждое трестированное предприятие могло приобретать многие материалы, рабочую силу и проч. на ближайшем рынке, те же предприятия в настоящих условиях должны получать все им необходимое по нарядам центральных органов, об'единяющих эти хозяйства. Между тем при огромности страны, крайней неопределенности и изменчивости основных факторов производства, при расстроенном транспорте, крайне слабых средствах связи, при чрезвычайной еще неточности приемов и результатов хозяйственного учета те методы централизма, которые явились результатом первой эпохи экспроприации буржуазной промышленности и которые неизбежно привели к разобщенности предприятий на местах, имели своим последствием те чудовищные формы волокиты, которые наносят непоправимый ущерб нашему хозяйству».

Насущной организационной задачей резолюция считает следующую: «сохраняя и развивая вертикальный централизм по линии главков, сочетать его с горизонтальным соподчинением предприятий по линии хозяйственных районов, где предприятия разных отраслей промышленности и разного хозяйственного значения вынуждены питаться одними и теми же источниками местного сырья, транспортных средств, рабочей силы и проч». Исходя из таких соображений, с'езд определенно высказывается за предоставление бо́льшей самостоятельности местным хозяйственным организациям и за необходимость принятия всех мер к тому, чтобы увеличить непосредственную хозяйственную заинтересованность местного населения в результатах промышленной деятельности всей страны в ее целом».

В этих видах с'езд проектировал создание особых «областных бюро», которые бы действовали на основании полномочий, предоставляемых им центральными органами советской власти, но в интересах под'ема местных производительных сил.

Если эту резолюцию сопоставить с более ранним постановлением III с'езда Совнархозов, то несомненно обнаруживается хоть и не решительный поворот от крайнего централизма к признанию, хотя пока и в скромной доле, самостоятельности за местными хозяйственными организациями. Постановление III с'езда Совнархозов признавало полное господство принципа централизма «по роду специальных отраслей, действующих по единым общегосударственным планам и формам, на подобие системы государственных трестов, выступающих каждый раз, как одно целое, независимо от расположения, местонахождения и количества предприятий». На местные органы, согласно этому поста-

новлению ложится, обязанность только выполнения планов и применения общих принципов, устанавливаемых в центрах (цит. по «Экон. Ж.» № 96 от 6 мая 1920 г.).

Борьба с «главкократией» еще не закончилась и до настоящего времени. Неуверенные и сами по себе незначительные шаги, которые сейчас делает советская власть в сторону промышленной децентрализации, естественно, не удовлетворяют сторонников местной хозяйственной автономии. С другой стороны, слишком далеко проводимая самостоятельность в хозяйственной области легко может угрожать равномерному развитию и преуспеянию всего народного хозяйства страны, как одного целого. С этим последним обстоятельством сталкивается и еще один более широкий вопрос, остающийся не только совершенно неразрешенным, но даже и не разработанным сколько-нибудь удовлетворительно; это — вопрос об едином хозяйственном плане. Рациональное решение этого вопроса могло бы значительно успокоить стороны, борющиеся по поводу «главкократии». Это заставляет исследователя несколько ближе остановиться на указанном сейчас вопросе об едином хозяйственном плане, тем более, что в связи с ним стоит решение еще одного элемента советской экономической политики, элемента, выдвинувшегося в самое последнее время; это — вопрос о привлечении иностранного капитала, вообще, и, в частности, вопрос о концессиях.

5. Единый хозяйственный план.

Идея единого хозяйственного плана, как ни странно может это показаться, возникла сравнительно еще очень недавно. Впервые смутно об этом заговорили только уже на третий год господства советского режима, т. е. в конце 1919 года и в начале 1920 г., когда по признанию «Экономической Жизни» «истощились окончательно запасы важнейших материалов и сырья, доставшихся в наследство» от предшествовавшего капиталистического строя, и когда «все хозяйственные расчеты приходилось строить уже на собственном текущем производстве» (№ 118 от 3 июня 1920 г.).

Но не совсем было бы правильно думать, что сторонники советско-коммунистического режима при захвате государственной власти в свои руки вовсе не имели бы никакого хозяйственного плана. Напротив, некоторый план был, но он был рассчитан на совершенно иной порядок вещей, чем тот, который фактически сложился под непосредственным воздействием развернувшихся революционных сил. Знакомясь ближе с теми программами, которые вырабатывали вожди октябрьской революции, с очевидностью убеждаешься в том, что не они вели за собою революционную массу, а что эта самая революционная масса творила новый уклад хозяйственной жизни и вынуждала этим своих вождей, не отставая от нее, давать происходящему свою санкцию.

В самом деле, уже из тезисов Ленина весною 1917 года мы видели, что речь шла не только об отрицании введения коммунизма, но что там не упоминалось даже и самой идеи национализации. По первоначальной мысли самих коммунистов речь могла идти только о регулировании фактически существовавшего капиталистического строя через посредство государственной власти, которая бы находилась в руках представителей коммунистической партии. В этом легко убедиться, например, из нижеследующей «экономической программы» Центрального Исполнительного Комитета, опубликованной в оффициозных «Изв. Сов. Раб. и Солд. Деп.» 18 ноября 1917 года, т. е. уже после того, как государственная власть была в руках вождей коммунизма.

Познакомимся ближе с некоторыми положениями этой программы.

Своей основной задачей она признает «устранение кризиса недопроизводства необходимых предметов, обеспечение непрерывности и расширения работы полезных производств, достижение удовлетворения наиболее настоятельных нужд населения в области личного и хозяйственного потребления».

Для достижения этой задачи программа считает необходимыми следующие меры:

«1. принудительно трестировать: а) производство сырья и средств производства, б) производство рационированных или легко поддающихся рационированию предметов первой необходимости и устойчивого массового потребления, в) транспортные средства и г) банки;

2. в каждом промышленном тресте, в меру жилищных и географических возможностей сосредоточить производство в крупных технически совершенных предприятиях, введя работу в несколько смен (3—4);

3. на каждый трест возложить немедленно организацию перехода к «мирному» производству согласно обще-государственному хозяйственному плану, введя при этом в правление каждого треста представителей учреждений государственного регулирования хозяйства;

4. все акции сливающихся в тресте предприятий заменить сообразно курсу именными акциями треста (с правом перепродажи при условии регистрации фамилий новых владельцев), — причем возможна гарантия предельной доходности;

5. для содействия контролю за осуществлением общего государственного хозяйственного плана учредить рабочий контроль, подчиненный органам государственного регулирования;

6. местным учреждениям поручить синдицировать, частью муниципализировать розничную торговлю продовольствием, равно снабжение квартирами (используя кооперативы и домовые комитеты);

7. в каждой волости местному земству (?) поручить синдицировать всех сельских хозяев, во-первых, для организованного сбыта продовольственных продуктов, и во-вторых, для организованных закупок и распределения сельско-хозяйственных орудий, мануфактуры и проч., с участием в правлении синдиката представителя органов государственного регулирования».

Говоря другими словами, первоначально-намечавшаяся программа советской власти стояла прежде всего на признании существующего строя с частной собственностью на средства и орудия производства, лишь требуя: во I-х, составления государственного хозяйственного плана и во 2-х, подчинения ему всех производственных организаций при участии правительственного агента.

С этой стороны программа 18 ноября 1917 года вполне покоится на приведенном уже выше тезисе Ленина от 4 апреля: «не введение социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны Сов. Раб. Деп. за общественным производством и распределением продуктов». В соответствии с этой программой находится и опубликованное 8 декабря 1917 года «Положение о рабочем контроле».

Но внешние обстоятельства не подчиняются намерениям вождей коммунистической партии: в ответ на «саботаж» буржуазных классов советская власть об'являет реквизицию бумажных и металлических ценностей — в форме декрета о ревизии стальных ящиков в банках и о национализации банков (17 дек. 1917 г.), согласно декрету от 29 декабря 1917 г. прекращаются платежи по купонам и дивидендам, а затем несколько позже (декр. от 27 января 1918 г.) конфискуются и самые акционерные капиталы частных банков. Одновременно с этим в области промышленности происходит захват фабрик рабочими, изгнание владельцев, конфискация их имущества, и советский режим сам собою из системы государственного регулирования хозяйственно-капиталистических отношений переходит в попытку «введения коммунизма» в форме государственного социализма. Первоначально отмечавшаяся программа советского правительства отходит на задний план; идея единого хозяйственного плана забывается и начинается эпоха декретов, большею частью лишь закрепляющих на бумаге то, что творит ничем несдерживаемая революционная воля народа.

Лишь начавшиеся скоро военные действия против интервентированных иностранных войск и контр-революционных белых войск заставили советскую власть вновь взять в свои руки регулирование промышленности, ставя при этом себе новую более узкую, но зато и более конкретную цель — направить все производство на удовлетворение главным образом — или иногда даже исключительно — одних военных потребностей. Восстановление войска, приведение его в боеспособное состояние и самая победа советской красной армии над ее врагами стоили чрезвычайных усилий не только одним сторонникам и защитникам советского режима, но и всему народу, подвергавшемуся голоду и лишениям; в результате этих неимоверных усилий советская власть одержала победу на всех фронтах, но за эту победу она заплатила полным истощением не только оставшихся от прежнего времени запасов, но и истощением самых производительных сил народа. И когда после поражения ген. Врангеля и окончания войны с Польшей наступил момент «мирного хозяйственного строительства», Россия вдруг оказалась охваченой чрезвычайно тяжелым хозяйственным кризисом. Об этом кризисе и его причинах еще придется говорить дальше несколько подробнее; тут можно только отметить, что он явился не совсем неожиданным для тех, кто внимательно следил за постепенным ухудшением состояния народного хозяйства в Советской России; даже самим

коммунистам еще весною 1920 года было ясно приближение этого кризиса и тогда впервые вновь выдвинулась идея бо́льшей систематичности и планомерности в деле восстановления национальных производительных сил.

Идея единого хозяйственного плана, имеющего в виду установление строгой пропорциональности между отдельными частями народного хозяйства, во всем своем громадном значении впервые встала перед сознанием руководителей советской экономической политикой только весной 1920 года на IX-м с'езде коммунистической партии. Одна из резолюций, принятых этим с'ездом, прямо устанавливает, что «основным условием хозяйственного возрождения страны является неуклонное проведение единого хозяйственного плана, расчитанного на ближайшую историческую эпоху». И далее намечается и самый план: «В соответствии с глубиной хозяйственной разрухи и прямым обнищанием страны, хозяйственный план распадается на ряд последовательных, друг друга обусловливающих, коренных задач, а именно: а) в первую голову улучшение состояния транспорта, подвоз и образование необходимейших запасов хлеба, топлива и сырья; затем б) машиностроение на транспорт и на добычу топлива, сырья и хлеба; далее в) усиленное развитие машиностроения на производство продуктов массового потребления и, наконец, г) усиленное производство самых продуктов массового потребления».

Вряд ли этот перечень задач, следующих по степени и в порядке их насущной потребности, можно назвать хозяйственным «планом» и вряд ли даже сами авторы его придавали ему серьезное значение для разрешения вопроса. Во всяком случае вопрос об едином хозяйственном плане привлек к себе с этого времени особенное внимание и с тех пор он уже почти не сходит со страниц советских органов периодической печати. Большое внимание этому вопросу было уделено также и на VIII-м с'езде советов, в декабре 1920 г. Фактически, однако, как уже было говорено раньше, и это новое обсуждение идеи единого плана не дало никаких видимых положительных результатов в ц е л о м, хотя на некоторые частные стороны хозяйственной политики это обсуждение и имело, как мы это увидим далее, несомненное влияние.

Трудность вопроса об установлении единого хозяйственного плана для рационального направления производительных сил

страны, обусловлена не столько составлением самого плана, сколько условиями и средствами для его осуществления в жизни.

Всякий план действий покоится прежде всего на учете наличных сил; такого учета или вовсе не существует в настоящее время в России (как его не существовало и раньше), или если такой учет и существует, то в весьма недостаточном виде в смысле полноты, точности и действительности числовых данных.

Затем, всякий план действий необходимо требует твердой уверенности в своей позиции. Советский режим и поддерживающая его советская власть не может чувствовать под собою твердой почвы до тех пор, пока не привлечет на свою сторону самых широких масс населения, и пока не получит признания со стороны государственной власти других стран; до тех же пор у советской власти господствует полная уверенность во враждебном настроении и даже в возможности враждебных действий против нее, как внутри страны, так и извне.

Наконец, сколько нибудь прочный и рациональный план действий может быть установлен лишь тогда, когда над головою не висит Дамоклов меч голода и неизбежно с ним связанных голодных бунтов и восстаний; когда по удовлетворении первых приступов голода есть возможность расчитывать на накопление таких запасов, которые бы направлялись на воспроизводство промышленности и прежде всего на воспроизводство орудий и средств производства.

У советской власти не имеется ни одного из указанных сейчас трех основных условий, необходимых для того, чтобы идея единого плана являлась не досужей фантазией мечтателей, а реальным базисом для рациональной экономической политики. И прав Ленин, когда он очень скептически относится к неизбежности немедленного составления какого либо конкретного проекта единого хозяйственного плана. Не отрицая необходимости тщательного учета всех результатов текущего народного производства, настаивая на необходимости тщательного изучения всех особенностей производительных сил в России, Ленин считает составление в настоящий момент хозяйственного плана излишним, ссылаясь при этом на то, что такой план уже имеется по отношению к «электрофикации России» («Правда» № 39, 1921). Тут не только указание на то, что выдвигаемые временем и еще неиспытанные новые промышленно-технические средства могут

подорвать всякие расчеты и плановые построения, и, что потому необходимо предварительно опытным путем ознакомиться с практическими результатами «электрофикации», как нового социально-экономического фактора; но, кроме этого общего и вполне правильного указания, в приведенных словах Ленина скрыта горькая ирония по отношению ко всему тому, что создалось в итоге векового систематического подчинения экономики политике, т. е. игнорирования условий развития производительных сил в слепом стремлении отстаивания, во что бы то ни стало, тех или иных условий сохранения данного политического строя.

Сторонникам современного советского режима в России, как последователям К. Маркса, приявшим учение об экономическом материализме, должно быть до самоочевидности ясно, что никакие внешние победы государственной власти, никакая «диктатура», — ни классовая, ни личная — не в состоянии обеспечить сколько-нибудь действительного и длительного успеха по отношению к такому социально-политическому режиму, который не подчинит своих чисто политических требований требованиям наибольшей национальной производительности. Если бы такие требования развития производительных сил страны оказались бы почему-либо не соответствующими данному политическому строю, то это обнаружило бы только полную несостоятельность этого последнего и потребовало бы от сторонников этого строя немедленного коренного пересмотра всех тех предпосылок, на которые этот строй опирается.

Какие бы перемены в политическом строе России не угрожали бы нам в будущем, в одном можно быть вполне уверенным, что, в конце концов, только тот государственный строй окажется наиболее прочным, который с'умеет в наибольшей степени приблизиться к требованиям наибольшей производительности народного хозяйства России. В этом отношении вера в «электрофикацию России» имеет под собой несравненно более прочное основание, чем вера в творческую силу «диктатуры пролетариата».

И в этом отношении сами коммунисты не закрывают глаз на раскрывающуюся перед ними печальную и, быть может, роковую для России действительность.

«Прежде всего, — говорил Троцкий на IX-м с'езде коммунистов, — нам надо выбраться из той топи, в которой мы погрязли по самую шею. Пока еще воз нашего хозяйства не сдвинут с

места, и нужно, чтобы нас не слишком обманывал размах полемики и словесного под'ема; потому что серьезного и несомненного улучшения нет ни в одной основной области. Нажим лучших коммунистов дал чуточное улучшение в транспорте и то лишь на поверхности, а не в основе».

Чтобы выйти из этого положения, VIII с'езд советов (в дек. 1920) настаивал на приложении правительством всех возможных мер к поднятию производительных сил страны. И среди этих мер вновь было указано на необходимость работ по составлению единого хозяйственного плана, если не для текущего момента, то для ближайшего будущего.

В осуществление этого постановления VIII-го с'езда советов при Совете Труда и Обороны, как указывалось уже в начале настоящей главы, весной 1921 г. была образована общеплановая комиссия для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана на основе представленного этому с'езду и им одобренного плана электрофикации.

Комиссии предложено разработать связанные с этой последней хозяйственные задачи первой очереди, в особенности те, которые должны быть осуществляемы в ближайший срок, в частности, в течение 1921 г., наиболее детально, с полным учетом наличных условий конкретной экономической действительности.

Но на ряду с этим ближайшим планом, исходя из выясняющихся уже последствий электрофикации, общеплановая комиссия должна заняться и разработкой более широкого единого общегосударственного хозяйственного плана, способа и порядка его осуществления. В связи с этим стоит также и выработка мер общегосударственного характера по развитию знаний и организации исследований, необходимых для осуществления единого хозяйственного плана, по использованию и подготовке нужного для того персонала, по распространению среди широких кругов населения сведений о плане народного хозяйства, о способах его осуществления и о формах соответственной организации труда. Председателем комиссии назначен инициатор «электрофикации России» инж. Г. М. Крыжановский.

Итак, с переходом народного хозяйства из «боевого» на «мирное» положение в советской организации национальных производительных сил должны произойти значительные изменения. Со стороны внешней организации более отчетливо и

твердо должны быть проведены пределы между центральными и местными органами в сторону расширения местной хозяйственной самодеятельности. Со стороны внутренней — с бо́льшей силой должен быть выдвинут и решен вопрос о поднятии народной производительности. С этим вопросом стоит в тесной связи выдвинутый советской властью новый производственный фактор — электрофикация; этот фактор может дать прочную основу для составления и осуществления единого для всей страны рационального хозяйственного плана.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДЕЛО.

1. Продовольственное дело до революции. — 2. Продовольственная политика Временного Правительства. — 3. Первые продовольственные опыты Советской власти. — 4. Политика продовольственных заготовок. — 5. Политика продовольственного снабжения.

1. Продовольственное дело до революции.

Продовольственная проблема, вследствие военных и революционных затруднений выступившая сейчас на первый план русской экономической политики, по существу не является чем то совершенно для нее новым. Напротив, корни этой проблемы таятся еще в первых веках государственного строительства далекой Московской эпохи.

Неурожаи и вызываемые ими голод и безработица огромнейших масс не только городского, но и сельского населения еще с XVII века выдвинули вопрос о мерах продовольствования этих масс. Отсюда еще задолго до войны и революции продовольственное дело носило у нас определенный отпечаток правительственных мероприятий — правда весьма паллиативного характера —, направленных против таких стихийных бедствий, как неурожаи, или точнее — таких вытекавших из неурожаев явлений, как голод и безработица.

Война и последовавшая за ней во время революции хозяйственная разруха, естественно, должны были расширить и углубить эту проблему, включив в нее мероприятия по снабжению многомиллионной армии, с одной стороны, и тыла — с другой. Наконец, с приближением окончательного истощения производственных средств в стране, продовольственная проблема и связанное с нею продовольственное дело заняли доминирующее и решающее положение по отношению к самому существованию России, как самостоятельного государства. Поскольку этим решается роль России в мировом хозяйстве, продовольственная проблема выходит даже из государственных рамок одной какой либо страны, становясь в настоящее время одною из наиболее широких экономических проблем мирового значения.

Вместе с этим и внутри всякой страны не только во время войны, но и в повоенную эпоху продовольственное дело стало тем основанием, на котором должна покоиться рациональная организация всех производительных сил всякого народа.

Соответственно такому росту своего значения рациональное разрешение продовольственной проблемы в каждый отдельный ее исторический момент предполагает прежде всего установление и исследование тех причин, в силу которых наличный торгово-промышленный аппарат оказывается недостаточным и требует особых мероприятий со стороны государственной власти. Далее разрешение этой проблемы обусловлено самым характером и об'емом принимаемых государственной властью мероприятий. И, наконец, рациональное разрешение продовольственной проблемы зависит от установления надлежащей организации для осуществления намечаемых правительством мер и средств.

Таким образом основное содержание самой продовольственной проблемы заключается в установлении надлежащей организации мероприятий, направленных к устранению причин (и их последствий), нарушающих нормальный, установившийся ход народно-хозяйственной жизни под влиянием стихийных явлений или событий.

До войны, как было сказано, такими причинами у нас были стихийные неурожаи, влекшие за собою голод и безработицу. В зависимости от напряженности этих бедствий в различное время у нас принимались разные меры. Все их можно однако свести к двум основным категориям. Это были во I-х, такие меры, которые направлялись исключительно или преимущественно на обезпечение пострадавшего от неурожая населения, которому угрожал голод; сюда относятся такие мероприятия, как непосредственное пропитание населения, меры обезпечения покупки хлеба по дешевой цене и продовольственная ссуда. Затем во 2-х, мы имеем мероприятия с явно выраженным хозяйственно-производственным характером, т. е. мероприятия, направляемые на то, чтобы не только обезпечить пропитание, но и поддержать трудоспособность пострадавших и предупредить крестьянское хозяйство от угрожающего ему разорения или упадка; к этой второй категории мер относились: общественные работы, семенная ссуда, поддержание скотоводства и др.

Что касается организационного момента в деле осуществления всех этих многочисленных мероприятий, то в до-военное время

тут преобладал правительственный элемент над общественным; и даже было время, когда общественность у нас вовсе не допускалась к делу продовольствования пострадавшего от неурожаев населения. Только в последнее десятилетие, предшествовавшее войне, в особенности со времени введения конституционного строя, на ряду с правительственною властью (центральными и местными обще-административными органами) выступает роль земства и общеземской организации. Центральным и монопольным ведомством, сосредоточившим в своих руках все продовольственное дело — как осуществление его, так и высший надзор над деятельностью земств в этом направлении — у нас было министерство внутренних дел.

Вспыхнувшая летом 1914 года мировая война самым решительным образом изменила, как самый характер продовольственного дела в России, так и организацию по осуществлению в ней продовольственных задач и мероприятий.

В первые два года войны продовольственная задача правительства органичивалась заботами о снабжении армии. В деле осуществления этой задачи на ряду с правительственным органом в лице министерства земледелия выступили и общественные организации в лице военно-промышленных комитетов и двух Всероссийских союзов — Общегородского и Земского.

В конце второго года войны правительственный орган был уже вынужден перейти к снабжению хлебом также и части населения, в особенности городского. С сентября 1916 года, когда введенные еще ранее твердые цены на хлеб были об'явлены обязательным для всех сделок, снабжение населения приняло еще большие размеры.

Наконец, с марта 1917 года, когда уже при Временном Правительстве устанавливается хлебная монополия, все снабжение хлебом как армии, так и тыла, впервые переходит всецело в руки правительства.

В этих целях создается особый, новый, очень сложный и подвергающийся частым изменениям государственный аппарат с привлечением к делу и некоторых общественных элементов. Хоть этот вопрос имеет в настоящее время чисто-исторический интерес, он все же заслуживает быть отмеченным здесь для характеристики и оценки всех тех многочисленных попыток, которые не только не спасли страну от надвигавшегося на нее голода, но, быть может, в значительной степени даже содействовали его

приближению, расшатывая своими действиями и без того уже с каждым днем сильно слабевшую старую государственную власть.

Что же это были за учреждения и какими мерами пытались они разрешить выдвинутую войной в необыкновенных размерах продовольственную проблему?

Тотчас по об'явлении войны законом 1 августа 1914 года при существовавшем тогда главном управлении землеустройства и земледелия учреждаются особые органы в лице «уполномоченных», назначаемых из общественных цензовых элементов, главным образом из членов Государственной Думы и Государственного Совета, председателей земских управ, биржевых комитетов и т. д. На эти органы, вполне подчиненные главному управлению земледелия и землеустройства, возлагались функции по производству закупочных операций для армии, по заказам военного ведомства. Не смотря на весьма благоприятные тогда условия рынка (хороший урожай, отсутствие заграничного вывоза) эти закупочные операции встретили целый ряд затруднений для успешного своего выполнения и дали самые отрицательные результаты.

Вследствие неумелости взяться за дело «уполномоченные» во многих местах до такой степени вздували спрос на зерно, что тотчас необыкновенно быстро начали расти цены на хлеб, а вследствие неурегулированности отношений между армией и тылом, этот последний начал быстро оголяться в продовольственном отношении, тогда как в районах занятых войсками, оказывались чрезмерные излишки, погибавшие или переходившие в руки врагов. Со всем этим на почве повышения цен и постепенного сокращения предложения начала зарождаться спекуляция, — этот верный признак и неизбежный спутник всякой хозяйственной дезорганизации.

Когда даже правительственные сферы убедились в недостаточности института «уполномоченных», к делу продовольствования армии привлекаются новые, на этот раз коллективные продовольственные органы, членами которых входят прежние «уполномоченные», а кроме них представители обще-административных местных органов — губернаторов, управляющих государственным контролем и т. д. Во главе новых органов становится военная власть в лице командующих военным округом. Мероприятия этих органов сводятся к трем категориям: во 1-х, ими устанавливается запрет вывоза нужных для армии предметов, во 2-х, фиксируются цены на такие предметы и в 3-х, наконец, в случае отказа продавать эти предметы по установленной цене, об'является реквизиция их с понижением цен на них в 15%.

Эти меры знаменуют собою наступление нового момента в продовольственной политике старого строя: с этого момента правительственная власть впервые пытается вступить на путь мероприятий, регулирующих хозяйственную жизнь в ее целом, хотя, правда, пока еще только в интересах рынка для обеспечения армии. Однако эти первые шаги по регулированию хозяйства страны были весьма неуспешны. Оказалось слишком много хозяев без единого руководящего их действиями центра и без общего плана, имеющего в виду хозяйство страны, как единого целого; наконец мерам чисто запретительного характера не было противопоставлено никаких мер характера положительного, в целях обезпечения самой производительности народного труда.

«Разбросанные и разрозненные действия местных продовольственных инстанций, оторванных в значительной степени от центрального учреждения (гл. управл. землеустройства и земледелия) дали в короткий срок такие нежелательные результаты, что уже через месяц явилась необходимость заменить их каким либо иным учреждением или, по крайней мере, подчинить их регулирующей деятельности об'единяющему и регулирующему органу» — такое замечание делает по поводу этих органов один из авторов коллективного труда «Регулир. мероприятия правит. и общ. власти в хоз. жизни за время войны» изд. Всероссийского Союза Городов (1917).

Такой об'единяющий и регулирующий орган действительно создается 19 мая 1915 г. в лице «Главного Продовольственного Комитета» в центре с «губернскими продовольственными комитетами» на местах. По своему составу и общему характеру деятельности, новый орган является правительственным учреждением обычного типа: председателем главного комитета являлся министр торговли и промышленности, а на местах — губернаторы; членами комитетов назначались обычные представители общеадминистративных органов — центральных и местных. Новый чисто бюрократический орган не оказал никакого влияния на сущность продовольственного дела. «Он отцвел, не успевши расцвести». И уже через два месяца, 19 июля 1915 года, военный министр вносит в Государственную Думу проект об образовании под его собственным председательством «Особого Совещания». Но проект этот не встречает сочувствия со стороны членов Гос. Думы и эта

последняя сама выдвигает собственный проект, который получает законодательную санкцию 17 августа 1915 г.

Согласно новому закону, образуются, в соответствии с основными отраслями хозяйственной жизни страны четыре центральных органа с собственными уполномоченными на местах. Этими органами являются «особые совещания»: по обороне (при военном мин.), по перевозкам (при мин. пут. сообщ.), по топливу (при мин. торг. и пром.) и по продовольственному делу, (вновь перешедшему в гл. упр. земл. и земл.). Эти четыре «особых совещания» увенчиваются (по указу от 9 декабря 1915 г.) еще одним общим для них всех органом — «Сверх-Совещанием», состоящим только из четырех соответствующих министров и еще министра внутренних дел в качестве председателя. Цель нового органа — улажение возможных междуведомственных трений и конфликтов.

Этими «совещаниями» в сущности и завершается процесс создания центральных и местных правительственных органов по урегулированию хозяйственной жизни страны до революции. Обнаружившаяся на деле полная их недостаточность вынудила государственную власть допустить к разрешению продовольственных затруднений еще и общественные организации.

Выступление общественных сил в деле регулирования хозяйственных отношений во время войны имеет тоже свою историю.

Прежде всего была выдвинута идея «организации тыла». Эта идея состояла в том, чтобы «поддержать нормальное функционирование народного хозяйства, защищать и охранять хозяйственный организм страны от всех потрясений, вызванных войною, призывом запасных в армию, расстройством товарообмена, кредита и т. д.». С таким обращением к обществу еще в самом начале военных действий выступило Вольно-Экономическое Общество в Петербурге.

Несколько позже, в мае 1915 года была выдвинута идея мобилизации промышленности, по примеру подобного опыта в Германии. Ссылками на Германию периодическая печать ратовала за то, чтобы для «мобилизованной промышленности было бы пожертвовано обычными потребностями хозяйства, нуждами тыла ради лучшего обслуживания нужд войны», чтобы «эта мобилизация промышленности строилась на совсем новых началах — с заменою принципов личной инициативы и свободного сотрудничества принципами принудительности и внешней регламентации» (газ. Речь 1915 г. № 472).

Эту идею широко пропагандировал и орган московской промышленности «Утро России». Вот, например, что писала эта газета (от 23 мая 1915 г.):

«Надо, не медля ни одной минуты, мобилизовать всю промышленность и приспособить все фабрики и заводы только к нуждам войны. Требование рынка и частного обихода должны быть поставлены на задний план, а каждое предприятие, которое нужно для войны, должно быть усилено станками и машинами с тех фабрик, где не производятся работы для обороны. Все рабочие должны быть мобилизованы, переведены на военное положение и прикомандированы на те предприятия, где они нужны, так как в такое время работа у станка или при машине также ответственна и нужна, как часовой на передовых позициях».

На ряду с этой идеей, которая, как мы увидим далее, нашла себе полное выражение лишь во время революции, да при том еще после октябрьского переворота, тогда же общественным самосознанием была выдвинута и идея необходимости регулирования всего народного хозяйства, как единого целого. Она исходила из более чутких сфер общественности, не доверявших кличу, поднятому промышленно-националистической прессой, — «все для войны». Сторонники новой идеи отказывались принять слишком упрощенное понимание идеи мобилизации промышленности, и, возвращаясь к первоначальной идее, утверждали, что призыв «все для войны» означает «ничего для тыла»; а между тем, организованный тыл представляет такую же существенную необходимость в деле обороны страны, как и организация снаряжения для непосредственных нужд войны.

В то время, как идея «милитаризации» промышленности нашла себе внешнее выражение в односторонне представленных интересами крупного производства военно-промышленных комитетах, идея общего планомерного регулирования всей экономической жизни страны пыталась опереться на более широкие демократические круги населения и имела своим внешним выражением такие организации, как «Всероссийский союз городов» и «Всероссийский Земский Союз».

Для оценки деятельности всех этих общественных организаций сейчас у автора под рукой не имеется достаточных данных; быть может, что и вообще еще не наступило время для такой оценки, которую дадут нам лишь будущие историки об-

щественного движения в России в дореволюционную ее эпоху. Трудно сейчас учесть, насколько русская общественность была вообще в состоянии, если не вовсе предотвратить, то задержать и ослабить быстро приближавшуюся хозяйственную разруху. На ряду с недостаточностью для того собственных сил и средств русская общественность встречала на своем пути почти непреодолимыя препятствия с двух сторон: со стороны слепой и упорной, неспособной и все мертвящей русской автократической бюрократии и со стороны идущего у нее на поводу, лишенного живых творческих сил, недальновидного и несамостоятельного, алчного и хищного русского частного капитала.

Чтобы покончить с вопросом о состоянии продовольственного дела в период мировой войны, укажем вкратце на те меры, которыми старая правительственная власть думала разрешить, стоявшую перед ней продовольственную проблему.

Все эти меры можно расчленить на два рода соответственно двум основным сторонам продовольственного дела, а именно, одни меры имели в виду заготовку необходимых продуктов (главным образом хлеба); другия меры ставили себе задачей более равномерное распределение имеющихся в стране продовольственных запасов.

К первой из этих групп мероприятий относятся прежде всего «закупочные операции», производимые конкурирующими между собою всякого рода правительственными органами, между прочим, и в лице «уполномоченных» (для армии) и общественных организаций — городских и земских — главным образом для широкого потребления. Никаких общих планов по таким закупочным операциям ни у тех, ни у других учреждений не существовало, и уже этого одного было достаточно, чтобы дискредитировать эту меру в глазах производителей и вызвать с их стороны естественное стремление к наживе в виде повышения цен. Для борьбы с такими естественными и неизбежными следствиями дезорганизации рынка правительство прибегало к различным другим мерам, как например, установление твердых цен по отдельным районам для оптовых закупок специальных видов товара. Недействительность и недостаточность таких средств потребовали от правительства мер более решительного характера, как например, запрещения вывоза продуктов из одной области в другую и реквизицию, как кару за неисполнение вышеуказанных мер.

Что касается продовольственных распоряжений правительства по распределению продуктов, то и тут на первое место была выдвинута мера по фиксации рыночных цен в форме таксации. Для рационального проведения этой меры правительство, однако, не имело достаточно авторитетного единого решающего органа, и различные власти в разных местах устанавливали в розничной продаже цены на товар, так сказать, «наугад», т. е., по полному личному усмотрению и произволу. Отсюда само собою вытекало отсутствие какой либо гарантии в рациональности такой меры и в фактической возможности ее исполнения.

«Психологически такса воспринималась, как новый вид административного взыскания, и люди вкладывали всю свою изобретательность в дело всяческого уклоненія от него» («Регулир. мер», стр. 15).

Вследствие недостаточности таксации скоро были выдвинуты и в данной области более решительные меры, как например, ограничение потребления известного рода продуктов (мяса) путем продажи их лишь в некоторые строго определенные дни недели; или путем отпуска продуктов в одни руки в строго ограниченном количестве (система порционная или «пайка»). Наконец, в тех же общих целях более равномерного распределения продуктов, имевшихся в стране в более ограниченных количествах, широко была распространена карточная система, при которой, обыкновенно, регламентируется максимальный пай, но не гарантируется его фактическое получение.

Все перечисленные меры, как средства борьбы с надвигавшейся хозяйственной разрухой, имели, конечно, весьма слабое практическое значение; но они весьма показательны, во-первых, для самого факта приближения этой хозяйственной разрухи с неизбежным ея спутником спекуляцией и, во-вторых, для обнаружения полной безпомощности старой правительственной власти противопоставить разрушительным действиям войны живые органические силы по восстановлению производительных сил страны. Отсюда само собою стало быстро расти всеобщее неудовольствие в населении, которое с каждым днем все более ощутительно чувствовало на себе приближение голода и всеобщего обнищания. В этот именно момент и вспыхнула революция.

2. *Продовольственная политика Временного Правительства.*

Основой продовольственной политики Временного Правительства служили, главным образом, его заботы по снабжению армии и населения хлебом. По отзывам периодической печати того времени «дело такого снабжения перешло к новому режиму от старого в состоянии, близком к катастрофическому» (Торг. Пром. Газ. № 91. 1917). Из всего подлежавшего заготовке количества хлеба, определенного старым правительством в 772 милл. пудов, с начала кампании (т. е. с осени 1916 года) до конца февраля 1917 г. было закуплено около 53%, а поступило фактически менее 33% всего подлежавшего заготовке количества хлеба.

«Хлебные магазины были пусты, говорит та же газета, принцип твердых цен был дискредитирован постоянными их колебаниями, поступление хлебов от производителей шло туго, не смотря на попытки старого режима (в лице Риттиха) спасти положение всякими льготными надбавками к твердым ценам и даже готовностью итти на такие решительные и крайние меры, как система принудительной разверстки».

Но и с переходом государственной власти к новому революционному правительству дело мало изменилось к лучшему. Несмотря на целый ряд самых настойчивых призывов и воззваний правительства и демократических организаций (в том числе и Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов) фактически среднее недельное поступление хлебов в марте месяце оставалось почти таким же, что и раньше (ок. 12 милл. пуд.), что покрывало тогдашнюю потребность армии лишь на 58%, а населения — на 41%. Но уже с следующего месяца наступило дальнейшее значительное ухудшение; и недельное поступление хлеба начало сильно падать не только в сравнении с первым месяцем революции, но и с последними месяцами господства старого режима.

Безуспешность нового правительства в деле снабжения хлебом армии и населения официальная печать того времени объясняла «полным расстройством железно-дорожного транспорта, наступлением весенней распутицы, крайне затруднившей гужевой подвоз, пасхальными праздниками, началом сева и полевых работ, вообще». Однако, вряд ли в этих внешних условиях, как бы они ни были в самом деле тяжелы и неблагоприятны, можно видеть сущность безуспешности новой революционной власти в продо-

вольственном деле. Основную причину ее скорее следует искать в непонимании этой власти всей огромности стоявшей перед нею продовольственной проблемы в ее целом, в неумении сразу отказаться от господствовавшего при старом режиме казенного узко-бюрократического взгляда на дело, в игнорировании того обстоятельства, что продовольственное дело является одной из неразрывных частей всей экономической политики и обусловленного ею хозяйственного уклада, подвергшегося разрушительному воздействию уже наступавшего общехозяйственного краха страны.

Со стороны своей внешней организации продовольственное дело за время господства Временного Правительства подверглось значительному изменению. Правда, эти изменения возникали довольно случайно: их рождала стихийная сила революции. Еще в первые дни, когда выступивший со своей деятельностью Совет Рабочих и Солдатских Депутатов взял на себя заботу об организации удовлетворения экстренной нужды и потребности по прокормлению массы войск, скопившихся вокруг Таврического дворца, и собравшейся туда массы народа, была образована продовольственная комиссия, в которой, кроме членов Совета, вошли также и два представителя Государственной Думы. Эта продовольственная комиссия, руководимая представителем Совета В. Г. Громаном и взяла на свои плечи весь груз продовольственного дела, сначала у Таврического дворца, затем ей пришлось вникнуть в вопрос о прокормлении всего Петербурга, а с этим перед нею сам собою встал вопрос и о руководстве продовольственным делом всей страны. Постепенно расширяясь, эта комиссия превратилась сначала в Общегосударственный Продовольственный Комитет, а позже в особое министерство продовольствия с широкой сетью местных продовольственных комитетов.

Возникшие повсюду губернские продовольственные органы носили, однако, по отзыву лиц, стоявших тогда во главе дела, «чрезвычайно пестрый характер в зависимости от момента их возникновения», так как кроме органов, образовавшихся на основании Положения о Продовольственном Комитете, существовали старые продовольственные органы и органы, образованные по телеграфу из центра еще в самом начале революции, и даже «самочинно» организовавшиеся органы, стоявшие в связи с деятельностью местных советов рабочих и крестьянских де-

путатов. Отсюда неоднородность и несистематичность деятельности всех этих «пестрых» комитетов должны были сказаться даже во внешней стороне дела весьма отрицательно.

Что касается самих продовольственных мероприятий Временного Правительства, то они сводятся к следующему: в марте 1917 г. была об'явлена государственная хлебная монополия; в связи с нею, впервые, была осознана необходимость более отчетливого разграничения двух основных функций продовольственного дела — заготовки и снабжения; наконец, в связи с мероприятиями по заготовке Временное Правительство совместно с Сов. Раб. и Крест. Депут. выдвинуло впервые широко-агитационную деятельность.

Так, напр., по распоряжению министра путей сообщения рассылались по линиям железных дорог телеграммы, в которых железно-дорожные служащие извещались о постановлениях по продовольственному делу Петербургского и Московского Советов Раб. Кр. и Солд. Деп. Сущность этих постановлений заключалась в указании на те практические мероприятия, которые могли бы предотвратить надвигающийся тяжелый продовольственный кризис. Мероприятия эти имеют в виду организацию местными советами раб. и крест. деп. рассылки по уездам и волостям хлебородных губерний особых «эмиссаров». На эмиссаров возлагалась агитационная задача: «вырисовывать крестьянам картину и следствия продовольственного кризиса»; вместе с этим эмиссары должны были выяснять наличность на местах свободных запасов продовольственных продуктов и содействовать — «во имя спасения свободы» — подвозу хлеба к пристаням и станциям железной дороги. Рассылая такого рода телеграммы, министр путей сообщения просит железно-дорожных служащих об оказании содействия деятельности эмиссаров.

В составе самих правительственных органов образуются специальные агитационные комиссии. Так, на учрежденную 27 апреля 1917 г. при Продовольственном Комитете «Агитационную Комиссию» возлагались следующие задачи: раз'яснение населению мер по устранению продовольственного кризиса, ознакомление с законом о введенной государственной хлебной монополии и новой продовольственной организации, агитация в целях скорейшего формирования продовольственных комитетов на местах, в особенности волостных; затем агитация должна была быть направлена к привлечению деятельного участия в этих органах

местных демократических элементов, к передаче этим органам учета хлеба, к побуждению населения к обмолоту, сдаче и подвозу хлеба; наконец, указывалось на необходимость согласования агитационной деятельности различных организаций в продовольственном вопросе.

В состав «Агитационной Комиссии» вошли одни только представители общественных и профессиональных организаций. Текущую работу комиссии должно было вести особое «Бюро». Рабочим аппаратом Комиссии в центре являлся соответствующий отдел продовольственного ведомства под руководством «Бюро». Агитационные отряды посылаются на государственные средства, ассигнуемые Комиссией. На местах работа агитационных сил происходит в согласии с правительственными продовольственными органами.

Намеченной Временным Правительством широкой сети продовольственных органов, однако, не удалось сколько-нибудь успешно осуществить основную продовольственную меру празительства — государственную хлебную монополию.

Введенная законом 25 марта 1917 г. хлебная монополия уже с самого начала вызвала против себя большие нападки, в особенности со стороны торгового класса и защитников их интересов.

Так, напр., Рафалович в Торгово-Промышл. Газете (от 8/21 июня 1917 г.) следующим образом оценивает те основные предпосылки, которые необходимы для успешного осуществления этой реформы:

Во-первых, необходимо, чтобы на местах были предусматриваемые законом продовольственные органы, но, согласно имевшимся данным, из означенных местных комитетов к лету (1917 г.) успели образоваться только губернские и отчасти уездные и городские. Комитеты же волостные, на которых возлагались законом наиболее существенные функции в отношении осуществления монополии, а именно такие функции как: определение наличного количества хлебов, организация сбора, приемки и подвоза хлебов, заготовка таковых, выяснение, согласно установленным нормам, количества продуктов, потребных для местного населения, а равно могущего быть из'ятым из употребления этим населением и т. д. — эти волостные комитеты почти до июля месяца нигде еще не образовались. Это об'ясняется, по мнению Рафаловича, отчасти малой осведомленностью населения о задачах и целях, преследуемых монополией, недостаточною ор-

ганизованностью, вообще, населения на местах, отсутствием необходимого персонала для образования местных продовольственных органов и общею инертностью и косностью народных масс» и т. д. Сущность критики сводится к тому, что для проведения хлебной монополии потребуется до 14 тысяч местных продовольственных комитетов, а «создание такой сети продовольственных органов не только еще не выполнено, но и едва ли в близком времени сможет быть осуществлено».

Во-вторых, выполнение закона 25 марта обусловлено предварительной операцией, именуемой в законе «взятием хлеба на учет». Фактически же «никакого учета имеющихся на местах у земледельцев хлебных запасов до лета не удалось произвести, да и не могло быть сделано, за отсутствием на местах органов, которые могли бы выполнить эту сложную и ответственную задачу»... «да и самый учет в техническом отношении представляет огромные затруднения». «Таким образом, заключает свою оценку Рафалович, и в отношении второго из условий, без которого хлебная монополия остается мертвою буквой... положение также представляется весьма мало утешительным».

Другой критик хлебной монополии (Рохович) в этом же органе, но уже несколько позже (12/25 сент. 1917 г. № 197), почти накануне октябрьского переворота, подводя итоги этой продовольственной меры, находит ее тоже недостаточной. Не возражая против основной идеи — передачи всего хлеба государству для правильного его распределения между армией и населением, автор, тем не менее, находит, что «она принадлежит к числу очень многих, весьма прекрасных, но практически трудно осуществимых идей, а всякие опрометчивые мероприятия, наставительно поучает Рохович, к насильственному насаждению таких идей на неподготовленной почве и при несоответствующих условиях часто приносят совершенно противоположные и вредные результаты».

Для успешного осуществления закона о хлебной монополии, по мнению автора, необходима наличность четырех следующих условий: 1) чтобы население добровольно и охотно подчинялось закону и в точности его исполняло; 2) чтобы правительство обладало неограниченной силой власти для того, чтобы заставить непокорных подчиниться закону и силою отнимать хлеб у тех, которые отказываются его давать добровольно; 3) чтобы цены, установленные на хлеб были справедливы и неубыточны для

производителей и 4) чтобы правительство имело в своем распоряжении хорошо организованный... аппарат для успешного исполнения этого важного и в высшей степени сложного дела. Временное Правительство не располагало ни одним из этих условий и тем, будто, обрекало всю хлебную монополию на неуспех.

Приведенные нападки на введенную Временным Правительством хлебную монополию, как бы они ни были основательны и существенны сами по себе, все же характерны прежде всего, как протестующий голос доживавших свои последние дни представителей буржуазно-капиталистических интересов. Все этого рода нападки имели определенную цель — или восстановление частно-торгового аппарата, уже тогда отстраняемого революционною властью от продовольственных заготовок, или повышение твердых цен в интересах землевладельцев и крестьян, хотя бы в ущерб интересам всего народного хозяйства, как единого целого.

Слабое и нерешительное Временное Правительство не устояло против этих нападок и пошло на уступки этим классовым интересам и вожделениям. Первым еще, правда весьма робким, шагом к отступлению от первоначально намеченной реформы было постановление о предоставлении министру продовольствия права привлекать к делу в необходимых случаях представителей торгового класса. Другим последовавшим затем постановлением (от 27 авг. 1917 г.) были повышены на 100% твердые цены на хлеб.

Эта последняя мера послужила основанием для ухода с своего поста А. В. Пешехонова и управляющим министерством продовольствия был назначен С. Н. Прокопович (занимавший раньше пост министра торговли и промышленности). С этой личной переменой в продовольственном деле стоит в связи и перемена в самой продовольственной политике, отступавшей все более от прежних своих оснований. Прокопович еще решительнее выступил за привлечение к продовольственным заготовкам частно-торгового аппарата, необходимого по его мнению в двух отношениях: для момента сбора хлебов и для финансирования всего дела заготовок, требовавших значительных по тогдашнему времени денежных средств (св. 11 миллиардов руб. в год).

Но и эти меры не помогали. Представители с мест на совещании 23 сент. 1917 г. с удивительным единодушием подтверждали, что «хлебная монополия не только не осуществляется в тех фор-

мах, как она была задумана, но по всей вероятности и не осуществится. Есть ряд грозных предостережений в этом смысле: вольная торговля хлебом растет, местные органы бороться с ней не могут» (Т.-Пр. Газ. № 210, 1917 г.).

Наконец, отчаянное положение с продовольствием армии и населения заставило возвратиться и Временное Правительство к тому, к чему пришло и старое правительство накануне краха — к мерам принуждения.

Пред самым переворотом, в начале октября 1917 г. в Совете Российской Республики занявший пост министра продовольствия С. Н. Прокопович произнес большую речь, в которой, обрисовав катастрофическое состояние с продовольствием страны, он между прочим сказал следующее:

«Мы должны перестать быть уговаривающими, мы должны перестать быть главно-уговаривающими. Нам нужно создание органов власти на местах. Уговоры действуют на людей совестливых, но совестливые люди вряд ли идут на эксцессы (как перехватывание баржей с хлебом, самочинный захват хлеба и т. д.). Рядом с ними везде и всюду имеются люди, потерявшие совесть. Относительно этих людей принуждение необходимо. Поэтому я полагаю, что только созданием органов власти на местах и передачей им той материальной силы, при помощи которой они смогут оградить жизнь и неприкосновенность наших агентов на местах, — можно будет правильно поставить разрешение продовольственного вопроса. И я прошу в своей формуле перехода к очередным делам совершенно определенно сказать это стране. Да, этот переход к принуждению является безусловно необходимым, ибо без него мы не сможем спасти ни нашей родины, ни революции» (Т.-Пр. Г. 18—31 ок. 1917 г. № 227).

То, чем закончили свою продовольственную политику прежнее царское правительство и революционное Временное Правительство, было принято, как исходное начало, при восторжествовавшем после октябрьского переворота новом советско-коммунистическом режиме, при чем начало принуждения явилось основанием не только перешедшей и к новому режиму хлебной монополии, но всей продовольственной, а с нею и всей хозяйственной политики советской власти. Таким образом на ряду с элементом принуждения советская власть прочно установила неразрывную связь продовольственного дела со всей экономической политикой правительства. Но и в этом последнем отношении новый советско-коммунистический режим нашел почву значительно для того подготовленной.

Так, напр., еще в самом начале своей деятельности, Продовольственный Комитет в заседании 13 апреля 1917 г., заслушав доклад В. Г. Громана, постановил создать такой специальный орган, который бы взял на себя «разрешение общей проблемы организации и согласования различных отраслей народного хозяйства и труда». Мотивировка этого постановления вполне рациональная и обоснованная сводилась к следующему: «При разрешении продовольственного вопроса общегосударственный продовольственный комитет постоянно сталкивается с неурегулированностью других отраслей народного хозяйства и рабочего рынка. При введении хлебной монополии пришлось решать вопрос о ценах на хлеб, не имея достаточных данных для установления правильного соотношения цен на хлеб с ценами других продуктов, потребляемых деревней. Провозгласив, что весь хлеб, за вычетом потребности производителей, поступает в распоряжение государства, Временное Правительство взяло на себя обязанность снабжения сельского населения промышленными продуктами, необходимыми, как для самого сельскохозяйственного производства, так и для нужд самих сельских хозяев. Осуществление этого обязательства встретит непреодолимые препятствия в общей неорганизованности народного хозяйства»...

В приведенном положении кроется разгадка не только неуспешности хлебной монополии, но и всей продовольственной политики Временного Правительства со всеми ее колебаниями и отступлениями. Решение продовольственной задачи тесным образом было обусловлено соответствующим регулированием всех сторон тогдашнего народного хозяйства. Этого не поняло тогда Временное Правительство, или понимая, хотя бы и смутно, не имело ни сил, ни средств приступить к такому регулированию. Но оказавшись неспособным разрешить, как следует, продовольственные задачи того времени, Временное Правительство этим самым обнаружило и свою неспособность, вообще, в области экономической политики и, увеличив этим и без того тяжелое хозяйственное положение страны, обрекло себя на гибель, а страну на новые, тяжкие испытания.

Каково было общее состояние с продовольствованием армии и населения мы можем легко себе представить из периоди-

ческой печати того времени, поддерживавшей Временное Правительство и в общем благоприятно к нему расположенной.

Вот, что мы находим в одном из номеров официозной Торг. Пром. Газеты (от 28 сент. — 11 окт. 1917 г. № 210):

«Не одни только города и вообще крупные потребительные центры переживают острый продовольственный кризис. Им охвачена и деревня, и при том не только районов с недостаточным собственным производством, но и хлебородных местностей. Так, например, в Малороссийском районе положение продовольственного дела рисуется следующими штрихами: Черниговские продовольственные комитеты и управы сообщают о «массовых заболеваниях на почве недоедания», особенно среди детей. Недостаточный урожай «грозит усилением тифа, цынги, а также и экцессов, в форме голодных бунтов». Вообще, комитеты отмечают «крайне тревожное настроение среди крестьян», так как «неизбежность голода представляется все более и более очевидной». В Волынской губернии деревни не испытывают в общем нужды в продовольственных продуктах, но тем не менее население «накануне голода» вследствие усиленного выкачивания продуктов для армии и потребительных центров. «Уже одно то, что цены на все продукты утроились в течение августа — сентября, говорит за неблагополучие с продовольственными резервами в самой деревне». Симферопольская губернская управа получает ежедневно целый ряд сообщений из губернии «о надвигающемся голоде и возможности на этой почве эксцессов». Что касается деревень в районах, пострадавших в текущем (1917) году от недорода хлебов, то продовольственное положение представляется еще более тяжелым. В этих районах, по свидетельству местных продовольственных организаций, «бедствие от предстоящего зимою голода неизбежно» и, притом в массовой, разлитой форме.

Таковы были те внешние хозяйственные условия, при которых захватившее в свои руки государственную власть советское правительство приступило к своей продовольственной политике.

3. Первые продовольственные опыты советской власти.

Взяв в свое ведение продовольствие страны, советская власть не противопоставила старой продовольственной политике никакого нового собственного плана. Переименовав министерство продовольствия в народный комиссариат продовольствия, новое правительство прежде всего занялось подбором новых руководителей в центре; местным же продовольственным органам было предоставлено работать на собственный риск и страх. В хлебородных, производительных районах эти органы вели заготовку пищевых продуктов в размерах, не превышающих уровня местной потребности, часто низводя свою деятельность и ниже этого уровня. Обслуживание голодающих районов казалось им обременительным и даже «в виду ничтожности местных запасов» невозможным. Они боролись с появившимися тогда уже во множестве «мешечниками» и воевали с заготовительными агентами нехлебородных потребляющих губерний; борьба эта велась тоже в чисто местных интересах — не дать утечь продукту и облегчить тем самым заготовки для себя, т. е. для городов и неземледельческого населения только своего района. Для наибольшего облегчения таких заготовок продовольственные комитеты сплошь и рядом игнорировали твердые цены и устанавливали свои «более справедливые», совершенно не считаясь при этом, чему они подвергают все продовольственное дело страны, а с ним и все народное хозяйство России.

Что касается продовольственных органов нехлебородных, потребительных районов, то их работа сводилась к посылке на места заготовок своих агентов и «толкачей» и к выдаче «разрешений» на заготовку сельским ходокам, представителям отдельных организаций, а то и просто отдельным частным лицам. Такую практику продовольственные комитеты мотивировали неизменно одним: «по плановым нарядам мы ничего или почти ничего не получаем, а посему проявляем самодеятельность».

В таком хаотическом и дезорганизованном состоянии находилась заготовительная сторона продовольственного дела, раньше чем советская власть решилась приступить к реорганизации ее. Соответственно этой стороне, находилась и другая — распределительная сторона. Распределение продуктов по установленной потребительной норме, по так называемой, карточной системе, существовало лишь в столицах и кое-где в иных крупных потребительных центрах, что составляло 10—20% всего потребления хлеба; остальные 80—90% потребительного спроса покрывались частной мелкой торговлей и мешечничеством.

Советское правительство приступило к осуществлению продовольственных задач лишь весною 1918 г., и, подтверждая

хлебную повинность для той части сельского населения, которая обладает излишками и государственную хлебную монополию, введенную Временным Правительством, оно попыталось установить в качестве твердой основы для осуществления этих мероприятий вместо расчета на деньги начало товарообмена. В этих целях комиссариат продовольствия заготовил довольно значительные запасы с национализованных заводов и фабрик и двинул эти запасы в хлебородные районы (главным образом в Сибирь, Северный Кавказ и по Волге). Предполагалось, что все эти товарные массы будут распределены губернскими комитетами в правильно подобранных ассортиментах по кооперативным и иным распределительным пунктам и что эти товары будут обменены на зачетные квитанции ссыпщиков хлеба. При этом предполагалось, что будет проведен строго коллективный принцип, т. е. что товар получит не каждый отдельный ссыпщик, а целое сельское общество, которое затем распределит товары внутри себя не по количеству сданного каждым членом хлеба, а по потребности каждого. Такой мерой рассчитывали побудить беднейших крестьян к надзору за своевременной и максимальной ссыпкой хлеба более состоятельных односельчан. Но ни этот рассчет на крестьянскую бедноту, ни самое начало товарообмена никаких положительных результатов не дали. Несмотря на то, что в течение двух намеченных месяцев, апрель — май, можно было распределить необходимых для крестьян товаров на сумму до 1.162 милл. руб. и получить в обмен до 120 милл. пудов хлеба, т. е. приблизительно такое его количество, какое необходимо для продовольствия всех потребительных районов — не смотря на все это, намеченный советской властью продовольственный план рухнул безрезультатно.

В официальном издании, из которого заимствована изложенная сейчас история первых шагов советской власти в области продовольственного дела («Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства советской власти» Сб. мат. Гос. Изд. М. 1920) — приводятся следующие причины крушения этого плана: во-первых, центральный аппарат комиссариата продовольствия не был в силах при наличии всяких междуведомственных трений и в виду известного противодействия фабрично-заводских комитетов взять на свой учет все то, что предположено было взять; другими словами, продовольственному ведомству были ассигнованы только денежные средства, но не была обезпечена ему фактическая реализация этих средств на приобретение товаров; во-вторых, у местных продовольственных органов не было сколько-нибудь сносного распределительного аппарата; вследствие этого, например, прибывавшие в конечные пункты вагоны с мануфактурой, металлическими изделиями, кожей и проч., иной раз по месяцам стояли неразгруженными; те же товары, которые попадали на склады продовольственных комитетов начинали рассовываться по кооперативным и даже частным распределительным пунктам без всякого плана и рассчета и даже продавались за деньги! — настолько план центрального ведомства не был уяснен и понят на местах; в третьих, наконец, выступила чисто внешняя причина: открывшаяся к началу лета по всем фронтам гражданская война окончательно погубила дело товарообмена в намечавшейся центральным ведомством форме.

Эта неудача с первым опытом не заставила, однако, советское правительство отказаться от своего первоначального плана разрешения продовольственного вопроса путем товарообмена. Глубоко убежденное в верности этого принципа, продовольственное ведомство занялось лишь вопросом практического и успешного его приложения в действительности. Но эта последняя оказалась столь сложной и запутанной, что не только этот принцип, но и все другие начала, выдвигавшиеся советской властью в области снабжения населения предметами потребления не приводили к желаемым результатам.

Вследствие этого советское правительство пытается опереться на внешнюю силу и выдвигает во всем об'еме политику ничем неприкрытого принуждения. Декретом от 13 мая 1918 г. была об'явлена «продовольственная диктатура» и соответственно этому (по декрету 27 мая 1918) было приступлено к реорганизации центрального и местных органов снабжения. Для привлечения еще в большей степени беднейших крестьян к надзору за отправлением «хлебной повинности» со стороны более состоятельных элементов деревни были созданы «комитеты сельской бедноты» (комбеды) — по декр. от 11 июня 1918 г.; инструкторами комбедов должны были явиться «реквизиционные рабочие отряды» по борьбе с кулаками и спекулянтами путем об'единения «пролетария станка и пролетария сохи». Все эти меры имели в виду «создать новый технический базис», на котором более прочно могла бы опереться «политика товарообмена города и деревни, промышленности и сельского хозяйства».

Но и эти решительные и подчас очень жестокие средства

открытого принуждения и воздействия, часто при помощи военной силы, не оказались успешными. С одной стороны, попрежнему местные органы не имели в своем составе опытных и понимавших свое дело сотрудников; а с другой, выдвинутые вновь «реквизиционные отряды» и «комбеды», лишенные опытного руководительства, смотрели на свою задачу уж слишком упрощенным взглядом, как на «хлебную войну», как на организованный поход не только против деревенских кулаков, но и против среднего крестьянства. Вследствие неопытности и темноты местных руководителей вместо ожидаемого со стороны советской власти расслоения деревни и роста самодеятельности трудового малоимущего крестьянства фактически получалось неожиданное сплочение деревни под предводительством более имущих крестьян и кулаков для отпора «реквизиторам» и «голытьбе-лодырям».

Как ни мало удачен был и этот второй опыт с «товарообменом», но раз выдвинув начало принуждения и реквизиции, советское правительство на долго лишило себя возможности обратиться к другим более положительным средствам. К тому же общий развал хозяйственной жизни не уменьшался; и производительность страны, охваченной пламенем гражданской войны и подвергшейся безпощадной внешней блокаде, с каждым днем падала и накопленные от прежних лет запасы быстро истощались.

Под напором всех этих факторов самый продовольственный вопрос получил совсем иное значение, чем раньше. В руках коммунистов он получил чисто боевое значение; под знаменем именно продовольственного дела они думали осуществить «социальную» революцию, слегка лишь намеченную октябрьским переворотом. Теперь под давлением внешних обстоятельств, угрожавших самому существованию советской власти, начали более решительным образом приступать к осуществлению «коммунистических» требований.

Так, по отношению к продовольственному делу было провозглашено, что «все продукты массового потребления должны быть взяты на учет государством и распределены согласно принципу, кто не работает, тот не ест». Этот лозунг вытекал из «экономической необходимости» не только в том смысле, что «при условиях хозяйственной разрухи, вызванной войной, иным способом не может быть обезпечено удовлетворение нужд широ-

ких масс», но и в том еще смысле, что при установлении строгой регламентации продовольствования по отношению к одной области продуктов неизбежно приводит к расширению регламентации по отношению ко всей области продовольствования, а с нею и ко всей области хозяйственной жизни страны, вообще. Эта мысль и толкала советскую власть все далее и далее по пути мероприятий чисто «коммунистического» характера. Только с окончанием войны, укрепив свое положение внутри страны, советская власть могла убедиться в безрезультатности и ничтожности многих своих опытов и приступить к политике постепенных уступок, неизжитому еще и оказавшемуся, в конце концов, слишком живучим, капиталистическому строю.

Но в то время, когда еще только начиналась продовольственная политика советской власти, эта последняя ставила себе как основную задачу, перераспределение жизненных благ на началах, диаметрально противоположных тем, на которых покоилось распределение, основанное на частно-правовых хозяйственных отношениях и свободной торговле». В этом отношении советская программа организации снабжения населения не могла не быть боевой; т.е. она влекла за собой необходимость вступить в прямой конфликт не только со всеми теми общественными группами, которые были заинтересованы в сохранении своего прежнего привилегированного положения, но и с теми, которые не верили в немедленную осуществимость коммунистических начал и стояли на точке зрения экономической эволюции, т.е. на необходимости постепенного перехода от начал уже вполне развитого капитализма к социалистическому строю. Далее мы еще нераз будем возвращаться к этому последнему положению, так трагически раз'единившему и без того немногочисленную и не богатую силами русскую интеллигенцию на два враждующих лагеря. В этом раз'единении одно из первых мест принадлежит продовольственному вопросу, превратившемуся по роковой для России неизбежности из проблемы чисто экономической в проблему политическую, да еще с непримиримым боевым лозунгом.

Сами коммунисты в свое время отмечали это, указывая на то, что «заготовка хлеба, будучи осью, вокруг которой вращается вся деятельность государственных органов снабжения, на деле оказалась не столько хозяйственной операцией, сколько политической задачей и... комиссариат продовольствия с его

учреждениями — органами борьбы трудящихся ... за право на свое существование» (Прод. Пол. стр. 157).

Этот «боевой» характер советской продовольственной политики в течение первых трех лет существования советского строя обусловливает особенность продовольственных мероприятий одинаково по отношению к обеим сторонам продовольственного дела, т. е. как к области заготовок, так и к области продовольственного снабжения.

Остановимся несколько ближе на отдельных мероприятиях в каждой из этих областей продовольственной политики советской власти.

4. Политика продовольственных заготовок.

Государственная хлебная монополия, установленная еще Временным Правительством, целиком перешла и к советской власти. Но в деле заготовок советское продовольственное ведомство не удовлетворилось укреплением и развитием своих аппаратов только по проведению одной х л е б н о й монополии, а распространило свою исключительную власть на целый ряд продуктов сельского хозяйства — картофель, фураж, овощи, масличные семена, яйца, мясо, рыба и др.

Исходя из данных официального отчета, представленного 3-ей сессии Всерос. Центр. Исп. Ком. в сентябре 1920 г., мы легко можем представить себе тот процесс, в котором проистекали все эти многочисленные монополии в области заготовок и снабжения населения продуктами первой необходимости. Картина — весьма безотрадная!

В первый год советской продовольственной кампании — «когда еще не имелось возможности вести планомерную работу» — результат был очень незначителен: через продовольственный аппарат с октября 1917 года по август 1918 прошло только 30 милл. пудов хлеба, т. е., менее десятой доли наличной потребности в нем населения. В следующую кампанию 1918—1919 гг., когда «аппарат значительно окреп», т. е., когда правительство для усиления нажима обратилось к «системе разверстки», о которой подробнее еще будет речь впереди — было заготовлено 110 милл. пудов хлеба (хотя разверстка была определена в 260 милл. пуд.). В третью кампанию 1919—1920 гг., когда система разверстки уже утвердилась, было собрано 265 милл. пудов (вместо ожидавшихся

от разверстки 411 милл. пудов), несмотря на присоединение Сибири и Кавказа. Наконец, в последнюю кампанию 1920—1921 гг. разверстка была определена для всей России в 454 милл. пуд., но в виду неурожая в Евр. России расчитывали собрать 400 м. п., что соответствовало бы общей потребности населения в хлебе по нормам, приближающимся к сытому состоянию. Но фактически этого не было достигнуто. Так, по последним данным намеченную норму в 33 милл. пудов хлеба — фуража пришлось уменьшить до 26 милл., а фактически заготовка выражалась в период от августа 1920 г. до января 1921 г. в среднем не более 15 милл. пудов в месяц, — и это не смотря на то, что «аппарат наркомпрода был переведен на боевое положение».

Для общей характеристики положения дел приведем здесь еще некоторые данные по заготовкам других продуктов продовольствия, пользуясь вышеуказанным отчетом 3-ей сессии ВЦИК.

Картофель был заготовлен в 1918—1919 гг. в количестве 26 милл. пудов, в 1919—1920 гг. — 43 милл. пудов, и в 1920—1921 гг. была об'явлена разверстка в 117 милл. пудов.

Сена было заготовлено в 1918 г. 25,7 милл. пуд. (против 49 милл. пуд., назначенных по разверстке), в 1919 г. — 78 милл. пуд. (против 83 милл. пуд. назначенных по разверстке), в 1920 г. разверстка была определена на всю Россию в 100 милл. пудов, причем рассчитывали на сбор с государственных лугов, насчитывающих до 400 тыс. десятин.

Масличных семян в 1919—1920 гг. удалось заготовить $5^1/_2$ милл. пудов (против 12 милл. пудов, назначенных на разверстку); в 1920—1921 гг. разверстка была об'явлена в количестве 29 милл. пудов, но само ведомство рассчитывало получить в виду неурожая не более 15 милл. пудов.

Овощи в 1919—1920 гг. были заготовлены в количестве 16 милл. пудов, в 1920—1921 гг. об'явлена разверстка в 28 милл. пудов.

Урожай фруктов застал продовольственные органы без сушилок, без тары и проч. Общий урожай в 1920 г. определяется в 16 милл. пудов; какое количество из него удалось заготовить неизвестно.

По отношению к мясу и салу была об'явлена разверстка по Европейской России в количестве 16 милл. пуд., по Кавказу 3 милл. пуд. и Сибири 5 милл. пуд., всего 24 милл. пуд. (без Украины и Туркестана). Надо заметить, что в 1917 г. было заготовлено 26,7 милл.

пудов, что составляло лишь около половины тогдашнего наряда, исчислявшегося по соответствию с предшествовавшими кампаниями в 50 милл. пудов. Заготовки мяса советскими продовольственными органами дали совершенно ничтожные результаты, едва обезпечивавшие одну только армию. При улучившихся позже условиях — с января по сентябрь 1919 г. было заготовлено всего 1.083.452 пуда, что составляло 20% намеченного на этот срок наряда — 5.491.783 пуд.

Не имеют особенного значения приводимые в отчете данные по другим категориями продуктов: все они дают один и тот же малоутешительный результат, который составитель отчета резюмирует следующим обрзом: «Мы не с'умели и в нынешнем 1920 году досыта накормить всех тех, кого нужно и следует кормить, но мы сумели заготовить продуктов значительно больше, чем заготовили в истекшем году. Следует учесть, что круг наших потребителей, которых нужно снабжать через государственные органы значительно возрос. Однако, все же, нынешний продовольственный год (1920—1921) мы проведем, надо думать, во всяком случае не хуже, чем провели истекший продовольственный год».

Этот малоутешительный вывод ясно говорит о том, что продовольственное дело со стороны заготовки находилось в советской России до последнего времени в таком же малоудовлетворительном состоянии — если не хуже — как оно находилось и ранее, при старом царско-капиталистическом режиме и во времена господства Временного Правительства.

Выше уже указывалось на основную причину этого, как на отсутствие планомерной организации всего народного хозяйства. Как одна из более частных причин, еще усугублявших общее расстройство всего народного хозяйства, а с ним и продовольственное дело, являлась у нас не только ошибочность основного принципа «разверстки», но отсутствие какой либо согласованности действий в самой области заготовки.

С этим последним согласны и сами коммунисты:

«Единства в заготовительной политике не было, говорит «Экон. Ж.» (от 29 июля 1920 г.); заготовки основных видов сельско-хозяйственного сырья были разбросаны по различным комиссариатам, из которых каждый вел свою политику. Вместо планомерной, согласованной и дружной работы в этой области были ведомственные недоразумения и трения... Каждое ведомство со своею политикой шло к крестьянству в деревню. Каждое ведомство имело свой заготовительный аппарат. Совершенно понятно, что благоприятного действия на крестьянство это оказать не могло».

На ряду с ведомственной неразберихой тут выступала чрезвычайно резкая смена и смешение различных методов заготовительной работы: добровольная ссыпка хлеба («самотек») сменялась системою твердых цен и коллективным товарообменом; за этим следовали система премирования и индивидуальный товарообмен; их сменяли меры всякого рода внешняго воздействия и принуждения; наконец, установилась система обязательной разверстки, замененная в последнее время натуральным налогом.

Все эти перемены в связи с указанными выше междуведомственными распрями создавали, по выражению коммунистов, «период продовольственной партизанщины», из которой пытается вывести продовольственное дело декр. от 15 июня 1920 г. «Об об'единении заготовок сырья и продовольственных продуктов в республике».

Но и после этого декрета никаких значительных результатов не было достигнуто, — хотя дело заготовок и приняло с внешней стороны более планомерный характер, сосредоточившись в одном продовольственном ведомстве и приняв за основной метод работы систему хлебной повинности с начала в форме разверстки, а позже — натурального налога. Остановимся ближе на этой системе, имеющей огромное значение, как новый принцип всей советской экономической политики.

Крушение системы твердых цен вследствие обезценения денег и отказ от системы товарообмена вследствие полного истощения товарных запасов и слабой промышленной производительности, вынудили, как уже говорилось, советское правительство прибегнуть к более решительным мерам внешнего воздействия и принуждения, и, в частности, к системе обязательной разверстки. Явившись в результате «крайней неизбежности», система хлебной повинности в настоящее время пытается утвердиться в качестве основного принципа всей хозяйственной организации страны, и с этой стороны она заслуживает самого внимательного исследования и оценки. Сторонники системы хлебной повинности, обыкновенно, ссылаются на два обстоятельства: во-первых, на то, что эта система не ими изобретена, и, что к ней склонялись правительства, как при старом царском режиме, так и Времен-

ное Правительство; во-вторых, что к этой системе принуждает обращаться безвыходность положения, как к политике отчаяния и последней крайности, обусловленных общим развалом и разрухой страны.

«Путь разверстки, говорит один из докладчиков (Фрумкин) на 2-м Всероссийском Продовольственном Совещании в конце июня 1920 г. — не выдуман нами, мы приняли его по наследству...» История разверстки, по его мнению, должна быть начата с знаменитой разверстки мин. земл. Риттиха, решившего прибегнуть к этой мере в последнюю при старом режиме продовольственную кампанию 1916—1917 гг. Но вследствие недоверия со стороны крестьян и оппозиции со стороны помещиков эта мера тогда успеха не имела, дав значительно менее того, что от нее ожидали. Неудачная попытка Риттиха была вновь выдвинута мин. земл. Шингаревым осенью 1917 г. в форме энергично проводимой государственной хлебной монополии, причем и тогда уже, как указывалось выше, не останавливались даже перед обращением непосредственно к вооруженной силе. Так, коммунисты часто любят ссылаться на слова мин. продовольствия Прокоповича, сказанные им в своем докладе Временному Правительству в августе 1917 г.: «перед нами стоит диллема — или пытаться получать хлеб по удвоенным ценам, или, если по удвоенным ценам хлеба не получим, прибегнуть к вооруженной силе» (Продов. Пол., стр. 175). Но и тогда эта мера не дала положительных результатов, встретив на пути своего приложения противодействие со стороны частно-торгового аппарата и отчасти капиталистической промышленности, содействовавших сохранению «вольного» рынка на хлеб.

Советское Правительство тоже не сразу решилось на эту меру; оно решилось на нее только тогда, когда частный капитал, если не был окончательно сломлен, то значительно ослаблен. Системе хлебной повинности сопутствовала безпощадная борьба правительственной власти с спекулирующим частно-торговым аппаратом, выступавшим в форме «мешечничества» или знаменитой «Сухаревки».

Сущность новой меры заключается в том, что сдача излишнего против собственного потребления хлеба составляет такого же рода повинность, как уплата налогов в денежной форме. Разверстка, как одна из форм такой повинности, представляет применение раскладочного принципа при обложении: в центре, на

верху существующей сети продовольственных органов устанавливается общая сумма излишков хлеба (контингент), подлежащая сбору казною в течение данного года. Этого рода «контингент», обыкновенно, определяется приближенно по средним данным за прошлые годы с надлежащими поправками. Раз установленная, эта сумма делится по губерниям или районам соответственно их площади засева, урожайности, «населению людскому и скотскому». Далее разверстка спускается все больше вниз — в уезды, волости, селения — все время путем деления установленной суммы на более мелкие слагаемые. Решающим моментом для успешности всей операции является раскладка на местах, раскладка миром — волостным и сельским. Она не должна тут производиться механически по дворам, душам или десятинам, так как при таком «уравительном» способе может оказывать воздействие более зажиточный элемент деревни на элемент менее состоятельный. Да и с точки зрения налогового принципа раскладки разверстка на местах должна производиться по признакам, наиболее отчетливо представляющим налоговую платежеспособность, т. е., в данном случае относительную тягость в несении хлебной повинности всякой отдельной крестьянской семьи, или индивидуального крестьянского двора; такими признаками являются: размер посева, высота урожая, количество работников и рабочего скота, наличность усовершенствованного инвентаря, а с другой стороны число едоков и прокармливаемого скота; с проведением при этом не начала простой пропорциональности, а того, что в финансово-податной политике известно под именем «начала прогрессивности».

Это начало очень грубо, но метко выражается в знаменитой максиме Ленина: «ограбь кулака, не обидь середняка, помоги бедняку». На практике это требование думали достигнуть следующим образом: все количество хлеба, подлежащее сбору во всяком отдельном сельском обществе распадается на группу наиболее зажиточных дворов; если не достанет привлекаются менее состоятельные — «середняки» и если еще не достанет — то все остальные дворы, по скольку у них вообще могут оказаться излишки. Те же дворы, в которых не только не обнаружатся излишки, но которым не достанет хлеба для собственного продовольствования, получают поддержку тут же из собранных запасов.

Одновременно с введением системы разверстки советское пра-

вительство выдвинуло ряд мер по обязательному посеву хлебов под контролем особых учреждений. О мерах этого рода подробно будет сказано в следующей главе в связи с общей сельскохозяйственной политикой советской власти. Тут, оставаясь в пределах продовольственной проблемы, можно и не касаться этих мер, сосредоточив все внимание на сущности выше указанной общей системы «хлебной повинности».

Чтобы ясно понять эту систему, надо стать на точку зрения, какой руководилась при этом опыте сама советская власть.

По представлению коммунистов восстановление хозяйственной жизни страны могло быть осуществлено только путем товарообмена не только между городом и деревней внутри страны, но и товарообменом с другими странами. Для такого товарообмена в руках советского правительства должно быть накоплено значительное количество товарных запасов. По условиям народного хозяйства в России такие товарные запасы могли состоять по преимуществу из продуктов сельского хозяйства. Отсюда за неимением эквивалента в промышленных товарах советское правительство обратилось по внешней форме к «ссуде», а фактически к реквизиции *всех запасов* сельско-хозяйственного сырья, остававшегося за покрытием собственных, весьма при этом ограниченных, потребностей производителей. Таким образом, устанавлимаемая ими система разверстки лишь по форме являлась одним из видов обложения, а фактически она представлялась *конфискацией* всего дохода, получаемого крестьянином с своего хозяйства, причем этим самым уничтожалась даже самая отдаленная возможность свободного обмена продуктами сельскохозяйственного производства. Это последнее обстоятельство, впрочем, логически вытекало из доведенной до конца идеи хлебной государственной монополии; но вместе с этим из чисто-хозяйственной, как меры продовольственной заготовки, она превращалась в меру чисто политического характера — введения в сельское хозяйство коммунизма путем лишения права за производителем свободного распоряжения, хотя бы некоторой долей продуктов своего производства. Советское правительство этой мерой стало в противоречие с собственной основой экономической политики, которая по сознанию самих коммунистов, должна являться не введением социализма, а хозяйственной системой «переходного времени».

Основная мысль советского правительства — восстановление путем внешнего товарообмена хозяйственной жизни страны

или не была понята крестьянством или вызвала к себе с их стороны недоверие. Так или иначе, не чувствуя никакого непосредственного для себя стимула к затрате своего труда, крестьянство отнеслось к системе принудительной разверстки отрицательно. И советское правительство, из опасения всеобщего голода, было вынуждено быстро и резко изменить свою политику по отношению к крестьянству. В результате система разверстки была заменена «натуральным налогом», положение о котором было принято на X с'езде коммунистической партии весной 1921 г.

Для того, чтобы уяснить себе сущность происшедшей замены, необходимо прежде всего отделить фактическую сторону от принципиальной. С т. зр. фактической, замена принудительной разверстки натуральным налогом заключается в сокращении самого количества хлеба, принудительно взимаемого с крестьянского населения, и в предоставлении ему права свободного распоряжения оставшимися у него излишками. С принципиальной точки зрения обе меры — и принудительная разверстка, и натуральный налог — по существу представляют собою одну и ту же чисто налоговую операцию — с одним лишь чисто формальным различием, а именно: принудительная разверстка выражала собою осуществление *раскладочного* принципа обложения, а натуральный налог — *окладного* принципа обложения. Ошибка и вытекавшая из нее вынужденная «уступка» советской власти заключалась в том, что установив правильный принцип, оно забыло его *налоговое* основание и приложило его не как экономическую, а как политическую меру. Дело заключается в следующем.

При всяком обложении (в отличие от конфискации) налоговая система строится на том, чтобы из'ять из частного хозяйства лишь некоторую определенную часть чистого дохода, оставляя остальную часть дохода в свободном распоряжении его собственника. Ошибка советской власти при установлении принудительной разверстки заключалась в том, что определяемый при раскладочном принципе обложения «контингент», в данном случае общее количество зерна, по заданию советского правительства, должен был составлять *всю сумму* излишков, остающихся по удовлетворению личных потребностей производителей. Эту меру можно было бы сравнить с тем, как если бы за промышленником оставить собственность на орудия производства, заставлять его

нести на себе весь предпринимательский труд и весь предпринимательский риск, а по получению результатов производства конфисковать его весь чистый доход и даже с риском захватить часть его капитала. Так пыталось поступить советское правительство с крестьянами: оставляя за ними право на землю, оно лишало его всех результатов его частно-хозяйственной деятельности и даже не обезпечивало ему возможности нового посева. Эта мера, как было сказано раньше, являлась своего рода опытом принудительного введения коммунизма в условиях мелко-буржуазных производственных отношений с подчинением крестьянства, а с ним и всего сельского хозяйства, рабочему классу и связанной с ним обрабатывающей промышленности, короче — с подчинением деревни городу. В силу указанных условий уже заранее можно было предсказать полное крушение этого «политического» шага советского правительства, предпринятого им в прямом противоречии с собственным утверждением о «переходном» характере хозяйственной жизни, требующей «не введения социализма», а контроля и планомерного регулирования. Если бы, разрушая частно-торговый заготовительный аппарат, как обнаруживший слишком явную склонность к спекуляции, советское правительство с самого начала своей продовольственной деятельности попыталось привлечь на свою сторону значительно развившийся к тому времени кооперативный аппарат, оно, быть может, с большим основанием могло бы расчитывать хотя бы на некоторый успех введенной им системы принудительной разверстки; конечно, при том условии, что эта система являлась бы не политической, а экономической мерой, т. е. при том условии, что правительство не конфискует весь чистый доход от сельского хозяйства крестьян, а устанавливая «контингент», т. е. строго определенное нужное количество зерна, раскладывает это количество по указанному выше началу налоговой «платежеспособности» и весь остающийся от обложения излишек предоставляет свободному распоряжению его собственников, но лишь под условием коллективно-организованной, т. е. кооперативной его реализации путем натурального товарообмена.

Введенный весною 1921 г. натуральный налог лишь отчасти следует сейчас указанному положению. Скомпрометировав в глазах крестьян правильную по существу систему разверстки, советское правительство вводит хлебную повинность по существу на том же принципе раскладки, а не на окладном начале; т. е., общее количество подлежащего сбору зерна вновь определяется заранее, а не выясняется в результате по окончании всей налоговой кампании, хотя самый налог и взимается в виде процентного или долевого отчисления от получаемого урожая. В соответствии с размерами площади посева или величиною урожая устанавливается приблизительное количество зерна, подлежащее сдаче казне не отдельными домохозяевами непосредственно, а сельскими обществами; в пределах сельского общества налог попрежнему принимает раскладочный характер согласно указанным выше принципам налогоплатежности. В соответствии с этим принципом на местах удерживается начало прогрессивности, т. е. процент отчисления для хозяйств середняков и маломощных хозяев, для хозяйств городских рабочих и т. п., должен быть пониженным. Наконец, согласно тому же принципу устанавливается и начало «прожиточного минимума» (Existenz-minimum), а именно: «хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождаемы от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога» (Положение п. 4).

Действие «натурального налога» распространяется почти на все главнейшие области государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража.

Исходя из того, что при новом способе проведения хлебной повинности, государство получит меньшее количество продуктов, чем какое необходимо для удовлетворения продовольственной потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения вообще, советское правительство вынуждено, во-первых, допустить свободную торговлю продуктами сельского хозяйства, и, во-вторых, вновь озаботиться возможностью установления натурального товарообмена. Для предупреждения спекуляции советская власть вынуждена также восстановить прежнюю деятельность кооперативной организации не только по распределению, но и по заготовкам продовольственных продуктов.

Все эти меры должны будут в дальнейшем повлечь за собою значительные перемены не только в области заготовок, но во всей области продовольственной политики и даже во всей области экономической политики советской власти. Являясь до некоторой степени положительным шагом по отношению к переживаемому моменту, такая мера, как допущение свободной торговли, может однако значительно ослабить силы советского правительства по

восстановлению общей промышленной производительности страны, если свобода торговли не будет сосредоточена преимущественно или даже исключительно в кооперативных организациях; но об этой стороне вопроса будет еще сказано подробнее в другом месте.

5. Политика продовольственного снабжения.

Распределительные функции продовольственного дела до последнего времени находились в весьма неудовлетворительном состоянии. И тут наблюдалась та же дезорганизация, что и в сфере продовольственных заготовок. Не имея никакого опыта в предшествующий период регламентации снабжения, советская власть только на третий год своего существования решила приступить к установлению общих, более прочных организационных начал.

Во осуществление этих начал в 1920 г. было решено все дело распределения предметов потребления и личного пользования сосредоточить исключительно в одном продовольственном ведомстве; причем в качестве технического аппарата для распределения продуктов на местах привлекается вся существующая сеть кооперативных организаций, преобразованных по декрету 20 марта 1919 г.

Расчленение функций между центральным продовольственным ведомством и местным кооперативным аппаратом формально определялось при этом следующим образом: продовольственное ведомство в лице «Наркомпрода» составляет применительно к существующим принципам снабжения, как общий, как и специальные планы снабжения и распределения; вся техника передачи потребителям продуктов прямого снабжения во всем ее об'еме — от товарных складов до места непосредственного распределения — возлагалась на аппарат Центросоюза со всеми его губернскими союзами, районными отделениями и отдельными потребительными обществами.

По сравнению с положением вещей, господствовавшим до этого времени, когда почти всякое ведомство имело свое отделение снабжения, такая попытка планомерной централизации распределения могла бы представить собою большой шаг вперед в деле рациональной организации этой стороны продовольственной деятельности советского правительства. Но для этого было бы необходимо не формальное, а действительное привлечение к делу кооперации, превращаемой тем самым из общественной организации мелко-капиталистического характера в один из ответственнейших самостоятельных государственных органов народного потребления.

Фактически же кооперация или бездействовала, или превращалась в обыкновенное бюрократическое ведомство.

Согласно вышеуказанному декрету от 20 марта 1919 г. сначало было намечено создать повсюду на местах обязательные потребительные коммуны; позже вместо них было решено ввести повсюду обязательные «рабоче-крестьянские потребительные общества» во главе с Центросоюзом. По декрету от 27 января 1920 г. этому центральному органу кооперации подчиняются и все иные виды кооперативных организаций (кредитные, производственные и др.)

В общем кооперация переживала до последнего времени то же неустойчивое состояние, что и профессиональные рабочие союзы. И по отношению к кооперации было стремление «огосударствления» или «советизации» ее, т. е. другими словами слить безраздельно кооперативные организации с обще-государственными органами продовольствия, лишив кооперацию всякой самостоятельности и подчинив ее в иерархическом отношении правительству. Такое отношение к кооперации советской власти, представляющей пока только одну из политических партий, естественно, могло только нервировать кооператоров, неразделяющих программу данной — коммунистической — партии или в силу своей принадлежности к другим политическим партиям, или в силу своей безпартийности.

Каково в действительности было соотношение между кооперацией и советской властью сейчас трудно себе представить — из за недостаточности данных. В освещении советской периодической печати дело обстояло следующ. обр.

Уже с самых первых шагов, когда советская власть обратилась к кооперации с предложением общей работы, кооперация, по существу не сочувствуя советской власти, заняла выжидательное положение. Позже под давлением внешних для нее обстоятельств кооперация определила свое отношение к советской продовольственной работе в формуле «содействия в меру технических возможностей». Эта формула не удовлетворила советскую власть и она, игнорируя общие интересы хозяйства страны, решила и тут предпочесть политику и пред'явила к кооперации ультимативную дилемму: или принять полностью участие в советской работе или быть устраненной совершенно. Исходя прежде

всего из заботы о сохранении своего существования, кооперация под давлением внешней силы решилась на принятие участия в советской продовольственной работе. Однако, первоначальная вражда с государственными органами продовольствия и неприязнь к советской власти не исчезли и впоследствии; и работа кооперации в продовольственном деле еще не была налажена до самого последнего времени.

Так, 22 ноября 1920 г. состоялся созыв 1-ой сессии Совета Центросоюза после его преобразования. Не смотря на то, что со времени этого преобразования протекло уже более 20 месяцев, работа преобразованной кооперации еще не определилась; «функции по заготовкам — в виду расширяющейся политики правительственной разверстки — постепенно отпадают от кооперации; функции распределительные еще недостаточно выяснены; пока идет работа организационного характера» — так характеризует положение кооперации «Эк. Жизнь» (от 26 ноября 1920 г., № 266).

Другими словами это значит, что потребительная кооперация была вынуждена к полному бездействию.

Для восстановления своей былой могучей деятельности, кооперации не доставало уверенности в сохранении ею за собой своей самостоятельной роли. Вполне возможно, что при этом сами кооперативные работники, — в особенности из прежних руководителей кооперации, значительно преувеличивали самостоятельность своей роли, не понимая выступающих перед ними новых, более широких задач переходного времени.

Так или иначе, но во всяком случае нельзя не признать большого значения за предпринятой в последнее время попыткой восстановления деятельности кооперации в связи с введением «натурального налога». В осуществление этого налога, согласно декр. от 7 апр. 1921 г. потребительским обществам вновь представляется право обмена и скупки излишков сельско-хозяйственного производства, также как и кустарных и ремесленных изделий и сбыт их. Потребительные общества, как и раньше, имеют право организовывать собственные предприятия по добыче и обработке продуктов. Указанный выше декрет определяет следующим образом обязательства, возлагаемые на потребительные общества: выполнение обязательных заданий продовольственных органов в области заготовок и обмена изделий фабрично-заводской и кустарной промышленности на продукты сельского хозяйства, распределение в стране всех предметов продовольствия широкого потребления, заготовленных государством и ввозимых из заграницы. Организация потребительной кооперации как будто остается в прежней до декр. 20 марта 1919 г. форме, об'единенной Центросоюзом, но лишь президиум ВЦИК'а имеет право ввода в состав правления кооперативных об'единений своих представителей на равных правах с выборными членами правления.

Эта последняя оговорка очень не ясна. Из нее не видно — а самый декрет умалчивает о том, — отказывается ли советская власть или нет — от своей прежней практики, установленной еще по декр. от 20 марта 1919 г.? Практика эта сводилась к тому, что во всяком кооперативном образовании, начиная с низшей ячейки, в состав правления правительство насаждало своих представителей в равном числе с выборными. При постепенном переходе от низших к высшим кооперативным организациям число выбранных членов правления, естественно, при этом сокращалось за счет возроставшего числа представителей правительства. При высших центральных кооперативных образованиях фактически число членов — представителей общественности — могло ограничиваться $^1/_8$ или даже $^1/_{16}$ всего числа членов правления и так. обр. почти все правление оказывалось в руках советского правительства. Это убивало инициативу и самостоятельную хозяйственную деятельность кооперации и после декрета 7 апр. 1921 г. эта практика не должна иметь для себя места, если советская власть не на словах, а на деле убедилась в необходимости восстановления кооперации во всем ее целом; несомненно, без кооперативного аппарата продовольственное ведомство одно не в состоянии сколько нибудь успешно выполнять стоящие перед ним задачи.

Что касается распределительной политики самого советского продовольственного органа, то и тут, как и в области заготовок, настоящая органическая работа еще вся впереди. Пока намечается лишь общий план для такой работы и выдвигаются некоторые руководящие принципы распределения, еще тоже далекие от своего окончательного и бесспорного установления.

Из этих принципов первое место занимает, так называемый, *принцип целевого снабжения*, заменивший собою господствовавший в первые годы советской продовольственной политики принцип «классового пайка».

Советская власть никогда не знала уравнительного начала

в снабжении населения продуктами продовольствия. Еще на 1-м Всероссийском С'езде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 24 июня 1917 г. было высказано и принято с'ездом пожелание о том, чтобы лица, работающие физически получали в большей степени, чем лица, не занятые физическим трудом (см. Изв. С. Р. и С. Д. № 106, от 1 июля 1917 г.).

Это начало, однако, перешло к Советской власти в более широком лозунге «кто не работает, тот — не ест!», имея в виду работу по содействию к укреплению социально-экономического положения страны. Но скудость продовольственных запасов и неналаженность продовольственных органов вынудили советскую власть значительно с'узить первоначальный смысл своего лозунга и создать из него основание для, так называемой, системы «классового пайка». Под этим понималось установление пайков различного размера по отдельным категориям населения.

Наряду с системою «классового пайка» по декрету от 15 ноября 1919 г. вводится начало «целевого снабжения», т. е., преимущественного продовольственного обеспечения рабочих некоторых, наиболее важных, отраслей промышленности; в этих целях была даже учреждена специальная «комиссия по снабжению рабочих».

Первоначальная мысль указанного декрета была очень узкой: продовольственной привилегией пользовались лишь те рабочие и их семьи, которые были заняты в предприятиях, обслуживавших армию (так называемая, первая категория), а также и в тех предприятиях, которые являлись подсобными для первых (так называемая, вторая категория). Фактически еще до этого декрета рабочие названных категорий пользовались «красноармейским» пайком, и декрет только санкционирует положение дел, уже установившееся само собою. Позже «целевое снабжение» начало постепенно терять свой исключительно военный характер, принимая все более характер чисто производственный.

В этом отношении переходной мерой является декрет от 30 апреля 1920 г., который пытается сочетать два начала: начало единообразного трудового пайка на место примитивного «классового» и начало более рационального целевого снабжения, — имея в виду этим путем поднять трудоспособность и производительность рабочих, занятых в особенно важных отраслях народного хозяйства.

Для осуществления первого из этих начал, предметы питания распределяются по единообразной системе между тремя группами населения: 1) рабочими физического труда, занятыми в советских предприятиях и хозяйствах, 2) лицами, занятыми конторским и умственным трудом в советских учреждениях и предприятиях и 3) лицами, занятыми в частных предприятиях, учреждениях и хозяйствах, не эксплоатирующих чужого труда. Соотношение между нормами пайка первых двух групп устанавливается, как 4 : 3.

Учитывая, однако, что нормы продовольствия окажутся относительно весьма низкими и недостаточно гарантирующими сохранение и развитие наиболее нужных отраслей производства, декрет определяет, что «для рабочих и служащих, занятых в предприятиях и учреждениях, имеющих особо важное значение, для рабочих особо вредного или тяжелого вида труда, и для рабочих и служащих, рабочий день которых превышает нормальный, а также для лиц, особо квалифицированных видов умственного труда, устанавливаются специальные нормы снабжения».

Для осуществления второго из намеченных начал — «целевого снабжения», т. е. для под'ема производительности труда и трудовой дисциплины, декрет ограничивает выдачу привиллегированного продовольственного пайка лишь одними рабочими, фактически уже полностью осуществившими возложенные на них производственные задания.

Декрет, как видно, отнюдь не стремится к унификации продовольственного пайка; устраняя некоторую господствовавшую до него нестроту в нормах снабжения, он сам тем не менее, кроме вышеуказанной дифференциации «трудового» пайка, сохраняет попрежнему привиллегированное снабжение в виде пайка для детей, медико-санитарного, «красной звезды» и др.

Что касается «целевого снабжения», то в нем надо видеть новый принцип не только в области продовольственной политики советского правительства, но и в области политики труда; с точки зрения этой последней он стоит в связи с такими мерами, как премирование и забронирование рабочих, что̀ составит в дальнейшем предмет специального исследования. Тут, ограничиваясь одной чисто продовольственной стороной дела, надо сказать, что принцип «целевого снабжения», не оправдав возлагавшихся на него надежд в области производства, вызвал к себе не

только ожесточенные нападки со стороны широких масс трудящихся, но и критику со стороны самих коммунистов.

«Эта система, говорит «Экон. Жизнь» (в № 250 от 7 ноября 1920 г.), с течением времени обнаружила множество недостаточных «перебоев» и теперь выдвинут новый лозунг «единая норма рабочего снабжения»; она должна уравнять снабжение рабочих отдельных предприятий, внести в это дело государственную планомерность, ослабить, или, быть может, вовсе уничтожить наблюдающуюся в пролетарской семье разладицу. Единая норма рабочего снабжения должна в действительности создать для рабочего тот standard of life, на почве которого будет торжествовать свою победу целевой принцип, замыкая собою круг усилий, направленных к разрешению продовольственной проблемы современных дней».

Вместе с этим система дифференцированного пайка вовсе не соответствует основным коммунистическим тенденциям советского режима; само собой очевидно, что эта система родилась на почве крайней скудости продовольственных запасов и, как уже указывалось выше, — на неналаженности работ продовольственного ведомства.

Для иллюстрации этого последнего положения можно указать еще, например, на последние попытки по образованию особых продовольственных фондов, или особых мер по обеспечению продовольствия на почве особого рода «страхования».

Так, между прочим, не полагаясь на деятельность продовольственного комиссариата, VIII-ой Всероссийский С'езд Советов в декабре 1920 г. принимает следующую резолюцию:

«С целью предоставления губернским советам народного хозяйства возможности проявить в большей степени инициативу и самодеятельность в развитии промышленности, а равно в интересах сокращения волокиты и избежания перерывов в снабжении промышленных предприятий и учреждений, при губернских советах народного хозяйства создаются фонды, находящиеся в их ведении и распоряжении. Эти фонды снабжения состоят как из запасов сырья, полуфабрикатов, топлива, подсобных материалов и орудий, так и из продовольствия, производственной одежды для рабочих и служащих и из всего, что предназначено для их натурального премирования»....

В связи с этим постановлением надо отметить и своеобразную попытку «страхования» продовольственного обеспечения, о

которой сообщает официальный советский орган «Экон. Жизнь» (№ 268, 28 ноября 1920 г.). К этой мере народный комиссариат продовольствия был вынужден обратиться вследствие обнаружившегося слабого выполнения некоторыми продовольственными комитетами нарядов центра на высылку продовольствия потребляющим губерниям.

Самая эта мера состоит в том, что для данного какого-либо крупного потребительного центра все необходимое для него количество хлеба назначается не из одной прилежащей ближе всего к данному центру производительной губернии, а из нескольких, хотя бы и очень отдаленных хлебородных районов в различной пропорции, в том предположении, что если одна губерния не выполнит наряда, то выполнит другая. Не говоря уже про то, что эта «система страховки» обнаруживает слабость заготовочного продовольственного аппарата, но она его еще более ослабляет, грубо нарушая рациональное использование и без того очень слабых транспортных средств. Сам автор вышеуказанной статьи согласен с тем, что эта мера создает встречные пробеги однородных грузов, требуя при этом еще огромной маневровой работы в узлах. Эта мера вряд ли могла иметь широкое применение на практике, а с ухудшением положения железных дорог, когда нерациональность ее обнаружилась уже в полной мере, было решено отказаться от нее с заменой ее иным более успешным средством обеспечения выполнения нарядов; так между прочим были созданы особые «распределительные базы» на главнейших путях следования продовольственных грузов.

При организации сети таких баз были приняты следующие два основных положения:

во-первых, удовлетворение потребительных районов, близлежащих к местам производства идет исключительно за счет гужевого подвоза продуктов; и

во-вторых, при пользовании железно-дорожным транспортом ни один продовольственный груз, как внегубернский, так и для внутреннего снабжения не должен следовать в направлении, обратном нормальному потоку грузов.

Но эти положения касаются только некоторых грузов, как напр., хлеба в зерне и муки, зерновой фураж и продукты, об'являемые особо комиссариатом продовольствия (семена, картофель). Для всех прочих продовольственных грузов пока еще сохранен прежний порядок отправки, т. е. не подвергаясь обезли-

чению в базах, они получают окончательное назначение на местах погрузки; этим сама по себе весьма нерациональная «система страховки» выполнения продовольственных нарядов не устраняется.

Приведенные примеры показывают, что обе основные функции продовольственного дела — и заготовка, и снабжение еще далеко не получили себе удовлетворительного разрешения в советской продовольственной политике, и что в этом отношении советским органам еще предстоит большая работа, но не обособлено, а только в связи с восстановленной и возрожденной кооперацией.

В заключение настоящего очерка по продовольственной политике советской власти отметим еще кой-какие данные по вопросу о сравнительном состоянии продовольствования в деревне и в городе в прежнее время и теперь; это сопоставление раскроет перед нами основу того, что в последнее время получило в России название «борьбы города с деревней», и, что́ по существу означает полное расхождение сельского хозяйства и промышленности, этих двух основных отраслей народного хозяйства, расхождение, которое уже привело к общему обнищанию страны, и, которое в дальнейшем, быть может, угрожает еще более тяжелыми последствиями.

Для улучшения состояния голодавших городских рабочих, советским правительством не раз делались попытки прямого вмешательства в область крестьянского потребления. Так, например, еще в мае 1918 г. особым декретом было решено ограничить потребление крестьян 12 пудами зерна в год на душу. Но этот декрет, как и последующие повторные постановления, в действительности никакого успеха не имели.

В своем очень содержательном «Очерке хозяйственной жизни и организации народного хозяйства в Советской России» (М. 1920) Ларин дает следующие подсчеты:

Крестьяне производительных губерний до войны потребляли в среднем ежегодно около 640 ф. зернового хлеба на душу, а в 1918—19 гг. на одно только продовольствование приходилось 676 ф. на душу. Крестьяне остальных — потребительных — губерний до войны потребляли 560 ф. на душу, а в 1918—19 гг. им оставалось по 332 ф. собственного хлеба, по 36 ф. им доставило продовольственное ведомство и по 72 ф. на душу они купили на вольном рынке; всего, следовательно, они потребили в указанный революционный период 440 ф. на душу в среднем.

Горожане производительных губерний потребляли до войны 560 ф. на душу в год, а в 1918—19 гг. они получили от продовольственного ведомства по 216 ф. на душу и купили на вольном рынке по 196 ф. на душу, всего потребили 412 ф. Горожане остальных губерний до войны потребляли хлеба 560 ф. на душу, а в 1918—19 гг. на их долю пришлось всего только 296 ф., в том числе 132 ф. на душу они получили от продовольственного ведомства, а 164 ф. купили на стороне.

Приведенные цифры показывают, насколько русское земледелие в процессе организации новых отношений между городом и деревней оказывалось в состоянии удовлетворить основную потребность населения в хлебе. Если сравнить общее потребление каждой группы в 1918—19 г. с ее обычным потреблением до войны (взятым за 100), то потребление за первое время советского режима составит (в %):

Крестьяне	производящих	губерний	— 105,0 %
,,	остальных	,,	— 78,0 %
Горожане	производящих	,,	— 73,5 %
,,	остальных	,,	— 53,9 %

Если принять во внимание соответствующую численность сейчас указанных групп, то население в целом получило от земледелия для продовольствия в общем 5/6 того количества хлеба, какое оно получало обычно до войны. Изменилась только пропорция распределения его между различными группами в пользу крестьян: крестьяне всех губерний получили 96% прежнего количества, а горожане только 60% того, что они получали в мирное время.

Для характеристики деятельности советского продовольственного аппарата можно отметить еще, что в первый период этой деятельности ведомству удалось из всего количества потребленного городским населением хлеба доставить лишь 30% по сравнению с мирным временем. За первые 5 месяцев 1920 г. комиссариат продовольствия из своей программы снабжения хлебом выполнил для армии 90%, для транспорта — 70%, для столиц — 50%, для фабрик и заводов — 40%, для детей 30% и для прочего населения 30%.

Такое неудовлетворительное состояние продовольственного дела в стране, где была превозглашена государственная монополия на хлеб, все в большей степени заставляет советское пра-

вительство обратить особенное внимание на повышение производительности народного труда в обеих основных отраслях народного хозяйства — в сельском хозяйстве и в промышленности. Этим продовольственная политика все более непосредственно входит в область общей экономической политики советского правительства и действительное решение продовольственной проблемы все более зависит от решения проблемы наибольшей национальной производительности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. «Оскудение» и попытка введения сельско-хозяйственного капитализма в России. — 2. Аграрная революция и ее последствия. — 3. Коллективизация сельского хозяйства. — 4. Меры по поднятию сельско-хозяйственной производительности. — 5. Посевная политика Советской власти. — 6. «Крестьянский вопрос» в его современном значении.

1. «Оскудение» и попытка введения сельско-хозяйственного капитализма в России.

Для того, чтобы более полно представить себе картину современного состояния сельского хозяйства в России, необходимо отдать себе отчет в том историческом процессе русской народной жизни, который получил специальное для себя наименование «оскудения».

Как в стране земледельческой это «оскудение» выражается прежде всего в области сельского хозяйства.

На оскудение крестьянского сельского хозяйства стали ссылаться уже тотчас по освобождении крестьян от крепостной зависимости. Одни — противники эмансипации — ссылались на этот процесс оскудения в подтверждение своих консервативных взглядов; другие — более радикальные элементы — в подтверждение своих требований о необходимости дальнейших широких реформ. Самый факт оскудения никем не оспаривался, и начало его можно проследить еще задолго до освобождения крестьян.

Об этом последнем обстоятельстве говорят очень отчетливо сами официальные источники.

Так например, в статистическом обзоре 1858 г., опубликованном тогдашним министерством государственных имуществ, сообщается ряд чрезвычайно показательных числовых данных. Дело идет об обеспечении государственных крестьян хлебом. Известно, что категория государственных крестьян считалась до освобождения лучше обеспеченной в материальном отношении, чем крестьяне помещичьи и других категорий. Всего в 1858 г. государственных крестьян по ревизии насчитывалось 9.785.735 душ мужского пола. У них в пользовании находилось удобной земли 62.594.222 десятины, что составляет 6,38 десятин на одну

мужскую душу в среднем. Крестьяне этой категории не были тогда особенно отягощены податями. Они платили всякого рода налогов и податей 45.650.133 рубля, что составляло 4 рубля 66 коп. на душу мужского населения, или в среднем около 73 коп. с десятины. При таком ничтожном сборе и при полной обезпеченности землей можно было бы ожидать всеобщего благополучия, хотя бы этой наиболее обезпеченной категории сельского населения. Но что же мы видим на самом деле? Вот, некоторые характерные числа: крестьянами посеяно озимого хлеба в 1857 г. — 7.962.629 четв.; собрано ими было в 1858 г. — 28.280.745 четв.; вычитая из этой суммы будущий посев в прежнем количестве (7.962.629 ч.), получаем в остатке урожая 20.318.116 четв., которыми следовало накормить население, состоявшее из 20.201.977 душ. об. пола. На душу нужно для продовольствия, как минимум, 2 четв. в год, а из урожая пришлось едва по 1 четв., что могло хватить только на пол года, а остальное количество свыше 20 милл. четв. пришлось населению прикупить на средства, полученные от посторонних заработков или в долг.

Чтобы рассеять предположение о каком либо исключительном положении данного года, исследователь, у которого заимствуются эти данные (см. Р. С. Т. Наша бедность, Берлин, 1879), делает следующий средний подсчет: пользуясь общеустановленным официальным указанием на средний в то время урожай в сам 4,5, автор приходит к тому выводу, что крестьяне, высевая около 8 милл. четв., получают сбору около 36 милл. четв. и за вычетом из этого сбора зерна для будущего посева в прежнем размере получали вместо нужных 40 милл. с лишним всего только 28 милл. четв., следовательно и при этом приходилось покупать хлеба более чем 12 милл. четв. в год. «Не удивительно, говорит автор, что уже в 1858 г. на государственных крестьянах лежало 3. 458.209 руб. недоимки».

Интересны и другие предположительные подсчеты автора: так, если бы всем крестьянам (которых по ревизии 1866 г. насчитывалось в России 24.204.963 лиц мужского пола) дать надел в размере наделов крестьян сейчас указанной категории, т. е. в размере, бывшем тогда наивысшим — 6,38 дес. на душу м. п. и сбавить сборы до наинизшего предела, т. е. до 4 руб. 66 коп. с души, то и при этих условиях пришлось бы раздать крестьянам всю пашню (насчитывавшую тогда 90 милл. дес. в Евр. России) и кроме того для продовольствования населения России

(около 60 милл. душ. об. п.) пришлось бы выписывать из заграницы более 51 милл. четв. озимого хлеба». На столько скудна и ничтожна была производительность крестьянского хозяйства, что она полностью не удовлетворяла даже собственных потребностей производителей.

После эмансипации Россия выступила со своим хлебом на широкий мировой рынок. Крестьянское хозяйство начало терять свой замкнутый, полунатуральный характер, и сельское население начало быстро расслоиваться, т. е. наряду со средне-обезпеченными хлебопашцами начали образовываться более зажиточные крестьяне — торговцы и менее состоятельные крестьяне — рабочие, — сельский пролетариат. Россия вступила в связь с высоко развитыми капиталистическими странами, еще не успев сама стать страною капиталистическою, в особенности в области наиболее отсталого в ней сельского хозяйства. На ряду с прежним фактором — малой производительностью крестьянского хозяйства — выступил еще новый — выкачивание хлеба из крестьянского хозяйства под давлением податного пресса; хлеб явился для русского правительства главнейшим предметом внешней торговли, а следовательно основным источником для покрытия правительственных расходов за-границей и внешней государственной задолженности, явившихся в результате желания русского правительства играть роль «великой державы».

С развитием в России торгово-промышленного капитализма и русское сельское хозяйство не оставалось без воздействия прогрессирующих элементов, но прогресс крестьянского хозяйства далеко отставал от пред'являвшихся к нему требований и это хозяйство продолжало идти неуклонно в сторону дальнейшего оскудения. Об «оскудении центра», не скрывая, с тревогою начало говорить и само правительство. Начались безконечные, безплодные заседания правительственных совещаний; начались образовываться разного рода комиссии и комитеты, пока, наконец, не прогремел по России первый предупреждающий удар грома, возвещавший о приближении народной бури. Вслед за крестьянскими волнениями в 1902—1903 г., под влиянием несчастной для России и позорной Японской войны разразилась и самая буря в виде революции 1905 г. Правительство забезпокоилось не на шутку и принялось за реформы. Так началась эра Столыпинской реформы по насаждению капитализма в русском сельском хозяйстве.

В чем выражалась эта попытка насаждения сельско-хозяйственного капитализма в России?

Прежде всего в создании и укреплении частной поземельной собственности и в облегчении ее мобилизации. Отсюда прежде всего явился указ 9 ноября 1906 г. о разрушении общины. Коллективное общинное землевладение с его периодическими переделами сильно задерживало тот естественный процесс «расслоения деревни», без которого не может развиваться капиталистическое хозяйство. Поскольку это последнее покоится на эксплоатации «свободного» наемного труда, постольку в деревне должны существовать те же два основных класса, что́ и в городе: очень бедные безземельные в качестве «сельского пролетариата» и более состоятельные «сельские кулаки». Этот совершенно естественный процесс современного капиталистического строя мог протекать без особенно сильных потрясений для народного хозяйства только при том условии, что прогрессирующая промышленность или рациональная система колонизации будет все время поглощать излишнее сельское население. Руководствуясь интересами капиталистического сельского хозяйства, находившего себе выражение в крупной дворянской земельной собственности, старое правительство решило форсировать этот процесс; крупному землевладению было необходимо иметь и в деревне «резервную армию рабочих», а отсюда надо было усилить и ускорить процесс образования «сельско-хозяйственного пролетариата», прикрепленного к месту безвыходностью своего положения и нуждой. На ряду с этим той же мерой разрушения общинной формы землевладения достигалась и другая весьма важная тоже «политическая» цель; это — образование кадра более обеспеченного «крупного» или «крепкого» крестьянства, на которое могла бы опереться уже тогда начавшая колебаться монархическая власть. Этого рода соображения, конечно, были навеяны примерами старого французского консервативного крестьянства, столь цепко державшегося за свою земельную собственность. Этого рода политика поглощения сельскими кулаками более обездоленного, безземельного или малоземельного крестьянства находила себе внешнее выражение в значительных Столыпинских афоризмах и изречениях, как например, «игра (ставка) на сильного», «законы пишутся не для слабых и не для пьяных» и др. При революции, как мы увидим дальше, создалась обратная политика — содействие со стороны советского правительства тенденции поглощения сельских кулаков со стороны деревенской бедноты; причем этот процесс сопровождался соответствующими же афоризмами Ленина, как, напр., приведенная раньше максима: «ограбь кулака, не обидь середняка и помоги бедняку».

Указ 9 ноября 1906 г. «о разрушении общины», видоизмененной законом 14 июня 1910 г., получил себе дополнение в законе 29 мая 1911 г. о землеустройстве. Землеустройство должно было прежде всего содействовать к выделению отдельных более крепких домохозяев из общины и этим обрекать последнюю на собственную окончательную гибель. В этих целях правительство содействовало выделяющимся дворам по расселению их самостоятельными хуторами — или «отрубами», т. е. выделяющиеся из общины крестьяне могли селиться совершенно отдельными хуторами — фермерами, или, оставаясь в деревне требовать себе «отруб», под чем понималось сверстывание отдельных полос к одному участку или к нескольким более крупным участкам. Хуторское хозяйство, тесным образом связанное с расселением по отдельным самостоятельным хуторам — фермам, представляет с точки зрения хозяйственного капиталистического производства, несомненно, более рациональный тип, чем обычное «общинное» землевладение, — но только при условии наличности целого ряда особых обстоятельств, как, например, при полном обезпечении данного хутора собственным колодцем или источником, при достаточном размере земельного участка, допускающем разнообразие угодий, при хороших путях сообщения, при общем более высоком обезпечении средствами, не вынуждающем искать отхожих промыслов и т. д. Только при этих условиях хуторское хозяйство становится в действительности прочным, капиталистическим, фермерским. Но можно было заранее предвидеть, что все этого рода обстоятельства — правительство, если и в состоянии будет обезпечить сельскому населению, то только в течение очень долгого периода времени. Таким образом для данного момента «хуторское хозяйство» должно было являться лишь приманкой для достижения основной цели — уничтожения общины и для связанного с этим расслоения деревни. Другими словами, стараниями старого правительства малоимущие и слабосильные крестьянские хозяйства обрекались окончательно на уничтожение за счет развития и роста более имущих и крепких крестьянских дворов и помещичьих владений, опирающихся всецело на дешевый наемный труд. Крестьянская беднота в качестве сельского пролетариата

отдавалась полностью в жертву более состоятельных элементов деревни, долженствовавших образовать из себя новый класс зажиточной крестьянской «буржуазии» на свободной и прочной основе частной поземельной собственности.

Такова была программа Столыпинского сельско-хозяйственного капитализма. Осуществление ее не всюду шло одинаково гладко и успешно; на местах уже тогда она вызвала ожесточенную вражду, столь усилившуюся во время революции; и со стороны правительства эти реформы требовали затраты все более и более значительных средств. Так, с 5 милл. руб. смета ведомства сельского хозяйства возросла за период 1907—1912 до 30 милл. руб. А в конце 1916 г. тогдашнее министерство земледелия возбуждало вопрос, об ассигновании на нужды сельского хозяйства свыше 100 миллионов рублей. Поэтому трудно сейчас сказать, была ли попытка насаждения в России сельско-хозяйственного капитализма обезпечена успехом хоть в будущем?, т. е., могла ли бы Россия в ближайшие десятилетия, как думают защитники этих реформ, догнать в области сельского хозяйства, опередившие ее другие капиталистические страны и занять среди них весьма видное место, следуя примерам Америки и Германии? Так или иначе, но опыт превращения России в страну с капиталистическим фермерским сельским хозяйством не был доведен до конца; он был прерван почти в самом своем начале сперва войной, а позже вспыхнувшей революцией. По злой иронии судьбы русскому сельскому хозяйству, вдруг, предстало по идее коммунистов перейти из полунатурально-потребительского хозяйства в хозяйства социалистического характера помимо промежуточной стадии капиталистической.

В этом положении застает русское сельское хозяйство советское правительство на третий год своего существования, когда после периода гражданской войны оно решило приступить со всей энергией к под'ему производительных сил страны «во имя спасения революции» и самого существования России, как самостоятельного государства.

2. Аграрная революция и ее последствия.

Перед советским правительством стояли те же две основные задачи сельско-хозяйственной политики, что́ стояли перед всякой правительственной властью в России со времени освобождения

крестьян. Первая из этих задач издавна получила себе наименование «аграрного вопроса», имевшего в виду прежде всего удовлетворение земельных нужд сельского населения; вторая задача касается условий повышения сельско-хозяйственной производительности. Нечего говорить, что обе эти задачи стояли и продолжают стоять до сих пор в самой непосредственной органической взаимной зависимости: безцельно наделение крестьян землей, если такое наделение не влечет за собою повышения производительности и бессмысленно думать о повышении производительности крестьянского хозяйства, не обезпечив за ним необходимого для того земельного пространства. Но такая безцельность и такое бессмыслие получили себе полное реальное выражение в последние годы старого режима, продолжая находить себе выражение в действительности и при революции.

Временное Правительство не решило «аграрного вопроса»; и, не имея сил противодействовать стихийному «разрешению» этого вопроса самим населением в форме самовольного захвата помещичьей и казенной земли, оно органичилось только установлением некоторых общих основных принципов, на которых должна была бы покоиться земельная реформа, если бы она прошла через Учредительное Собрание. Этими принципами были: во 1-х, передача пользования всей землей трудящемуся населению, и, во 2-х, безвозмездность отчуждения земли от бывших ее владельческих не трудовых элементов. Советский режим принял целиком эти два принципа и по сравнению с намечавшейся при Временном Правительстве земельной реформой не внес в нее от себя ничего нового. Оказавшись также бессильным по борьбе с самовольными, иногда чисто хищническими захватами, советская власть признала факт безвозмездного перехода всех земель к трудовому сельскому населению совершившимся и только во имя углубления «социальной революции» пыталась от времени до времени регулировать такие захваты в пользу неимущей части сельского населения за счет более состоятельной его части.

После целого ряда многочисленных декретов (с 30 ноября по 21 декабря 1917 года, т. е., не за полный месяц советское правительство выпустило семь известных мне декретов по земельному вопросу) 19 февраля 1918 г. в день освобождения крестьян вышел, наконец, столь долго жданный населением основной закон о земле. Правда, то не был манифест всенародно об'являемый Высочайшей Волею Монарха; очень скромно в одной только «Га-

зете Рабочего и Крестьянского Правительства» (№ 27 от 19 февраля 1918 г.) появился «Основной закон о социализации земли». Этим актом санкционируется юридически то, что фактически само собою совершилось в народных низах в то время, как верховная власть народа переходила от автократического царского трона к демократическому Временному Правительству, а от него к пролетарским советам.

Мы дальше укажем, как реагировала деревня, на новый для нее столь желанный и ею столь жданный земельный закон. Здесь приведем лишь некоторые главнейшие положения этого закона.

Частная собственность на землю отменяется (ст. 1) и земля без выкупа переходит в пользу трудового народа (ст. 2). Право пользования землей принадлежит лишь тому, кто обрабатывает ее собственным трудом (ст. 3) и потому «никто не может передавать прав на пользование находящимся у него участком земли другому лицу» (ст. 45).

Этими положениями сельское хозяйство принципиально лишается трех своих основных капиталистических элементов эксплоатации земли: купли-продажи земли, ее аренды и найма труда. Закон пытается тут же указать на предстоящее в недалеком будущем устранение из сельского хозяйства еще одного капиталистического элемента — свободного распоряжения продуктами своего производства; закон устанавливает государственную монополию торговли хлебом (ст. 19) и в устранение капиталистической поземельной ренты предусматривает, чтоб «излишек дохода, получаемый от естественного плодородия лучших участков земли, поступал на общественные нужды в распоряжение органов советской власти» (ст. 17). Однако, закон не останавливается на вопросе о том, каким способом определяется рента и каким путем она отчуждается в пользу советских органов, — предоставляя это, видимо, усмотрению самих органов на местах, чем в действительности и пытались позже широко воспользоваться, так называемые, «комитеты бедноты».

Закон подробно останавливается на определении самих размеров наделения землей, или того, что закон называет «установлением земледельческой потребительно-трудовой нормы».

Согласно ст. 12-й распределение земли между трудящимися должно производиться на уравнительно-трудовых началах так, чтобы потребительно-трудовая норма, не нарушая в данном районе исторически сложившейся системы землепользования, не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства и в то же время давала бы возможность безбедного существования семье земледельца».

В особой «Инструкции» указывается и способ осуществления такой «потребительно-трудовой» нормы. Согласно этой «Инструкции» вся земледельческая Россия распределяется на такое число поясов, сколько различных систем полеводства (переложная, трехпольная, восьмипольная, многопольная, плодосменная и др.) исторически сложились в данный хозяйственный период. Для каждого такого земледельческого пояса устанавливается своя особая потребительно-трудовая норма. «Внутри пояса она может изменяться в зависимости от климата и от естественного плодородия почвы в каждом угодии отдельно, а равно в зависимости от близости к рынку (?!) города или железной дороги и других условий, имеющих важное местное значение». Наконец, самый размер нормы для всякого данного пояса определяется с таким рассчетом, чтобы данный размер ее был бы «наиболее благоприятным для ведения того или иного типа хозяйства, какой преобладает в этом поясе».

Для определения «трудового» элемента в норме наделения устанавливается известная градация «рабочей силы» и предельный возраст для нетрудоспособных; к последним закон относит детей до 12 лет и престарелых — мужчин от 60 и женщин от 50 лет и более. Все остальные лица по полу и возрасту составляют следующую градацию для установления коэффициента трудоспособности:

Мужчина	от 18	до 60	лет	представляет	1,00	рабочей	силы
женщина	„ 18	„ 50	„	„	0,80	„	„
подросток (м. п.)	„ 16	„ 18	„	„	0,75	„	„
подросток (ж. п.)	„ 16	„ 18	„	„	0,60	„	„
дети об. п.	„ 12	„ 16	„	„	0,50	„	„

Для определения нормы наделения далее преподаются такие правила:

«Делением количества десятин на количество сил определяется число десятин, приходящихся на единицу силы. Для исчисления среднего ныне существующего крестьянского землевладения в уезде, взятом за отправный пункт для всего пояса, требуется определение средней по качеству и урожайности десятины. Эта средняя составляет частное от деления суммы урожаев с различ-

ных в почвенном отношении десятин на число почвенных категорий». Найденная таким образом средняя должна будет служить основой при определении потребительно-трудовой нормы, по которой идет равнение отдельных хозяйств в счет земель запасного фонда по всему поясу и т. д.

Нужно ли говорить, что эта столь сложная и в самой себе противоречивая (ср. вышеотмеченное положение о «рынке» при государственной монополии торговли хлебом?!) регламентация советской земельной реформы оказалась значительно запоздавшей: черный передел, по которому с давних пор на Руси тосковал крестьянин, уже совершился в общем и целом еще задолго до закона о земле; борьба шла уже только в собственной крестьянской среде и только по отношению к этой борьбе еще оставалось место для вмешательства посторонней силы в лице правительственной власти. И советская власть, не придававшая вообще большого значения своему земельному закону, попыталась воспользоваться указанной борьбой, чтобы воздействовать на протекавший так медленно процесс дифференциации сельского населения не в сторону капиталистического расчленения на «собственников» и «пролетариев», а в сторону полного «опролетаризирования» деревни, в целях скорейшего перехода к социалистическому сельскому хозяйству.

В этих целях были созданы, уже после земельного закона, упоминавшиеся выше «комитеты бедноты» (комбеды). Но и в самом законе говорится о желательности «скорейшего достижения социализма», в каковых целях, напр., правительство «оказывает всяческое содействие (культурная и материальная помощь) общей обработке, давая преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйству перед единоличным (ст. 35)»; и еще раньше, говоря о центральном и местных земельных комитетах, закон возлагает на них функции по «развитию коллективного хозяйства в земледелии, какъ более выгодного в смысле экономии труда и продуктов за счет хозяйств единоличных в целях перехода к социалистическому хозяйству» (ст. 11).

Этот последний вопрос — «социализация сельского хозяйства» — и стал основой всей позднейшей политики советского правительства в его попытках решения «аграрного вопроса». Но раньше чем переходить к относящимся сюда мероприятиям, отметим, в какой степени фактически изменилось крестьянское землевладение за время революции.

По официальным данным (Изв. № 250 от 7 ноября 1920 г.) крестьянское землевладение по 32 губ. Евр. России увеличилось на 20 милл. дес. сельско-хозяйственного назначения, что составляет 86,3% всего бывшего до революции нетрудового земельного фонда по этим губерниям. При распределении этого фонда между отдельными крестьянскими хозяйствами (разумеется помимо всякой установленной правительством «потребительно-трудовой» нормы) на долю каждой разверстной единицы-едока досталась сравительно совершенно ничтожная площадь добавочной земли, а именно в пределах от 0,007 дес. (Олонецкая губ.) до 0,77 дес. (Петербургская губ.); наиболее распространенной величиною добавочного земельного надела явилась от 0,09 до 0,39 дес. В общем, по отношению ко всему сельскому населению крестьянское землевладение после революции увеличилось на 19,5% по сравнению с его дореволюционным размером. Значительная часть земельного фонда (13,7%) удержана правительством для устройства коллективного сельского хозяйства.

К каким дальнейшим результатам повело это добавочное, само по себе столь ничтожное наделение крестьян землею, об этом довольно подробно говорит Ларин в своем уже упомянутом труде (Очерки хоз. жизни etc.).

Крупные крестьянские хозяйства, бывшие обычно и многосемейными, чтобы спасти свою землю, скот и домашний скарб от раздела и реквизиции, начали усиленно дробиться на мелкие хозяйства, выделяя, напр., из семьи взрослого женатого сына с детьми, — и уступая ему соответственную часть земли, строений, скота и инвентаря. Легкости таких выделов, по замечанию автора, благоприятствовало предоставление крестьянам во время революции фактической возможности получать безплатно и неограниченно лесной материал из государственных и бывших помещицьих лесов. В результате средняя численность крестьянской семьи за два года революции уменьшилась настолько же, насколько раньше за целые 20 лет. По переписи 1897 г. средний размер крестьянской семьи составляли 6,3 души, по переписи 1917 г. — 6 душ, а по переписи 1919 г. уже только 5,7 чел.

Добровольный раздел более крупных крестьянских хозяйств и принудительное отрезывание от них излишков, также как обращение бывших помещицьих полей на наделение в первую очередь безпосевных и малопосевных — все это повело к значительному сокращению средних размеров крестьянского хозяйства.

По приводимым автором предварительным данным переписи 1919 г. (по 12 губ. обнимающим ок. 16 милл. душ) на одно хозяйство в 1917 г. приходилось 3,44 дес. посева, а в 1919 г. — 2,7 дес., что указывает на сокращение в 21%.

Таким образом в результате обстоятельств, сложившихся чисто стихийным путем помимо всякой «земельной реформы», Россия после революции стала еще в бо́льшей степени страной мелкого крестьянского хозяйства, чем до революции. Такое положение вещей всецело отразилось на продовольственном обеспечении городского и промышленного населения. Распыление сельского хозяйства усилило его натуральный характер: тот, кто получил прирезку за счет помещичьих посевов и посевов крупных крестьян, этим самым получил возможность удовлетворения собственных нужд из собственного хозяйства; но этим самым значительно сократилось число хозяйств, которые производили крупные избытки для сбыта их на городской рынок; это и послужило одной из главных причин для ухудшения отмеченного выше продовольственного снабжения промышленного населения. Исчезли не только помещичьи посевы, целиком работавшие для сбыта на рынок, но и крупные крестьянские хозяйства предпринимательского типа, которые велись наемными рабочими. Эти хозяйства в Северной и Средней полосе Евр. России составляли всего только 2—3% общего количества крестьянских хозяйств, но вместе с помещичьими они давали почти половину всего хлеба, поступавшего на рынок, т. е. для вывоза заграницу и для потребления городского промышленного населения.

Так сами коммунисты вынуждены признать, что уменьшение среднего размера крестьянских хозяйств повело к усилению натурального характера русского сельского хозяйства. «Крестьянин сеет ржи, говорит Ларин, как и раньше, по возможности достаточно для удовлетворения потребностей своей семьи; затем следуют продукты, необходимые для удовлетворения других потребностей его хозяйства, а сокращение главным образом приходится на тот посев, продукты которого шли преимущественно для промышленности и для экспорта в качестве сырья (лен, пенька, сахарная свекла, масличные семена и др.) или для городского населения», для самих же крестьян этот посев являлся необходимым лишь постольку, поскольку он служил источником денежных средств для покрытия податей и закупки городских товаров; как скоро крестьяне почувствовали, что подати можно

не уплачивать или уплачивать их приходится имеющимися у них в изобилии обесцененными бумажными деньгами, а с другой стороны, что на рынке им нужного товара не имеется, — так, естественно, сам собою у них отпал стимул к этого рода посевам.

«Такой сдвиг в распределении культур внутри крестьянского посева, совершенно верно замечает автор, равносилен, разумеется, общему понижению уровня русского сельского хозяйства».

Площадь посева уже в 1919 г. сократилась по сравнению с 1916 годом почти на 14%; средний урожай ржи, этого основного вида хлебов, потребляемых самим сельским населением, упал с 49 пуд. (среднее за период 1909—1913 г.) с дес. до 44 пуд. в 1918 г. и 43 пуд. в 1919 г.; на сокращение живого инвентаря будет подробнее указано ниже.

Таковы результаты аграрной революции по отношению к распределению крестьянского землевладения и крестьянской сельско-хозяйственной производительности.

Кроме стихийных сил, направлявших революцию в деревне по тому или иному руслу, не маловажную роль в ней сыграла и «организационная» сила в лице указанных выше «комитетов бедноты». Им, между прочим, в значительной степени обязан факт сильного сокращения, а в некоторых местах и полного исчезновения сельского пролетариата. По некоторым подсчетам (см. Струмилина «Состав пролетариата в России, 1919 г.) можно принять, что в 1917 г. насчитывалось не менее 1,400 тыс. наемных рабочих в сельском хозяйстве Евр. России, не считая членов их семей. Во время революции сельские батраки превратились в мелких самостоятельных производителей. Земельные органы волостных крестьянских советов и их уездных об'единений все первое полугодие господства советского режима сильно противодействовали стремлению бывших сельско-хозяйственных рабочих и батраков приобщиться к самостоятельному земледелию. Но со времени учреждения «комитетов бедноты» (июль 1918 г.) положение вещей и в этом отношении резко изменилось: комитеты, в руках которых была власть и оружие, в течение нескольких месяцев провели свое перераспределение в деревне. Однако, деятельность их не была продолжительна, и ни в какой иной области явлений особенно заметных следов она по себе не оставила. Против «комитетов бедноты» с большой энергией —, вплоть до вооруженных восстаний, выступили другие элементы деревни, и победа осталась за этими последними, вынудившими советскую

власть упразднить эти учреждения и восстановить в правах сельские и волостные советы, построенные не на классовом (пролетарском) принципе, а на демократическом начале, охватывающем собою все местное население.

Борьба с «кулаками» в форме «комитетов бедноты», таким образом, не дала тех результатов «опролетаризации» деревни, какие от этой борьбы ожидались со стороны советской власти.

«Кулачество, говорится в одной из статей «Экон. Жизни» (от 7 ноября 1920 г. № 250), оказалось более устойчивым, чем помещищий класс. Оно ответило борьбой против захвата его имущества. Каждое неправильное с прежней юридической точки зрения решение комитета бедноты, или просто местного беднейшего населения, каждая небольшая реквизиция или конфискация вызывали невероятный вой состоятельной крестьянской среды. Этим воем заразился середняк, который стал опасаться, что после кулаков дело дойдет до него. Крик этот был настолько громок, что в Советской России одно время создалось впечатление, что идет буквально грабеж и произвол со стороны бедноты по отношению к трудовому, но более или менее состоятельному населению. По существу кулачество во многих местах было сильнее бедноты, если не численностью, то несравненно сильнее физически и привычкой распоряжаться и управлять».

Итак, аграрная революция, протекавшая на местах независимо от хода самого революционного процесса в центрах, привела страну к господству малопроизводительного, ослабленного мелкого сельского хозяйства. Меры коммунистов по формированию «пролетаризации деревни» сами по себе не изменили господствовавший и раньше мелко-буржуазный полукапиталистический характер крестьянского сельского хозяйства. Не понимая общего положения страны, или не доверяя политике руководителей советской власти, крестьяне все больше замыкались в условиях натурального хозяйства, сокращая посевы до пределов удовлетворения собственных нужд. На этой почве и возникла борьба между городом и деревней, приведшая, как было указано в предшествовавшей главе, к системе мер насилия и принуждений. С другой стороны, советская сельско-хозяйственная политика вместе с тем не отказалась от основной своей идеи «социализации» и «коллективизации» сельского хозяйства, но лишь в другой форме. На этом вопросе стоит остановиться подробнее.

3. Коллективизация сельского хозяйства.

Покончив с вопросом о добавочном наделении крестьян землею путем легализации совершившегося захвата и распределения земель и, не успев в деле осуществления «пролетаризации деревни», советское правительство приступило к осуществлению другой части своей земельной программы: к образованию и развитию коллективных форм землепользования с общественными или групповыми запашками. Этого рода мероприятия носят общее наименование «процесса социализации», или обобществления сельского хозяйства. Процесс этот может принимать и фактически принимает в Советской России многообразные внешние формы в зависимости от тех мотивов, которые кладутся в основание его инициаторами.

По описанию советской периодической печати (см. напр. «Эк. Ж.» № 250, 1920 г.) этот процесс образовался приблизительно следующим образом:

В поисках за новыми хозяйственными основами для восстановления разрушавшегося не только сельско-хозяйственного капитализма, но и вообще сельского хозяйства, по инициативе отдельных энтузиастов из среды городского пролетариата стали возникать трудовые сельско-хозяйственные «коммуны». К тому же времени начала укрепляться идея государственных земледельческих хозяйств, как средства получения продовольственных продуктов для промышленного населения без продовольственного нажима на деревню. Идея «хлебной фабрики» переплелась с понятием «культурного хозяйства», возникшего с первых же шагов деятельности земельных комитетов. А включение этих хозяйств в систему обобществления сельского хозяйства вызвало к жизни идею «советского хозяйства» (совхоза), как показательного крупного социалистического сельско-хозяйственного предприятия.

В этом понятии «совхоза», в конце концов, нашли себе выражение три основных мотива для сельско-хозяйственного коллективистического производства: мотив коллективного труда, мотив обезпечения коллективного предприятия продовольствием и мотив опытно-показательного культурного земледелия. Под влиянием таких мотивов в сельском хозяйстве стали воскресать старые артельные и кооперативные формы производства.

По мере того, как процесс обобществления в сельском хо-

зяйстве начинал развиваться, в печати стали возникать споры о преимуществе той или иной формы сельско-хозяйственного коллективизма, и эти споры не оставались без влияния и на самую жизнь.

Сначала большим успехом пользовались трудовые сельскохозяйственные коммуны; к первому ноября 1918 г. их насчитывали 950, а к половине 1919 г. — 2000 об'единений; но затем число их стало падать: к 1 ноября 1919 г. по 31 губ. их насчитывалось 1596 организаций, а к 1 сентября 1920 г. по 42 губ. всего только 1826. Причем на место распадающихся коммун почти в одинаковом числе возникали новые коммунистические об'единения. Слабое развитие «коммун» об'ясняется тем, что эта форма коллективного землепользования не проникает в толщу крестьянского населения. «Реальные условия крестьянского хозяйства не перерастают самих себя в годичные периоды, и идеальная форма коллективного землевладения остается еще на значительный период времени уделом творческого порыва отдельных энтузиастов — вне массовых хозяйственных процессов».

Отсюда долгое время образование «коммун» носит спорадический характер. «Образовавшиеся стихийно, говорит официальный советский орган (Изв. № 233, от 19 окт. 1920 г.), рассеянные по громадному пространству, при полном расстройстве транспорта эти изоллированные коммуны не только не могли наладить регулярных сношений с центром, но и взаимной связи».

«Без помощи, без выработанного организационного плана, не имея ни инвентаря, ни одежды, не встречая сочувствия населения, коммуны на первых порах влачили полунищенское существование; и многие из этих пионеров-коммун распались под ударами экономических и технических трудностей». Только уже с 1919 г. коммуны начинают об'единяться в союзы, сначала только в районные, а позже и в поуездные и губернские.

Вместе с об'единением коммун с ними начали сливаться и другие формы коллективизации сельского хозяйства, как, напр., артели, кооперативы по общественной обработке и др. Эти формы сельско-хозяйственной коллективизации отличаются от первоначальных трудовых коммун бо́льшей деловитостью и практичностью. Напр., артели обыкновенно создаются крестьянами, владеющими кое-какой землицей и кое-каким инвентарем; к ним иногда присоединяются и более зажиточные крестьяне. «Коммуна, говорит один из исследователей, — продукт вдохновения; артель — следствие делового расчета хозяйственного мужичка. Число коммун уменьшается; число артелей растет почти в геометрической прогрессии». (»Экон. Жизнь», № 156 от 17 июня 1920 г.) На сколько это утверждение соответствует действительности, сказать трудно, так как точных статистических данных о ходе развития различных форм сельско-хозяйственной коллективизации пока еще не имеется.

По последним оффицпальным данным, опубликованным в «Известиях» (№ 233, от 19 окт. 1920 г.), касающимся 45 губ. Евр. России, общая картина состояния коллективов по их формам и составу представляется в следующем виде:

Табл. 1-ая

формы коллективов	количество их	число едоков	колич. земли
коммуны . . .	1.883 хоз.	76.960 душ	481.723 дес.
артели	7.551 „	462.062 „	599.506 „
др. виды . . .	885 „	60.044 „	34.636 „
всего	10.319 „	599.066 „	1.115.865 „

В средних величинах перед нами вырисовывается следующая картина численности и земельнаго обезпечения каждой из главнейших этих форм:

Табл. 2-ая

формы коллективов	среднее число душ на 1 хоз.	среднее колич. земли на 1 хоз.	среднее колич. земли на 1 душу
коммуны . . .	41.4	262.4 дес.	6.2 дес.
артели	61.2	79.3 „	1.3 „
всех видов . .	58.3	108.5 „	1.8 „

Как ни отрывочны и ни случайны эти данные, они во всяком случае не подтверждают вышеприводимую оценку и характеристику коммун: эти последние оказываются наиболее обезпеченными землею, тогда, как в артелях обнаруживается совершенно ничтожное количество земли.

Впрочем, за неимением более полных данных никаких выводов отсюда делать не приходится. Так или иначе, если судить по позднейшим, тоже, к сожалению, весьма отрывочным, данным, коллективизация в сельском хозяйстве как будто расширяется в сторону увеличения общего числа коллективов, которых к 1 января 1921 г. насчитывалось до 15 тысяч, обнимающих собою до 300 тысяч единоличных хозяйств, что, впрочем, по отношению к общему числу этих последних (20 милл.) составляет всего только 1,5 %.

От этих форм коллективизации резко отличаются «советские хозяйства» (совхозы), которые выражают собой попытку правительства осуществления ряда производственных задач в форме введения коллективистического принципа в сельское хозяйство по аналогии с национализованной промышленностью.

По словам Ларина (см. его очерк, стр. 25 и сл.) образование «советских хозяйств» (совхозов) в сколько-нибудь значительных размерах началось только зимою 1918 г. после того, как обнаружился довольно обширный недосев бывших помещичьих земель. Советскому правительству удалось за один 1919 г. возродить из запущенных и неиспользованных крестьянами земель около 1,600 тысяч десятин, из которых было до 600 тысяч десятин посева. На этой площади было образовано около $2^1/_2$ тысяч совхозов. По подсчетам Ларина к совхозам перешло ок. 20% прежнего помещичьего посева в пределах тогдашней Советской России. Если к этому еще прибавить около 7% распределенных между частноправовыми коллективами — коммунами и артелями, то на долю крестьян как будто досталось не 86,3% (как указывалось выше), а всего только около 70—73% всего бывшего помещичьего посева.

Из общего числа совхозов значительно преобладающая их часть — 2463 организаций с 1,361 тысяч десятин земли находятся в непосредственном управлении государства, а остальная их доля роздана в управление отдельных крупных фабрик и заводов (по декр. 15 февр. 1919 г.). Но, как те, так и другие «совхозы» одинаково ведутся путем найма рабочих и под руководством специалистов — агрономов. Такая попытка «урбанизации земледелия», будто, уже занимает до 75 тысяч сельских рабочих.

По характеру ведения хозяйства «совхозы» представляют два типа: в одних, расположенных в промышленной полосе преобладают хозяйства — овощное, картофельное и молочное;

в других, расположенных в южных земледельческих губерниях, преобладает зерновое хозяйство.

Большие надежды возлагаются на развитие «советских хозяйств» со времени присоединения к Советской России Донской области, где владения бывших казачьих генералов, бывшего государственного конозаводства, запасный войсковой земельный фонд и др. образуют обширную площадь в несколько миллионов десятин сейчас никем не занятой, свободной, превосходной по качеству и по географическому расположению земли. С весны 1920 г. было приступлено к организации на этой площади «совхозов». Предполагают, что в каких-нибудь пару лет размеры новых «совхозов» превзойдут во много раз все достигнутое в этом отношении до сих пор во всей остальной России. Далее, в своей попытке обобществления сельского хозяйства советское правительство строит свои расчеты на свободные земли Оренбургской и Уральской губерний и на переход от современной экстенсивной системы сельского хозяйства к интенсификации его в связи с расширением культур специальных промышленно-технических растений.

Относительно «совхозов» данные собираются более полно и точно, чем относительно добровольных коллективов. Так мы имеем следующие относящиеся сюда числа:

К октябрю 1920 г. по 40 губ. Евр. России насчитывалось 4,096 совхозов с общей площадью до 2,250 тысяч дес., что составляет в среднем около 550 дес. на 1 совхоз; в Сибири организовано 108 совхозов с площадью в 1,127 тыс. дес., что дает в среднем около 10,400 дес. на каждый совхоз; наконец, на Дону и на Кавказе насчитывается 270 совхозов с площадью в 556 тыс. дес. или в среднем по 210 дес. на одно хозяйство. Всего без Украины насчитывают 4,474 совхозов с площадью около 4-х милл. дес. Для того, чтобы вполне обеспечить 20 милл. трудящихся в городах хлебом, крупой и картофелем понадобится — при правильной постановке производственных работ — довести площадь «совхозов» до 6—7 милл. дес., что легко достижимо после присоединения к Советской России Дона и Кавказа.

В сообщаемых данных не указывается на численный состав совхозов, без чего трудно представить себе нижеследующие сообщения о результатах производства за последний сезон (1920). Всего сена и соломы было собрано до 25 милл. пуд. Под огородными овощами было 8.388 дес., давших свыше 5 милл. пуд. С садов (не считая национализованных) собрано до 13,860 тыс.

пуд. всякого рода плодов. Молока за весь 1920 г. должно получиться до 2 милл. ведер. Зерна было получено 3,704 тыс. пуд. и 1,978 тыс. пуд. овса. Чтобы представить себе степень выгодности советского хозяйства сопоставим следующие оффициальные данные:

Табл. 3-ья

прих-расх. статьи	зерновой хлеб	овес
получено валового сбора	3.704 тыс. пуд.	1.978 тыс. пуд.
необходимо на посев . .	2.313 „ „	1.152 „ „
остается чистого сбора . .	1.371 „ „	826 „ „

Однако за тот же годовой период на продовольствие самого населения совхозов должно пойти: 1,250 тыс. пуд. муки и 358 тыс. пудов крупы, а на фураж (кроме сена) 4,922 тыс. пуд. зерна.

Отсюда мы видим, что пока совхозы едва только в состоянии прокормить собственное население с риском потерять живой инвентарь из-за недохвата зернового фуража. «Экон. Жизнь» (от 5 октяб. 1920 г. № 221), откуда заимствованы эти основные данные, приходит сама к таким, далеко не утешительным, выводам:

1. Посевная площадь совхозов обезпечена посевными семенами полностью;

2. Остатками от посева озимых и яровых, от огородов и садов вполне обезпечивается н а с е л е н и е совхозов хлебом, крупой, картофелем, овощами и фруктами.

3. Потребность в молоке могла бы быть обезпечена в размере 1 бутылки в день на едока, но это поглотило бы все производство. Поэтому фактически, начиная с зимнего, стойлового размещения скота, молоко, будут получать только больные и дети и тогда совхозы могут сдать на сторону около 1 милл. ведер, т. е., половину всего полученного ими количества молока.

4. Потребность в фураже может быть удовлетворена следующим образом: грубых кормов (сена и соломы) при весьма экономическом использовании хватит до нового сеносбора, а сильных кормов (зерна) не достанет около 3-х миллионов пудов. Получение половины этого количества жмыхов и отрубей со с т о р о н ы даст возможность сохранить лошадей в работоспособном состоянии.

Сообщение указывает на то, что год в урожайном отношении был неблагополучным, и, что рассчет сделан по всем совхозам кругом при фактическом отклонении в положительном и отрицательном смысле по отдельным губерниям.

Сообщаемые оффициальным органом данные, таким образом, не вселяют в нас уверенности в возможности достижения «совхозами» тех широких планов, которые они себе ставят, — вплоть до обезпечения продовольствием всего городского населения и даже еще до образования фонда для экспорта!, как о том сообщалось в «Эконом. Жизни» (№ 107, от 19 мая 1920 г.).

К такому весьма пессимистическому заключению приводит нас еще и другая сторона вопроса — неналаженность соответствующего аппарата для управления «совхозами».

Так, «Экон. Жизнь» (№ 237, от 23 окт. 1920 г.) дает следующую характеристику этой стороны вопроса:

«Существующая система управления совхозами совершенно неудовлетворительна. С одной стороны, имеется система органов народного комиссариата земледелия, с другой стороны, существуют: самостоятельный центральный орган «Главземхоз», агрономические отделы «главков», состоящих в ведении Высшего Совета Народного Хозяйства, народный комиссариат путей сообщения, органы «Народной Связи», нар. комиссариат по здравоохранению, нар. комиссариат внутренних дел и др. Та же множественность органов управления и на местах. При таком обилии органов общего руководства создание и проведение единого производственного плана чрезвычайно усложняется».

По позднейшим данным («Экон. Жизнь» от 1 дек. 1920 г. № 270) организационная сторона дела, будто, несколько налаживается. По соглашению комиссариата земледелия с Высшим Сов. Нар. Хоз. при первом из них образуется высший орган по управлению всеми совхозами — «Главсовхоз», на который возлагается вся работа по организации советских хозяйств, как находящихся в управлении государства, так и фабрично-заводских; вместе с этим «Главсовхоз» берет на себя и разработку единой для всех их производственной программы. Как отразится реорганизация централизации управления «совхозами» на их производительности, покажет будущее. Но явно обнаруживающаяся их недостаточность в настоящее время приводит советскую власть к необходимости принятия общих мер по усилению производительности крестьянского хозяйства.

4. Меры по поднятию сельско-хозяйственной производительности.

В тесной связи с мероприятиями по установлению тех или иных форм землевладения стоит вопрос об условиях повышения сельско-хозяйственной производительности. Выше было уже отмечено, что современное состояние сельского хозяйства в этом отношении должно быть признано действительно катастрофическим.

Производительность сельского хозяйства определяется двумя моментами: размерами площади посевов и урожаями. Оба момента в значительной степени зависят от интересов производителей и от наличности у них достаточных для того средств. Раньше уже указывалось, что в настоящее время интерсы крестьян в расширении площади посевов значительно притупились; и это обстоятельство вызвало со стороны советской власти целый ряд мероприятий от принудительного посева до свободы обмена излишками урожая; об этих мерах будет подробнее сказано еще ниже. Но на ряду с вопросом о желании расширения посевной площади выступает вопрос о фактической возможности такого расширения при наличности достаточных для того средств; к этим средствам относятся орудия производства, рабочий скот и посевный материал.

Остановимся здесь подробнее на этом последнем вопросе.

Вопрос об обезпечении сельских производителей необходимым для них мертвым и живым инвентарем со стороны правительства сколько нибудь серьезно и широко впервые выдвинулся лишь во время революции в связи с грозными признаками приближавшегося голода. Весною 1917 г. сельско-хозяйственная секция бывшего тогда общегосударственного продовольственного комитета разработала широкий план снабжения земледельческого населения сельско-хозяйственными орудиями и машинами при помощи государства. До этого времени правительственная власть не касалась вовсе вопроса о снабжении населения сельско-хозяйственным инвентарем, предоставляя решение этого вопроса частно-торговому капиталу и общественным организациям — земству и кооперации. Деятельность этих последних имеет уже свою довольно интересную историю.

Еще в конце 70-х годов XIX века многие земские губернские и уездные учреждения считали одной из важнейших задач своей деятельности всемерное поднятие отечественного сельского хозяйства самыми различными способами — путем улучшения культуры хлебов, травосеяния, улучшения племенного скота и, между прочим, также путем распространения рационального сельско-хозяйственного инвентаря; в этих последних целях ими открывались многочисленные склады сельско-хозяйственных орудий и машин.

Несомненно, все, что только было лучшего и рационального в приемах ведения сельского хозяйства принадлежит агрономической и указанной сейчас сельско-хозяйственной складовой деятельности земства. Но пока оно действовало разрозненно и неплановмерно результаты его не могли обнаружиться в особенно значительной степени, в особенности по сравнению с тогдашними нуждами деревни на всем необ'ятном пространстве России, еще во многих своих районах оставшейся вовсе без земских учреждений. Поэтому действительно широкая деятельность земства по открытию складов начинается только в самые последние годы предшествовавшего революции «конституционного» периода старого царского режима, когда на ряду с земством выступила с однородными задачами еще и кооперация.

В конце 1909 г. из нескольких земств центральных губерний во главе с Орловским губернским земством организуется земское товарищество по покупке и распределению сельско-хозяйственных машин и орудий. С районом деятельности на всю Россию это товарищество уже вскоре об'единило более 300 земств. Ставя себе целью содействие возможно бо́льшему развитию сельско-хозяйственного инвентаря не только среди помещиков, но и в деревне, товарищество обратилось к закупкам от заводов и к распределению только наиболее рациональных машин и орудий и при том по цене доступной для населения и дающей заводам возможность развивать свое производство в наибольшем масштабе. Вслед за первым «Орловским» товариществом вскоре возникли еще три аналогичных товарищества: одно (Московское земское товарищество) по выписке листового железа, и два (Костромское и Киевское) по обезпечению населения машинами и орудиями. Эти три товарищества об'единились в своей деятельности по улучшению сельско-хозяйственного инвентаря и развитию отечественного машиностроительства. Оборот их дошел в 1916 году до очень значительной для тогдашнего времени суммы в 17 милл. руб., а результат их деятельности по развитию отечественного машиностроительства в 1913 г. выразился понижением ввоза за-

граничных изделий с 90% до 35% всего годового количества сельско-хозяйственных орудий и машин, поступающих в сельское хозяйство.

Позже эти три земских товарищества соединились с правительственным органом (Департаментом Земледелия) и с кооперативной организацией в лице Московского Народного Банка. Этот последний стоял тогда во главе русской кредитной и сельскохозяйственной производительной кооперации и обслуживал союзы кредитных товариществ выдачей вместо денежных ссуд предметов сельско-хозяйственного инвентаря. Сближением с правительственным органом имелось в виду достичь возможности полного снабжения заводов сырьем и топливом, а в области транспорта — обеспечения нормального железнодорожного и водного движения. Начавшаяся революция и общехозяйственная разруха прекратили эту деятельность товариществ и сами они распались.

Фактическое состояние сельско-хозяйственного машиностроения в России за время войны и революции рисуется в следующем виде.

Имея свыше 90 милл. дес. земли под распашкою, Россия являлась всегда весьма крупною потребительницею земледельческих орудий; ее собственное сельско-хозяйственное машинное производство никогда не было в состоянии сколько-нибудь полно обеспечить русский рынок необходимыми орудиями и машинами. Правда последнее время, под влиянием указанной работы земств, удавалось довести производство некоторых групп орудий производства до размеров, покрывающих 75% потребления. В среднем в России до войны изготовлялось в год до 1,8 милл. плугов, около 65 тыс. рядовых и разбросанных сеялок и около 100 тыс. молотилок. Производство плугов начало уже в три раза превышать их ввоз. Но это был кульминационный пункт в развитии русского сельско-хозяйственного машиностроения. С этого момента начался тот процесс сокращения его, который уже к третьему году войны, к осени 1916 г. привел к недосеянию 9 милл. дес., главным образом, вследствие недостатка сельско-хозяйственного инвентаря.

Союзные и нейтральные страны, взявшие на себя на ряду с пополнением нашего боевого снаряжения также и сельско-хозяйственного оборудования, не могли удовлетворить наши потребности в этом последнем. Главным поставщиком являлась Америка, ввозившая попрежнему уборочные машины, а в последнее

время и тракторы. К производству более нужных для нашего сельского хозяйства конных пахотных орудий русского образца американцы не были приспособлены, так как до войны 75% таких орудий уже изготовлялось в самой России, а остальные 25% поступали к нам из Австрии и Германии. По отношению к этим орудиям и обнаружился голод в наибольшей степени. Промышленность наша была мобилизована для военных заданий; металл был взят под учет; в распределении его имели влияние исключительно военные лица, чуждые заботам о сельском хозяйстве, и само правительство не принимало никаких мер к тому, чтобы поддержать производство пахотных сельско-хозяйственных орудий в России, или, по крайней мере, поднять интерес к их производству в Америке и в Швеции.

Временное Правительство пыталось было сделать первые шаги к поднятию собственного производства сельско-хозяйственных орудий, но попытки эти были совершенно ничтожны по самому своему заданию: по ходатайству министерства земледелия правительство решило отпустить 350 тыс. пуд. железа на доделку недоконченных фабрикатов; министерство путей сообщения предоставило внеочередную доставку этого металла и обещало отпустить еще из своих запасов около 500 тыс. пуд. чугуна. Но насколько эти количества ничтожны можно судить по тому, что потребность в железе для сельского хозяйства исчислялась тогда в 10 милл. пуд., как минимум.

В довоенное время сельско-хозяйственное машиностроение получало не менее 8 милл. пуд. металла помимо 27 милл. пуд. сортового железа; за год до революции население получило всего только 553.478 пуд. железа и 812.170 пуд. чугуна для производства, и еще 487.553 пуд. сортового железа на ремонт инвентаря.

Таким образом, сельское хозяйство страны после потребления металла приблизительно в количестве 35 милл. пуд. еще до революции должно было ограничиться количеством менее 2 милл. пуд., да и это количество распределялось случайно и крайне запаздывало из-за расстройства транспорта.

Фактически сельско-хозяйственное машиностроение в России еще до революции почти прекратилось, в чем убеждают следующие числа: заказано было в 1916 г. разного рода сельско-хозяйственных машин и орудий 553.065 штук, а исполнено к весне 1917 г. — 11.832 шт., т. е., всего только 2,1%.

В общем, сельское хозяйство за три года войны не дополу-

чило от 50 до 90% необходимого ему инвентаря. И с началом революции наростание машинного голода не уменьшилось. Направленные к умалению его меры Временного Правительства, главным образом, в виде попыток заказов заграницей, еще до блокады, ни к чему не приводили, так как все иностранные заводы были завалены заказами боевого характера. Достаточно для примера указать на тот факт, что из Швеции вместо заказанных 500 тыс. кос получилось к лету 1917 г. всего только 20 тыс. шт., а из Америки, которая взялась доставлять по 100 тыс. кос еженедельно до конца июня 1917 г. не было получено ни одной косы.

На 2-м с'езде представителей русских фабрик земледельческих машин и орудий осенью 1917 г. (до октябрьского переворота) была принята резолюция следующего содержания: «С'езд констатирует тот печальный факт, что меры Временного Правительства не только не оправдали каких-либо надежд на урегулирование машиноснабжения, но и повели к окончательной разрухе, как производство сельско-хозяйственных машин, так и снабжение сельско-хозяйственным инвентарем крестьянское население» (Торгово-пром. Газ. № 184 от 25 авг./6. сент. 1917 г.).

Итак, необходимых для крестьянского хозяйства плугов, сох, борон и т. п. в течение шести лет, т. е., со времени войны производилось в самой России очень мало и еще меньше их получалось из заграницы. А те, которые имелись, поизносились без починки вследствие недостатка инструментов и металла. В 1921 г. сельское хозяйство выступает с недочетом примерно в 4 милл. плугов. Как медленно еще и в настоящее время идет, например, снабжение плугами можно судить по следующим данным: со времени фактического прекращения блокады, т. е., с октября 1920 г. по март 1921 г. было получено из заграницы 20 тыс. плугов, и в то же время изготовлено на собственных заводах до 40 тысяч. В течение марта и апреля 1921 г рассчитывают получить и распределить еще 20 тыс. заграничных и 20 тыс. русских плугов. Таким образом, общее количество новых плугов к началу полевых работ в 1921 г. должно составить всего 100 тыс. плугов, что по сравнению с указанным выше недочетом в 4 милл. штук составляет совершенно ничтожную долю.

Намеченный народным комиссариатом земледелия «ударный» план включает в себя покупку заграницей 2.900 шт. тракторных гарнитур, но само ведомство рассчитывает получить из этого

количества только 1 тысячу штук и то неизвестно, как скоро удастся их приложить к сельским работам.

Так как о переходе крестьянского хозяйства в ближайшее время к обработке земли при помощи моторных машин не может быть и речи, то, естественно, все внимание советского правительства обращено на удовлетворение нужд в мелких сельско-хозяйственных орудиях и машинах. И вследствие недостаточного их привоза из заграницы и собственного их изделия внимание всецело должно быть обращено на их ремонт и сохранность; а, с другой стороны, на рациональное использование всего того, что еще имеется в наличности.

На ряду с мертвым инвентарем выступает и вопрос о живом инвентаре. И в этом отношении положение дел весьма печально.

Еще в 1919 году по 43 губ., в которых насчитывалось около 30 милл. дес. пахотной земли в яровом клину, лошадей было достаточно. Но вследствие большого неурожая в 1920 г. количество лошадей теперь весьма сильно сократилось — на 30%, а в некоторых губерниях еще больше; также сильно сократился за последнюю зиму и рогатый скот, а тот, который и сохранился, может дать мало навоза и плохого качества вследствие плохого корма и отсутствия подстилки (Нов. Мир. № 40, от 17 марта 1921 г.).

О наблюдающемся теперь в России сокращении живого инвентаря можно судить по следующим данным двух переписей: количество всех лошадей в сельском хозяйстве за период 1917 до 1919 гг. по 26 губ. сократилось с 6,6 милл. до 6,1 милл., т. е. больше чем на 7,1%; количество крупного рогатого скота — с 12 милл. голов до 9,8 милл., т. е. на 19%; количество овец — с 21 милл. до 19,1 милл. — на 21,8%; количество свиней с 4,4 милл. до 2,4 милл., почти вдвое. Наибольшее сокращение падает на долю молодняка. Так, из общего сокращения количества лошадей 19,7% падает на жеребят. В еще бóльшей степени это наблюдается по отношению к коровам — на молодняк приходится 57,5% и т. д. Но эти данные успели, вероятно, уже значительно отстать от действительности.

Советское правительство не остается совсем безучастным свидетелем такого катастрофического падения скотоводства в России и в лице народного комиссариата земледелия решило обратить особенное внимание на мероприятия по охране племенного животноводства. В настоящее время уже восстановлен го-

сударственный хреновский конный завод, создано 109 других конных заводов и 22 специальные конюшни, где производится испытание всех пород лошадей. Принимаются меры по охране и развитию племенного овцеводства и т. д. Еще более широкая программа намечена на 1921 г. (Нов. Мир, № 28, от 3 марта 1921 г.). Но в успешности и реальности фактического осуществления всех принятых и предполагаемых мероприятий не может быть твердой уверенности до тех пор, пока не будут устранены те отрицательные факторы, которыми обусловливается дальнейший процесс разрухи всего народного хозяйства. А этот процесс, вряд ли можно думать, поддастся быстрому излечению. Для этого нужны прежде всего условия мирной творческой работы и уверенность в прочности своего положения, как внутри страны, так и по отношению к другим странам. Между тем, устанавливающийся в России советско-коммунистический строй еще долго будет раздражать прочие капиталистические страны; также трудно расчитывать на скорое окончание распри и борьбы внутри самой России...

Наконец, кроме живого и мертвого инвентаря на сцену выступает и вопрос о достаточном запасе посевного материала.

Для полного весеннего засева в 1921 г. требовалось около 200 милл. пуд. семян. В государственных же запасах семенного материала едва насчитывалось $23^1/_2$ милл. пуд., что составляет едва лишь 12% семенной потребности. Из каких источников могут быть покрыты остальные 88%? Советское правительство расчитывало на собственные запасы зажиточного крестьянства и части крестьян-середняков, совершенно упуская из виду, во-первых, распыление и нивеллировку крестьянских хозяйств, о которых говорилось уже выше, и, во-вторых, те весьма решительные меры, которые принимались продовольственным ведомством по извлечению зерна из деревни. Поэтому можно сильно сомневаться в успешности «внутреннего перераспределения», т. е., в том, что малоимущие и пострадавшие от неурожая получат необходимое количество семян от достаточных хозяев; такое «внутреннее перераспределение» намечается правительством не только в пределах села, но и волости, а в случае надобности даже и в уездах и губерниях. Не смотря на то, что к проведению этого «внутренного распределения» привлекаются собственные крестьянские органы — посевные комитеты и сельские советы — можно сильно сомневаться в успешном осуществлении этой

меры. И это не только потому, что более зажиточные вновь выступят против «голытьбы и лодырей», как они выступали раньше в борьбе с «комитетами бедноты», но еще и потому, что у самих зажиточных — поскольку такие дворы еще сохранились после деревенской нивеллировки — вряд ли обойдутся собственным запасом посевного материала.

По сравнению с двумя рассмотренными ранее элементами посевной кампании — недостаточность в мертвом и живом инвентаре — недостаточность семенного материала представляется наиболее угрожающим элементом для успешного завершения всей посевной кампании этого года. И в этом отношении можно опасаться, что не только в ближайший год, но и в ближайший ряд лет продовольственная нужда в России еще не будет удовлетворена сколько-нибудь нормально, — если не удастся найти для того каких нибудь особенных средств.

Тут мы не говорим о других мерах советского правительства, направляемых к поднятию сельско-хозяйственной производительности, как например, развитие сельско-хозяйственного образования, и меры по поднятию общей культуры сельского населения. Эти меры сами по себе являются бесспорно очень важным и необходимым условием развития сельских производительных сил страны; но от этих мер нельзя ожидать немедленных положительных результатов по восстановлению сельского хозяйства в России, состояние которого становится все более и более угрожающим.

Для полноты освещения выдвинутого здесь вопроса необходимо остановиться еще на ныне предпринимаемой советским правительством посевной политике.

5. Посевная политика советской власти.

Сокращение площади крестьянского посева, достигшее крайних пределов в годы революции, не представляется само по себе явлением новым в хозяйственной жизни России. Недостаточность инвентаря и общая скудость производственных средств деревни уже со второй половины XIX-го века обусловили собою процесс систематического сокращения посевов на крестьянской надельной земле.

В этом отношении достаточно только себе представить, что в первое десятилетие, следовавшее за крестьянской реформой (1861—1870) на 1000 душ населения приходилось 825 дес. по-

севной площади, а в последнее десятилетие XIX века на 1000 душ уже приходилось всего только 547 дес., т. е. за 40 лет площадь посева сократилась почти на 1/3, достигая по отдельным районам 46%.

Выше уже приводились некоторые данные о сокращении посевов за время войны и революции. Общее сокращение посевной площади за пятилетие 1915—1919 выражается в 20%. Если площадь посевов в 1916 г. принять за 100, то по переписи 1917 г. она выразится в 92,6, а по переписи 1919 г. — в 86,3, т. е. только за первые два года революции сокращение посева выразилось в 13,7%. Позднейшие частные данные обнаруживают дальнейшее сокращение посева еще в бо́льшей пропорции.

Лишенное возможности сколько-нибудь значительно влиять на рост интенсификации сельского хозяйства, советское правительство с тем большею энергиею под страхом угрожающего всеобщего голода выступило на самую безпощадную борьбу с сокращением посева. Этот вопрос стал кардинальным не только в деле продовольствования городского населения, но и для самого существования советского режима, переживающего чрезвычайно тяжелый для себя момент хозяйственного, а с ним и общеполитического кризиса.

Сюда относятся мероприятия двоякого рода: установление обязательности засева, как земельной повинности, и содействие ему путем обеспечения необходимым для того живым и мертвым инвентарем.

28 октября 1920 г. коллегией народного комиссариата продовольствия был принят следующий план по борьбе с сокращением площади посева и с падением урожайности:

по окончании заготовительной кампании, т. е. в январе 1921 г., не прерывая работ по заготовке всех продуктов и сырья, которые заготовляются круглый год, обратить главные силы продовольственных органов на работу внутригубернского семянного фонда. С этой целью организуются совещания в составе уполномоченных Всеросс. Центр. Исп. Ком. и председателей губернских продовольственных комитетов. Это совещание вырабатывает план поуездного засева, предусматривающий полное использование всего ярового клина с тем, чтобы были сохранены и восстановлены важнейшие для государства культуры (овес и картофель в центральных губерниях, лен в северозападных и

т. д.). По установлению подлежащей засеву площади вырабатывается поуездная разверстка семян нужных культур, при чем необходимое количество семян изъемлется из рук производителей и сосредоточивается в руках государственных органов, которые должны обеспечить семенами все посевные площади важнейших культур. Для обсеменения тех местностей, где не хватает семян по выполнению планового засева, создаются особые волостные, уездные и губернские семянные фонды.

Наряду с этим было решено ввести принудительную регулировку и по отношению к самим способам обработки земли на следующих основаниях:

губернский посевный комитет вырабатывает ясную программу способов обработки земли, обнимающую главнейшие операции (время и способ запашки, бороньбы, посева, использования навоза и пр.), основываясь на обычной практике наиболее старательных хозяев. Эти способы должны быть вполне доступны для среднего крестьянского хозяйства. Применение их об'является путем обязательного постановления государственною повинностью и может быть проводимо мерами государственного принуждения через волостные исполнительные комитеты особыми уполномоченными и инструкторами. Для выполнения нормальной программы со стороны более слабых крестьян этим последним должна быть оказана коллективная помощь по основным операциям. Для этого могут быть мобилизованы в порядке трудовой повинности все наличные рабочие силы, а также инвентарь, скот и т. д. («Эк. Ж.» № 246, от 3 ноября 1920 г.)

Таков намеченный план действия по засеву яровых полей. Но еще раньше, во избежание катастрофического сокращения озимого клина советским правительством было проявлено довольно решительное воздействие на крестьян с понуждением их к обязательному осеннему посеву.

Тотчас после того, как выяснился неурожай 1920 г. народные комиссары продовольствия и земледелия за совместной подписью, а также и за подписью Ленина, разослали на места директивную телеграмму, угрожающую конфискацией имущества и водворением в лагери с принудительными работами всем тем хозяевам, кто не захочет засеять озимые поля и потратит семенной материал на другие потребности («Эк. Жизнь», № 266, от 26 ноября 1920 г.).

Вопрос об обязательном засеве в связи с другими мерами по поднятию сельско-хозяйственной производительности явился предметом живого обсуждения на последнем — VIII-м с'езде советов в декабре 1920 г., на котором был принят проект декрета «о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства». Этим декретом, между прочим, устанавливается обязательность труда для сельского населения, а для поднятия сельского хозяйства учреждается целый ряд специальных органов — «посевные комитеты», «производственные советы», «комитеты по улучшению сельского хозяйства» и др. Лозунгом для всех предпринимаемых мер должно служить: «равнение на лучшего хозяина там, где дело идет о способах правильной постановки хозяйства; равнение на слабого и малосильного, где дело идет об общественной и государственной помощи» («Эк. Ж.» № 1, от 1 янв. 1921 г.).

Постановления с'езда вводят мероприятия троякого рода:

во 1-х, мероприятия по проведению обязательного посева, как государственной повинности; для чего в срочном порядке и образуются волостные, уездные и губернские «комитеты по расширению посевов и улучшению обработки земли», получившие краткое наименование «посевкомы»; эти комитеты состоят не более как из 5 лиц при обязательном представительстве от крестьянского населения; «посевкомы» не создают собственного технического аппарата, пользуясь для того земельными отделами исполнительных комитетов. При уездных и губернских «посевкомах» образуются еще «сельско-хозяйственные советы», а в селениях «крестьянские комитеты по улучшению сельско-хозяйственного производства», избираемые сельскими обществами;

во 2-х, принимаются меры по выработке общегосударственного плана обязательного посева; этот план должен быть утвержден не позднее 15 января 1921 г. и получен на местах уже 20 января 1921 г.; на ряду с планом могут быть составлены и изданы обязательные правила об основах механической обработки полей и улучшения лугов;

в 3-х, устанавливается премирование лучших крестьян по успешному выполнению ими правил обязательного посева. При премировании принимаются следующие положения:

а) премирование отдельных домохозяев должно быть поставлено на второй план по сравнению с премированием целых обществ и коллективов;

б) премировать отдельных домохозяев только при строжайшем соблюдении того условия, чтобы отдельные хозяева достигали хозяйственных успехов без малейшего применения кулацких приемов; и

в) премирование отдельных хозяев знаками отличия, предметами личного потребления, домашнего обихода и т. п., средствами же производства лишь при непременной гарантии, что они не будут использованы, как орудия превращения хозяина в кулака»;

в 4-х, наконец, устанавливаются мероприятия по образованию неприкосновенных семянных фондов.

Основным органом не только по проведению посевной кампании, но и по осуществлению всех прочих мер по поднятию сельско-хозяйственной производительности являются вышеуказанные крестьянские комитеты — «селькомы». Особыми постановлениями ВЦИК'а весною 1921 г. функции «селькомов» были значительно расширены. На них кроме руководства посевной кампанией еще возлагались: содействие строительству селько-хозяйственной кооперации и мелких ячеек потребительской кооперации, расширению местного товарного оборота, развитию местной кустарной промышленности и др. На ряду с этим «селькомы» превращаются в экономические советы при сельских советах крестьянских депутатов; но в то же время «селькомы» должны являться низшими деревенскими ячейками вышеупомянутого центрального хозяйственного органа страны — Совета Труда и Обороны.

По словам нар. ком. земледелия В. В. Осинского в расширении функций «селькомов» советская власть видела один из лучших способов по созданию кооперативов для улучшения состояния всех основных факторов сельско-хозяйственного производства. В этих целях нар. ком. земледелия предполагает выделить часть имеющегося у него запаса крупных машин и орудий, а также определенное количество производителей — жеребцов, быков, боровов, баранов и т. д., которые будут передаваться в распоряжение соответствующих кооперативов — машиных товариществ, бычьих артелей и т. д. Работа таких кооперативов, по мнению Осинского, может явиться одним из лучших способов борьбы с кризисом инвентаря — живого и мертвого (Нов. Мир, 16 июня 1921 г. № 113).

Наряду с кооперацией к под'ему сельско-хозяйственной производительности привлекаются также еще и широкие круги про-

мышленных рабочих. В этом отношении очень интересна идея возникновения рабочего комитета содействия организации социалистического сельско-хозяйственного производства. Этот комитет возник еще в 1919 г., но положение о нем утверждено Всеросс. Центр. Сов. Проф. Союзов лишь 25 ноября 1920 г. Рабочий комитет («Всерабочкомсод») ставит себе задачи трояkого рода: 1) организацию советских хозяйств и управление ими, 2) организацию профессионального союза работников земли и 3) участие в работах по расширению посевной площади.

Таковы были общие меры по содействию к расширению посевной площади. Каковы могли бы быть результаты этих мероприятий, если бы советское правительство не изменило в корне своей продовольственной политики в форме замены «обязательной разверстки» натуральным налогом — сейчас сказать трудно. Во всяком случае очень знаменательно, что выдвинутый советским правительством принцип принудительного засева вызвал критическое к себе отношение даже среди самих коммунистов. В этом отношении обращает на себя внимание статья С. Струмилина в «Экон. Жизни» (№ 8, от 14 янв. 1921 г.).

Автор не отрицает того положения, что аграрный вопрос сливается с продовольственным и что жизненной задачей выдвигается государственное планомерное регулирование сельского хозяйства. Он вполне принимает форму (Осинского): «мы не можем строить никаких индустриальных планов до тех пор, пока главнейший нерв нашего хозяйства, остается вне нашего сознательного регулирования» — и при всем этом С. Струмилин выражает свое сомненье в том, чтобы одними мерами физического принуждения можно было бы достичь больших результатов.

«В какой форме, спрашивает автор, должно выразиться подчинение индивидуального крестьянского хозяйства регулирующему воздействию общегосударственного плана?« Декретирование плановых заданий, подкрепленных авторитетом государственной власти недостаточно, как мера чисто механического воздействия. Можно заставить произвести ряд манипуляций по засеву, но как установить контроль сколько фактически высеяно зерна на десятину — 8 пуд. или 5 пуд. или $1^1/_2$ пуда?

Ссылаясь на слова Ленина, что «для успешного государственного принуждения в области новых производственных задач надо подвести под него базу убеждения», автор со своей

стороны настаивает на необходимости более широкого «морального воздействия», между прочим, путем организации пропаганды, которая выдвигалась и на 8-м с'езде советов, и, с другой стороны, путем заинтересованности самих производителей. В развитие этой последней мысли автор предлагает ограничить обязательность сдачи продуктов производства по расчету для прокормления всего несельского населения (приблизительно около 20% всего населения) по определенным нормам, а рядом с обязательной сдачей допустить и добровольную уступку части продуктов сельского труда в обмен на предметы промышленного производства; причем во избежание спекуляции хлебом такой обмен должен производиться через посредство кооперативных организаций. Соответственно этим двум величинам устанавливается минимум посевной площади с предоставлением права ея увеличения и со взысканием за недосев и недобор. Основным правилом автор считает: не отнимать насильно у крестьян весь продукт его труда, лишая его тем стимула к повышению производительности.

Эта последняя мысль, как указывалось выше, получила себе практическое применение со стороны советской власти в декрете о натуральном налоге. Этим декретом советское правительство, отказываясь от своего опыта принудительного введения коммунизма, предоставляет свободу распоряжения излишками, остающимися по уплате налога и этим дает стимул производителям расширять свое производство.

Однако ошибочно было бы полагать, что этой мерой крестьянское сельское хозяйство, будто бы, возвращается к тому своему первоначальному положению, из которого его пытalось вывести советское правительство. Нельзя игнорировать того обстоятельства, что кроме «коммунистического опыта», последствия которого должны будут сказаться на психике крестьянства даже и после отказа от этого опыта со стороны советской власти, крестьянство еще пережило указанную выше «аграрную революцию» с последующим за нею процессом чрезвычайного распыления сельско-хозяйственного производства. Но как бы само по себе ни было значительно и то, и другое все же этим не устраняется и не разрешается «крестьянский вопрос», имеющий в настоящее переходное время, быть может, еще большее значение для всего народного хозяйства страны, чем прежде. В виду этого здесь необходимо о нем высказаться более определенно.

6. *»Крестьянский вопрос» в его современном значении.*

Прежде всего необходимо оговориться, что в настоящее время мы имеем перед собою не какой-либо общий формально одинаково сходный по отношению ко всем капиталистическим странам «аграрный» вопрос, а специфически русский, свой особый «крестьянский вопрос» в собственном смысле слова. Об «аграрных» отношениях вопрос может итти только тогда, когда имеется на лицо класс аграриев, т. е. класс крупных землевладельцев, борющихся за свои интересы в связи с мелкими землевладельцами, или против таковых. После «аграрной революций» 1917—18 г. аграрные столкновения в указанном сейчас смысле исчезли в России сами собою; но тем острее выступил на первый план «крестьянский вопрос», т. е. вопрос о специфической природе мелкого трудового земледельческого элемента, в настоящее время наиболее многочисленного в стране и далеко не потерявшего своих исторических и хозяйственно-психологических особенностей.

Проблема эта очень большая и сложная. Ее корни таятся еще в факте прикрепления крестьян служилому дворянству (в конце XVI в.). Экономическим основанием процесса постепенного закрепощения крестьян являлось указанное выше истощение сельско-хозяйственных производительных сил, имевшее своим последствием материальную зависимость и задолженность крестьянства (кабальное холопство). Но к концу XVI в. на ряду с этим экономическим основанием выступил еще определенный государственный смысл и интерес: несение крестьянами государственных повинностей (тягла) оказалось к тому времени уже не достаточным и к выполнению государственных повинностей было привлечено дворянство. Поскольку такая повинность для дворянства выражалась обязательной государственной (военной) службой, дворяне обезпечивались землей (поместьем) и рабочей силой (крепостными). Таким образом, крестьянская неволя и служебная повинность дворянства являлись в то время выражением «классовой разверстки государственных повинностей» — по выражению Ключевского.

Но вот, проходят два столетия и дворянство добивается своего «освобождения» от стеснительной для него государственно-служебной повинности. Но освобождая дворянство (Грамота о вольности дворянства 1762 г.), царское правительство не лишает его того материального обезпечения, каким дворянство пользовалось при несении им своей повинности. Напротив, временное и обусловленное службой пользование землею становится неограниченою собственностью на землю — «по местье» превращается в «вотчину»; и даровое пользование рабочей силой превращается в неограниченную власть над «подданными» — крепостными.

Не смотря на то, что с освобождением дворян крепостная зависимость крестьян лишалась своего государственно-исторического смысла, царское правительство, обязанное самым своим существованием дворянству, разумеется, не решалось жертвовать интересами этого последнего, хотя бы и для государственных целей. Только после того, как царская власть действительно окрепла она, опираясь на многочисленное и слепо ей преданное чиновничество, решила разрешить создавшийся государственно-исторический абсурд, — и через сто лет после освобождения дворян было приступлено к освобождению крестьян.

Дальнейшая судьба этих двух основных сословий царской России пошла двумя диаметрально-противоположными путями.

Лишившись значительной части своих доходов и не с'умев приспособить свое хозяйство к новым требованиям возникавшего в стране капитализма, дворянское землевладение начало быстро распадаться и самое поместное дворянство начало быстро пополнять собою все более и более расширявшийся бюрократический аппарат государственного управления. Из государствующего класса свободных крупных землевладельцев дворянство вновь превратилось в служилый класс, живущий за счет общих государственных средств, взимаемых почти полностью с оставшегося на земле освобожденного крестьянства.

Судьба русского освобожденного крестьянства напоминает собою положение рабочего класса на Западе, по отношению к которому когда-то Маркс остроумно заметил, что он стал «свободным»... от собственных орудий производства и потому был обречен немедленно попасть в кабалу капитала. Нечто сходное можно отметить и по отношению к «освобожденному» русскому крестьянству: получив ничтожные земельные наделы, крестьяне с самого момента своего освобождения на ряду с непосильным для них обложением (налоги и выкупные платежи) были еще обречены на тяжелую материальную зависимость от частных владельцев. Отсюда лозунг «черного передела» продолжал быть

знаменем крестьянского движения, самое начало которого можно проследить уже с XVII века: Разинщина и Пугачевщина — лишь более крупные моменты этого движения, протекавшего почти без остановок в течении двух с половиною веков. После аграрных столкновений в 1903 г. и под давлением революции 1905 г. царское правительство попыталось разрешить крестьянский вопрос отмеченной выше аграрной политикой Столыпина путем насаждения мелко-капиталистической земельной собственности рядом с укреплением крупного помещичьего хозяйства, покоющегося на наемном труде. Попытка правительства была разрушена «аграрной революцией» 1917—18 гг., уничтожившей помещичье хозяйство и обусловившей переход почти всей частно-владельческой земли в руки трудового крестьянства.

Как указывалось уже выше, этот захват частно-владельческой земли в общем очень незначительно увеличил земельное обеспечение каждого отдельного крестьянского хозяйства, подвергшегося еще к тому же процессу дальнейшего распыления. Но в силу чисто внешних обстоятельств — реквизиции и товарного голода — крестьяне не особенно заботились о расширении своих земельных участков, ограничивая затрату своего труда узкими пределами личного потребления. Это обстоятельство, естественно, повлекло за собою систематическое голодание значительнейшей части населения, что в свою очередь вновь выдвинуло вышеуказанную «крестьянскую» проблему.

Раньше, чем дать надлежащую формулировку этой проблемы и вскрыть все ее современное содержание, попытаемся установить ряд элементов, вытекающих из отмеченной выше исторической фактической давности.

Такими элементами сложившегося в России «крестьянского вопроса» можно признать следующие четыре факта:

во 1-х, факт позднего и незавершенного раскрепощения сельского крестьянского населения;

во 2-х, факт несения им непосильной для него налоговой тяготы;

в 3-х, факт отсутствия у него сознания и чувства прочной оседлости; и наконец,

в 4-х, факт чрезвычайно замедленного перехода крестьянского хозяйства от натурально-потребительного к товарно-меновому.

Исходя из этих фактических данных, разбираемой сейчас проблеме можно дать следующую формулировку: каким путем полусвободное крестьянское население, лишенное чувства прочной оседлости, отягощенное непосильными сборами и готовое потому замкнуться в узкие рамки полунатурального индивидуального хозяйства, может выйти на путь широкого, прочного, рационального товарно-менового народного производства?

Таково современное содержание стоящего перед нами «крестьянского вопроса». Как подойдет к его решению советская власть из действий и распоряжений ее сейчас еще совершенно не видно. Трудно сказать даже, сознают ли нынешние руководители советских правительственных сфер всю сущность стоящей перед ними — и, быть может, весьма грозной для их господства — крестьянской проблемы? Но если не «сверху», т. е. советской или какой либо иной организованной государственной властью, то «снизу», т. е. стихийной силой самого крестьянского населения эта проблема в конце концов должна будет найти свое разрешение в жизни. Само собою разумеется, что с т. зр. рациональной экономической политики представляется одинаково отрицательным, как новый эксперимент «сверху», т. е. попытка решения вопроса одной принудительной силой государственной власти без живого и самого непосредственного участия заинтересованного крестьянства, — так и новая какая-либо «аграрная революция» снизу, т. е. разрешение вопроса одной только стихийной силой крестьянства без каких-либо регулирующих начал организованной власти.

Каким именно путем пойдет решение «крестьянского вопроса» в ближайшем будущем, конечно, мы сейчас предвидеть не можем. Но мы можем установить ряд тех условий, без которых трудно себе представить сколько-нибудь рациональное и желательное решение этой проблемы. Эти условия можно свести к следующим трем положениям: прежде всего необходимо признать начало личной заинтересованности всякого производителя в результатах затрачиваемого им труда; но чтобы эта заинтересованность не противоречила общему интересу всего населения необходимо стремиться к тому, чтобы личная индивидуальная заинтересованность как можно полнее поглощалась «коллективной заинтересованностью», откуда вытекает второе начало: необходимость сплочения производственно-хозяйственных интересов в форме соответствующей (артельно-кооперативной) организации производительных сил; наконец для того, чтобы эти организации могли

стать прочными и сильными необходимо третье начало: самую тесную связь между всеми отдельными сторонами народно-хозяйственной жизни, — и в частности, тесную связь между сельским хозяйством со всеми его многоразличными отраслями и промышленностью.

Признание этих начал отнюдь не обусловлено возвращением к капитализму и отказом от новых требований социалистического строя. Как раз наоборот, каждое из установленных выше положений, доведенное до своего логического конца с необходимостью приводит нас к отрицанию современных тенденций капиталистического строя и к признанию рациональных основ социализма.

Более подробное обоснование этого тезиса далеко выходит за рамки намеченой общей темы настоящего исследования и потому здесь необходимо ограничиться лишь следующими раз'яснениями.

Первое из установленных начал требует полной компенсации всякого индивидуального производителя за всякое затраченное им трудовое усилие.

Индивидуальное вознаграждение отнюдь не является по существу капиталистическим элементом; капиталистическим оно становится только тогда, когда оно влечет за собою накопление средств или орудий производства для эксплоатации чужого труда. Различие в благосостоянии, т. е. в пользовании предметами потребления, — как бы это различие ни было велико, не есть еще само по себе капиталистическое явление; капиталистическим оно становится только тогда, когда оно обусловлено не личными свойствами и способностями, а специальными социально-правовыми установлениями, действующими независимо от личных свойств и способностей и большею частью наперекор им. Современный капиталист наслаждается всеми благами жизни и современный рабочий терпит всякие лишения не потому, что первый имеет какие либо особенные индивидуальные свойства и способности, в второй таковых не имеет, — но только потому, что при капиталистическом строе первый владеет средствами и орудиями производства, а второй лишен их. Не богатство и бедность определяют собою капитализм, а только частная собственность на средства и орудия производства, как основание для найма, а следовательно и для эксплоатации — чужого труда.

Этим обусловлен и самый смысл второго из вышеустановленных начал — необходимости об'единения и организации производственных интересов крестьянства, как представителя трудового элемента. Конечная цель производственного процесса в сельском хозяйстве, как и в промышленности должна быть коллективизация всех орудий производства, а следовательно и коллективная форма землепользования. Только при этом мыслимо достижение высшей сельско-хозяйственной производительности. Но такая коллективизация не должна являться насильственной мерой со стороны внешней власти, а результатом коллективного сознания самих производителей. Отсюда нечего смущаться временным уклоном — в отдельных районах — в сторону частно-собственнических инстинктов в форме индивидуального земельного владения: это — лишь временное явление; и под давлением требований самой жизни индивидуальное владение явится переходным моментом к коллективизму, как наиболее производительной форме сельского хозяйства. Но сельско-хозяйственный коллективизм с рациональным распределением отдельных систем и производств по наиболее соответствующим районам страны необходимо обусловлен коллективизацией и рационализацией всего народного хозяйства, т. е. всех отдельных отраслей общественного труда и вытекающего из этого рационального товарообмена.

Само собою понятно, что ни сколько-нибудь широкая и действительно прочная артельно-кооперативная организация, ни планомерная организация всех отдельных отраслей народного хозяйства не мыслимы при господстве чисто-капиталистических установлений, опирающихся на личный интерес за счет эксплоатации чужого труда.

Таким образом, рациональное разрешение в России «крестьянского вопроса», как основного фактора в преуспеянии русского сельского хозяйства, обусловлено не возвращением назад к капитализму, а только дальнейшим упорным, разумным продвижением вперед, куда уже давно манит человечество его социальный идеал.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

1. Из истории промышленного капитализма в России. — 2. Состояние промышленности при Временном Правительстве. — 3. Русская металлургическая промышленность до революции. — 4. Состояние русской металлургии во время революции. — 5. Сырьевое обеспечение текстильной промышленности. — 6. Хлопчато-бумажное производство и шерстяная промышленность.

1. Из истории промышленного капитализма в России.

Говорить об историческом развитии и о современном состоянии русской промышленности, это значит говорить о зарождении, развитии и крушении русского капитализма. Этот вопрос, однако, в сколько-нибудь полном своем об'еме мог бы явиться интересной темой лишь для будущего экономиста-историка; и в этом отношении история молодого русского капитализма, как то внезапно возникшего, быстро расцветшего и еще быстрее задушенного войной и революцией представляла бы, быть может, одну из интереснейших страниц в истории всего мирового капитала. Но сейчас для такого исследования, можно думать, еще не наступило время: как современники, мы еще слишком близко стоим перед этой грандиозной исторической картиной и как следует рассмотреть ее нам мешает слишком густо положенные на ней краски еще нами далеко непережитого недавнего прошлого.

В силу присущих всякой стране своих особенных исторических условий Россия позже других европейских стран выступила на мировой рынок и скоро заняла на нем столь видное место, что лишившись своего молодого сочлена, мировой капитализм еще до сих пор без него, один, не в состоянии оправиться от испытанных им разрушительных последствий войны и — пока еще очень робко — протягивает руку для сближения с новой Россией, сокрушившей свой собственный капитал и выступившей с угрозой подорвать основы и самого мирового капитализма. Это вынужденное сближение капиталистических стран с ненавистной для них, но с ними неразрывно связанной, новой советско-коммунистической Россией открывает новую, еще для нас совершенно незнакомую страницу в судьбах всего культурного мира. Окажется ли коммунистический опыт России лишь временным переходным моментом в победном шествии мирового капитала? или этому последнему, действительно суждено найти себе конец в процессе всеобщего крушения капитализма — по какой то странной игре случая начавшемся в порядке, обратном тому, каким определяется процесс его зарождения? Кто сейчас решится дать на это сколько-нибудь категоричный ответ?

Россия вступила во внешний товарообмен с другими странами в то время, когда в них уже вполне упрочился промышленный капитализм, прошедший всю исторически предопределенную ему эволюцию от разложения цехового ремесла через мануфактуру и торгово-колониальную политику до крупного индустриализма. Встретившись с новыми для себя капиталистическими условиями рынка, Россия находившаяся еще тогда в стадии полунатурального крепостного хозяйства, была вынуждена значительно сократить свой до-капиталистический период хозяйственного развития и в каких-нибудь два-три десятка лет пройти ту стадию своего раннего капитализма, которую западно-европейские страны проходят постепенно в течение двух-трех столетий. Этот ускоренный темп развития русского капитализма определяет собою и историческое развитие русской промышленности: минуя почти совершенно стадию торгового капитала, Россия приняла свое капиталистическое крещение уже сразу с образования в ней крупного промышленного капитала.

Три особенности характеризуют русскую промышленность: ее относительно-подчиненная роль в русском народном хозяйстве, ограниченность рынка — недостаточность внутреннего и недоступность для нее внешнего сбыта — и, наконец, необычайная концентрация крупного производства при полном распылении мелкой промышленности.

Относительно незначительная и подчиненная роль промышленности в народном хозяйстве России обусловлена целым множеством обстоятельств исторического культурно-хозяйственного процесса развития страны. Обширность пространства при редком расселении являлась достаточным основанием для удовлетворения насущных довольно примитивных потребностей русского народа. На общем фоне еще далеко незавершившегося процесса твердой и прочной оседлости русское население, легко побуждаемое к перемене мест своим непритязательным, полукочевым хозяйственным бытом и поощряемое к тому искусствен-

ной колонизацией новых обширных государственных территорий — не имело ни охоты, ни необходимости, ни времени сосредоточиться в крупных центрах и сгуститься там до тех пределов, когда первичная более примитивная хозяйственная жизнь вызывает необходимость перехода к более интенсивному производству. В силу указанных обстоятельств система городского ремесла почти неизвестна России; мелкое ручное производство процветало в сельских местностях едва ли не в большей степени, чем в городах, где всякий промысловый труд встречал себе не поддержку, а скорее стеснение и ограничение как в качественном, так и в количественном отношении. При долго господствовавшем в России натуральном хозяйственном быте города представляли из себя центр не богатого зажиточного западно-европейского «буржуа», а специфически русского убогого и обездоленного «мещанства». Наиболее состоятельный тогда класс — дворянство — ютилось по своим поместьям, удовлетворяя свои потребности в продуктах ремесленного производства при посредстве собственных крепостных мастеров; эти последние посылались на предварительную выучку в города и там увеличивали собою остальную такую же городскую обездоленную массу. Средства, накопленные в деревне путем оброка или тягла со своих крепостных, дворяне проживали в столицах или заграницей. При этих условиях зародилась в России деревенская «помещичья» фабрика на крепостном труде; но не обеспеченная рынком вследствие деревенской нужды и бедности, помещичья дворянская фабрика не была в состоянии заложить прочного фундамента для русской крупной промышленности. Вследствие тех же причин сельской скудости не могла у нас развиться и следующая за помещичьей «купеческая» фабрика, пытавшаяся опереться не только на крепостной труд, но и на вольных наемных рабочих. Лучше других процветали у нас заводы и фабрики, открываемые или самой казной или работавшие на казну по ее заказам. Но и эта «казенная» промышленность в той или иной своей форме не оказывала на экономическую жизнь страны особенного влияния. Эта промышленность работала для удовлетворения узко-государственных нужд, тогда всецело обусловливаемых внешней политикой государства по укреплению своих обширных границ и по стремлению играть первую роль в европейской дипломатии. Внутреннее положение страны оставалось почти до самой революции в том же состоянии, в каком

застало ее освобождение крестьян, т. е. в состоянии весьма примитивного земледелия, все более оскудевающего помещичьего дворянства и все более гнувшегося под невыносимой тяжестью обложения крестьянства. Роковое «оскудение» русского сельского хозяйства, резко обозначившееся в особенности во вторую половину XIX века, не могло послужить благоприятным условием в развитии русской промышленности. А между тем именно на эту последнюю начали устремляться взоры правительства, не желавшего менять своей ни внутренней, ни внешней политики, опасаясь всяких значительных перемен, как подрыва тех государственных основ, на коих зиждилась автократическая власть. Нуждаясь все более и более в средствах, правительство все более убеждалось, что истощенное его поборами сельское хозяйство не может далее служить для него надежным источником и принялось в этих целях за «насаждение промышленности».

Так наступила знаменитая в экономической истории России эпоха «промышленной горячки», или «промышленного грюндерства». В несколько лет в отсталой и оскудевающей стране с лихорадочной поспешностью начали строиться железные дороги, открываться повсюду банки и другие кредитные учреждения, поспешно утверждается система промышленного покровительства, в два года производится одна из грандиознейших финансовых операций в денежном обращении — переход от бумажных денег к золотой валюте, наконец, опираясь на все эти предварительные условия, пышно начинает расцветать русский промышленный капитализм.

Однако, достигнув своего быстрого и пышного расцвета, русский промышленный капитал с трудом и с большими для себя лишениями встретил и перенес первый значительный мировой торгово-промышленный кризис 1900 г. Начавшаяся затем неудачная и позорная война с Японией, широкой волной разлившиеся на юге крестьянские волнения, первая революция и сменившая ее тупая и мертвая реакция, естественно, очень мало могли способствовать восстановлению промышленности после испытанного ею удара. И правительство, разочаровавшись в «насажденной» ею промышленности, вновь переносит центр своего внимания на сельское хозяйство, выдвинув в первую очередь аграрный вопрос по Столыпинской программе.

Война застала русскую промышленность едва оправившейся от всех перенесенных ею невзгод, но перед новым угрожавшим ей

мировым кризисом. Не подготовленная к широким плановым действиям, русская промышленность не с'умела приспособить свой производственный аппарат к военным нуждам страны в такой степени, как то удалось западно- европейскому промышленному капиталу, более дисциплинированному и лучше организованному.

Слабый своими производственными силами и средствами, неорганизованный, малокультурный, алчный и хищный русский промышленный капитал не мог справиться с возлагавшимися на него огромными и ответственными задачами; вряд ли он и понимал то, что не решив этих задач, он тем самым неминуемо обрекался собственной гибели, что решение этих задач определяет собою дальнейшую судьбу всего русского капитализма. Не умея решить стоявшей перед ним проблемы наивысшего развития производительных сил страны при помощи и через посредство широко предоставленных ему правительственных и заграничных кредитов, русский промышленный капитал направился по линии наименьшего сопротивления: таковою тогда была и — могла только быть — безудержная, чисто-стихийная спекуляция.

В чем же была основная причина слабости русской промышленности? Эта причина заключается в факте отсутствия необходимых для нее рынков, как внутреннего, так еще в большей степени внешнего.

Недоступность для русского промышленного капитала сколько-нибудь значительного заграничного рынка понятна сама собой: позднее выступление русского капитала в мировом торговом обороте нашло себе место только по отношению к сбыту сырьевых и продовольственных продуктов; что же касается русской обрабатывающей промышленности, то все сколько-нибудь значительные рынки были уже прочно заняты иностранным капиталом, т. е. лучше оборудованной, более производительной, более совершенной, и, в конце концов, более дешевой иностранной промышленностью, обильно снабжающей, в свою очередь, русский внутренний рынок, вытесняя из него даже продукты собственного отечественного производства. Когда же правительство в своих заботах по «насаждению» и поощрению отечественного промышленного производства попыталось удалить из русского рынка конкурирующую заграничную промышленность, то особенного расширения рынка оно этим не достигло, даже напротив: грубые приемы протекционизма лишили русское сельское хозяйство одних из наиболее важных средств перехода к более интенсивным

земледельческим системам, оставив земледельца без необходимых для того орудий производства, и, в конце концов, без покупных средств.

Лишенная сбыта на вольном рынке русская промышленность поспешила опереться всецело на правительственные заказы, по необходимости становясь послушным орудием в руках правительства.

Питаясь нездоровыми соками протекционизма и правительственных заказов, русский промышленный капитал вырастал хилым, слабым, тепличным растением, — без энергии и инициативы, без широких и ясных горизонтов, без мощных и прочных организаций, без авторитетного голоса в защиту своих профессиональных и классовых интересов. Все этого рода попытки со стороны наиболее видных русских промышленных организаций и стоявших во главе их лиц клонились в конце концов к одному и тому же — к просьбам и ходатайствам или о заказах и поставках на казну или, наконец, о повышении тарифных ставок на продукты иностранного производства с готовностью и на полное воспрещение их ввоза в Россию.

Таково было общее состояние русской промышленности до войны и революции; и ни война, ни революция по существу не изменили этого состояния до последних минут существования капиталистического строя в России, т. е. до начала введенной советской властью «национализации промышленности». Но, чтобы понять условия, при которых вводилась эта «национализация» необходимо предварительно представить общую картину состояния промышленности в период господства Временного Правительства.

2. Состояние промышленности при Временном Правительстве.

Для характеристики общего состояния русской промышленности в последний период существования капиталистического строя в России мы имеем целый ряд очень показательных данных.

1 июня 1917 г. открылась «конференция представителей промышленности и торговли», созванная для обсуждения создавшегося положения вещей. Не в состоянии разработать и провести в жизнь какой либо определенной рациональной программы неотложных в такое грозное время мероприятий, конференция

после продолжительного обмена мнениями в закрытом заседании выносит следующую многословную и широковещательную, но, по существу, пустую резолюцию:

«Представители об'единенной промышленности, при обсуждении создавшегося положения, исходят из непоколебимого убеждения, что в настоящий грозный момент, как хозяйственная коньюнктура, так и стихийно сложившиеся политические условия совершенно устраняют возможность решения вопросов промышленности и торговли с точки зрения классовой, с точки зрения интересов промышленников и торговцев. Единственной задачей перед представителями промышленности и торговли, как гражданами, является спасение самой промышленности и торговли — существенных жизненных факторов здоровой государственности. Поэтому все меры, которые конференция считает необходимым немедленно провести в жизнь, преследуют в настоящее, тяжелое для родины, время не цель извлечения из предприятий прибылей в пользу владельцев и акционеров, а сохранение предприятий, как таковых, и возможное предотвращение катастрофы, неизбежной при наступившей анархии».

Какие при этом задачи имела в виду конференция и какие меры она предполагала провести в жизнь — неизвестно; по крайней мере, в тогдашнюю периодическую печать никаких о том известий не проникло. Но насколько неискренно и лицемерно было заявление промышленников об отказе от преследования своих собственных классовых интересов можно судить по резолюции, принятой той же конференцией на следующем заседании ее — 2 июня.

Эта резолюция гласит:

«При существующих условиях мирового хозяйства никакой иной экономический строй, кроме капиталистического, в России невозможен. Поэтому, безплодны и безусловно вредны всякие попытки хотя бы частичного осуществления социалистического принципа на отдельных предприятиях. Вмешательство рабочих в управление предприятиями, а тем более фактическое подчинение администрации промышленного предприятия рабочим путем установления выборного начала или самовольного устранения членов администрации, подчинение им же всей финансово-хозяйственной жизни заводов путем образования всевозможных контрольно-хозяйственных комиссий, приведет лишь к анархии в предприятиях... Подобные действия должны быть немедленно пре-

кращаемы, как противоречащие интересам всего населения и государства, а тем более не могут быть рекомендуемы правительством или отдельными представителями власти».

Протестуя против «контроля в производстве», к которому под воздействием революционных течений склонялось уже даже и Временное Правительство, конференция промышленников, не считаясь с требованиями совершенно изменившихся обстоятельств, допускает принятие старых способов улажения промышленных конфликтов, — как промысловые суды, примирительные камеры, профессиональные организации и т. д.

Не понимая сущности протекавшего перед их глазами революционного процесса, промышленники с преступной близорукостью настаивали на защите правительством их интересов от «непомерных» требований рабочих, угрожая в противном случае закрытием своих предприятий и «неизбежной перспективой порабощения России другими странами». Но и не дожидаясь от правительства каких либо мер для защиты своих интересов, конференция тут же констатирует, что «финансовое положение многих предприятий исключает возможность дальнейшего ведения дел» и, что «поэтому закрытие их неизбежно в ближайшем времени» (Торгово-Промыш. Газ. 1917 г. № 115).

Был дан как бы сигнал к отступлению, и с этого момента под предлогом отсутствия сырья и топлива еще до октябрьского переворота начинается быстрый процесс по ликвидации частно-хозяйственных предприятий и перевод капиталов заграницу.

Чтобы придать этому процессу более благовидную форму, растерявшиеся промышленники спешат получить санкцию со стороны самих рабочих.

Уже тотчас по закрытии конференции, на которой промышленники гордо заявляли о своем отречении от классовых интересов и призывали к гражданскому чувству и к сознанию долга перед родиной, 8 июня 1917 г. в Московской Бирже созывается новое совещание на этот раз уже определенно «по вопросу о прекращении работ на фабриках Московского района».

Видный представитель русского промышленного капитала С. Н. Третьяков в своей вступительной речи указал, что перед промышленностью вопрос о прекращении работ стоит в самой решительной форме. Если раньше можно было говорить о недостатке топлива и если путем известного напряжения временно удавалось отсрочить кризис, то теперь не может быть места для са-

моутешения: топливный голод придвинулся вплотную и нужно только встретить его организованно и сознательно, с тем, чтобы по возможности менее болезненно провести меру, которая неизбежна. При этом предлагается привлечь к обсуждению вопроса те самые рабочие организации, на отстранении которых от какого бы то ни было вмешательства в дела предприятий настаивали те же лица, выступавшие несколько дней перед тем на упомянутой выше Петербургской «конференции представителей промышленности и торговли».

На Московском совещании никто не возражал против вопроса о необходимости закрытия фабрик; всех интересовал только вопрос о ближайшем сроке закрытия. Против отдельных лиц, опасавшихся инцидентов со стороны рабочих и потому предлагавших отложить закрытие фабрик до зимы «чтобы хоть сколько нибудь насытить товарный голод», горячо возражало большинство членов совещания, настаивавших на немедленном закрытии, неудачно маскируя свои требования соображениями об интересах рабочих, которые будто бы могли найти приложение труда в сельской жизни или в угольных копях (Торг. Пром. Газ. 1917 г., № 124).

Решив вопрос о необходимости закрытия фабрик, а вместе с тем готовясь и сами перекочевать за границу, чтобы сделаться там филиалом заграничного капитала, промышленники вновь собрались через несколько дней, чтобы об'явить обществу и правительству о своем полном отказе от каких бы то ни было требований и какого бы то ни было активного выступления на защиту интересов промышленности и свалить всю ответственность с себя на Временное Правительство.

В этом отношении очень знаменательно было постановление совещания московских фабрикантов, созванное по инициативе того же С. Н. Третьякова. В своем постановлении это совещание считает «своей задачей не вынесение каких либо определенных постановлений, а подбор материалов и представление их Временному Правительству. Эти материалы правительство должно будет передать Центральному Комитету Снабжения для того, чтобы настоящая картина положения промышленности была вполне освещена и с промышленников было бы снято возможное подозрение в устройстве локаутов».

Таким образом русский промышленный капитал и в последние минуты своего существования оставался верен своей природе:

раболепным и искательным перед правительством, которое он считает сильным и которое может его питать заказами и подачками, и — в лучшем случае — пассивным и информационным, когда правительство слабо и не может раздавать своих щедрых даяний.

Последние заключительные моменты в истории русской частно-предпринимательской промышленности не ознаменовались ничем замечательным. Решив удалиться на покой и отказавшись от какой бы то ни было активной роли в погибавшем у всех на глазах, еще не успевшем расцвесть, молодом русском капитализме, промышленники молча принимали условия своей капитуляции, диктуемые им почувствовавшим в своих руках власть рабочим классом.

Для иллюстрации этого момента можно привести интересное постановление состоявшегося 20 июня 1917 г. соединенного заседания представителей промышленников в лице «Общества фабрикантов и заводчиков» и центральных организаций по текстильной промышленности, представителей рабочих в лице Московского Областного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и представителей государственной власти в лице «Отдела Снабжения». Это совещание было созвано, чтобы урегулировать начавшийся процесс бегства промышленников и ликвидации ими своих предприятий. Не имея ни авторитета, ни власти промышленники приняли при молчаливом свидетельстве представителя Временного Правительства следующие требования, продиктованные им представителями Советов:

«1) не приостанавливать работу на фабриках там, где есть возможность достать для работы нужный материал — сырье и топливо;

2) в отдельных случаях, когда в силу непреодолимых препятствий (отсутствие сырья и топлива), фабрики должны остановиться, владельцы предприятий могут их приостанавливать, но обязаны рабочих не рассчитывать и выплатить заработную плату полностью до окончательного решения вопроса особой комиссией, считая этот срок временно до 1 июля;

3) вопрос о закрытии фабрик решается на местах общим собранием рабочих фабрики. Решение общего собрания переносится на утверждение органа фактической власти — Совета Раб. и Солд. Деп. и органа оффициальной власти в лице Отдела Снабжения;

4) в случае закрытия фабрики срок, на который фабрика закрывается, не должен превышать 1 месяц, причем работы на фабрике должны возобновиться не позже, как за месяц до начала выборов в Учредительное Собрание;

5) за время простоя, если рабочие заняты в других предприятиях и не успеют вернуться к началу работ на фабрике, они числятся в штате рабочих, но без сохранения жалования;

6) в случае частичного сокращения рабочих дней в неделе, рабочие получают за всю неделю полностью и т. д. (Торг.-Пром. Газ. 1917 г., № 135).

Так, еще в период первого этапа революции, за пол года до введения советской властью положения о рабочем контроле (декр. 8 дек. 1917 г.) и более чем за 10 месяцев до введения декрета о национализации промышленности (7 марта 1918 г.) медленной и бесславной смертью умирала русская частно-предпринимательская промышленность, а с нею постепенно сходил со сцены юный русский капиталистический строй.

Возродится ли он когда-нибудь? или суждено ему отойти в вечность? конечно, никто уверенно сказать сейчас не может. Но если бы коммунистический опыт и оказался несостоятельным, и если бы Россия вновь приобщилась к другим государствам в качестве капиталистической страны, то все же тому прошлому русскому капитализму, взлелеянному автократическим правительством, узко корыстному и некультурному не может и никогда не должно быть места в будущем русском народном хозяйстве, каковым бы это последнее ни было.

Кроме отмеченных двух основных особенностей русской промышленности — ее незначительности по отношению ко всему народному хозяйству России и ее оторванности от вольного широкого рынка — выше была отмечена еще одна ее особенность, сыгравшая столь трагическую роль в судьбе всего русского капитализма. Эта указанная уже ранее чрезвычайно сильно выраженная в России концентрация промышленности, тесным образом обусловленная самым процессом «насаждения» крупного производства при посредстве правительственной поддержки и самого участия со стороны правительства старого режима.

Вопрос о концентрации русской промышленности до войны освещен довольно полно в статье С. Струмилина («Экон. Жизнь», № 150 от 10 июня 1920 г.), воспользовавшегося сделанным еще раньше подсчетами.

Так, если принять за основу подсчетов данные отчетов фабричной инспекции и сопоставить эти данные с некоторыми результатами Германских и Американских исследований промышленности, то мы получим следующую картину, рисующую положение вещей в России и в других странах.

Относительная доля самых крупных промышленных предприятий, насчитывающих более 1000 человек занятых рабочих, по отношению ко всем предприятиям, насчитывающим более 20 человек, составляет (в % рабочей силы):

Табл. 4-ая

Годы	Германия	Сев. Амер. С. III.	Евр. Россия
1895	13	—	31
1907	15	—	38,8
1909	—	17,9	39,2
1914	—	20,5	43,8

Указанный коэффициент для России должен быть признан еще даже преуменьшенным, так как в отчетные данные фабричной инспекции не включены наиболее крупные казенные металлургические заводы. По известному обследованию А. В. Погожева, включающему в учет всю русскую промышленность норма концентрации ее уже для 1902 г. достигала 47,6%.

С этими данными совпадает целый ряд и других. Так, напр., если мы сопоставим абсолютные числа всех рабочих, занятых во всех промышленных предприятиях (занимающих более 20 чел.) и в промышленных предприятиях наиболее крупных (занимающих свыше 1000 чел.), то получим:

Табл. 5-ая

Категории предприятий	Число занятых рабочих		
	Германия	Америка	Россия
Все предприятия	4,5 милл. (1907)	5,7 милл. (1909)	2,0 милл. (1902)
		0,1 „ (1914)	2,8 „ (1914)
Наиб. крупные. .	655 тыс. (1907)	1.013 тыс. (1909)	980 тыс. (1902)
		1.255 „ (1914)	1.300 „ (1914)

Средний размер наиболее крупных (свыше 1000 раб.) предприятий составляет:

в Германии — 1.420 раб. (в 1895) и 1.980 раб. (в 1907)
в Америке — 1.840 „ (в 1909) и 1.940 „ (в 1914)
в России — 2.490 „ (в 1902)

Заводов гигантов с числом рабочих свыше 5000 человек в Германии насчитывалось в 1907 г. всего 12 с 119 тыс. раб., тогда как в одном Петербурге перед революцией таких заводов было 14 с 132 тыс. раб., а по всей России в 1902 г. 35 заводов с 270 тыс. раб.

Чрезвычайная концентрация русской промышленности при крайней распыленности мелкого производства (кустарно-ремесленного характера) явилась весьма значительным фактором не только в истории народного хозяйства России, но и в истории общественно-политических ее течений.

По отношению к народному хозяйству в его целом факт чрезвычайной концентрации промышленности имел определенно отрицательный характер: предприятия-гиганты убивали в самом зародыше какую бы то ни было конкуренцию со стороны не только мелких, но и средних промышленных предприятий; пользуясь правительственной поддержкой и обезпеченные выгодными для себя заказами, крупные предприятия легко находили необходимый кредит и пользуясь всякого рода льготами не жалели средств на свое оборудование по последнему слову промышленной техники. В отсталой и нищенской России не редко можно было встретить заводы, оборудованности которых могли бы позавидовать лучшие заграничные предприятия. Но не редко также можно было встретить эти столь дорого стоившие стране заводы или совсем не работавшими из-за отсутствия заказов или работавшими в полумеру над производством вещей, совсем для них чуждых и далеко не окупающих самое их производство.

Совсем иное значение имела концентрация промышленности по отношению к другим сторонам общественной жизни России. Крупные предприятия по преимуществу явились центрами зарождения русского рабочего класса, выступившего в такой решительной, активной роли сначала под именем «революционной демократии», позже «революционного пролетариата» и теперь принимающего форму «пролетарской (рабочей) демократии».

Крупные фабрики и заводы являлись теми очагами, где рождалась всякая свободная мысль в самые темные годы политической реакции. Вся передовая роль Петербурга в революционных движениях вообще и в истории революции 1917 г., как в первый (февральский) так и во второй (октябрьский) ее этап определялась именно тем фактом, что вокруг него стояла наготове многосоттысячная революционно-настроенная рабочая армия.

Могло ли правительство, не только допускавшее, но и поощрявшее такую концентрацию промышленности с таким запасом горючего людского материала — когда-нибудь предположить возможность взрыва этого материала? взрыва, от которого пошатнется не только самая промышленность, но с ней и все народное хозяйство и даже весь государственный строй с его капиталистическим основанием?

Первый грозовой удар революции 1905 г. не только ничему не научил тупое и неспособное русское автократическое правительство, но, напротив: раздавив революционный отросток грубой пятой военной силы, это правительство не подумало даже, что в почве могли остаться нетронутыми самые корни этого ростка, которые под дальнейшим воздействием слепой реакции, только еще глубже уходили в почву и там все шире распускали свои тонкие невидимые нити. И когда пробил роковой час русской автократии, из под земли неожиданно и как бы сама собою поднялась уже вполне созревшая для революции могучая сила, широко затем разлившаяся по всему лицу необ'ятной России. Но зародыш и корни этой революционной силы, несомненно, таились уже в самых первых крупных промышленных предприятиях.

Для характеристики современного состояния промышленности в России нет необходимости останавливаться на всех ее отдельных видах и отраслях; достаточно ограничиться лишь главнейшими из них. В этом отношении уже с давних пор принято расчленять русскую обрабатывающую промышленность на три основных группы производства: металлургическая промышленность, текстильное производство и обработка питательных веществ. По ценности производства все эти отрасли составляют более или менее одинаковую долю по отношению ко всей ценности продуктов русской промышленности, но эти отрасли довольно резко различаются между собою по числу занятых в них рабочих. Их взаимное соотношение, также, как и их отношение ко всей промышленности наглядно обнаруживается из следующей

таблицы, составленной на основании данных официального обследования промышленности в 1908 г.

Табл. 6-ая

Ценность произв. и число раб.	металлург.	текст.	пит. вещ.	ост. пр.
1. ценность производства:				
абсолютные данные	748 м. р.	841 м. р.	776 м. р.	591 м. р.
относит. всего произв. . . .	25,3 %	28,4 %	25,9 %	20,4 %
2. число рабочих:				
абсолютные данные	907 т. р.	647 т. р.	313 т. р.	391 т. р.
относит. всей промышл. . .	40,1 %	28,7 %	13,9 %	17,3 %

Отнесенные к остальной промышленности отрасли производства играют служебную роль в деле обработки сырья, образуя особый вид добывающей промышленности, как каменоугольная, нефтяная, лесная и др. В виду того, что этого рода промышленность обслуживает не только самое промышленное производство, но и другие различные отрасли народного хозяйства (как, напр., транспорт) о них будет сказано в другом месте в связи с общим вопросом о положении топлива в России. Для характеристики общего состояния обрабатывающей промышленности здесь достаточно остановиться только на двух первых группах производства — металлургической и текстильной промышленности.

Начнем с первой из них.

3. Русская металлургическая промышленность до революции.

Железоделательная промышленность в древней Руси до XVII века имела форму мелкого домашнего производства. Долгое время она ограничивалась одним только кузнечным делом. В одной и той же кузнице плавили руду, ковали и сваривали железо; кузнец был и слесарем, и котельщиком. Способ добывания железа был самый примитивный: пользовались простым горном, который раздували мехами. Но это не мешало достигать большого искусства и железные изделия того времени — предметы вооружения и домашнего обихода — отличались большой прочностью и художественностью, в особенности со времени заимствования у монголов части восточного вооружения, выделка которых требовала еще более значительного развития искусства. В XV веке с введением огнестрельного оружия кладется основание литейному делу. К этому же времени относятся и первые попытки разведки руд.

В XVI веке начинает развиваться тульское оружейное дело, выделившее впоследствии передовых деятелей Урала; а в следующем XVII веке этот последний становится первым и главнейшим центром крупно-заводского производства. Один за другим начинают быстро расти чугунно-плавильные и железоделательные заводы — сперва на Урале, а позже и в центральной России вокруг Тулы.

Первыми пионерами горнозаводского дела в России явились голландец Виниус с братом Авраамом и товарищем Елисеем Вилькенсоном. 29 февраля 1632 г. всем им была выдана грамота на устройство вододействующего завода для обработки железной руды. После Виниуса во главе дела стали его соотечественники Петр Марселис и Филимон Атема. Им предоставлялись большие льготы: дано было право строить новые заводы и право продавать за удовлетворением нужд правительства остальные металлы не только в России, но и заграницу; кроме того они получали от правительства довольно значительные субсидии.

Во второй половине XVII века датчанином Бутенантом фон-Розенбушем основываются первые заводы в Олонецком крае, где уже и раньше существовала выделка в горнах.

Из указанных трех центров — Тулы, Олонецкого края и Урала — в этом последнем, по преимуществу, особенно сильно начинает развиваться горнозаводское дело в следующем XVIII веке. На место иностранцев тут впервые начинают выступать отечественные крупные предприниматели в лице знаменитого тульского кузнеца Никиты Демидова Антуфьева, Строгоновых, жителей Балахны Осокиных, соликамского купца Михаила Турчанинова, вятского жителя Ивана Тряпицина и др. В противоположность казенной и «дворянской» (помещичьей) фабрике, занимавшейся обработкой волокнистых веществ, русская тяжелая промышленность, таким образом, берет свое начало с низов от лиц с неутомимой энергией и столь же твердой, как самый металл, железной волей. В какие-нибудь четверть века на Урале уже работало полным ходом до 30 крупных горных заводов, а в первую треть XVIII века насчитывалось уже 40 крупных предприя-

тий. Со второй трети того же столетия возникает новый центр металлургической промышленности — Оренбургский край. В половине XVIII века, быстро следуя один за другим, основывается ряд крупных заводов Южного Урала. К 1760 г. там работало уже 28 заводов, из них 15 медных и 13 железных. Рабочее население в них доходило уже до 20.000 душ мужского пола.

Параллельно с возникновением и быстрым развитием новых заводов в Южном Урале продолжался рост их и в остальных частях Урала. Но развитие горных заводов в других районах России было гораздо слабее. В начале XVIII столетия наблюдалось еще развитие Олонецких заводов, но и их значение вскоре стало падать. Рост металлургической промышленности во всей стране к концу XVIII века вообще был уже не так интенсивен, как в начале столетия. А в течение первой половины XIX века дальнейшее развитие металлургической промышленности почти совсем приостанавливается; наблюдается даже некоторое падение ее производительности и только уже со второй половины прошлого века начинается новый значительный ее рост, достигающий к концу века и вначале XX столетия своего высшего расцвета. Со второй половины XIX века начинают появляться новые значительные центры: в железной промышленности появляется серьезный конкурент Уральских заводов — заводы Южной и Юго-западной России; в добыче меди с Уралом начинает соперничать Кавказ.

Начало металлургическим заводам Юга России положено было в 60-х годах прошлого столетия; производительность их до 80-х годов, однако, не была значительна. Только в 90-х годах она догнала производительность Уральских заводов, а с 1895 г. последние заняли уже по выплавке чугуна второе место. Выплавка меди на Урале занимала до 1903 г. первое место; в этом году Кавказ уже стал рядом с Уралом.

За последнее десятилетие до войны железоделательная промышленность России все более сосредоточивалась в двух районах, производивших в общей сложности до 87% всего железа и стали во всей стране; этими районами являлись Урал и Юг России, причем судьба этих двух районов неодинакова: в то время, как с начала XX века производство Урала падало, наоборот, производство Юга возрастало. Вот относящиеся сюда данные, хорошо иллюстрирующие указанное положение за 20 лет (производительность в % с 1890 по 1909 гг.):

Табл. 7-ая

Род производства и районы.	1890–94	1895–99	1900–04	1909
Выплавка чугуна на Юге . . .	27,8	43,1	55,1	70,0
„ „ „ Урале . .	47,0	34,3	27,1	22,2
Произв. полупрод. на Юге . .	23,6	33,5	42,6	54.2
„ „ „ Урале .	37,2	28,9	24,8	21,7
Произв. гот. прод. на Юге . .	24,7	33,9	44,9	55,6
„ „ „ „ Урале .	34,9	27,7	22,6	20,9

Производство чугуна на Урале с 47% упало до 22%, тогда как на Юге выплавка чугуна поднялась с 28% до 70%.

Причины этого процесса заключаются в чисто бытовых условиях, при которых зарождалась железная промышленность на Урале и на Юге. Юг выступил на 150 лет позже Урала при зарождении в России современного капитализма, опиравшегося на свободный труд. Промышленность Урала и после освобождения крестьян продолжала свою связь с полузависимым, полурабочим и полукрестьянским населением, скованным, так назыв., «посессионным владением». Этот вопрос теперь уже потерял свой смысл и значение, но в истории русской металлургической промышленности до самых последних дней старого режима он являлся значительным отрицательным фактором. «Полуфеодальный и технически отсталый, говорит один из исследователей Урала, он не может конкурировать с технически оборудованным, капиталистически организованным Югом. Лишенный путей сообщения и других условий, необходимых для развития крупной промышленности, Урал хиреет, несмотря на то, что он обладает одной из лучших в мире руд, и несмотря на то, что Россия нуждается в железе больше, чем какая бы то ни было страна в мире».

Быстрый темп развития русской металлургической промышленности в ее целом обусловлен в свой первый период (до 1905 г.) изобилием правительственных заказов для сильно тогда разраставшейся сети железных дорог и поощрительной системой казенных премий. Достигнув в 1904 г. рекордной величины по выплавке чугуна (ок. 180 милл. пуд.), русская металлургия затем начала падать и новое оживление ее обусловливается уже особым благоприятным, более или менее случайным фактором — расширением

внутреннего спроса на железо в результате ряда благоприятных по урожаю лет. Рекордным годом в этот второй период был 1913 г. (288 милл пуд.).

За первые $2^1/_2$ года войны общее состояние металлургической промышленности по сравнению с последним довоенным годом изменилось незначительно, хотя степень производительности сильно понизилась.

Вот, относящиеся сюда числовые данные:

Табл. 8-ая

Поступило и израсходовано.	1913	1915	1916
Выплавлено чугуна . .	282.960 т. п.	225.291 т. п.	213.865 т. п.
отпущено в передел . .	249.627 „ „	210.971 „ „	218.444 „ „
отпущено на продажу .	70.465 „ „	50.573 „ „	49.967 „ „
запас к концу года . .	32.199 „ „	30.611 „ „	26.661 „ „

По отдельным районам выплавка чугуна достигала:

Табл. 9-ая

Районы.	1913	1915	1916
Юг России	189.725 т. п.	167.540 т. п.	176.147 т. п.
Урал	55.766 „ „	50.273 „ „	46.018 „ „
Подмосковный	11.820 „ „	7.397 „ „	9.694 „ „

Производство железных и стальных полупродуктов:

Табл. 10-ая

Поступило и израсходовано.	1913	1915	1916
Произведено	300.232 т. п.	251.287 т. п.	260.886 т. п.
Отпущено в передел .	299.429 „ „	251.000 „ „	258.908 „ „
Запас к концу года . .	10.757 „ „	11.455 „ „	13.632 „ „

Под влиянием военных заказов и общей потребности войны можно было бы ожидать особенного под'ема русской металлургии, но она за время войны была даже слабее, чем до войны. В 1916 году, т. е. в последний год старого режима производство начало несколько повышаться по сравнению с предшествовавшим 1915 г.: уровень выплавки чугуна вырос на 2,9% и производство полупродуктов повысилось на 3,3%; но при этом в первом случае число действовавших доменных печей сократилось с 120 до 114, а во втором случае численность рабочих увеличилась на 24,3%; т. е., другими словами, производительность как отдельных заводов, так и производительность труда в целом уже в 1916 г. — до революции — начала значительно и быстро падать.

«Несомненно, что низкий уровень выплавки чугуна на наших заводах, в частности на Урале, за время войны является естественным следствием расстройства подвоза, недостатка квалифицированных рабочих, замененных большею частью военнопленными, женщинами, подростками и желтыми рабочими, — недостатка топлива и сырья, а равно и материалов, необходимых для ремонта».

Так отмечала оффициозная «Торг.-Пром. Газ.» (1917, № 128) наличность еще до революции всех тех отрицательных элементов, которые по мере дальнейшей хозяйственной разрухи, стали выступать все в бо́льшей степени и, наконец, привели русскую металлургическую промышленность к «состоянию, близкому к нулю», по выражению самих коммунистов (см. ст. Г. Крумина, «Экон. Жизнь», № 245 от 2 ноября 1920 г.).

Но «металлическая катастрофа» началась уже в первый год революции, еще при господстве Временного Правительства до октябрьского переворота. Даже более того, в области распределения металла положение, близкое к катастрофическому, было уже в период войны до революции. Вот, напр., как характеризует эту сторону вопроса во время войны оффициозная «Торг.-Промышл. Газ.» (№ 204 от 20 сент. 1917 г.):

«За время войны металлический рынок имел в качестве основных руководящих факторов два положения: сильно сокращенное снабжение и правительственный надзор. Сокращение снабжения вытекало из ослабления отечественного производства (вследствие расстройства транспорта, сокращения рабочих рук, отсутствия машин и орудий и т. д.) и сокращения заграничного ввоза (вследствие того же расстройства транспорта и еще кроме того в силу валютных осложнений). Над этими причинами, являющимися в большей или меньшей степени естественными для

военного времени, все-таки доминирует правительственный надзор, который в своих проявлениях оказывался нередко самодовлеющей и даже непосредственной причиной сокращенного снабжения. В течение первого года войны, когда металл и металлические фабрикаты еще были в довольно большом рыночном обращении, надзора со стороны правительства за металлами почти не было. Кое что в этом отношении начало проявляться лишь во второй половине 1915 г. До того были только валютные ограничения. К этому времени не были учтены ни потребности в металлах непосредственного фронта, ни наличного запаса; и это надо думать послужило при отсутствии статистики потребления, вообще, одной из основных причин последовавшей затем безтолковщины в распоряжении металлами»...

«Сознание необходимости мобилизации для обслуживания военных надобностей всех сил, а не только сил непосредственно военных, проявлялось у нас постепенно по мере и не ранее того, как ход событий обнаруживал угрожающие симптомы. Поэтому и мероприятия в области экономики страны в связи с войной носили не стройный, случайный и частичный характер и были как бы несмелыми и неуверенными... Русское общество, а вместе с ним и правительство не ожидали той грандиозности экономических потрясений, какая постепенно развертывалась во время войны, и потому требования пред'являлись не к организации сил, а по большей части к индивидуальной гражданственности»... Короче говоря, старое правительство и во время войны не вело никакого учета ни наличности металла и его производства, ни потребностей в нем со стороны армии и тыла. В таком хаотическом состоянии металлургическая промышленность перешла и к Временному Правительству.

4. Состояние русской металлургии во время революции.

Революция приняла «металлургическую катастрофу» уже в полном разгаре.

На заседании Всероссийского Продовольственного с'езда 22 мая 1917 г. указывалось определенно, что «вопрос о металле в настоящее время — один из самых больных и острых вопросов, более острый, чем вопрос о продовольствии. Хлеб все-таки есть, но железо в настоящее время в чрезвычайно ограниченном количестве и больше получить его мы не можем. Если все общественные и демократические организации срочно не примут самых решительных мер, случится тяжкая и страшная металлическая катастрофа». Указывая на угрожающее состояние транспорта, развивавший эту мысль В. Н. Переверзев предупреждал: «а если станет транспорт, то станет все». Так это и случилось.

Временное Правительство было бессильно остановить начавшийся еще до него процесс хозяйственной разрухи и в области металлургической промышленности оно ограничилось лишь установлением некоторого порядка в распределении черного металла. Соответствующий проект был составлен в управлении главного уполномоченного по снабжению металлами, представлен Временному Правительству и утвержден им в форме закона 20 июля 1917 г. Согласно этому закону все металлургические заводы России делятся на три района — южный, центральный и уральский. Распределение металла между ведомствами и общественными организациями, работающими на нужды войны, производится главным уполномоченным по снабжению металлами путем назначения каждому ведомству и каждой общественной организации определенной месячной нормы металла на период времени не менее 3 месяцев.

Распределение самого производства металла между заводами устанавливается путем разверстки общей потребности в металле между указанными выше производительными районами. Главный уполномоченный устанавливает месячные нормы по отдельным категориям прокатных изделий, по чугуну и литью с таким расчетом, чтобы распределительные ведомости получались соответствующими ведомствами и организациями не позже 1 числа месяца, предшествующего исполнительному месяцу. К 10 числу месяца, предшествующего исполнительному, ведомства и организации представляют перечни и даты заказов. Районные уполномоченные, получив эти заказы, совместно с фабриками и заводами составляют программы работ металла на ближайший месяц. Для удовлетворения экстренных требований оставляется у главного уполномоченного резерв — в размере 6%. Для удовлетворения собственных нужд заводы получают 4% своего производства, расходуемые под контролем, с отнесением остатка в запасный 6%-ный фонд («Торг.-Промышл. Газ.» 1917 г., № 155).

Эта тщательно разработанная схема, само собою, оставалась без всякого применения в жизни, требовавшей не канцелярских схем, а неотложных героических усилий против надвигав-

шейся гибели всей с таким трудом в течение двух веков созидавшейся русской металлургии. Но никаких средств к спасению ее не нашлось ни тогда, ни позже; и обездоленная и разоренная русская металлургическая промышленность теперь быть может уже надолго потеряла способность вернуть свою былую мощь.

Металлургическая промышленность в связи с горным делом вообще вошла в сферу влияния советской власти значительно позже других отраслей народного хозяйства. Об'ясняется это самим географическим расположением русской горной промышленности, разбросанной по окраинам страны, как раз находившимся в течение первых трех лет господства советского режима в сфере гражданской войны. Главный —Южный — район был присоединен к советской власти лишь в 1920 г. О катастрофическом положении горного дела можно судить по тому состоянию Криворожского бассейна, в котором находился этот главнейший источник русской металлургической промышленности.

«Все рудники затоплены, уровень воды поднялся выше подготовительных и добычных горизонтов. Из электромеханических сооружений в здоровом состоянии находится едва 40%; 20% машинных приборов и аппаратов требуют среднего ремонта, 30% — капитального и 10% приведены в полную негодность. Надо принять во внимание, что целый ряд рудников был оборудован по последнему слову техники... Гражданские и технические здания полуразрушены. Дерево все растащено на топливо. Материальные склады расхищены. Кривой Рог производит впечатление трупа. Из работавших прежде 25 тыс. рабочих осталось 1.200 человек и то инвалидов» — так описывала «Экон. Жизнь» состояние Криворожского бассейна еще осенью 1920 г. (№ 255 от 13 ноября 1920 г.).

Вот относящиеся сюда некоторые сравнительные данные:

Выплавлено чугуна:

Табл. 11-ая

районы	за 1-ую полов. 1913 г.	за 1-ую полов. 1920 г.	%
Юг России . . .	93.526.883 пуд.	45.700 пуд.	0,05
Урал	29.249.560 ,,	2.460.563 ,,	8,40
Центр. обл. . . .	6.239.159 ,,	229.629 ,,	3,70
По всей России	129.015.602 пуд.	2.735.892 пуд.	2,10

Количество печей (работавших):

Табл. 12-ая

районы	доменные		мартеновские	
	в 1913 г.	в первую полов. 1920 г.	в 1913	в первую полов. 1920
Юг России	49	1	84	3
Урал	73	6	66	5
Центр. обл.	16	5	18	неизв.
По всей России .	138	12	168	—

Уже в 1913 г. из общего числа 285 домен фактически работало только 138 печей; но по сравнению с довоенным временем количество работавших домен сократилось более, чем в 11 раз, а число мартеновских печей — в 21 раз!

Сообщая эти данные из оффициальных отчетов, «Экон. Жизнь» (в № 267 от 27 ноября 1920 г) приводит следующие причины сокращения металлургической промышленности по отдельным районам:

На Юге России линия фронта отодвинулась лишь в начале 1920 г. Первые месяцы, естественно, прошли, главным образом, в процессе организации и ремонта.

В Центральном районе из 10 заводов работало только 6, а из 8 доменных печей — только 3; при этом работа производилась первые три месяца и затем прекратилась из-за недостатка топлива. Одна из значительнейших домен на Мальцевском заводе, давшая еще в 1919 г. около 142 тыс. пуд. чугуна, в 1920 г. дала только 3 тыс. вследствие отсутствия древесного угля. На местах выжигания этот уголь имелся в значительном количестве, но из-за недостатка фуража, отсутствия рабочих рук, продовольственной нужды и т. д. не было возможности имевшийся уголь подвести к заводам. На ряду с этим пожар уничтожил значительный запас древесного угля, в результате чего и в ближайшем будущем Мальцевскому заводу угрожало остаться без чугуна для переработки.

Лучше других районов работал Урал. За первое полугодие 1920 г. там было выплавлено 89,9% общего количества чугуна. Средняя производительность работавших домен повысилась по сравнению с предшествовавшим 1919 годом — с 308 тыс. пуд.

до 415 тыс. пуд. в среднем за пол года на одну домну. Работало семь домен и наряду с этим шло усиленное накопление руды и топлива еще на три доменных завода Пермского округа, предназначавшихся к пуску в 1921 г.

Остановимся еще на некоторых относящихся сюда данных.

Запасы и распределение металла:

Табл. 13-ая

Спрос на металл	в 1919		в 1-ю пол. 1920 г.	
	черн. мет.	цветн. мет.	черн. мет.	цветн. мет.
сделано заявок .	130.500 т. п.	8.000 т. п.	32.000 т. п.	2.518 т. п.
разрешено	75.000 „ „	неизв.	13.295 „ „	715 „ „
взято.	14.500 „ „	1.060 т. п.	9.954 „ „	358 „ „

На 1-е июля 1920 г. в запасе оставалось ок. 31 милл. пуд. черного металла и ок. 4 милл. пуд. цветного.

Обслуживание рабочей силой.

Табл. 14-ая

районы	число занятых рабочих (за 1-ю пол. 1920 г.)	
Юг России	43.452 чел.	(на 1 мая)
Урал	70.254 „	(по 8 зав. свед. нет)
Центр. обл.	15.457 „	(на 1 июля)
Всего (приблизительно) .	520.000 „	(за все полугодие)

Ко второй половине 1920 г. на Юге общее число рабочих составляло около $^1/_3$ всего числа лиц работавших там за год до революции (в 1916 г. — 130 тыс. чел.) и для выполнения намеченной производительной программы не доставало еще 41,4% по отношению к числу, имевшемуся в наличности. Сравнительный процент прогулов начал понемногу сокращаться: февраль — 27%, март — 25% и апрель — 22% при норме прогулов в довоенное время в 10%.

На заводах Южного Урала относительная доля невыхода на работу за июль 1920 г. был значительно выше — 31,3%, в том числе: по отпускам — 5,2%, болезни — 4,0%, работа в организациях — 2,2%; след., по уважительным причинам, независимым от рабочих, относительная доля невыхода составляла 9,4%, остальные 22% приходятся на прогулы и забастовки!

Как выше уже упоминалось, советское правительство в целях повышения промышленной производительности обратилось к особой политике «ударности», т. е. к сосредоточению главного внимания и преимущественного обслуживания крупных и наиболее важных предприятий. Но работа и «ударных» заводов в металлургии в 1920 г. не дала особенно больших, ожидавшихся от них результатов.

Задание, возложенное в 1920 г. на небольшую группу «ударных» металлургических заводов, было двоякого рода: путем более напряженной работы эти заводы должны были помочь делу восстановления разрушенного железнодорожного транспорта и вместе с этим они должны были образовать то живое работающее ядро, вокруг которого, концентрируясь, могла бы возрождаться русская металлургическая промышленность. В 1920 г. этих результатов не было достигнуто, — несмотря на то, что в группу были включены 21 завод, удельный вес которых в русской металлургии раньше был очень велик. Достаточно отметить, что в эту группу вошло пять из имевшихся 8-ми паровозостроительных заводов и несколько крупнейших металлургических заводов Юга России. На 1 сентября 1920 г. на них было занято 65,678 рабочих, т. е., около $^1/_8$ всего числа рабочих металлистов.

Отчетные данные, опубликованные в печати («Экон. Жизнь» 1920 г. № 267) относятся лишь к первым трем месяцам работы этой «ударной группы» (с июля по октябрь 1920 г.). Согласно этим данным относительная доля выполненной работы отдельных заводов за протекшие три месяца по отношению к программе, намеченной на 2-ю половину 1920 г. (июнь — декабрь) составляет от 7 до 95%, а по отношению к первому полугодию (еще до введения в них принципа «ударности») от 17 до 325%. Но по этим слишком суммарным данным трудно решить, повысилась ли и насколько самая производительность заводов до и после «ударности»?

Далее данные указывают на то, что наличность рабочей силы составляет лишь 61—66% потребности в ней. Непосещаемость на всех заводах достигает в среднем 26%, а по отдельным заводам доля непосещаемости достигает 46—47%, главн. обр., вследствие продовольственной необеспеченности; продовольственных

продуктов кроме муки ничтожный запас. Относительно обеспечения топливом эти данные указывают на то, что на центральных заводах топлива достаточно, так как остатки на 1 октября 1920 г. превышали расходование за последние месяцы в 8—15 раз; но на южных заводах остатки топлива едва превышали месячный расход и что, следовательно, работа этих заводов всецело зависит от аккуратности поступления топлива.

О наступившем позже, уже в 1921 г. всеобщем топливном кризисе в России далее будет сказано подробнее. Но еще и до этого топливного кризиса положение русской металлургической промышленности, как уже упоминалось выше, свелось почти к полному ее исчезновению из народного хозяйства страны.

Этого не скрывает и советская печать:

«Почти три года мы провели за счет старых запасов. Уже больше года тому назад мы били тревогу по поводу «кризиса металло-снабжения», указывали на полное иссякание запасов и приняли целый ряд героических мер, которые, собственно, в нормальных условиях свидетельствовали бы о полном и неминуемом крахе. Всякому известно, что возможности в металлургии, установленные отделом металла на ближайший период, не соответствуют даже минимальным требованиям одного только комиссариата путей сообщения, не говоря уже о сумме минимальных требований, необходимых для закладки всего фундамента. А между тем, работа по выработке производственной программы металлургической промышленности на второе полугодие 1920 г. идет в таком направлении, что к 1 января 1921 г. мы должны будем в наших запасах металлов считаться с величиной близкой к нулю» («Экон. Жизнь», № 245, от 2 ноября 1920 г.).

По докладу председателя Высшего Совета Народного Хозяйства на 5-м Всеросс. с'езде професс. союзов (в ноябре 1920 г.) «в области металлургической промышленности положение хуже, чем в какой бы то ни было другой: всего на территории Советской России работает 15 доменных печей, которые могут за 6 месяцев дать всего 3 милл. пуд. металла, т. е. приблизительно около 3% того, что давала наша металлургическая промышленность в довоенное время. Необходимое улучшение идет недостаточно быстро» — меланхолически замечает докладчик («Экон. Жизнь» № 248, от 5 ноября 1920 г.).

С первого взгляда может показаться, что металлургическая промышленность является производной величиной по отношению к двум более основным величинам — продовольствию и топливу (уголь); но и продовольствие, и топливо обусловлены состоянием транспорта, а транспорт (железные дороги и пароходство) — от металлургии. Получается вполне понятный замкнутый круг взаимной обусловленности и зависимости отдельных отраслей народного хозяйства, как единого производственного процесса. Отсюда, о возрождении русской металлургии можно говорить лишь только в связи с возрождением всего народного хозяйства страны, т. е. в связи с восстановлением всех ее производительных сил.

5. Сырьевое обеспечение текстильной промышленности.

Текстильная или мануфактурная промышленность является у нас старейшей областью крупного производства. Уже во времена крепостного права она получила для себя очень значительное развитие.

До периода правительственного «насаждения» капитализма в России, т. е. до реформ Витте в 90-х годах прошлого века, мануфактурная промышленность составляла значительнейшую часть русской обрабатывающей промышленности, как по ценности продуктов, так и по численности занятых в ней рабочих. Так, напр., в 1870 г. из всей ценности крупного промышленного производства в России — 318 милл. руб., на долю одной текстильной промышленности приходилось 191 милл. руб., т. е. свыше 60%. В 1879 г. из общего числа рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности (кроме предприятий обложенных акцизом) — 482,276 чел. — в текстильной промышленности было занято 308,773 чел., что составляет около 65%.

К концу XIX столетия, когда так мощно развились другие отрасли промышленности — металлургическая, каменноугольная, нефтяная и др. —, относительная доля текстильного производства по отношению ко всей промышленности страны значительно должна была сократиться. Но до последнего времени роль и значение ее в народном хозяйстве России не уменьшались, не только по отношению к потребляемому ею отечественному сырью, но и по отношению к внутреннему вольному рынку. При этом самое развитие текстильной промышленности продолжалось и в последние годы XIX века в невероятно быстром темпе по сравнению с другими странами.

Так, напр., в то время, как в Англии прирост производства, определяемый увеличением количества веретен, за период 1890 до 1899 выражался в 3,8%, в Соединенных Штатах в 25,6% и для всей континентальной Европы в 33,3%, прирост числа веретен в России за тот же период составляет 76,2%. В 1890 г. хлопчатобумажное производство России составляло 4% мирового, а в 1899 г. уже — 6%.

Раньше чем говорить об общем состоянии текстильной промышленности за время войны и революции и о тех переменах, которые были произведены за это время в области производства и распределения мануфактуры, необходимо составить себе более отчетливое представление о состоянии отдельных видов текстильной промышленности в связи с вопросом об обеспечении их соответствующим сырьем.

Начнем с хлопчато-бумажной промышленности, тесно связанной с положением русского хлопководства.

До революции Россия имела два центра хлопководства — Туркестанский край (со включением Хивы и Бухары) и Закавказье. В среднем под хлопок засевалось до 500,000 дес. в Туркестане и более 100,000 дес. в Закавказье и получалось до 12—13 милл. пуд. чистого волокна. Но этого количества не хватало русской хлопчато-бумажной промышленности и Россия ввозила из Америки почти такое же количество хлопка. За время войны с сокращением, а позже и с полным прекращением заграничного ввоза площадь посевов хлопка значительно расширилась и собственный сбор волокна доходил до 20 с лишним милл. пуд. (в 1916 г.). С самого начала революции дело значительно меняется к худшему: площадь посева в 1918 г. сокращается до 80 тыс. дес. и сбор падает до 2 милл. пуд.

Наряду с этим самой хлопковой культуре грозит серьезная опасность окончательного умирания: урожайность пала с 70—80 пуд. с десятины до 40—50 пуд. (в Туркестане), изменилось и самое качество волокна: длина волокна сократилась с 30 миллиметров (в Фергане) до 14—17 миллим.

По вопросу о снабжении хлопчато-бумажной промышленности собственным хлопком старое правительство не выходило за пределы совещаний и самых скромных начинаний. Перед ним стояла насущная задача использовать естественные условия страны и не расходовать золотой фонд на покупку заграничного хлопка. Вполне возможное освобождение от американского

хлопка обусловливалось расширением площади посева хлопка, а это последнее в свою очередь зависело от подвоза хлеба (пшеницы) в хлопководные районы. Как ни просто казалось разрешение вопроса о полном снабжении промышленности собственным хлопком, но оно не получило себе удовлетворительного разрешения ни до войны, ни во время войны, ни после войны. Та же задача, что́ стояла перед старым царским правительством, стоит теперь и перед советским правительством, но в виду уже наступившего катастрофического положения всего хозяйства в Туркестане, разрешение вопроса, разумеется, в настоящее время несравненно осложнилось.

Недостаток в привозном хлебе заставил перейти население Туркестана от хлопководства к зерновому хозяйству и этим значительнейшим образом сократить площадь посевов хлопка. В 1917 г. все Туркестанское сельское хозяйство в сильной степени пострадало от неурожая. Развитое в стране скотоводство подверглось за время войны и революции чрезвычайным лишениям — в результате нерациональных реквизиций скота для мясных заготовок для армии; этим была подорвана живая сила хлопкороба. Наряду с сокращением живого инвентаря изнашивался и мертвый инвентарь и в прежнее время недостаточный для рационального ведения хозяйства. Ко всему этому прибавлялось еще общее расстройство в урегулировании водо- и землепользования, как в техническом, так и в правовом отношении, и, наконец, совершенно нерациональное нормирование цен, перешедшее от старого строя.

Таково было положение Туркестанского хлопководства к моменту установления в России советско-коммунистического режима. Не внеся в дело никаких положительных изменений, местные органы советской власти еще более ухудшили это положение произведенной в 1918 г., по выражению «Эконом. Жизни» (№ 173 от 7 авг. 1920 г.), «в высшей степени бессистемно» Туркестанской национализацией хлопковой промышленности, как раз накануне весенних посевов. Эта мера привела не только к застою на хлопковом рынке, но и к полному исчезновению хлопковых посевов в 1918 г.

В следующем 1919 г. начала проявляться, правда, весьма слабая тенденция к некоторому новому увеличению хлопковых посевов; но тут выступили уже новые положительные факторы,

как напр., попытка насаждения производительной кооперации между крестьянами-хлопкоробами, усиленное финансирование лиц, занимавшихся разведением хлопка, самостоятельное развитие мелкого кустарничества, создававшего для хлопка нелегальный рынок; наконец, к расширению хлопковых посевов вынуждала острая нужда в жирах.

С начала 1920 г. советское правительство вступило на путь регулирования русского хлопководства. Первые постановления (в феврале 1920 г.) имели лишь частный характер; они касались предстоявших весенних посевов и урожая и имели в виду обеспечение населения мануфактурой и другими предметами промышленности.

Более важное значение имеет постановление Совнаркома от 2 ноября 1920 г., касающееся хлопковой культуры в Туркестанской и Азербейджанской советских республиках. Этим постановлением правительство имеет в виду прийти на помощь хлопководству немедленно и потому самое постановление носит характер срочности и категоричности.

Оно состоит из следующих четырех пунктов:

1. Народный комиссариат земледелия обязывается разработать и провести в жизнь не позднее 1 января 1921 г. положение о льготах в земле- и водопользовании по отношению к хозяйствам, занимающимся разведением хлопка;

2. Народный комиссариат путей сообщения обязан доставить по нарядам комиссариата земледелия не позже 15 января 1921 г. посевный материал в соответственные районы;

3. Высш. Сов. Нар. Хоз., по крайней мере, за месяц до весенних операций обязан озаботиться доставкой в хлопководные районы всех необходимых предметов, предназначаемых для хлопководства;

4. Учреждается контрольное совещание из представителей различных ведомств при «Главтекстиле», обязанное следить за проведением в жизнь вышеуказанных мер.

Сущность этих мероприятий сводится к тому, что для поднятия хлопководства советское правительство устанавливает особый план снабжения хлопководов, основанный на строгих договорных основаниях в порядке продуктообмена за сдаваемый хлопок-сырец. Это является значительной уступкой в сторону

индивидуалистического принципа в хозяйстве; но такое отступление от коммунистического принципа обусловливается уже наступившим катастрофическим состоянием хлопководства. Тут мы видим то же явление, что раньше было отмечено по отношению к вопросу о переходе от принудительной разверстки к натуральному налогу. На сколько положительными окажутся сами по себе эти меры по поднятию хлопководства, сейчас еще сказать невозможно; во всяком случае, ими намечается новый более рациональный путь к возрождению одной из значительнейших отраслей русского народного хозяйства.

Рядом с хлопком в России уже с давних пор занимает почетное место льняное волокно, пенька и шерсть.

До войны русское льняное волокно занимало монопольное положение на мировом рынке; и по отношению к самой России вывоз льна занимал 3-е место во всем русском экспорте (после хлеба и леса). В среднем за 1910—1913 г. г. было вывезено 17,5 милл. пуд. льна. Этот вывоз стал сокращаться уже во время войны и совершенно прекратился во время революции: в 1917 году было вывезено 7,8 миллион. пуд., в 1918 г. 5,8 милл. пуд., а в 1919 г. уже ничего не было вывезено. В связи с этим резко сокращалась площадь посева льна — с 1,518 тыс. дес. в 1913 г. до 300 тыс. дес. в 1920 г., и годовое его производство — с 33 милл. пуд. упало до 2 милл. пуд. В то время, как раньше русский экспорт льна покрывал почти всю мировую потребность в льняном волокне, теперь едва покрывается сильно сокращенная потребность одних русских фабрик. Падение льноводства об'ясняется недостатком пропитания, вынуждающим крестьян заменять посевы льна хлебными культурами, картофелем, даже травами, дающими бо́льшую выгоду. С развитием бессистемных реквизиций крестьянин начал разводить лен в количестве, удовлетворяющем только его собственные потребности. Имевшийся у крестьян запас льна тщательно скрывался от советского правительства и для заготовок льняного волокна это последнее вынуждено было отказаться от бессистемных захватов и реквизиций и перейти к другим мерам, как повышение цен на лен и даже установление премирования по 1 аршину мануфактуры за каждый сданный казне пуд льняного волокна. Насколько эти меры, впервые прилагаемые с марта 1920 г. оказались положительными по своим результатам, видно из следующих данных («Экон. Жизнь» № 241, от 28 окт. 1920 г.):

Табл. 15-ая.

Месяцы	Заготовка льна в 1920 г.
Январь	9.810 пуд
Февраль . . .	22.027 „
Март	235.672 „
Апрель	412.526 „
Май	793.799 „
Июнь	1.181.602 „
Июль	1.991.528 „
Август	2.052.484 „

Надо заметить, что урожай 1920 г. не покрывает даже увеличившейся личной потребности населения (в льняном семени для масла), не говоря уже о сырье для русских фабрик. Если в сезоне 1920—1921 удастся собрать некоторое количество волокна, то это должно отнести не к урожаю 1920—1921 г. г., а за счет остатков волокна от прежних лет. («Экон. Жизнь» № 237, от 23 окт. 1920).

Ухудшение льноводства особенно тяжело должно будет сказаться на внешней торговле России; что же касается обеспечения сырьем русских фабрик, то для ближайшего времени оно не угрожает никакими осложнениями. По подсчету специалистов (А. Нольде) общий запас льна на государственных складах на 1 сент. 1920 г. (без Сибири) определялся в 2.645 тыс. пуд. Предполагаемый результат урожая 1920 г. — не более 2 милл. пуд., что с остатками от прежних лет составляет около 2,5 милл. пуд. Но из них в течение сезона собрать удастся в лучшем случае 1,5 милл. пуд. Таким образом общий резерв страны выражается в 4.150 тыс. пуд. Русская промышленность за тот же период потребует не более 1,5 или 2 милл. пуд. Но в виду крайне печальных перспектив на урожай льна в 1921 г. надлежит иметь запасы для фабрик, по крайней мере, до ноября 1921 г., т. е. не на один, а на два года; при бережном отношении ко льну эта потребность может быть покрыта указанным выше резервом, если не считать необходимости вывоза льна заграницу.

На ряду с льноводством уже с давних пор в России большое промышленное значение имеет коноплеводство, доставляющее

пеньку для джутовых и веревочных изделий. Культура конопли, также как и культура льна являлась по преимуществу культурой мелкого крестьянского хозяйства: до войны 97% всех посевов конопли принадлежало крестьянам.

В период 1909—1913 общая площадь посева конопли превышала 500 тыс. дес. Под влиянием войны и революции эта площадь стала сокращаться и в 1920 г. под коноплей было занято меньше половины этого числа (238 тыс. дес.). До войны получалось около 23 милл. пуд. семян и 17 милл. пуд. волокна. В 1920 г. могло быть получено только 4—5 милл. пуд. волокна.

Потребность фабрик в пеньке в довоенное время выражалась в количестве очень незначительном — не более 1 милл. пуд. перерабатывалось фабричным способом в канаты, сети, снасти, шпагат и проч. Значительнейшая часть пеньки — до 8 милл. пуд. шла для переработки кустарным способом и около 4 милл. пуд. пеньки вывозилось заграницу.

Сокращение коноплеводства особенно тяжело отзовется на продовольственных нуждах населения, так как огромнейшее количество конопли шло на получение конопляного масла и очень ценных в кормовом отношении жмыхов. Между тем, вместо 22 — 23 милл. пуд. конопли получавшихся в довоенное время, в 1920 г. можно было ждать не более 4—5 милл. пуд. семян.

Вследствие почти полного прекращения подвоза пеньки на заготовительные пункты 17 марта 1920 г. было постановлено повысить твердые цены на 200% и выдавать премии мануфактурой по 1 арш. за пуд сданной пеньки. Вместе с этим устанавливается общегосударственная разверстка пеньки по губерниям и обязательная сдача до 1 июня 1920 г., после чего пенька должна была отбираться принудительным порядком. Впоследствии срок сдачи пеньки был продолжен до 1 августа 1920 г. Разверстка по 14 наиболее пеньководным губерниям должна была дать 2,5 милл. пуд., в соответствии с чем было переведено на места такое же количество мануфактуры и денег 440 милл. руб. О результатах сдачи полных данных не имеется; до 7 июня было сдано около 800 тыс. пуд.

Наконец, значительным сырьем для русской мануфактурной промышленности является шерсть. Сокращение запасов шерсти обусловлено общим упадком в России скотоводства и, в частности, овцеводства. До войны количество русских овец определялось для Донской, Кубанской и Терской областей и Ставропольской губ.

в 7 милл. голов, а мериносовых в $4^1/_2$ милл. голов. В середине 1920 г. насчитывалось 5,6 милл. русских и всего только 278 тыс. мериносовых овец; это последнее число еще продолжает сокращаться и мы накануне почти полного вырождения мериносовых овец на Кавказе. К такому положению вещей привел целый ряд обстоятельств: вследствие недостатка в продовольствии увеличилась распашка земли под культуру хлебных злаков, несоответствие цен на шерсть с издержками на разведение овец, низкие цены на мясо в связи со слабым развитием холодильного дела, уничтожение племенных и образцовых стад в начале революции, особенно в местностях, охваченных гражданской войной, увеличение потребления мяса сельским населением, усиленный убой из-за боязни реквизиции, громадные падежи овец вследствие отсутствия лекарственных средств и ветеринарной помощи, и, наконец, по признанию «Экон. Жизни» (№ 237, от 23 окт. 1920 г.) — «наблюдающиеся бессистемные реквизиции в связи с неисполнением местными властями декретов центра».

Общий запас шерсти на Юго-Востоке России и, главным образом, на Кавказе к середине 1920 г. определяется в 1,2 милл. пуд. Шерсть эта прежних сборов и различных сортов: испанская (до 880 тыс. пуд.), русская (80 тыс. пуд.) и др. (коровья, конская и проч.). Вся почти шерсть (за исключением 60 тыс. пуд.) грязная, требующая еще мойки. Но пропускная способность трех сохранившихся в крае шерстомоек составляет 20—30 тыс. пуд. в месяц. Вывозить же в центр грязную шерсть не рационально (4 пуд. грязной эквивалентны 1 пуду мытой) и затруднительно. Указанный выше запас является на ближайшее время единственным ресурсом для шерстяной промышленности и о вывозе шерсти заграницу не должно бы было быть и речи.

Таково в общих чертах положение с основными видами сырья, потребляемого русской текстильной промышленностью.

Перейдем теперь к анализу состояния самой текстильной промышленности; для характеристики ее достаточно остановиться на двух главнейших ее видах — хлопчато-бумажном производстве и шерстяной промышленности.

6. Хлопчато-бумажное производство и шерстяная промышленность.

Запасы сырья и продуктов позволили мануфактурной промышленности провести первый год войны без особых затруднений

и без вмешательства правительства в области обеспечения производства сырьем и в распределении готовых продуктов в стране. Однако, нужды войны довольно быстро истощили имевшиеся запасы и во избежание возможных осложнений понадобилась государственная помощь и регулировка.

Та и другая началась с хлопчато-бумажной промышленности, которая в бо́льшей степени, чем какая-либо другая отрасль текстильного производства зависела от ввоза сырья — хлопка. Хлопок и явился первой ступенью на пути регулирования всей хлопчато-бумажной промышленности.

13 августа 1915 г. начал свою деятельность Комитет «по заведыванию снабжением сырьем хлопчато-бумажных фабрик», который в первую очередь занялся регулированием покупок и продажи хлопка. Комитет установил предельные цены на хлопковое волокно, как на местах (в Средней Азии и на Кавказе), так и в промышленных районах. Затем было произведено распределение русского хлопка между фабрикантами на основании тех или других принципов — в форме права фабриканта производить покупку хлопка в пределах того количества, которое ему предоставлено Комитетом. В самом начале деятельности Комитета поднимался вопрос еще и о нормировке самого хлопка-сырца по тем соображениям, что при отсутствии такой нормировки трудно будет впоследствии удержать цену на хлопковое волокно на определенном уровне. Однако, это было отвергнуто по мотивам технической трудности осуществления такой нормировки. Тем не менее в начале октября 1916 г. этот вопрос о регулировании цен на хлопок-сырец был вновь поднят, но и на этот раз безрезультатно.

На ряду с этим уже очень скоро выяснились отрицательные результаты правительственных полумер и колебаний. Решив принципиально фиксировать цены на волокно, правительство не решалось нормировать цены на хлопок-сырец, да и по отношению к хлопку-волокну урожая 1915 г. долго не решалось прилагать фиксацию цен. В результате всего этого в Центральной Азии началась безудержная спекуляция на хлопковое волокно и, в особенности, на хлопок-сырец. Для того, чтобы удержать цены на хлопковое волокно, которые предполагало установить правительство в лице министерства торговли и промышленности, и чтобы прекратить возможность обхода установленной цены в форме продажи хлопка-волокна под видом хлопка-сырца Комитет на-

стаивал на установлении предельных цен на хлопок-сырец. Но правительство упорно отказывалось от нормировки цен на хлопок-сырец. В результате явился новый безостановочный рост цен на волокно, причем первоначально установленная правительством цена явилась чистейшей фикцией. Пришлось не только повысить цену на хлопок-волокно, но и озаботиться получением его вообще. В этих целях 2 декабря 1916 г. образуется новый орган — «Центрохлопок», снабженный более широкими полномочиями, чем какими располагал Комитет, оказавшийся бессильным перед волей министерства торговли и промышленности.

Впрочем, деятельность Комитета далеко не ограничивалась одною борьбою с министерством в вопросе об установлении цен на хлопок-волокно и хлопок-сырец. При его образовании, правда, задача его ограничивалась одним предоставлением хлопчато-бумажной промышленности сырья, главным образом, хлопка по умеренным твердым ценам. Об этом свидетельствует закон 7 июля 1915 г. о некоторых мерах к упорядочению снабжения сырьем хлопчато-бумажных и суконных фабрик, а также и самое название Комитета. Однако, уже очень скоро, вследствие все повышавшихся цен на хлопчато-бумажную пряжу и на хлопчато-бумажные ткани, особенно на спекулятивном торговом рынке, жизнью были выдвинуты требования дальнейшего регулирования хлопчато-бумажной промышленности. Отразивший на себе эти требования закон 17 декабря 1915 г. чрезвычайно расширил компетенцию Комитета, включив в число его задач также и регулирование цен на хлопчато-бумажные пряжи и на хлопчато-бумажные ткани. На основании своих новых функций Комитет настоял на введении в апреле 1916 г. предельных цен на хлопчато-бумажную пряжу не только для казенных заказов, но и для частного рынка, а затем по его же настоянию были установлены предельные цены и на готовые бумажные ткани, но лишь казенного образца.

Но на этом регулирование хлопчато-бумажной промышленности во время войны еще не остановилось.

12 сентября 1916 г. была введена нормировка на миткаль всех весов и расчетов по продаже на частном рынке, тогда как раньше был нормирован миткаль только типа, идущего для исполнения казенных заказов. Наконец, 11. дек. 1916 г. были нормированы цены на ситец сроком до 1 июля 1917 г.

Более сложным представился вопрос о нормировке других,

кроме ситцев, бумажных тканей по продаже их на частном рынке вследствие чрезвычайного разнообразия сортов, идущих на удовлетворение многообразных частных потребностей. Вопрос этот вызвал долгие обсуждения и, в конце концов, правительство остановилось на системе процентных надбавок к ценам, об'явленным самими предпринимателями в их последних, выпущенных до войны (19 июля 1914 г.) прейскурантах. Означенные надбавки колебались на разные группы бумажных тканей (таких групп было 12) от 120—170%.

Эта система надбавок была введена в жизнь обязательным постановлением от 7 декабря 1916 г. сроком по 1 июля 1917 г. Эта мера правительства вызывала большие нападки, в особенности, со стороны фабрикантов. Уступая интересам этих последних, правительство соглашалось по окончании назначенного им срока (1 июля 1917 г.) перейти к другой форме нормировки, к системе нормировки путем сравнения образцов различных бумажных тканей с количеством их, выпускаемым на рынок. Но вследствие совершенно изменившихся во время революций всех условий производства эта мера не привлекла к себе даже и внимания Временного Правительства.

Наконец, на ряду с установлением предельных цен на готовые бумажные ткани, выпускаемые на рынки самими фабрикантами непосредственно, старое царское правительство ввело нормировку оптовой и розничной торговли хлопчато-бумажными тканями. Сущность этой нормировки сводилась к признанию за оптовыми торговцами права накидывать 10%, а розничным торговцам 30% к ценам фабричных прейскурантов для покрытия накладных расходов; но в эти надбавки не входила стоимость провоза, на покрытие которой устанавливалась также еще особая надбавка в пределах от 1—8% прейскурантных цен.

Таким образом, сущность регламентации хлопчато-бумажной промышленности со стороны правительства во время войны заключалась в нормировании цен, начиная с сырья (хлопкового волокна) до готовых изделий и даже самой торговли ими.

Эта политика перешла и к Временному Правительству, которым для дальнейшего регулирования в том же направлении был образован специальный орган «Центропродажа» для распределения хлопчато-бумажной пряжи и ткани, беря на учет всю пряжу и суровые ткани и сосредоточив в руках правительства самое их распределение. По сколько эта попытка мануфактурной моно-

полии касается всей текстильной промышленности о ней будет сказано в заключении общего обзора мероприятий во всей этой отрасли производства.

Что касается шерстяной промышленности, то по характеру вырабатываемых ею изделий она распадается на следующие три группы: на суконную промышленность, камвольную промышленность и полушерстяное производство. Шерстяная промышленность вырабатывает плотные и тяжелые ткани, камвольная — тонкие сорта материи и полушерстяная дает ткани смешанные — обыкновенно бумажная основа, а уток из искусственной шерсти при небольшой примеси мериносовой шерсти.

С самого начала войны с 6 августа 1914 г. вся суконная промышленность была привлечена к работе на нужды военного ведомства. Вследствие этого сукно могло поступать на свободный рынок только из прежних запасов. Помимо прекращения производства на вольный рынок в августе 1914 г. в Нижнем-Новгороде и в октябре того же года в Петербурге и Москве были произведены реквизиции готовых суконных товаров. По примерному подсчету русская суконная промышленность, работавшая на оборону, за весь период войны до революции должна была бы дать населению не менее 85 милл. арш., даже при условии малоинтенсивной работы мирного времени. Фактически же населению не досталось из этого количества почти ничего и население вынуждалось обходиться без сукна уже с первых же лет войны.

Камвольная шерстяная промышленность находилась в довольно благоприятном положении, так как до лета 1916 г. она не подвергалась никаким стеснениям и ограничениям. К моменту начала войны шерстоткацкие фабрики были более или менее обеспечены заграничной и русской пряжей; но в дальнейшем положение изменилось и зависимость ткацких фабрик от камвольных прядилен становилась сильнее, тогда как камвольная прядильная промышленность сама всегда находилась в зависимости от Германского рынка. В связи с этим стоит тот факт, что бóльшая часть прядилен была сосредоточена в Западном промышленном районе. Из 512.212 веретен, имевшихся на 1 янв. 1914 года после занятия Польского района могли сохранить свое производство только 82.334 вер. Вследствие оказавшегося, таким образом, недостатка пряжи бóльшая часть ткацких станков шерстяных фабрик осталась без работы.

С весны 1916 г. вся мериносовая шерсть была взята правительством на учет и как следствие этого, работа прядилен и ткацких фабрик тоже была взята на учет и обращена на нужды обороны. Таким образом, и по отношению к камвольному производству частный рынок должен был значительно сократиться.

Третья отрасль шерстяной промышленности образовалась из предприятий, не имевших возможности во время войны вырабатывать чисто шерстяное сукно вследствие отсутствия в них отделочных отделений, а также вследствие недостаточности в них сырья. К этой же отрасли относятся еще и мелкие разрозненные фабрики, из которых одни имели только прядильные отделения, другие — только ткацкие, третьи — только отделочные. Комитет по делам суконной промышленности путем комбинаций таких отдельных предприятий старался привлечь и эти фабрики к производству на оборону, но только в 1916 г. До этого времени фабрики данной категории работали на вольный рынок; производя товар невысокого качества эти предприятия, пользуясь создавшимся стесненным положением рынка, бросились на спекуляцию: в то время, как суконные фабрики сдавали с пользою для себя чисто шерстяное сукно по 4 р. 95 коп. за аршин, означенная выше група предприятий предлагала свое полушерстяное сукно на рынке по 14—16 руб. за аршин. С переходом под контроль и регламентацию правительства и эта отрасль шерстяной промышленности лишилась возможности свободного снабжения населения тканями.

В этом положении шерстяная промышленность перешла к Временному Правительству, а от него к советской власти.

Не будем здесь останавливаться на состоянии других отраслей текстильной промышленности в России — льняной, пеньковой, джутовой, шелковой и др., так как по отношению к ним за время войны не предпринималось никаких особых мер со стороны старого царского правительства.

Чтобы закончить общий обзор правительственных мероприятий в области текстильной промышленности до октябрьского переворота, тут надлежит еще отметить попытку Временного Правительства впервые ввести мануфактурную монополию.

Озабоченное расроставшейся спекуляцией, Временное Правительство выдвинуло идею монополии, встреченную отрицательно со стороны предпринимателей. Не отрицая наличности спеку-

ляции, и, соглашаясь с необходимостью борьбы с нею, промышленники склоняли правительство вместо монополии установить строгий контроль за частным торговым аппаратом в целях воспрепятствовать получению им несоответственно высоких дивидендов и обеспечить соблюдение всех правительственных распоряжений по нормировке мануфактурной торговли. Но правительство, исходя из того убеждения, что «издание постановлений всякого рода ни к чему не приводит, так как измышления в обходе их — безпредельны» («Торг.-Пром. Газ.», № 149 от 14/27 июля) — решительно стало на сторону государственной монополии.

Основные положения этой монополии сводятся к нижеследующему:

Все мануфактурные товары за исключением тех, которые идут на покрытие заказов военного и морского ведомств и общественных организаций, работающих на нужды государственной обороны, должны поступать в распоряжение правительства в лице уполномоченного министерства продовольствия. Фабриканты об'являют уполномоченному о тех кипах товаров (с об'явлением точного количества), каковые у них готовы к отправке, — по следующим пяти группам: бельевые товары, рубашечно-плательные, одежные, подкладочные и смешанные или штучные товары. Для каждой из этих групп устанавливается строго определенный перечень сортов товара. Министерство продовольствия по собственному усмотрению в определенный срок может или принять товар, или от него отказаться; в этом последнем случае товар поступает в свободную продажу. Если же министерство принимает товар, то оно обязано распределить его согласно заранее составленному плану между отдельными губернскими продовольственными комитетами. Оптовая торговля сохраняется постольку, поскольку она является необходимой для собирания товаров у мелких производителей, как например: у кустарей, раздаточных контор и т. д. Губернские продовольственные комитеты, получив соответствующее количество мануфактурного товара, распределяют его между кооперативами и розничными торговцами, которые и должны были явиться распределительным аппаратом на местах. Вместе с этим предполагалось ввести ограничение в потреблении тканей в форме карточной системы.

Мануфактурная монополия целиком перешла к советскому правительству, приняв форму национализованного производства.

7. Современное состояние текстильной промышленности.

Раньше, чем говорить о современном состоянии текстильной промышленности в России, необходимо остановиться на характеристике общей политики советского правительства в данной области народного производства.

Об'явленный в 1918 г. декрет о национализации промышленности застал уже полный развал всего крупного производства в стране. Недостаток сырья и топлива, необеспеченность денежными средствами по удовлетворению повышенных требований рабочих, общий испуг перед развивавшимся политическим радикализмом крайних течений и сил революции, как мы видели выше, уже со второй половины 1917 г. побуждали предпринимателей закрывать свои фабрики и заводы, перепродавать их и уезжать заграницу.

Вначале советская власть и при об'явлении национализации промышленности оставляла старых владельцев в предприятиях, продолжая обеспечивать их кредитом в форме подтоварных ссуд для расплаты с рабочими и установив за владельцами надзор и контроль со стороны рабочих организаций. К концу 1918 г. под предлогом, что «фабриканты очутились неоплатными должниками казны» правительство окончательно отбирает фабрики в казну; и только с ноября 1918 г. начинается фактическое проведение в жизнь национализации текстильной промышленности; но и до сих пор эта национализация еще далеко не закончена.

В декабре 1918 г. было образовано Главное Правление текстильных предприятий; оно распределило все текстильные фабрики по группам, за которыми привилось название «кусты», т. е. группа предприятий об'единялась с таким рассчетом, чтобы в них мог быть закончен полностью производственный процесс, — сокращая этим излишние перевозки сырья и полуфабрикатов.

Заготовленный текстильными фабрикантами запас нужного им топлива уже скоро подвергся реквизиции, вследствие чего большинство крупных фабрик вынуждено было приостановиться. Этим нарушился и изменился весь первоначальный намеченный производственный план. Первоначально в основу этого плана

была положена мысль сосредоточить работы на крупнейших и лучших предприятиях, обезпечивая тем бо́льшую производительность труда. Но фактически продолжали работать только небольшие предприятия, часто приближавшиеся к типу кустарных. Сначала в 1918 г. «Главтекстиль» разрешил им лишь дорабатывать имевшиеся у них уток, основу и суровье; но так как все они могли удовлетворить свои потребности в топливе местными средствами, то их работа продолжалась не только в течение 1919 г. но и в 1920 г.

Только с восстановлением возможности вновь получать из Туркестана хлопок открылись некоторые перспективы к восстановлению в 1920—21 г. хлопчато-бумажной промышленности. Начиная с февраля 1920 г., постепенно увеличивается число вагонов по перевозке хлопка и с 77 вагонов в марте 1920 г. достигает 1,538 ваг. в июле того же года; общее количество привезенного хлопка в августе 1920 г. составляет уже 1,250 тыс. пуд.

Увеличение заготовок дровного топлива и открывшаяся возможность получения некоторого количества нефти и каменного угля позволили советскому правительству наметить планомерное развертывание хлопчато-бумажных фабрик. Количество веретен, упавшее в середине 1920 г. до 250 тыс., начинает подниматься и дает возможность составить производственную программу уже при работе 1,400 тыс. веретен. Вместе с этим после вынужденного перерыва представилась возможность пустить вновь ряд отделочных фабрик, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить чрезвычайно острую нужду в готовой ткани.

При потребности страны minimum в 2,500 милл. аршин бумажной ткани остатки товарных фондов к январю 1920 г. исчислялись в 825 милл. арш. различных тканей, из них бумажных 397 милл. арш. Для сколько-нибудь полного удовлетворения потребности населения в бумажных тканях потребовалось бы пустить в ход не менее 5 милл. веретен. Фактически же дело обстояло следующим образом:

За первое полугодие 1920 г. всего в стране насчитывалось 88 прядилен с 7,284 тыс. веретен. Полных данных о числе работавших фабрик и о размерах их производства не имеется. Сообщаемые в «Экон. Жизни» (№ 162 от 24 июля 1920 г.) частичные данные за 5 месяцев 1920 г. сводятся к следующему:

Табл. 16-ая.

Месяцы	число прядилен. предст. отчет.	кол. выраб. пряжи
Январь	84	42.520 пуд
Февраль . . .	79	52.175 „
Март	79	55.622 „
Апрель	66	21.631 „
Май	54	15.500 „

Запас пряжи на 1 мая 1920 г. на 66 фабриках определялся всего только в 404.024 пуда.

В области ткачества было национализовано во всей стране 128 ткацких фабрик с 164,700 станками. Была образована «ударная группа», состоявшая из 35 фабрик с 20,376 станками (12%), из них в свою очередь весною (май-июнь) 1920 г. работало только 25 фабрик с 11,446 станками. Ими было выработано суровья (по неполн. данным): в январе — 10,410 тыс. арш., феврале — 12,686 тыс. арш., марте — 10,857 тыс. арш. и апреле — всего только 3,550 тыс. арш.

Сюда относятся еще следующие данные о распределении суровья (в тыс. арш.).

Табл. 17-ая.

Расход суровья	Январь	Февраль	Март
Отправлено в крас. отдел . .	8.285	11.952	7.512
Поступило на рынок	974	502	4.466
Проч	1.054	4.514	7.157
всего	10.313	16.968	19.135

Что из себя представляет последняя категория «проч» и почему так резко менялось количество суровья поступавшего на рынок и чем обусловлено столь значительное увеличение суровья в марте, когда производство его по сравнению с предшествовавшим месяцем сократилось (ср. прив. в тексте данные) — никаких пояснений по этим вопросам в сообщающей вышеприведенные данные «Экон. Жизни» (№ 162, от 24 июля 1920 г.) мы не находим.

Запас суровья на 1 Апреля 1920 г. определялся всего только в 268,398 тыс. арш. или в 1,103 тыс. пуд.

Наконец, в красильно-аппретурной промышленности из 14 фабрик 8 были отнесены к «ударным»; никаких других данных о них не имеется.

По более поздним сведениям («Экон. Жизнь» № 267 от 27 ноября 1920 г.) в управлении Главтекстиля состояло 204 комбинированных хлопчато-бумажных предприятия, в том числе 89 прядильных, 127 ткацких, 92 отделочных и 24 ватных. Согласно разработанному производственному плану из всего указанного числа предприятий должны были работать 30 прядильных, 44 ткацких, 19 отделочных и 6 ватных фабрик. Размер их производства в третью четверть 1920 г. выражается в следующих числах:

Табл. 18-ая.

Производство пряжи:

месяцы	число фабр.	число веретен	выраб. пряжи	% произв. программы
июль	17	294.578	43.543 пуд	18
август	16	289.847	37.027 „	16
сентябрь . .	23	400.186	48.264 „	20

Табл. 19-ая.

Производство суровья:

месяцы	число фабр.	число станков	выраб. ткани	% произв. программы
июль	21	9.628	3.724 тис. ап.	14
август	11	2.054	4.161 „ „	15
сентябрь . .	24	10.570	6.698 „ „	25

В противоположность более ранним данным за первую четверть 1920 г. эти позднейшие данные говорят, как будто, уже о начавшемся первом пробуждении хлопчато-бумажной промышленности, но еще далеко не уверенной в своем дальнейшем развитии. Если по сравнению с теми же месяцами 1919 г. и наблюдается увеличение пряжи на 70%, то очень угрожающим представляется сокращение суровых тканей почти на 52%!

Из приведенных данных вовсе не видно степени производительности этих фабрик. Этот вопрос вызвал в официозных «Известиях» (№ 265 от 25 ноября 1920 г.) резкую критику советской деятельности в данном направлении со стороны самих коммунистов.

Автор помещенной там статьи (А. Бедяков) считает основным недостатком намеченных советским правительством производственных планов — чрезмерное расширение предприятий (стремление сохранить фабрики, как пролетарские организации) за счет повышения производительности и экономии топлива.

Сопоставляя данные о производительности в Англии, в России при старом режиме и в Советской России (на «ударных» фабриках) автор устанавливает следующее соотношение:

В Англии на каждые	1000	вер.	приходится	6	раб. и	1	ткач на	3-4 станка
Прежде в России „	„	„	„	12	„ „	1	„ „	2-3 „
В Сов. России „	„	„	„	свыше 100	„ „	3-4	„ „	1 станок

«Уже из этого видно, замечает автор, что мы далеки от укрепления нашей производственной организации, что развал наших производительных сил неудержимо продолжается».

Разница между вполне возможной производительностью и той, какая намечается правительственной производственной программой выражается след. обр.:

Табл. 20-ая.

Элементы производства	возможно и осуществимо	предположено
число прядильн. фабр.	8 фабр.	30 фабр.
количество веретен . .	1.455.000 вер.	1.432.800 вер.
число ткацких фабр. .	14 фабр.	44 фабр.
количество станков . .	37.500 станков	55.379 станков
число рабочих	72.000 раб.	165.000 раб.
число служащих	3.000 служ.	10.000 служ.
количество дров	35.204 тыс. пуд.	87.185 тыс. пуд.
результат производства (в месяц)	60-70 милл. арш. ткани	40 милл. арш. ткани

При сравнении правительственной программы с указываемой автором возможностью перерасход должен выразиться в 100,000 рабочих пайков и в 150% на топливо.

По позднейшим данным отчета Главтекстиля вследствие недостатка топлива хлопчато-бумажная промышленность в целом находилась в течение всего 1920 г. в таком же тяжелом состоянии, в каком она пребывала в предыдущем 1919 г. («Экон. Жизнь» № 53, от 10 марта 1921 г.).

В заключение приведем некоторые имеющиеся числовые данные по другим отраслям текстильной промышленности.

Льняная промышленность занята почти целиком работами по изготовлению мешечной ткани для продовольственных нужд. Годовая потребность фабрик при 8-ми часовом рабочем дне исчисляется в 2,700 тыс. пуд. волокна. К осени 1920 г. имелось в складах 2,565 тыс. пуд. и на фабриках 2,050 тыс. пуд. волокна, что с урожаем 1920 г., как уже указывалось выше, вполне покрывает потребность фабрик в течение двух лет. Производственный план работы льняных фабрик на период Сентябрь-Декабрь 1920 г. намечал 333,313 веретен и 11,510 ткацких станков, но фактически было пущено в работу 288,222 вер. и 8,778 станков, что составляет по отношению к веретенам 86% планового количества и 74% наличного количества, а по отношению к станкам — 76% планового и 60% наличного их числа.

Согласно плану прядильные фабрики в означенный срок должны были выработать 352,280 пуд. пряжи и ткацкие — около 25 милл. арш. ткани. При этом потребность пряжи для ткацких фабрик определяется в 262 тыс. пуд.

О том, на сколько эти предположительные подсчеты получили себе осуществление в действительности — данных не имеется.

О пеньковом производстве данные весьма скудны. Оно всецело занято изготовлением заказов для главного лесного комитета и для водного транспорта. Производительность пеньковых фабрик за первую половину 1920 г. повысилась на 28% по отношению к предшествовавшему полугодию, но лишь на 2% по сравнению с первым полугодием 1919 г. Отсюда можно заключить, что пеньковый кризис приходится на вторую половину 1919 года, и, что он так или иначе переживается. В производственную программу 1920 г. было включено 15 предприятий с общим производством фабрикатов (канатов, веревок, шпагата) 560 тыс. пуд., и полуфабрикатов (пряжи) 316 тыс. пуд.

Более полные позднейшие данные имеются лишь по отношению к шерстяной промышленности.

Она, как и раньше, работает преимущественно на армию. В течение 1920 г. она пережила три различных момента. Первый момент — с января по апрель — характеризуется использованием оставшихся запасов топлива; второй момент — с мая по август — является моментом наиболее критическим из-за отсутствия топлива, и, наконец, в третий момент — с сентября по декабрь — шерстяная промышленность, снабженная топливом, начинает вновь несколько оживать.

Более отчетливо эти моменты рисуются следующими числовыми данными (Новый Мир, № 88, от 18 мая 1921 г.):

Табл. 21-ая.

Периоды	кол. веретен	кол. станков	средняя месячная выработка
Январь — Апрель . .	91.793	4.772	1.415 тыс. арш.
Май — Август	73.821	3.186	1.455 „ „
Сентябрь — Декабрь	129.989	4.164	2.376 „ „

В основание производственной программы на 1921 г. была положена работа последнего периода. Годовой выпуск готового товара был определен в 37,983,473 арш., что составляет в среднем около 3,156 тыс. аршин в месяц. Это количество соответствует приблизительно $^1/_4$ полной потребности в шерстяных продуктах. За первые два месяца програмного 1921 г. выработка ткани шла удовлетворительно: в январе при 21 дне работы было выработано 2,158 тыс. арш. и в феврале 3,077 тыс. аршин. Но затем наступило всеобщее по России растройство топливного снабжения и пришлось закрыть на весь летний сезон 39 фабрик из 87, работавших до кризиса. Соответственно этому должен будет получиться значительный недобор сукна против количества, намечавшегося по программе.

Это обстоятельство вызывает большое беспокойство среди представителей советской власти; в «Экон. Жизни» выдвигается предложение об об'единении всех национализированных шерстяных фабрик в единый кооператив, который мог бы принять на себя заведывание заготовкой шерсти и топлива. Но такого рода предложения не должны являться единичными случайными мероприятиями, стоящими вне общего планомерного регулиро-

вания всей промышленности, а с нею и всего народного хозяйства страны. И так как вследствие недостатка топлива и продовольственной нужды рассчеты на рост промышленной производительности страны не оправдались, то необходимы более решительные и более общие меры в области всей промышленности.

Весною 1921 г. Центральной Продовольственной Комиссией совместно с главным управлением по топливу был выработан особый план снабжения топливом текстильных и металлургических предприятий. Согласно этому плану решено оставить в действии лишь предприятия, имеющие запасы местного топлива или расположенные на линиях железных дорог, по которым возможен подвоз топлива.

Все предприятия текстильной промышленности разбиваются на три группы: безусловно работающие, приостанавливаемые на неопределенное время и находящиеся под сомнением, т. е. решение о которых откладывается до получения более достаточных материалов.

Из 87 хлопчато-бумажных фабрик с 1 мая 1921 г. закрыто 46 фабрик, в состоянии работать только 22 фабрики и 19 фабрик находятся под сомнением. Вследствие закрытия фабрик выработка в первое полугодие должна сократиться с намеченных 150 милл. арш. ткани до 103 милл. арш.; в лучшем случае, если находящиеся под сомнением фабрики начнут работать — 120 милл. арш. хлопчато-бумажной ткани. Из 155 тыс. человек рабочих, занятых в хлопчато-бумажной промышленности, с 1 мая 1921 г. освобождается 52 тыс.

Из 43 отделочных фабрик могут работать только 22 наиболее крупных предприятия.

Из 87 шерстяных предприятий согласно вышеуказанному плану назначено к работе 26, закрывается — 42 и остаются под сомнением 19 предприятий. Выработка с 17,800 тыс. аршин в первое полугодие понижается до 15,920 тыс. арш. Число рабочих сокращается на 18,700 чел.

Льняная промышленность насчитывает 18 предприятий работающих, 41 — закрытых и 7 — под сомнением. Переработка волокна в полугодие с намеченных 525 тыс. пуд. должна понизиться до 289 тыс. пуд. (Новый Мир. № 72, 1921 г.).

Подробных данных о сокращении предприятий в металлургической промышленности не имеется. Но если судить по отзыву лиц, стоящих во главе советской власти, и в этой области народного производства недостаток топлива и продовольственная нужда должны будут отразиться очень остро.

Так, в своей речи на собрании секретарей коммунистической партии в Москве 14 апреля 1921 г. Ленин открыто признал, что «восстановление промышленности задержалось в громадных размерах, что одинаково относится, как к мануфактуре, так и к металлургии, и что нужно ждать год, а, может быть, и два, — пока запасы топлива будут настолько достаточны, чтобы облегчить производство на всех фабриках».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ТРАНСПОРТ.

1. Общее значение транспорта и его состояние в России до революции. — 2. Железно-дорожное хозяйство. — 3. Транспортная политика советской власти. — 4. Современное состояние транспорта в Советской России.

1. Общее значение транспорта и его состояние в России до революции.

Под транспортом мы понимаем систему мер, направленных на удовлетворение коллективных потребностей населения во взаимном сношении и сообщении. В истории хозяйственного развития народов транспорт играет в течение долгого времени довольно скромную роль: он не выделяется из многообразной общегосударственной деятельности в области мероприятий стратегического или административного характера (военный флот, почта). Только уже значительно в более позднюю историческую эпоху — при переходе от примитивного замкнуто-натурального хозяйства к меновому и к развитому капиталистическому — транспорт выделяется в самостоятельную, все более и более значительную отрасль народного хозяйства, тем самым выступая в качестве нового весьма важного фактора в развитии производительных сил, как отдельных стран, так и всего человечества.

Изобретение парового двигателя в применение к транспорту не сыграло той революционно-разрушительной роли, как в промышленности. Если по отношению к промышленности паровой двигатель с чисто стихийной внезапностью разрушал старые сложившиеся веками формы производства, то по отношению к траспорту паровой двигатель лишь постепенно создавал новые условия для укрепления и развития перевозочных сил и средств. В настоящее время паровой транспорт имеет общемировое хозяйственное значение, являясь необходимым посредствующим звеном в длинной цепи взаимной зависимости между добывающей и обрабатывающей промышленностью, между сельским хозяйством и промышленным производством, вообще. Паровой транспорт, с одной стороны, берет на себя доставку всего, что необходимо промышленности — продукты пропитания для рабочих, сырье для обработки и топливо для самого двигателя; с другой стороны,

с ним связано распределение готовых продуктов промышленности для снабжения ими сельского населения и для усиления производительности того самого сельского хозяйства (машины и орудия производства), из которого черпаются новые продовольственные средства, сырьевые и топливные запасы для промышленности, для дальнейшего, все нового, безпрерывного, по существу, единого процесса национального и мирового воспроизводства. Являясь одним из необходимейших звеньев в этом процессе, паровой транспорт становится значительнейшим обще-культурным фактором, основным нервом не только в прогрессивном развитии какой-либо отдельной страны, но и всего культурного мира: без парового транспорта никогда бы не могло образоваться ни этого культурного мира, ни, им обусловленного, современного единого и целого мирового хозяйства. Если во всякой отдельной стране паровой транспорт является необходимым условием для более тесной связи между городом и деревней, средством втягивания деревни в организованный водоворот хозяйственного процесса, необходимой предупредительной мерой против ренатурализации деревни и вынужденного вследствие того вымирания городской культуры, то по отношению к мировому хозяйству все эти функции парового транспорта возрастают в своем значении во много раз.

Нам, современникам капитализма, трудно сейчас даже себе и представить все то неисчерпаемо огромное значение парового транспорта, какое он может иметь и будет иметь — когда он не будет стеснен путами капиталистических расчетов личной выгоды и личного обогащения.

В этом отношении будущему социалистическому строю могут открыться широчайшие горизонты.

В истории развития транспорта в России мы наблюдаем тот же его общий процесс перехода из относительно узкой сферы чисто государственных задач стратегического и обще-административного характера к более широкой области обще-экономических задач и, при том, не только одной России, но и всего того культурного мира, в котором история человечества уже давно и прочно определила ей свое место.

Как в стране более других отсталой в промышленно-капиталистическом отношении, отмеченное выше обще-хозяйственное значение парового транспорта выступило в России относительно еще очень недавно; и самое развитие его у нас встретило

на своем пути не мало препятствий, вытекавших, с одной стороны, из косности и неспособности органов правительственной власти, а с другой, — из чрезвычайно туго развивавшихся культурных потребностей самого населения.

Из трех основных видов транспорта — гужевой, водный и железно-дорожный (о воздушном пока еще почти вовсе говорить не приходится) — у нас долгое время преобладал первый вид и второй — вследствие чисто естественных условий страны, — представляющей в основной своей массе обширную равнину, лишенную значительных возвышений, богато изрезанную мощными речными системами. Но и по отношению к этим двум старейшим видам транспорта русское правительство проявляло мало забот. Уже с давних пор на Руси была установлена для сельского населения дорожная и почтовая повинность; первая в форме повинности натуральной, вторая с жалким вознаграждением от казны или земства. Удовлетворившись постройкой нескольких наиболее важных дорожных артерий, правительство поспешило тотчас по образовании земств сложить на земские органы всю заботу о дорогах, не считаясь с тем, что весьма скудное средствами и обремененное другими заботами и требованиями местной жизни земство не в состоянии было создать надлежащих условий для гужевого транспорта. Вследствие бездорожья, в особенности, весною и осенью гужевой транспорт сколько-нибудь в значительных размерах процветал, да и до настоящего времени продолжает осуществляться только зимою по снежному пути.

Из всех видов дорог только одни шоссейные сосредоточили на себе, да и то не на долго, внимание правительства. Почти все существующие ныне в России шоссейные дороги были сооружены правительством за счет особых дорожных сборов с населения приблизительно в течение пятидесяти лет. В 1817 году приступлено было к постройке первого в России шоссе — между Петербургом и Москвой, законченное лишь в 1834 году; и уже с 1871 г. вследствие невыгодности казенного устройства и содержания шоссе правительство начало передавать государственные дороги земству. Этим моментом почти и заканчивается дорожно-строительная деятельность правительства, перед которым раскрылась новая задача в транспортном деле — проведение железных дорог.

Отсюда легко об'ясняется та особенность России, которая не имеет места ни в одной стране, что железных дорог у нас больше, чем шоссейных. Если принять длину железных дорог за 1, то повсюду соотношение шоссейных дорог к железным дорогам не спускается ниже 1,3 — причем в некоторых странах поднимается до 4,3 (в Германии), 7 (в Англии) и 10 (в Франции); тогда как у нас оно составляло до недавнего времени лишь 0,6 к общей сети железных дорог, а за последние 20 лет, предшествовавшие войне, это соотношение изменилось еще более в пользу железных дорог.

Война и революция должны были значительно содействовать развитию гужевого транспорта в стране, но никаких мер по обеспечению этого транспорта соответствующим расширением или улучшением дорог предпринято не было. И общий характер гужевого транспорта напоминал положение вещей, которое описывают историки дорожного дела в России в начале 19 века, когда «сплошь и рядом случалось, что возчики, будучи не в состоянии доставить к месту назначения кладь, застрявшую где-нибудь по дороге в болотах, трясинах и непроездных местах, сваливали груз на дорогу и сами разбегались».

Кроме бездорожья развитию гужевого транспорта в последнее время сильно препятствовали недостаток продовольствия для возчиков и корма для лошадей.

Не в лучшем положении находится и водный транспорт в России. Ограничиваясь минимальными потребностями казенного сообщения и сношения, правительство предоставило весь водный транспорт частно-капиталистическим, преимущественно, иностранным предприятиям.

Намеченные еще Петром Великим широкие мероприятия по соединению и улучшению отдельных водных систем в течение протекших двух веков почти вовсе не получили себе осуществления, ограничившись единичными разрозненными попытками. Оставленные без призора и надлежащего попечения эти речные системы быстро портились, высыхали, заносились песком и заболачивались. Водный транспорт падал; речной флот быстро сокращался и введение парового двигателя не особенно сильно и не надолго изменило состояние быстро падавшего у нас водного транспорта.

В таком незавидном состоянии находилось в России транспортное дело, когда вспыхнула мировая война.

Вместо единственно рационального средства — реквизиции

всех судов и сведения водных перевозок к общим основаниям железно-дорожного транспорта — старое правительство и после начала войны долгое время по прежнему продолжало игнорировать этот род перевозок. Но разрушительные действия войны все же вынудили правительство обратить внимание на этот вопрос и через полтора года после начала военных действий 17 января 1916 года основывается особый орган: «Временный распорядительный комитет по водным перевозкам», состоявший из представителей правительственных органов, земского и городского союзов и торгово-промышленных организаций. Пока вырабатывались уставы и наказы этого органа прошел год, вспыхнула революция и комитет по урегулированию водного транспорта исчез с поля общественного внимания; по крайней мере, ни в оффициальных отчетах, ни в периодической печати мы не находим о нем никаких известий, — не смотря на то, что быстро ухудшавшееся положение железных дорог само собою выдвигало на первую очередь вопрос об усилении средств водного транспорта.

Из мероприятий Временного Правительства, относящихся к вопросу о водном транспорте — по скольку соответствующие данные проникли в печать — известна лишь скромная попытка по содействию к развитию торгового флота в форме казенных ссуд на постройку и оборудование судостроительных предприятий.

Наличность значительнейшего собственного торгового флота для России диктуется необходимостью состояния ее хозяйства, как страны вывозящей грузы массовые и грубые (лес, пеньку, железную и марганцевую руды, хлеб и проч. сырье), — не выдерживающие для своего сбыта на заграничном рынке дорогих способов перевозки. В силу этого наше сырье и хлеб экспортировались раньше и могут экспортироваться и в будущем почти исключительно морским путем, так как морские фрахты самые дешевые и перевозка судами наиболее выгодная для массовых грузов, не требующих срочной доставки.

Между тем небогатый и до войны наш торговый флот был окончательно уничтожен войной, уводом в союзные страны и отдачей новорожденным прибалтийским республикам; и перед советской властью стал неотложным вопрос о восстановлении собственного торгового флота. Но в переживаемую тяжелую пору хозяйственной разрухи, естественно, никаких значительных практических шагов к этому еще не делается.

2. Железно-дорожное хозяйство.

Железно-дорожное хозяйство России еще до войны страдало тремя главнейшими недугами: убыточностью, безхозяйственностью и скудостью перевозочной и пропускной способности железно-дорожной сети, при общей весьма недостаточной ее протяженности.

Убыточность железных дорог относится, разумеется, только к казне, так как частному железно-дорожному строительству доходность гарантировалась правительством. На протяжении 60 — 70 лет существования у нас железных дорог царское правительство испробовало более десятка различных систем, представляющих ту или иную комбинацию казенных и частно-капиталистических интересов. Правительство пробовало само строить железные дороги и эксплоатировать их на казенные средства; оно пробовало предоставлять концессии на право постройки и эксплоатации железных дорог частному капиталу; не редко правительство брало на себя постройку железных дорог, а эксплоатацию их предоставляло частному капиталу; гарантируя прибыльность частно-капиталистическому железно-дорожному строительству, казна доплачивала крупные суммы и в конце концов с большой убыточностью для себя выкупала частные железные дороги в казну; для покрытия расходов по постройке и убытков по эксплоатации железных дорог правительство обращалось к невыгодным для себя займам с привлечением иностранных капиталов и т. д.

Все этого рода измышления русской бюрократии, приведшие к чрезвычайной запутанности расчетов казны с ее кредиторами, были вместе с тем связаны с полной безхозяйственностью и безответственностью отдельных сталкивавшихся между собою ведомств. Путейское ведомство управляло железными дорогами, а министерство финансов вторгалось в это управление путем собственного установления железно-дорожного тарифа; эта тарифная политика часто имела покровительственный характер для отдельных железно-дорожных линий, или для отдельных районов или для некоторых родов товаров в ущерб другим линиям и районам или другим товарам, — от чего неожиданно и иногда резко менялось все товарное движение и заставало железно-дорожные управления к этому неподготовленными; достаточно себе

только представить господствовавшую безхозяйственность в перевозках хлеба осенью, или каменного угля, нефти и т. д.

Не смотря на всю железно-дорожную горячку 70-х годов и на продолжавшееся у нас после этого железно-дорожное строительство — отчасти в целях поддержки отечественной металлургической промышленности — длина существовавшей до войны железно-дорожной сети далеко не соответствовала потребностям народного хозяйства. Так, например, в 1908 году, при 140 миллионном населении у нас насчитывалось 60 тысяч верст желѣзнодорожного пути, тогда как в других странах, не говоря о мелких, но даже в такой обширной стране, как Северо-Американские Соединенные Штаты — при 80 миллионах населения длина железно-дорожной сети в шесть раз превышала длину нашей сети.

По отзывам специалистов железные дороги в России всегда нарушали высший и обязательный железно-дорожный технический закон: они провозили груз и пропускали поезда больше, чем то допускается состоянием и снаряжением железно-дорожной сети; и в результате... по ним не провозилось и не пропускалось и того, что могло бы быть провезено и пропущено при строгом соблюдении железно-дорожных технических правил.

Все сказанное выше и послужило основанием для непрекращавшихся жалоб на загромождение железно-дорожных станций, на безконечные пассажирские и транспортные неурядицы, представлявшие обычную картину на русских железно-дорожных путях.

Во время войны, естественно, все это еще более ухудшилось.

По отзывам лиц, стоявших тогда близко к железно-дорожному делу, высказывавших свое мнение в прессе и в многочисленных оффициальных записках и докладах, «железно-дорожные транспортные затруднения в некоторых местностях России (еще до революции) принимали характер надвигавшегося катастрофического бедствия»; и уже тогда многие думали, что «никакими героическими усилиями не устранить железно-дорожного расстройства, и что во всех регулирующих мероприятиях нужно исходить из данного положения вещей, как из непререкаемого факта».

Отсюда, естественно, уже заранее можно было утверждать о бесплодности и паллиативности предпринимавшихся старым правительством мер.

Такие меры состояли в стремлениях к увеличению подвижного состава путем заказов заграницей — в Северо-Американских Соединенных Штатах, Италии и др., в устройстве летучих артелей для ремонта, в усилении штатов служб движения с установлением новых должностей с функциями наблюдателей за исполнением даваемых распоряжений, в введении железно-дорожных «толкачей» для подталкивания перегруженных поездов, в установлении беспрерывного в течение круглых суток производства работ по нагрузке и выгрузке товаров, в введении маршрутных поездов и многое другое.

В связи со всеми этими мерами создавались новые многолюдные учреждения с разнообразными функциями и полномочиями, как например, междуведомственная комиссия при главном интендантском управлении, временный распорядительный комитет при министерстве путей сообщения и др. Однако, все эти учреждения с их «плановыми перевозками», «разрешительными системами» и т. д. не могли удовлетворить даже простой задачи по урегулированию заготовок и по обеспечению того, чтобы грузы не расхищались и не скрывались для спекулятивных целей; полное бесправие, произвол, хищение и взяточничество царили на железных дорогах неограниченно.

В таком безотрадном состоянии перешел железно-дорожный транспорт от царского режима к Временному Правительству. Приняв это тяжелое наследие обанкротившейся царской власти, Временное Правительство не скрывало положения вещей и неоднократно предупреждало население об уже надвинувшейся вплотную железно-дорожной разрухе, угрожающей всему народному хозяйству страны самыми тяжкими последствиями. Но остановить или даже хоть сколько-нибудь задержать быстро развивавшийся процесс разрушения было уже не по силам Временному Правительству. Все, что оно могло сделать, так это констатировать факт расстройства и привлечь иностранных экспертов для постановки диагноза.

По приглашению Временного Правительства весною 1917 года в этих целях в Россию прибыла «Американская железно-дорожная консультационная комиссия» во главе с инженером Стивенсом. После пяти недель своих исследований 4 июля 1917 г. она опубликовала «Обращение к русскому народу», в котором с галантностью воспитанных иностранцев высказала не то, что в действительности думала, а что надо было сказать дружественному и союзному народу в ответ на любезное приглашение и радушный прием.

С той стороны, «что видно», комиссия «констатирует с удовольствием, что русский железно-дорожный персонал имеет серьезную техническую подготовку; работа железных дорог ведется на правильных началах и вообще русское железно-дорожное хозяйство, опирающееся на громадные скрытые богатства и многочисленное население, имеет прочный фундамент».

С той же стороны, «чего не видно» мы находим совершенно иную оценку американцев в отзыве С. Манэвича, опубликованном в «Торг.-Промышл. Газете» 19 сентября 1917 г. (№ 202 и 203). Там мы находим между прочим такие замечания: «техническая необорудованность русских железных дорог поразила миссию инж. Стивенса. Американцы с удивлением знакомились с поистине кустарной приспособленностью нашей рельсовой сети, которая в период мировой войны должна выполнить гигантскую и ответственную работу»... «Поражает та недальновидность и узость главных руководителей железно-дорожного дела (старого) правительства, которые не учли, что работа железных дорог с каждым годом растет, движение становится напряженнее и для удовлетворения возрастающих потребностей железно-дорожная сеть должна непрерывно технически совершенствоваться и развиваться»... «В отношении подвижного состава русская сеть железных дорог оборудована более чем неудовлетворительно. Не говоря уже о крайнем недостатке, как паровозов, так и вагонов, среди действующих паровозов имеется значительное количество, а именно около 25% ветхих, работающих от 40 до 50 лет, изрядно потрепанных, эксплоатация которых допустима лишь в России при ее паровозном голоде».

В этой второй оценке, надо думать более искренней и во всяком случае более откровенной, — мы легко узнаем обычную для нас картину: вступив под давлением внешних обстоятельств на путь высоко-развитой капиталистической техники, Россия (разумеется правительственная, оффициальная, бюрократическая Россия) не идет все время дальше по этому пути, а остается на месте, забывая, что на этом пути нет остановок: кто не подвигается по нему вперед, тот по инерции вынужден катиться назад с опасением очутиться на ступени культуры еще ниже той, на которой он стоял в начале своего пути. Это фатально случилось с Россией: вступив в среду высоко развитых в промышленном отношении капиталистических стран, Россия еще до ударов войны замедлила свой шаг и готовилась остановиться в своем капиталистическом развитии; война и революция тотчас же потянули ее за собою вниз и она очутилась сейчас на стадии более низкой, чем была та, с которой начался процесс превращения России в капиталистическую страну...

Возвращаясь к деятельности Временного Правительства, надо еще заметить, что оно далеко не полностью приняло в исполнение те советы, которые преподала ему американская миссия, указывавшая между прочим, что «некоторое сочетание наиболее целесообразных русских и американских практических методов могло бы внести значительное улучшение в русское железно-дорожное хозяйство» и что «это убеждение разделяют русские инженеры, одобрившие нижеследующие предположения комиссии в области улучшения этого хозяйства».

Предположения американцев сводятся к следующим шести положениям:

1. Необходима более рациональная система составления поездов и более целесообразное распределение и утилизация подвижного состава, при которой можно бы было достичь лучшего контроля и лучшего использования каждого локомотива и вагона, что должно значительно усилить интенсивность движения;

2. Необходимо устройство железно-дорожных сборочных мастерских во Владивостоке, которые давали бы возможность быстро собирать локомотивы из присылаемых Америкой отдельных частей;

3. Установление беспрерывных работ мастерских с целью сокращения находящихся в ремонте локомотивов;

4. Удвоение поденной платы одних дорог другим за вагоны и за простой во время нагрузки и разгрузки с целью противодействовать непроизводительному простою подвижного состава;

5. Образование особого центрального управления материальной частью, на которое было бы возложено распределение всех материалов и частей, необходимых для поддержания непрерывности движения, причем начальнику управления должно быть предоставлено право требовать и утилизировать по своему усмотрению весь старый материал; и наконец,

6. Главное требование — значительное увеличение числа локомотивов и товарных вагонов. Для незамедлительного удовлетворения этой крайне настоятельной потребности комиссия предлагает телеграфировать центральному железно-дорожному

управлению в Вашингтоне о немедленной постройке 2.500 локомотивов и 40.000 товарных вагонов.

Этими заказами Америка кредитовала Россию в размере 750 миллионов рублей золотом.

Наступившая после октябрьского переворота блокада и развившаяся по всей стране гражданская война не дали возможности осуществиться даже самой малейшей доле из намечавшихся мероприятий. Лишь со снятием блокады, на четвертый год своего существования советская власть оказалась в состоянии вновь привлечь иностранный капитал к делу восстановления русского железно-дорожного транспорта.

3. Транспортная политика советской власти.

Транспортная политика советской власти выражается в мероприятиях двоякого рода: в отыскании надлежащей организации транспортного дела и в увеличении перевозочных средств.

Первая из этих задач была еще выдвинута старым царским правительством, еще до войны сознававшим нецелесообразное устройство регулирования перевозок.

Рациональная политика перевозок должна одинаково отвечать обоим основным заданиям транспорта: что́ перевозить и каким способом. Эти два задания определяют собою экономическую и техническую стороны регулировки. До 1906г. регулировка перевозок у нас преследовала лишь техническую цель — лучшую утилизацию подвижного состава. Напряженность работ на некоторых железных дорогах, забитость узлов и станций, хлебные и иные залежи заставили правительство в 1906 г. создать особые учреждения — центральный и порайонные комитеты по перевозкам; основная задача этих новых учреждений состояла «в регулировании работ железных дорог по перевозке грузов, как путем планомерного их вывоза, так и устранения тех причин, которые препятствуют правильной и безостановочной работе железных дорог». С началом военных действий, вызвавших значительные транспортные затруднения, деятельность районных комитетов оказалась недостаточной и правительство решило создать «Особое Совещание по перевозкам» (закон 17 августа 1915 г.), а рядом с ним специальный «Временный распорядительный комитет по перевозкам» (в декабре 1915 г.), в который вошел и существовавший до этого центральный комитет по перевозкам с подчиненными ему порайонными комитетами. Временное Правительство упразднило этот «Временный распорядительный комитет» и все функции по регулированию грузов распределило между прежним Центральным комитетом и его органами и Особым Совещанием таким образом, что первый брал на себя разрешение чисто технических функций, а второе — функции экономического характера. Советская власть сначала решила Особое Совещание уничтожить; и всю работу как по экономической, так и по технической стороне дела сосредоточить в одном Центральном Комитете. Но этот орган один не справлялся с возложенными на него задачами и вопросы экономической регулировки стали разрешаться помимо него целым рядом учреждений — Совнаркомом, Советом Труда и Обороны, комиссариатом путей сообщения и др. В результате получалась чрезвычайная запутанность положения, полная несогласованность отдельных распоряжений, технические трудности их выполнения и т. д. В виду этого в конце 1919 г. вновь был восстановлен Высший Совет по перевозкам, в качестве органа экономической политики перевозок, при том не только железно-дорожных, но и водных. Особого аппарата по управлению делами Совет не имеет и в этом отношении он слит с Центральным комитетом. Однако Совету предоставлено право не только постановлять решения, но и распоряжаться по их выполнению, при чем в качестве его исполнительного органа выступает самый комиссариат путей сообщения.

На ряду с переменами в организации по регулированию перевозок грузов сильно менялась организация и по самому управлению железными дорогами. Так, за время революции можно насчитать пять сменивших один другой периодов по системе железно-дорожного управления.

Февральская революция оставляет всю старую администрацию на своих местах; но, подобно тому, как в общей области государственного управления рядом с органами официальной власти создаются органы «революционной демократии» в форме советов, так и в области железно-дорожного управления рядом со старой администрацией образуются выборные организации служащих и рабочих. Так, между прочим, создается довольно влиятельный орган — «Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников» (Викжель), ставший сразу во враждебные отношения со старой администрацией. Период борьбы Викжеля со старым аппаратом железно-дорожного управления приводит к

господству железнодорожников: в лице их нового органа «викжедора» управление железными дорогами переходит всецело в руки железнодорожных рабочих и служащих в форме создания местных исполнительных комитетов с превозглашением коллегиального начала. Этот период сменяется переходным состоянием от коллегиальности к единоличию, от выборности должностных лиц к их назначению органами центральной власти в лице народного коммиссара путей сообщения; под влиянием этих перемен местные исполнительные комитеты начинают быстро распадаться. Наконец, последний период, продолжающийся до настоящего момента характеризуется централизацией и началом единоличного управления; техническому персоналу предоставляется дисциплинарная власть за полной личной ответственностью; от районных организаций управления переходят к управлению по отдельным линиям.

В связи с указанными выше преобразованиями в деле регулировки самого транспорта, с выработкой нового общего устава Российских железных дорог и с усилением транспортных средств, по мнению советского правительства, дело перевозок грузов и пассажиров начинает выходить из того хаотического состояния, в каком оно находилось в первые два года господства советской власти. Но тут выступает другая сторона дела — быстрое сокращение перевозочных средств и забота об их увеличении.

В виду полного распада транспортного дела советское правительство должно было для осуществления задач по увеличению перевозочных средств прибегнуть к мерам более решительного и радикального характера.

«Бесспорно наш транспорт — и в частности железно-дорожный — развалился; его надо восстановить, воссоздать почти из ничего» — так констатировала положение вещей «Экон. Жизнь» весною 1920 г. (№ 144 от 3 июня 1920 г.).

Чтобы ясно представить себе состояние железно-дорожного транспорта, его быстрое приближение к развалу и усиленное напряжение со стороны советской власти к замедлению этого развала и к его задержанию, необходимо остановиться на некоторых относящихся сюда числовых данных.

Производство наших паровозостроительных и вагоностроительных заводов с началом войны начало быстро падать. Так, четыре главнейших завода — Коломенский, Сормовский, Брянский и Путиловский, работавшие исключительно по выпуску новых паровозов, выпустили их: в 1914 г. — 413, в 1915 г. — 401, в 1916 г. — 173, в 1917 г. — 164, в 1918 г. — 131 и в 1919 г. — 80. В таком же приблизительно отношении падала постройка и товарных вагонов.

В 1913 г. было 20.000 паровозов и 487.000 товарных вагонов. За время войны число паровозов повысилось до 20.881 шт. (ноябрь 1917 г.), число товарных вагонов сократилось к тому же времени до 387.328 шт. Но в то время как больные паровозы к 1 ноября 1914 г. составляли 16% всего числа, а больные вагоны — 3%, на 1 ноября 1917 г. относительная доля больных паровозов повысилась до 27,4% и вагонов — до 6,8%; следовательно фактически число паровозов и число товарных вагонов уже к началу революции значительно сократилось по сравнению с довоенным временем. С началом революции и в особенности после Октябрьского переворота относительная доля больных паровозов и вагонов быстро возрастает, достигая к середине 1920 г. своего кульминационного пункта. Вот, относящиеся сюда данные:

Табл. 22-ая.

Время	% больн. паровозов	% больн. вагонов
Январь 1918 г.	31.1	7.5
Сентябрь 1918 г.	41.5	12.4
Январь 1919 г.	47.7	16.6
Сентябрь 1919 г.	51.5	17.7
Январь 1920 г.	58.1	19.0
Сентябрь 1920 г.	57.1	24.8
Январь 1921 г.	56.7	22.0

Тяжелое положение с продовольствием рабочих, недостаток материала и квалифицированной рабочей силы самым отрицательным образом влияли на производство ремонта подвижного состава. Так, в 1919 г. железнодорожным мастерским и заводам было задано 6.173 паровозов среднего ремонта и 42.390 вагонов, а выпущено ими было 3.076 паровозов и 23.134 вагона.

Количество выработанных часов на 1 рабочего в среднем в месяц приходилось: в 1916 г. — 254, в 1917 г. — 235, в 1918 г. — 159 и в 1919 г. — 170.

Следствием такого положения вещей началось значительно сокращаться число работавших паровозов и длина их пробега. Так, на 100 верст железно-дорожной сети приходится число паровозов и длина их пробега (в верстах):

Табл. 23-ья.

время	количество паровозов (в среднем)	длина пробега
в 1914—15 г.	около 30 паровозов	900 верст
„ 1916—17 г.	„ 27 „	800 „
„ 1918 г.	„ 23 „	800 „
„ 1919 г.	„ 15 „	600 „
„ Январе 1920 г. . .	„ 8 „	395 „
„ Феврале „ „ . .	„ 7 „	378 „
„ Марте „ „ . .	„ 8 „	435 „
„ Апреле „ „ . .	„ 10 „	513 „
„ Мае „ „ . .	„ 12 „	540 „
„ Июне „ „ . .	„ 12 „	590 „
„ Июле „ „ . .	„ 10 „	493 „
„ Августе „ „ . .	„ 11 „	505 „

В таком ужасном состоянии находился железнодорожный транспорт, когда советская власть решилась с особенной энергией приняться за его восстановление.

Еще в апреле 1920 г. было образовано Главное Управление путями сообщения, которое совместно с Высшим Советом Народного Хозяйства разработало подробный план ремонта подвижного состава с таким расчетом, чтобы к 1 января 1925 г. ремонт больных паровозов и вагонов был доведен до нормального состояния. Каждая дорога на каждый месяц текущего года получала определенные задания по ремонту паровозов и вагонов и за выполнением этих заданий устанавливается тщательный надзор. Эти мероприятия были выражены в двух знаменитых приказах № 1042 и 1157 от 22 мая и 2 июля 1920 г., которые вошли в действие лишь со второй половины 1920 г., когда для ремонта больного подвижного состава были выделены особые «ударные транспортные заводы».

Одновременно с этим Высший Совет Народного Хозяйства выработал план изготовления нового подвижного состава и запасных частей на подведомственных ему «ударных заводах». Наконец, советское правительство прибегает к заказам заграницей, главным образом по изготовлению паровозов и по доставке в Россию отдельных необходимых для ремонта железнодорожных частей.

4. Современное состояние транспорта в советской России.

По последним данным, сообщенным комиссаром путей сообщения на Всероссийском совещании по производственной пропаганде в марте 1921 г., состояние железно-дорожного транспорта представляется в следующем виде:

На 1 января 1921 г. имелось на лицо 18.800 паровозов (в 1919 г .— 9.400), из них здоровых 7.700 (в 1919 г. — 3.800). Не смотря на увеличение железно-дорожной сети с 36.000 верст в 1919 г. до 62.000 верст, теперь на один здоровый паровоз приходится около 8 верст, тогда как в 1919 г. приходилось около 12 верст. За отчетный год исправлено 4.884 паровоза и 66.811 вагонов, что превышает намеченную программу на 1.400 паровозов и на 18.000 вагонов, т. е. на 47% и 138%.

Общее количество вагонов на 1 января 1921 г. насчитывается в 454.000, из них 360.000 здоровых, тогда как в 1919 г. вагонов было 268.000 и из них здоровых 218.000. Процент больных вагонов таким образом возрос с 18 до 22; но это обстоятельство об'ясняется тем, что большинство вагонов, полученных из присоединенных районов представлялись испорченными.

Использование железных дорог несколько улучшилось, так как нагрузка увеличилась с 6 тыс. вагонов в 1919 г. до 10 тыс. вагонов в день, достигая в летние дни даже 14 тыс. Паровозы покрывали от 55 до 80 верст ежедневно, на отдельных линиях до 110 верст (масштаб довоенного времени). Пробег вагона в среднем был в 1919 г. 34 версты в сутки, в январе 1921 г. он достит 42 верст. Количество груза, провозимого в сутки одним паровозом выражается в $12^1/_2$ тыс. пуд., а в 1919 г. — 11 тыс. пудов.

Из общего протяжения железно-дорожного пути, подвергшегося разрушению во время гражданской войны (около 46,000 верст) к февралю 1921 г. было восстановлено до 40%; по составленному плану окончательное восстановление всего пути должно быть достигнуто в течение ближайших пяти лет. Шпалы за время войны почти совершенно не менялись. В последнее время удалось заменить лишь незначительную их часть ($5^1/_2$ миллионов) и поэтому было постановлено уменьшить скорость

поездов на линиях, состояние которых неудовлетворительно. Наконец, по плану еще предстоит починить ежемесячно 650,000 телефонных и 318,000 телеграфных аппаратов, чтобы в течение двух лет окончательно восстановить всю существующую в стране телефонно-телеграфную сеть.

Что касается увеличения подвижного состава за счет заграничных заказов, то по последним данным представителя советской России заграницей проф. Ю. В. Ломоносова, уже находится в постройке 1,700 локомотивов, из них 1,000 строится в Германии и 700 в Швеции. Первые Германские паровозы должны были быть готовы к маю 1921 г., а шведские лишь к августу 1921 г. Кроме того в Германии заказано железнодорожных частей на сумму до 12 миллионов шведских крон.

Таковы оффициальные данные. Они позволяют советскому правительству смотреть на будущее без особенной тревоги.

Еще на VIII-м с'езде советов (в декабре 1920 г.) была принята резолюция, которая констатирует, что «величайшая опасность, угрожавшая самому существованию советской республики в виде быстро надвигавшегося паралича железно-дорожного транспорта ныне может считаться в прежней острой своей форме устраненной... Не смотря на то, что общее положение транспорта... продолжает оставаться тяжелым, достигнутые успехи ... создают достаточную опору для дальнейших упорных и планомерных усилий по полному оздоровлению и развитию путей и средств сообщения советской республики».

К такому оптимистическому взгляду, однако, надо относиться пока еще с большой осторожностью: железно-дорожное дело является производным началом, тесно зависимым от всего состояния народного хозяйства. Про железные дороги можно сказать то же самое, что раньше было сказано про промышленность и сельское хозяйство: все это отдельные отрасли одного хозяйственного целого; восстановление каждого из них с железной необходимостью обусловлено восстановлением всех их в их совокупности. Отсюда нельзя говорить и думать о том, что железно-дорожное дело может быть оздоровлено и вновь начать развиваться, если нет уверенности в оздоровлении и в возможности развития сельского хозяйства и промышленности. С особенной наглядностью это проявляется в вопросе о топливе, о котором будет еще речь впереди.

В заключение общего обзора состояния железно-дорожного дела в советской России необходимо отметить, что согласно утвержденному Советом Народных Коммиссаров 24 августа 1920 г. новому уставу железных дорог в России производится попытка почти полной отмены платности перевозок всяких грузов, в том числе и частных; оставлена только незначительная категория лиц и багажа, плата за проезд и перевозку которых еще сохраняется. Остается не решенным однако вопрос о транзитной перевозке иностранных товаров. Выдвигаются два предложения: или введение специальной оговорки соответствующего рода при составлении торговых соглашений с другими странами или вернуться к платности всех частных грузов вообще как отечественных, так и иностранных.

Что касается до других видов транспорта — гужевого и водного — то тут перед советским правительством выступают еще более значительные затруднения, чем при восстановлении железно-дорожного движения.

Дело в том, что водный транспорт в сколько нибудь широких размерах стал доступен советской власти только в навигацию 1920 г. До этого времени главные водные пути еще не принадлежали советскому правительству, или, во всяком случае, не могли быть им использованы для транспортных целей.

В 1918 г. главная водная артерия России — Волга с середины навигации была закупорена знаменитой «Самарской пробкой». Кама еще раньше была занята войсками Колчака. Северная Двина на ряду с Архангельской железной дорогой сделалась главным направлением боев на северном фронте, а Сибирские реки с июня 1918 г. были совсем потеряны для советской власти. Не лучше дело обстояло и в 1919 году, когда Волга была перерезана у Царицына, Кама в первую половину навигации еще не была свободна от военных действий, Северная Двина оставалась в прежнем положении, а к этому еще прибавилось наступление Юденича на Петербург, поставившее Приладожский и Прионежский районы Мариинской системы в положение прифронтовых, а иногда и боевых участков. Только в 1920 году впервые вся сеть речных путей оказалась всецело в руках советской власти.

Отсюда перевозки по бассейну Волги в 1918 г. выразились в ничтожной цифре — около 300 миллионов пудов разных грузов против 1,200 миллионов пудов в навигацию 1917 г. Не лучше

было положение водного транспорта и на других реках отчасти вследствие неудачного опыта выделения в 1918 г. управления водных путей из ведения народного комиссариата путей сообщения с передачей их Высшему Совету Народного Хозяйства; такое распределение транспорта по двум ведомствам чрезвычайно затрудняло согласованность работ железно-дорожных и водных путей.

Результаты навигации 1919 г. были еще менее удовлетворительны: всего было перевезено по Волге и ее бассейну в этом году лишь 172 милл. пуд.; из них более 13 милл. пуд. груза вследствие позднего окончания работы судов не успели дойти до места своего назначения и вынуждены были зазимовать в пути в ближайших затонах.

Навигация 1920 г. не только в отношении свободы плавания, но и в отношении обеспеченности топливом была поставлена относительно в благоприятные условия, если не считать обстоятельств, тормозивших дело вообще во всякой отрасли русского народного хозяйства, как недостаток материалов для ремонта, отсутствие квалифицированных рабочих, продовольственные затруднения и т. д.

По предварительным подсчетам весной 1920 г. предполагалось перевести около 319 милл. пуд. различного груза; фактически же удалось перевести значительно более этого количества.

Вот, относящиеся сюда сравнительные данные по роду и количеству грузов за последние 8 лет по бассейну реки Волги, Мариинской системе и Северной Двине (см. «Экон. Жизнь», № 280 от 12 декабря 1920 г.):

Табл. 24-ая.

Наименование грузов.	Количество грузов (в миллион. пуд.)						
	1913	1914	1916	1917	1918	1919	1920
Главных хлебов	229,0	235,7	227,8	93,2	10,1	18,2	25,5
Соли	51,0	56,2	53,5	50,2	29,6	18,9	23,9
Дров	298,7	309,8	393,7	360,9	161,0	172,8	220,8
Лесн. материал.	867,4	782,6	325,5	305,4	56,9	55,6	90,2
Нефти	246,3	234,3	360,6	316,6	76,6	6,6	83,0
Керосина	82,4	88,0	72,1	68,5	24,0	10,9	22,8
Проч. грузов . .	517,1	443,0	314,3	256,9	83,2	50,9	47,1
Всего	2.291,9	2.149,6	1.747,5	1.451,7	441,4	333,9	513,3

Достигнутое в 1920 г. увеличение количества перевезенных грузов приходится главным образом на дрова, т. е. на топливо для самого транспорта и отчасти на хлеб, как обеспечение продовольствием занятых в транспорте рабочих. Так или иначе быстрое падение водного транспорта, достигшее своего критического минимума в 1918—1919 г., как будто, начинает переходить в некоторое, пока еще правда весьма слабое — повышение.

Но тут выступает грозный вопрос о достаточности перевозочных средств. В течение последних 6 лет новых судов почти не строилось в то время, как срок действия деревянного судна при нормальных условиях не превышает 10 лет. До войны (1912 г.) речной непаровой флот исчислялся в 21.138 единиц с грузопод'емностью в 800 милл. пуд. К моменту национализации торгового флота (конец 1917 г.) насчитывалось 14.482 судна. Наличие непаровых судов, находившихся в распоряжении органов советской власти к 1 сентября 1920 г. сократилось до 10.400 судов с грузопод'емностью ок. 395 милл. пуд. При этом необходимо иметь в виду, что в 1912 г. имелось судов, перешедших за предельный возраст (10 лет), не свыше $1^1/_2$%, в составе же непарового флота России в настоящее время таковых судов числится свыше 50%. Так. обр. фактически надо считать в наличности не более 4000 судов с грузопод'емностью в 160—170 милл. пудов. (Новый Мир, № 111 1921.)

По словам представителя советской власти на вышеуказанном Всероссийском совещании в марте 1921 г., ремонт судов в протекший зимний сезон производился полным ходом и в предстоявшую навигацию должно было выйти не меньшее количество судов, чем их работало в 1920 г. Предполагалось выпустить паровых речных судов 2,116, непаровых 5,886, морских паровых — 840 и непаровых 711.

Относительно морского сообщения надо отметить, что только весною 1921 г. советской власти удается возобновить его впервые после трехлетней блокады. В распоряжении советского правительства насчитывается 27 гаваней, но большею частью разрушенных. Командный состав морского торгового флота совершенно рассеялся и до последнего времени еще не мог быть собран. В этом отношении задача по восстановлению торгового флота еще вся впереди и еще, вероятно, долгое время иностранцы будут в состоянии извлекать большие для себя выгоды по пере-

возке товаров, предназначенных для международного обмена. Эти выгоды иностранцев, конечно, должны будут лечь тяжелыми накладными расходами для всего русского народного хозяйства: такова неизбежная дань нашей хозяйственной отсталости, бедноты и разрухи.

На ряду с железно-дорожным и водным транспортом, имеющими общегосударственное значение, советская власть выделяет особо дело местного транспорта, куда относятся гужевое дело, автомобильное, трамвайное, конно-железно-дорожное и под'ездные пути; к местному же транспорту относят и погрузочно-разгрузочные операции.

В виду переживаемых страною топливного и машиностроительного кризисов правильная постановка и эксплоатация местного транспорта приобретает особенное значение. Между тем и в этом отношении старый режим передал революции довольно жалкое наследие. Из всех видов местного транспорта наибольшее значение имеет гужевое хозяйство. До установления советского режима все гужевое хозяйство находилось в руках многочисленных мелких собственников, ничем между собою не связанных и не об'единенных. Систематические мобилизации людей и рабочих в течение последних 5—6 лет совершенно разрушили гужевой транспорт, а бессистемное проведение эвакуации во время гражданской войны окончательно привело в негодность остававшийся от мировой войны обозный инвентарь.

За недостаточностью транспортных средств советское правительство вынуждено было обратить свое внимание на состояние гужевого хозяйства и декретом от 18 августа 1919 года приступило к его об'единению в руках правительственных органов. Согласно этому декрету заведывание гужевым транспортом возлагалось на местные отделы ВСНХ.

Последовательно проводимое об'единение гужевого транспорта завершилось декретом от 3 августа 1920 г., согласно которому тем же местным отделам ВСНХ передавалось производство всех вывозочных и погрузно-разгрузочных операций. В то же время ВСНХ была поручена разработка технической инструкции по приведению в стране гужевой повинности; такая инструкция была утверждена 17 февраля 1921 г. и в настоящее время проводится по всей территории Советской России.

Все гужевые перевозки правительственных ведомств производятся или собственными обозами или в силу гужевой повинности крестьянскими и частно-владельческими лошадьми. Сколько-нибудь полных и достаточных числовых данных о состоянии гужевого транспорта не имеется и у советских органов власти, как они не имелись и при старом режиме.

В докладе, представленном ВЦИК'у в марте 1921 г., указывается на 45—50 тысяч лошадей, которыми пользуются отдельные ведомства и на 3,3 миллиона голов (лошадей, верблюдов, оленей и волов), которые состоят в распоряжении центрального органа по гужевому транспорту (ВСНХ). За неимением данных о перевозках судить о современном состоянии гужевого транспорта не представляется возможным. Но сами советские органы не скрывают «тяжелого положения местного транспорта, вызванного систематическим шестилетним разрушением его», отсутствием обозного имущества, нехваткой фуража, скудостью продовольствия и т. д. («Экон. Жизнь» № 56, от 15 марта 1921 г.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ТОПЛИВО.

1. Общее значение топлива в хозяйстве народа. — 2. Каменно-угольная промышленность. — 3. Нефтяная промышленность. — 4. Дровяное и лесное дело в России.

1. Общее значение топлива в хозяйстве народа.

Еще Д. И. Менделеев в свое время подробно отмечал положение об относительной роли топлива в зависимости от того, употребляется ли оно для обыденной жизни или для промышленности. В странах более отсталых топливо, как средство согревания жилищ и приготовления пищи «вместе с хлебом, одеждою и жилищем занимает место между предметами первостепенной потребности». Но совершенно иное положение топлива в более культурных странах. Так, в Англии каменный уголь (исключительно применяемый там род топлива) распределяется следующим образом: 40% всего его количества идет на получение и обработку чугуна, 30% — на паровые машины (пароходные, паровозные и при фабриках), 10% — на добычу извести, газа, стекла, соли, сахара и т. п. заводские предприятия и только 20% — для отопления жилищ и для варки пищи.

И исходя из все более возростающего значения горючего материала для промышленности, знаменитый русский химик уже давно предсказывал, что «вопросы, касающиеся топлива, имеют первенствующее значение в экономическом отношении; они должны быть поставлены ныне рядом вслед за вопросами хлебного продовольствия, а в недалеком будущем международное значение горючего материала должно приравняться со значением хлеба».

Не только Россия, но и вся Западная Европа испытывает сейчас на себе то, что Менделеев предвидел уже много десятков лет тому назад.

Россия представляет собою страну многообразного топлива, как твердого — каменный уголь, дрова, торф, горючий сланец, так и жидкого — нефть. Несмотря на богатые источники всех

этих видов топлива Россия не была в состоянии удовлетворять свои потребности в топливе одним отечественным его производством и фатально вынуждалась ввозить значительное его количество из-заграницы, — иногда до 30% всей потребности. Об'ясняется это не только недостаточным собственным производством горючего материала, но и весьма неблагоприятным распределением его по обширной стране со слабыми перевозочными средствами. Известно, например, что вследствие дальней перевозки Донецкий уголь стоил в Петербурге дороже превосходящего его по качеству привозного английского угля.

По роду потребления топлива за последние 20 лет до революции на России вполне подтверждается приведенное выше положение Менделеева о зависимости роста промышленного потребления топлива от общего культурного развития страны. Так, по подсчетам, сделанным для 90-х годов XIX века, общий размер потребления горючего материала (выраженного в каменном угле) достигал тогда 6,345 милл. пуд., из которых 4,182 милл. пуд. приходилось «на бытовые надобности» и только 2,163 милл. пуд. шло на промышленность и транспорт. Другими словами, на удовлетворение топливных потребностей населения тогда уходило до 66% всего добывавшегося в России горючего материала, тогда как в 1916 году из всего количества горючего материала на потребности населения шло только 12%. Но с ухудшением состояния народного хозяйства менялось и это соотношение, что отчетливо видно из следующих данных распределения топлива по всем категориям потребителей (в тыс. куб. саж. дров):

Табл. 25-ая.

Категория потреб.	1916 г.	1917	1918	1919
Население	2.256	2.500	2.517	1.500
Железные дороги . . .	10.730	8.960	3.013	3.021
Водный транспорт . . .	1.022	791	375	375
Балтийский флот . . .	65	50	50	—
Химическ. промышлен.	711		611	459
Пищевая ,,	378	1.350	296	230
Минеральн. ,,	453		274	130
Металлообраб. ,,	1.800	1.300	890	488
Текстильная ,,	1.605	1.426	1.1100	800
Водоснабжение	541	478	352	273
Всего	19.561	16.855	9.478	7.276

Соотношение между отдельными категориями (в %%):

Табл. 26-ая.

Категории	1916	1917	1918	1919
Население	12	14	26	20
Транспорт	60	58	36	46
Промышленность	25	24	33	29
Водоснабжение	3	4	5	5

Наряду с изменением распределения топлива между отдельными категориями потребителей в России наблюдается резкое изменение соотношения между отдельными видами горючего материала.

К концу XIX в. преобладающим видом топлива у нас были дрова и древесный уголь, составлявшие до 73% общего потребления, тогда как на каменный уголь приходилось 18,9%, на нефть — 6,6% и на торф и различные суррогаты 1,5%.

С дальнейшим развитием народного хозяйства это соотношение резко изменилось: на первую очередь выступил у нас каменный уголь и дровяное отопление свелось к совершенно ничтожной цифре; но со времени революции, когда источники минерального топлива были отрезаны от Советской России, в ней вновь выступило значение дровяного топлива. Некоторые относящиеся сюда (к сожалению, не совсем полные и точные) данные иллюстрируют это положение следующим образом («Экон. Жизнь» № 201, 11 сентября 1920 г.):

Табл. 27-ая.

Род топлива	1917	1918	1919
Донецкий уголь (тыс. п.) . .	506.498	126.960	100
Нефть (тыс. пуд.)	230.597	83.052	25.580
Дрова (тыс. куб. саж.) . . .	7.783	6.498	6.317

С 1920 г. это соотношение отдельных родов топлива начинает вновь сильно изменяться, так как советской властью начали восстанавливаться работы в угольных бассейнах и нефтяных месторождениях; но, с другой стороны, как будет видно далее, чрезвычайно разрослась деятельность советского правительства и по снабжению населения, транспорта и даже промышленности дровами; дровяное топливо в последнее время даже в абсолютных числах превышает обычные его запасы в довоенное время.

В период господства старого царского режима у правительства не было единой определенной топливной политики; полагаясь всецело на представителей частного капитала, правительство вмешивалось лишь в отдельные отрасли топлива, противопоставляя свое принудительное властвование слишком алчным аппетитам отдельных капиталистических об'единений. Не было единой топливной политики и у Временного Правительства. Только советская власть впервые пытается подчинить государственной регулировке все виды топлива, образуя единый общегосударственный топливный план заготовки и снабжения. Но по скольку и этот план разбивается на отдельные виды топлива, выдвигаемый вопрос о топливной политике удобнее изучать по каждому из главнейших видов топлива отдельно. Как выше было показано, главнейшими видами топлива у нас являются: каменный уголь, нефть и дрова. Другие виды топлива, как торф и горючий сланец едва только входят в топливные рессурсы Советской России и с точки зрения топливной политики особого значения пока еще не имеют.

2. Каменно-угольная промышленность.

Во всех странах добыча каменного угля представляет собою одну из отраслей народного хозяйства, которая раньше других подпадает под действие крупных частно-капиталистических монопольных об'единений и потому по отношению к ней, естественно, рождается мысль о передаче всего дела в руки правительства. В этом отношении произведенное у нас еще Временным Правительством «огосударствовление» угольных копей, имеет свою длинную историю еще в период царского режима, задолго до революции.

Каменоугольная промышленность возникла в России в самый разгар насаждения у нас капитализма, и своим развитием она обязана главным образом привлечению в страну иностранных капиталов. В последнее десятилетие протекшего столетия в Рос-

сию влилось иностранных капиталов по тому времени на громадную сумму — свыше $2^1/_2$ миллиардов франков; значительная часть этих средств пошла на развитие каменноугольной промышленности в Донецком бассейне и на металлургические заводы.

Долгое время в главном углепромышленном районе — в Донецком бассейне господствовала почти исключительно примитивная кустарная добыча каменного угля, но затем быстро стали там возникать и очень крупные капиталистические предприятия. Так, уже в 1911 году там насчитывалось около 50 предприятий с капиталом свыше 150 мил. рублей. Все более крупные из этих предприятий скоро об'единились в синдикат «Продуголь» для удержания цен на угольном рынке.

Образование угольного синдиката вынудило правительство в лице железно-дорожного ведомства, как главного казенного потребителя угля, принять меры к самозащите, а затем и к открытой борьбе с синдикатом.

Развивавшиеся в стране железно-дорожный транспорт и обрабатывающая промышленность увеличивали свою потребность в каменном угле настолько быстро, что отечественная добыча угля за нею не поспевала и потому, не смотря на богатые каменноугольные залежи, обильно разбросанные по всей стране, Россия часто должна была переживать каменноугольный голод. Этим обстоятельством начал пользоваться образовавшийся угольный синдикат. Ничего не предпринимая для развития и усиления самой добычи каменного угля, он определенно стремился к одному лишь повышению цен на уголь. Недостаточность производства собственных каменноугольных копей промышленники объясняли целым рядом неустранимых обстоятельств, как недостатком в оборотных средствах, отсутствием контигента постоянных рабочих, свойством угля, не допускающего вследствие легкой своей рассыпчатости значительных запасов, стеснительными арендными условиями и др.

Чтобы ограничить аппетиты углепромышленников и сократить расходы казны по железным дорогам, правительство в 1909 г. прибегло к установлению себестоимости угля Донецкого бассейна и в соответствии с этим определило норму цены для казенных закупок. В 1912 г. углепромышленники во главе с «Продуголем», воспользовавшись возросшим спросом на уголь со стороны заводов и других частных потребителей, выражавших

готовность платить за уголь дороже, чем платили железные дороги, нарушили свой договор с правительством и пытались отправлять угольные грузы на склады частных заказчиков. Но эта спекулятивная операция не удалась, так как Харьковский распределительный комитет с согласия министра путей сообщения распорядился весь погруженный для частных лиц уголь отправлять на склады железных дорог в исполнение углепромышленниками взятых ими на себя обязательств по отношению к казне. Не удовлетворившись этим, правительство возбудило против «Продуголь» уголовное преследование и прибегло к закупке угля заграницей по ценам, почти вдвое превышавшим цены в России.

Чтобы не зависеть от частной каменноугольной промышленности и не подвергать себя риску вынужденной покупки дорогого заграничного угля, министерство путей сообщения решило перейти к устройству собственных казенных угольных копей, имея в этом отношении некоторый опыт хозяйственного способа разработки угля на Анжерской копи в районе Сибирской железной дороги.

Еще до этого столкновения правительства с «Продуголем» — в период острого угольного кризиса 1898—1901 г. — в правительственных сферах была уже мысль об устройстве казенных копей. Целесообразность этого мероприятия по борьбе с топливным кризисом мотивировалась тогда приблизительно теми же соображениями, какие выдвигались министерством путей сообщения в 1913 г, а именно:

1. снабжение железных дорог топливом из собственных шахт облегчило бы рынок для удовлетворения других потребителей и тем содействовало бы урегулированию цен;

2. мера эта, ставя железные дороги в положение независимое от состояния частной угольной промышленности и обеспечивая правильное и своевременное снабжение их топливом, тем самым освобождала бы их от необходимости применения при систематически повторяющихся угольных кризисах, такой исключительной и нежелательной с общегосударственной точки зрения меры, как заготовка заграничного угля; и наконец

3. имея собственную копь, казна может составить правильное суждение о действительной стоимости добычи угля.

Как ни рациональны были сами по себе эти соображения, но из этих планов ничего не вышло. При столкновении двух

устоев самодержавия — бюрократии и частного капитала — правительство неизменно склонялось перед уступками этому последнему, ограничиваясь лишь жестом угрозы в такие моменты, когда капитал уж слишком зарывался и восставал даже против питавшей его казны.

Более решительно должно было подойти к вопросу о регулировании угольной промышленности Временное Правительство, когда положение с топливом уже приняло характер катастрофический.

Если в мирное время страна принуждена была переживать угольные кризисы, выражавшиеся в превышении спроса над предложением и в повышении цен на уголь, то во время войны угольный рынок, естественно, не мог не испытать еще бóльших потрясений. Война нанесла удар угольному рынку с трех сторон: она лишила страну некоторого источника угля (Домбровский район), сократила рабочую силу в каменно-угольной промышленности и прекратила или уменьшила приток иностранного угля (немецкого и английского), потребление которого внутри страны часто превышало 500 милл. пуд. при 1.500 милл. пуд. собственной добычи.

Отказавшись от мысли обеспечить все потребное для страны количество минерального топлива в полном об'еме путем повышения производительности или усиления ввоза, правительство с самого начала войны взяло на себя более ограниченную задачу — «обеспечить наиболее целесообразное распределение и доставку угля в стране». В этих целях было создано «Особое Совещание по топливу», которое ведало всеми месячными назначениями Донецкого угля флоту, железным дорогам, металлургическим заводам и т. д. Наряду с этим были приняты меры по обеспечению добычи угля и по ограничению его потребления со стороны частных лиц. В этих видах к работам на шахтах были привлечены военно-пленные, квалифицированным рабочим была предложена отсрочка по призыву в армию, для улучшения добычи каменного угля была учреждена особая инспекция в Донецком бассейне. С другой стороны, в целях ограничения потребления угля населением были установлены твердые цены и приняты меры по непосредственной экономии топлива в форме установления сокращенного срока торговли (экономия электрического и газового освещения) и ограничения времени театральных представлений; сюда же следует отнести и переведение стрелки часов в зимнее время.

Однако всех этих мероприятий скоро оказалось недостаточно и по инициативе Всероссийского Союза Городов в конце 1915 г. правительство решило приступить к реквизиции копей и всех запазов угля в Донецком бассейне. Эта реквизиция привела в 1917 г. к угольной монополии, превозглашенной Временным Правительством.

Внешним поводом к монополизации Донецкого бассейна послужили непрекращавшиеся там еще со времен дореволюционных столкновения между трудом и капиталом. К весне 1917 г. под влиянием революционной волны эти столкновения приняли особенно острый характер и по настоянию рабочих предприниматели были отстранены от непосредственного распоряжения делами на копях. Но в действительности угольная монополия должна была явиться одной из общих мер по обеспечению добычи топлива всех родов, — на ряду с другими мероприятиями, как-то: широкое развитие операций по заготовке леса для снабжения дровяным топливом не только для домашних нужд, но и для нужд промышленности, разработка горючих сланцев ревельского района, развитие разработки угля в подмосковном бассейне, на Урале, возле Елисаветграда и др. местах, помощь частным предпринимателям предоставлением военно-пленных и выдачей денежных субсидий, организация перевозки и доставки материалов и др.

Всеми этими мерами новое правительство стремилось затянуть ту брешь, которая образовалась в деле снабжения страны топливом в результате малопроизводительной деятельности старого царского правительства. В этом отношении, как и во многих других, революция приняла на себя тяжелое наследие быстро надвигавшейся хозяйственной разрухи.

Уже в 1916 г. поступление некоторых видов топлива значительно отставало от расходования, т. е. страна начала жить накопленными за прежнее время запасами. Это относилось прежде всего к донецкому углю, а затем и к нефти. По отношению к последней в 1916 г. были израсходованы не только остатки от прошлых лет, но и часть тех резервов, которые предназначались для расходования в следующем 1917 году до наступления навигации. Таким образом, революция нашла запасы уже истощенными и потому вся наличная потребность в топливе должна была покрываться только текущей добычей и текущим про-

изводством топлива. Отсюда все надежды на улучшение вопроса о снабжении топливом в 1917 г., можно было полагать на возможность увеличения добычи или на изыскание новых источников топлива, которые не были еще использованы ранее.

Все это и было учтено Временным Правительством при составлении топливного баланса на 1917 г., сведенного по той «голодной норме», которою предполагалось снабдить промышленность в первый год революции.

В осуществлении этого баланса значительную роль должна была сыграть и угольная монополия.

Цель монополии была отнюдь не фискальная, как то бывало раньше при введении у нас всякого рода государственных монополий, выражавших собою особую лишь форму косвенного обложения. Цель новой монополии более широкая, социально-политическая: обезпечить (хотя бы и в ущерб казне) топливом предприятия, имеющие особое государственное значение; монополией легче было достигнуть улучшения условий транспорта, лучшей утилизации подвижного состава и т. д.

Схема организации угольной монополии намечалась в следующем виде: все топливо, добываемое на рудниках Донецкого бассейна переходит в собственность государства и поступает в ведение Особого Совещания; это последнее распоряжается распределением угля через свои местные органы — районных уполномоченных по топливу, находящихся в Донецком бассейне и имеющих в Харькове об'единяющий их районный комитет. В основу всей организации было решено положить принцип децентрализации и автономии районов.

На сколько эта схема могла бы оказаться жизненной и сама монополия по распределению угля — с оставлением в руках предпринимателей самого производства — могла бы оказаться успешной, судить не приходится, так как с октябрьским переворотом и отторжением юга от советской власти дела приняли совершенно иной оборот, чем предполагалось раньше.

Данные о состоянии Донецкого бассейна во время междоусобной войны, которой предшествовали такие явления, как германская оккупация, реставрационные попытки Скоропадского, Деникина и прочих — очень отрывочны и случайны. В общем легко себе представить, что положение в Донецком бассейне было очень тяжелым и печальным и в отзывах советских газет по этому

поводу должна находиться значительная правда. Вот, как описывает это положение один из сотрудников «Эк. Жизни» (№ 255, от 13 ноября 1920 г.):

«Годы 1918 и 1919 были самыми неблагоприятными в жизни Донецкого бассейна. Несколько лет потребуется на то, чтобы изжить зло, причиненное за это время каменно-угольной промышленности. Капиталисты, когда шахты переходили в их руки, не ставили проблемы восстановления каменно-угольной промышленности в целом. Время их господства проходило под знаком формирования очистных работ, выбрасывания на рынок возможно бо́льшого количества угля при развитии хищничества».

Работа по об'единению всей каменноугольной промышленности была начата советским правительством еще в 1918 г., когда для того был им создан специальный орган — Главный Угольный Комитет. Но работа эта не могла быть успешной, пока отдельные каменноугольные районы не были прочно закреплены за Советской Россией. Только на четвертый год своего существования советское правительство приступило к планомерному воссозданию разрушенной междоусобной войной каменноугольной промышленности. Задача, которую себе ставил центральный правительственный орган заключалась в упрочении производственно-технической связи с подчиненными органами управления и в централизации учета потребностей производства и регулирования всего снабжения. Частная инициатива была устранена совершенно. Добычу угля было решено сосредоточить в наиболее крупных, лучше оборудованных шахтах; так, из существовавших 1816 шахт после обследованья их было постановлено зарыть 857 и оставить для работ 959 шахт.

Крайне бедственное состояние каменноугольной промышленности Донецкого бассейна хорошо видно из сопоставления следующих данных по добыче угля и антрацита вместе (в тыс. пуд.) по официальным отчетам («Эк. Жизнь» № 267, от 27 ноября 1920 г.).

Табл. 28-ая.

Месяц	1913 добыто	1919 добыто	1920 добыто	1920 намечено	Выполнено в %
Сентябрь	118.200	32.500	25.500	23.000	111
Всего за 9 месяцев	1.101.100	222.000	198.400	196.000	97

Сопоставляя эти данныя о размерах добычи угля с наличностью рабочей силы, приходится констатировать продолжающееся падение производительности. Так, в среднем за 9 месяцев было рабочих: в 1913 г. — 159,7 тыс. человек, в 1919 г. — 90,3 тыс. человек и в 1920 г. — 110,4 тыс. человек, что составляет в среднем на 1 рабочего:

Табл. 29-ая.

Месяцы	1913	1919	1920
Август	650 пуд.	270 пуд.	180 пуд.
Сентябрь	745 ,,	350 ,,	205 ,,

Производительность труда в 1920 г. была ниже даже предшествовавшего ему года.

Таким образом, можно заключить, что Донецкий бассейн еще далеко не вышел из состояния тяжелого кризиса, несмотря на всю энергию, с какою советское правительство принялось за восстановление «красного Донбаса».

Об этом говорит и советская пресса, посвятившая в ноябре 1920 года целые №№ этому вопросу. Так, командированный для осмотра Донецкого бассейна Альперович в своем докладе Высш. Сов. Нар. Хоз. говорит определенно: «положение бассейна — близкое к гибели. Самым трагическим является полнейшее отсутствие каких бы то ни было запасов необходимых для эксплоатации рудников материалов, как то канатов, ламп, инструментов и т. д. Еще более остро стоит вопрос с силовым хозяйством: примерно из 3.000 котельных установлений вполне исправных не более 30; остальные установки работающих шахт, числом около 1000 требуют немедленного и серьезного ремонта»...

«Угольную промышленность, замечает другой сотрудник «Эк. Жизни» (№ 201, от 11 сентября 1920 г.), необходимо строить заново, строить стремительно, бросив в нее все рессурсы страны, все возможности и все лучшие силы. Она должна быть защищена от случайных сторонних и неопытных влияний, ей должны быть предоставлены все материальные преимущества и приоритет во всем, к ней должны быть привлечены наиболее энергичные, опытные и высоко грамотные работники, инженеры, организаторы

промышленного дела и наиболее преданные, искренние и отдающие себе отчет во всех тонкостях этого дела советские и партийные работники».

Однако, пока, призывы подобного рода могли мало помочь делу вследствие уже одного недостатка в обезпечении продовольствием.

«Снабжение Донецкого бассейна продовольствием оставляет желать лучшего» («Эк. Жизнь» № 245, от 2 ноября 1920 г.). На ряду с недостаточностью пропитания шахтеры совершенно не были снабжены одеждою и обувью. Учрежденные профессиональным союзом горнорабочих тарифные ставки сыграли лишь отрицательную роль в поднятии производительности, так как вследствие их уравнительности начала исчезать важнейшая категория шахтеров — забойщиков и т. д. (см. ст. Ксандрова в газете «Правда» 27 октября 1920 г.).

Для восстановления производительности Донецкого бассейна в конце 1920 года был образован специальный междуведомственный орган, распорядившийся прежде всего снабжением рудников надлежащим оборудованием, для чего, между прочим, были взяты паровые котлы из других различных предприятий и даже с военных судов.

Несколько в лучшем состоянии находятся другие каменноугольные районы, не игравшие ранее особенно значительной роли в общем производстве каменного угля в стране.

Так, в Подмосковном районе, находившемся все время в руках советской власти, удалось относительно скоро и успешно справиться с основными элементами постигшей и этот район хозяйственной разрухи. В этом районе многие годы господствовало полукустарное, хищническое, отсталое рудничное хозяйство, развивавшееся в более значительном масштабе лишь спорадически, — в период особенного повышения спроса на уголь, а затем вновь сокращавшееся в годы обостренной конкуренции с Донецким бассейном. В общем производительность Подмосковного района никогда не была особенно велика; так в 1907 г. она достигла 22 милл. пуд., но затем в 1910 г. упала до 13—14 милл. пуд. в год.

Лишенная других источников минерального топлива, советская власть с тем большим рвением принялась за усиление работы в Подмосковном угольном районе. Началось с разведочных работ, раньше почти не производившихся, и обнаружились совер-

шенно неожиданные по своему значению возможности развития добычи угля в этом районе, так незаслужено пренебрегаемом раньше. Обследование обнаружило запасы угля до 500 миллиардов пудов, тогда как раньше (1913 г.)считали эти запасы в 95 миллиардов пудов.

Добыча в 1921 году определяется в 56 милл. пудов и должна представлять «первый шаг в осуществлении большой календарной программы, которой предусмотрено доведение валовой добычи бассейна к 1925 г. до 200 милл. пудов в год» («Эконом. Жизнь» № 225, от 13 ноября 1920 г.).

В этих целях уже произведен целый ряд работ, как проложение многих новых шахт, постройка районных электрических станций, прокладка новых ширококолейных под'ездных путей, постройка домов рабочих и т. д.

Общее состояние Подмосковного угольного района характеризуется следующими цифровыми данными:

Табл. 30-ая.

Периоды	1918		1919		1920	
	число рабоч. тыс.	добыто угля тыс. п.	число рабоч. тыс.	добыто угля тыс. п.	число рабоч. тыс.	добыто угля тыс. п.
I-ое полугодие .	7.7	12.273	12.5	11.872	14.2	15.533
Июнь-Сентябрь	5.9	4.275	13.1	3.327	13.5	9.138
Октябрь-Декабрь	9.1	6.861	16.1	6.970	16.0 [1]	12.000 [1]
Среднее за год.	7.3	23.373	13.5	22.169	14.5 [1]	36.670 [1]

Производительность труда в 1920 г. возросла по сравнению с 1919 г.: в первое полугодие 1920 г. в среднем на 1 рабочего приходится 185 пуд. в месяц, а во второе полугодие 1919 г. приходилось 138 пуд.; но по сравнению с 1918 г. производительность 1920 г. уменьшилась.

Каменноугольная промышленность на Урале и в Сибири тоже значительно возросла по сравнению с дореволюционным временем, когда на эти районы не обращалось почти никакого внимания ни со стороны центрального правительства, ни со стороны частного капитала. Организация рудников и в этих районах еще далеко не завершена и в них идет пока еще лишь

[1]) приблизительно.

подготовительная работа. И тем не менее общее состояние этих районов несравнимо лучше положения основного источника минерального топлива — Донецкого бассейна.

Вот, относящиеся сюда данныя («Эконом. Жизнь» № 267, от 27 ноября 1920 г.).

Табл. 31-ая.

Добыча угля на Урале (в тыс. пуд.) за 9 месяцев.

Районы копей	1916	1919	1920		%
			намеч.	выполн.	
Кизельский . . .	4.831[1])	7.941	13.100	11.290	86
Челябинский .	733[1])	14.107[2])	17.300	21.493	124
Егоришинский.	215[1])	1.337	2.135	2.270	106
Богословский .	1.500[2])	8.740	7.500	5.730	76
Всего (прибл.)	13.000	32.125	40.035	40.783	100

Табл. 32-ая.

Добыча угля в Сибири (в тыс. пуд.) за 9 месяцев.

Районы копей	1917	1919	1920		%
			намеч.	выполн.	
Анжерка	2.325[2])	14.056	10.550	13.893	132
Судженка	2.585[2])	14.218	10.750	12.769	119
Кузнецк. бас. .	1.485[2])	8.543	8.650	11.125	127
Черемхово. . . .	6.400[2])	27.080	?	22.341	?
Всего	12.795[2])	63.897	—	60.128	126

В заключение надо отметить, что до последнего времени вследствие недостаточности геолого-разведочных работ в России отсутствовали точные данныя о запасах угля в стране. Продолжавшиеся во время войны этого рода работы получили при советской власти очень значительное для себя развитие. В декабре 1920 г. геологический комитет свел результаты работ последних лет воедино и им впервые устанавливается точный запас ископаемых углей России. Этот новейший подсчет очень резко отличается от соответствующих данных прежнего времени.

[1]) за вторую половину года.
[2]) за год в среднем.

Так, все запасы — действительные, вероятные и возможные определялись в 1913 г. в количестве 225.106,3 милл. метр. тонн, тогда как по подсчетам 1920 г. это количество фактически превышает более чем вдвое, а именно:

действительные	запасы	определяются	в	37.950,7	милл. тонн
вероятные	„	„	„	58.367,6	„ „
возможные	„	„	„	377.580,5	„ „
			Итого	473.898,8	милл. тонн

Увеличение запасов произошло почти исключительно за счет Азиатской России, главным образом, Сибири (Кузнецкий бассейн), Киргисской степи и Амурской области. В Европейской России более точно учтены запасы Подмосковного бассейна, оказавшиеся в 8 раз более, чем в 1913 г.

Изменение касается не одного только количества запасов, но и распределения по отдельным сортам угля.

Так, принимая устанавливаемую геологическим комитетом группировку всех ископаемых углей в России, мы получаем следующие данные (в милл. тонн):

	1917	1920
1. Антрацит и некот. тощие угли .	37.629,2	37.662,7
2. Битуминозные (коксовые, кузнечные и др.)	182.865,8	323.795,1
3. Бурые, полубитуминозные и др. .	2.033,0	126.410,1

Таким образом, увеличение запасов произошло, главным образом, за счет второй и третьей групп и не коснулось более точно исследованной ранее первой группы, что стоит в связи с выше отмеченным географическим распределением каменного угля вне пределов Европейской России. Месторождения угля в Европейской России и раньше настолько подробно были изучены, что теперь с полной уверенностью можно сказать, что в дальнейшем тут нельзя ожидать каких бы то ни было значительных изменений в запасах коксующихся углей, — в особенности важных для металлургической промышленности. В этом отношении уже можно считать навсегда предрешенным вопрос о судьбе нашей металлургии, развитие которой было тесно связано на юге с Донецким коксом, а на Урале с древесным углем. И в своем дальнейшем развитии южная металлургия может исключительно опираться

на коксующиеся угли Донецкого бассейна; но металлургия Урала должна и может получить кокс из Сибири: северный и средний Урал из Кузнецкого бассейна, а южный из Киргисской степи.

3. Нефтяная промышленность.

Нефтяное дело, как производство осветительных продуктов, смазочных масел и жидкого топлива, принадлежит к одной из самых юных отраслей хозяйственной жизни не только в России, но и вообще во всем культурном мире. Первая обработка нефти в России относится к концу 50-х годов, т. е. к тому самому моменту, когда впервые была найдена нефть в Северо-Американских Соединенных Штатах и открыт был способ ее утилизации не в натуральном виде, а в перегоночном и очищенном химическими реагентами. Только с этого времени и ведет свое начало нефтяная промышленность, как отрасль крупного производства.

Своим возникновением и развитием нефтяная промышленность в России всецело обязана деятельности иностранного капитала. В этом отношении нефтяное дело тесно связано с именем шведа Роберта Нобеля, основавшего в 1872 г. первое и самое значительное акционерное предприятие «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель». Историк нефтяной промышленности в России Б. Ф. Брандт (см. его «Иностран. капитал» ч. II) при этом отмечает любопытную черту, ярко рисующую инертность и неспособность русских капиталистов, как раз посещавших Баку в то время, как начинал свое дело шведский капиталист, но не понявших суливших им выгод и решительно отказавшихся вложить свои средства в нефтяное дело.

Что касается правительства, то еще Петр Великий с переходом бакинского ханства во владение русских в 1723 г. с присущей ему прозорливостью обратил особенное внимание на нефтяные источники. В своем приказе генералу Мотюшину, взявшему приступом Баку, Петр Великий пишет: «Белой нефти тысячи пуд или сколько возможно прислать, да поискать здесь мастера». Как известно, с 1735 года Баку вновь был возвращен Персии и только с 1813 г. был опять присоединен к России. С этого момента до 1825 г. все нефтяные колодцы отдаются казной в откупное содержание за 130 тысяч рублей в год. С 1825 г. устанавливается казенное управление нефтяными источниками и доход казны сокращается до 75 тысяч рублей в год. Впоследствии

казенное управление часто вновь сменялось откупной системой, когда, наконец, в 1872 г. откупная система совершенно уничтожается и все нефтяное дело, как указывалось выше, переходит в руки иностранного капитала, — скоро, впрочем, тесно слившегося с отечественным капиталом. Казна удовлетворялась при этом обложением продуктов нефтяного производства в форме акцизов и получением подесятинной платы при отводе казенных нефтяных участков.

Общая добыча нефти до войны достигала 600—700 милл. пуд. в год с числом рабочих достигавшим 26—27 тысяч человек. Нефтяная промышленность насчитывала до 150 заводов нефте-перегонных, нефте-обрабатывающих и выделывающих осветительные смеси из нефтяных материалов. Общая цифра производства достигала до 125 милл. пуд. осветительных масел, 350 милл. пуд. нефтяных остатков и до 16 милл. пуд. смазочных масел и прочих продуктов. Вывоз нефтяных продуктов и сырой нефти из Бакинского района определялся в 450—500 милл. пуд. нефтяных продуктов и 25—30 милл. пуд. сырой нефти.

После Северо-Американских Соединенных Штатов Россия занимала второе место по добыче нефти во всем мире: в 1903 г. в Северо-Американских Соединенных Штатах было добыто 12,7 милл. тонн, а в России 10,4 милл. тонн, тогда как на все остальные страны мира приходится всего только 3,7 милл. тонн.

Надо заметить, что было время, когда Россия занимала почти монопольное положение в мировой добыче нефти и на нефтяном рынке. Но недостаточность капиталов, нерациональное использование и утилизация нефти, слабая оборудованность сбыта нефти заграницу обусловливали все более заметное падение нефтяного дела в России.

Никаких мер по поднятию нефтяной промышленности не было принято и за время войны — ни при старом царском режиме, ни при Временном Правительстве.

Что касается советской власти, то уже в первый год ее существования районы добычи нефти оказались в процессе гражданской войны, а позже и совершенно отрезанными от Советской России до начала 1920 г.

К началу Октябрьского переворота нефтяные рессурсы государства составляли около 200 милл. пуд. (на Волжских пристанях). Операционный 1917—1918 год в смысле снабжения нефтяными продуктами окончился еще хотя и с нехваткой, но без голода. В 1918 г. положение резко меняется к худшему: общий итог отправки из Астрахани в навигацию этого года свелся к 84 милл. пуд. всех нефтепродуктов против 308 милл. пуд. в 1917 г. В стране наступил нефтяной голод. Советская власть попыталась обратиться к разведкам в новых и малоисследованных областях Ухтинского края и нижнего Поволжья, но практических результатов эти разведки не дали.

Весь фонд 1918 г. состоял из 95 милл. пуд. жидкого топлива, иссякшего уже к началу 1919 г. Неизбежным следствием явилось прекращение целого ряда работ в Москве. Правительство обратилось к чрезвычайным мерам: прекратилась совершенно выдача керосину населения, имевшийся запас его около 10 милл. пуд. был отдан промышленности; когда иссяк этот запас, начали сжигать еще более ценный продукт — машинные масла. Общий итог самой нефти, полученной с Волги, составлявший 85 милл. пуд. против 248 милл. пуд. в нормальное время (среднее за 1912—15 г. г.) был распределен между железными дорогами (40 милл. пуд.), Волжским флотом (18,8 милл. пуд.) и промышленностью (25—30 милл. пуд.).

Операционный год с мая 1919 г. по май 1920 года прошел под знаком еще большого нефтяного голода, принявшего уже чрезвычайно тяжелые и мучительные формы. Запасы к маю не превышали 7 милл. пудов; завоза на Волгу в 1919 г. не было вовсе, отпуск даже двигателям внутреннего сгорания не превышал 10—15% потребности; а о нефтеснабжении, как таковом, не могло быть и речи. По выражению «Эконом. Жизни» (№ 250, от 7 ноября 1920 г.) «приходилось ограничиваться дележкой крох».

Выход из этого мучительного кризиса стал обнаруживаться уже только с середины зимы 1919 г. Весною 1920 г. был окончательно занят Баку, откуда хлынуло на Волгу до 300 милл. пуд. накопившейся там нефти.

С занятием нефтяных источников нефтепромышленные предприятия были тотчас национализованы советской властью и для дальнейшего производства нефтяных продуктов был составлен общий государственный план.

По официальным отчетным данным добыча нефти со времени национализации — с 1 мая 1920 года по 1 января 1921 г. по отдельным районам выразилась в следующих числах:

Табл. 33-ья.

Районы	количество нефти
Баку	103,3 милл. пуд.
Грозный	45,4 ,, ,,
Эмба	1,9 ,, ,,
Фергана	0,7 ,, ,,
Куб-Черном. район	0,7 ,, ,,
Итого	152,0 милл. пуд.

Общее сокращение нефтяной промышленности всех районов независимо от того, в чьих руках они находились, за последние два года по сравнению с довоенным временем, выражается в следующих цифрах:

Табл. 34-ая.

Районы	1913	1919	1920
Баку	467.8 милл. пуд.	225.3 милл. пуд.	175.8 милл. пуд.
Грозный	73.7 ,, ,,	37.7 ,, ,,	52.3 ,, ,,
Эмба	6.0 ,, ,,	1.3 ,, ,,	1.9 ,, ,,
Фергана	2.6 ,, ,,	1.3 ,, ,,	1.2 ,, ,,
Куб-Черном. р. . .	4.8 ,, ,,	3.3 ,, ,,	1.5 ,, ,,
Итого	554.9 ,, ,,	268.9 ,, ,,	232.7 ,, ,,

Из этих данных видно, что еще до господства советской власти производство нефтяной промышленности в 1919 г. сократилось почти на половину по сравнению с мирным временем. Это сокращение обусловлено, главным образом, значительным понижением числа производительных скважин.

К концу 1920 г. таких скважин было в Бакинском районе 967, в Грозненском — 103 и в Урало-Эмбинском 8, тогда как в нормальных условиях на одних только главных площадях Бакинского района эксплоатировалось около 3.500 скважин, в Грозненском — около 400 и в Урало-Эмбинском около 100 скважин. Сокращение числа производительных скважин наблюдается во всех промысловых районах в течение всего периода войны и является результатом постепенного прекращения буровых работ и выбытия из строя старых скважин. Этот процесс в период гражданской войны был доведен до катастрофических размеров и привел не только к понижению производительности промыслов, но и к прогрессирующему затоплению продуктивных горизонтов водою, что угрожает гибелью самих месторождений.

Продолжавшиеся в 1920 г. работы по бурению новых скважин дали до сих пор ничтожные результаты. По всем районам за период национализации проходка выразилась всего лишь в 1303 сажени, тогда как в довоенное время проходка в Баку и Грозном исчислялась десятками тысяч саженей в год. Главнейшие причины почти совершенно прекратившихся буровых работ сводятся к недостатку рабочих рук и к отсутствию необходимых материалов.

Что касается заводского производства, то по двум главным районам имеются следующие сравнительные данные:

Табл. 35-ая.

Районы	1913	1919	1920 (с 1 мая по 31 дек)
Бакинский . . .	321.0 милл. пуд.	122.9 милл. пуд.	58.4 милл. пуд.
Грозненский . .	56.3 ,, ,,	28.2 ,, ,,	13.7 ,, ,,

Из нефтеперегонных заводов внутренней зоны работали в 1920 году, да и то начиная только с осени, лишь два наиболее крупных и хорошо оборудованных завода, переработавшие 1.241 тыс. пуд. нефти.

Не смотря на расстройство водного транспорта за кампанию 1920 года удалось вывести нефтефлотом из Баку более 148 милл. пуд. и из Петровска более 10 милл. пуд., всего, следовательно, более 158 милл. пуд. нефтепродуктов.

С окончанием навигации было приступлено к ремонту нефтяного флота с таким расчетом, чтобы в ближайшую навигацию можно было бы перевести не менее 250 милл. пуд. Учитывая это обстоятельство было решено постепенно увеличивать производство нефти, доведя это увеличение до 13 милл. пуд. в месяц. Выше этого выработку нефти поднимать не предположено в виду отсутствия достаточного количества хранилищ и слабости транспортных средств. К концу 1920 г. запасы нефти достигали 210,6 милл. пуд., что значительно превышает силы наличного транспор-

та, в виду чего с открытием границ представилась полная возможность вывозить нефть заграницу. Но за этим видимым запасом скрывается серьезная опасность для будущего, о которой говорят и советские газеты.

«Нефтяная промышленность несомненно переживает и в настоящее время тяжелый кризис; но размеры его можно будет реально почувствовать только через год, когда исчезнут накопившиеся запасы и на их место не поступят в достаточном количестве новые продукты из-за падающей производительности и сокращения труда».

«Только в том случае, если удастся доставить прозодежду и продовольствие, прекратится уход рабочих и удастся обезпечить 1922 г. и последующие годы достаточным количеством добычи нефти. Тоже самое относится и к работникам нефтефлота» (Нов. Мир № 50, от 31 марта 1921 г.).

На ряду с этим необходимо озаботиться соответствующим оборудованием нефтеперегонных заводов и получением технических материалов для буровых работ. Переживаемый кризис может разрешиться только усиленным и упорным напряжением труда.

4. Дровяное топливо и лесное дело в России.

Третий из основных видов топлива — дровяное — тесным образом связано с общей лесной политикой и положением лесного хозяйства в России.

Уже давно стало общепризнанным положением, что леса России — одно из величайших ее достояний, — но такое достояние, которое ни правительство, ни частныя производительныя силы не в состоянии использовать в надлежащей степени. При лесных пространствах в 500 миллионов десятин, составлявших почти $^1/_3$ всей мировой лесной площади, доходу от лесного хозяйства в денежный оборот страны поступало едва какая либо сотня миллионов рублей в год, из которых казне, являвшейся собственником преобладающей части лесов, доставалась самая ничтожная доля. Между тем рациональная эксплоатация лесных богатств, как уж давно на это указывалось специалистами, могла бы одна легко покрыть собою весь годовой бюджет государства в довоенное время.

Одно только использование двух северных лесных губерний — Архангельской и Вологодской — может дать до $8^1/_2$ милл. куб. фут. лесных материалов, а весь мировой отпуск леса в 1913 г. составлял 1,7 милл. куб. фут.

Фактически же до последнего времени лесное дело на севере, занимая 56 лесных заводов с 15 тысяч. рабочих, давало годовой оборот едва в 30 милл. рублей. Отличительная особенность нашей лесной безхозяйственности — это вывоз исключительно одного сырья; сухая перегонка дерева почти совершенно отсутствует и отбросы производства не утилизируются вовсе, хотя тут же соседняя Финляндия строит почти все свое народное благосостояние на лесном хозяйстве.

Печальное положение русского лесного достояния характеризуется тем обстоятельством, что главные лесные богатства составляют собственность казны, которая с преступной близорукостью не обращала почти вовсе никакого внимания на это свое достояние, не умея и не желая подойти к нему, как следует. Для правительства, занимавшегося высокими задачами по насаждению капитализма в России, лесное хозяйство казалось делом не важным; о нем никто так громко не кричал, как о фабриках, железных дорогах, земельном вопросе — и правительство оставалось, как будто, даже довольным тем, что его не тревожат.

Были в России и специальные лесные учреждения, но мало кто знал, — да мало кто и интересовался узнать, что делают эти учреждения? Так, более ста лет существовал очень скромный Лесной Департамент; заведывал он «лесной частью», но рядом с этим он ведал и многие другие дела, очень далекие от «лесной части»; так, например, на него возлагались дела об аренде оброчных статей, земельных и неземельных, заведывание Гагринской климатической станцией, отвод в аренду участков под постройку дачных помещений, устройство дачно-культурных участков на Черноморском побережьи, заботы об открытии на казенных землях минеральных источников и мн. др. Не трудно видеть, что все эти разновидности государственных имуществ не имеют ровно никакого отношения к казенному лесному хозяйству и потому вполне естественно, что это последнее хирело и отступало все более на задний план. Даже введение конституционного режима не могло пробудить дремавшие департаментские силы для более успешного управления «лесной частью».

На ряду с Лесным Департаментом существовало еще очень древнее и очень почтенное учреждение под наименованием Лесного Специального Комитета, основанного еще в 1826 году, с

состоявшим при нем особым ученым бюро. На Комитет возлагалась обязанность рассмотрения лесоустроительных планов с научно-технической точки зрения, а бюро занималось подачей «указаний и нужных советов по возбуждаемым частными лицами вопросам справочного характера». Правда, кроме этого на бюро ложилось «заведывание опытным лесным делом». Но как могло осуществляться это заведывание можно судить по тому, что Комитет вместе с бюро имел в своем составе только одного постоянного специалиста в лице члена, заведующего делами бюро; председатель Комитета и три других состоящих по штату члена специалиста «не имеют возможности отдать себя всецело этому делу, ибо занимают одновременно другие должности». Нужно ли после того говорить о местных учреждениях по лесному ведомству? Об их численности и работах можно судить по указанным центральным органам. Не удивительно, что до самого последнего времени мы не находили никаких планов и никакой лесной политики вообще со стороны старого царского правительства.

Во время войны под сильным воздействием приближавшегося топливного кризиса царское правительство озаботилось создать упомянутое уже раньше «Особое Совещание для обсуждения и об'единения мероприятий по обезпечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны». Старая власть считала необходимым в первую очередь позаботиться об обезпечении топливом железных дорог; в силу этого дело снабжения топливом было передано прежде всего министру путей сообщения, который был назначен руководителем состоявшего при Совещании «Главного Комитета». Между железнодорожным ведомством и частным лесопромышленным заготовительным аппаратом почти тотчас возникли трения и недоразумения. Занятая по отношению к промышленникам «враждебная позиция» не замедлила повлиять понижающим образом на дровянные заготовки. Тому же способствовали и разрозненные действия как самих лесопромышленников, так и различных казенных учреждений, занятых заготовкою дров и необ'единенных между собою ни единством плана, ни единством управления. Чтобы ввести в создавшийся хаос некоторое прочное единство действий правительство решило создать другой орган «Центральный Комитет по заготовкам дров и строительных материалов для железных дорог», прозванный для краткости «Центролесом». Но открытие этого Комитета состоялось уже во время революции при Временном Правительстве.

Временное Правительство проявило бóльший интерес к состоянию лесного хозяйства, чем старое царское правительство. При нем уже определенно выяснилось, что для оживления и расширения лесных операций севера необходимо привлечь крупные капиталы, что дело надо создать заново и сразу в крупном масштабе. Кредитование лесных операций, производившееся преимущественно английским капиталом, представлялось для лесопромышленников тяжелым и невыгодным. На ряду с необходимостью крупных капиталов важно было озаботиться развитием уже имевшихся и созданием новых путей сообщения, особенно водных. Вопрос об обезпечении техническим персоналом и машинами также составлял одно из существеннейших условий развития лесного хозяйства. Наконец, для планомерного расширения лесного дела было необходимо создать собственное машиностроение для постройки средств перевозки в форме значительного торгового флота.

Все это требовало значительнейших капиталов и для привлечения их Временное Правительство наметило широкий план лесных концессий. План этот начал осуществляться значительно позже уже при господстве советской власти. За неимением сколько нибудь подробных данных об условиях лесных концессий, предлагаемых иностранному капиталу со стороны советского правительства, получает большой интерес ознакомиться с теми условиями, которые ставились Временным Правительством, поскольку об этом сообщалось тогда в оффициальных органах печати (см. «Торг.-Пром. Газету» № 212, от 30 сентября 1917 г.).

Для выяснения будущей лесной политики, связанной с финансированием лесной промышленности в форме привлечения к ней крупных капиталов, при министерстве земледелия была образована особая комиссия, разработавшая следующие положения:

Прежде всего комиссия полагала, что будущие предприниматели должны быть обезпечены в течение договорного срока необходимым для них ежегодно количеством леса; но это количество леса подлежит отпуску государством по планам лесного хозяйства не иначе, как на участках *сплошной рубки*. На этом последнем условии комиссия особенно настаивала, так как считала необходимым ускорить процесс перехода на севере от

выборных рубок, портящих местные леса, к сплошным, которые до того времени осуществлялись лишь в 10%-ой доле ко всей площади лесных дач.

Далее комиссия считала, что соответствующий отпуск леса предпринимателям должен производиться без торгов, но за то предприниматели должны дать гарантии по обезпечению достаточными капиталами проектируемых предприятий и предоставить государству известную долю участия в прибылях.

Предприниматель обязуется по договору в определенный срок построить и оборудовать заводы и фабрики, обезпечиваемые государством достаточным для их действия количеством леса; вместе с этим предпринимателю предоставляется право аренды участков земли для устройства складов и рабочих поселков, для расчистки и спрямления рек в целях сплава леса, для сооружения под'ездных путей и т. д.

Срок договорного пользования лесными отпусками должен находиться в зависимости от характера и размера предприятий.

По окончании срока договора все сооружения предприятия подлежат передаче на полном ходу в собственность государства, — в соответствии с чем предприниматели и расчитывают амортизацию своего имущества. При установлении этого положения комиссия считала важным, чтобы передача имущества предприятий производилась по оценке, так как в случае безплатной передачи имущество не будет поддерживаться в последние годы на желательном уровне.

Относительно цены за отпускаемый государством лес было установлено, что предприниматели обязуются ежегодно уплачивать государству зафиксированную на весь договорный срок корневую плату леса или таковую же цену, определяемую по отдельным периодам договорного срока, причем независимо от этого, в обоих случаях, государство принимает участие в чистой прибыли, получаемой предпринимателем. Это участие находится в зависимости от уровня прибылей и начинается при достижении их известного процента, с тем, чтобы излишек прибыли сверх этого процента подлежал распределению между государством, предпринимателем и производительным аппаратом, т. е. служащими и рабочими.

Для устройства предприятия назначается определенный срок, в течение которого оно должно быть пущено в ход, каковое условие обезпечивается залогом, определяемым в договоре. В

случае невыполнения договорного условия, а также при приостановлении работ в предприятии в течение двух лет государство может требовать передачи предприятия в собственность казны по соответствующей оценке.

Государству должно принадлежать право вводить в состав правлений предприятий члена от правительства.

Договоры, заключаемые государством с предпринимателями могут быть передаваемы третьим лицам не иначе, как с согласия казны.

Таковы были основы предполагавшихся лесных концессий Временного Правительства. Самое осуществление их должно было явиться уже делом советской власти.

Лесное хозяйство в Советской России определяется «Положением о социалистическом землеустройстве», согласно которому все леса республики являются централизованным советским хозяйством с единым производственным планом; оно подчиняется единому руководящему центру — лесному отделу народного комиссариата земледелия. Первой задачей лесного ведомства являлся учет бывших частных лесов, описание их и включение в единое лесное хозяйство . Из всей лесной площади Европейской России в 164 милл. дес. на б. частные леса приходится около 49 милл. дес., а потому эта работа требовала много времени и напряженного труда; но за недостаточностью того и другого она была прервана новым заданием. В виду обострившейся топливной нужды необходимо было в срочном порядке заняться отводом и оценкой лесосек в 15 верстной полосе вдоль железных дорог и сплавных путей.

Сокращение дровяных заготовок наблюдалось уже в первые годы войны в связи с недостачей рабочих рук, а также конского состава и фуража; этому способствовала еще бессистемная реквизиция заготовленных запасов. Но, пока были свободны источники минерального и жидкого топлива, сокращение дровяных заготовок не обнаруживалось с особенною силою. Совершенно иное положение вещей создалось во время революции. Деятельность лесных организаций ослабла и крестьяне отказывались вовсе выходить на работу, в результате чего в период 1917—18 г., как заготовка, так и вывозка дров почти совершенно прекратились. Советская власть не была в состоянии улучшить положение и приходилось поддерживать дровяное снабжение за счет быстро истощавшихся прежних запасов.

Первые шаги советского правительства в деле создания нового лесозаготовительного аппарата оказались неудачными. Отдел топлива при Высш. Сов. Нар. Хоз., ведавший дровяными заготовками, не имел ни общего плана, ни сколько нибудь достаточных средств. В августе 1918 г. была образована трехчленная коллегия с диктаторскими полномочиями; эта коллегия начала проводить централистическую политику при чрезвычайной слабости местных заготовительных органов и это привело почти к полному параличу заготовительной деятельности (см. «Эк. Жизнь» № 250, от 7 ноября 1920 г.).

На место трехчленной коллегии в конце 1918 г. был образован Главный Лесной Комитет, приступивший к делу на новых началах.

Составленная еще раньше лесозаготовительная программа для кампании 1918—19 г. исходила из необходимости заготовить 9,4 милл. куб. саж. дров, расчитывая на нужды железных дорог (5 милл. куб. саж.), столиц и других крупных населенных центров (2,1 милл. куб. саж.) и промышленности (2,3 милл. куб. саж.). Но заготовка и вывозка дров из леса шла настолько плохо, что уже в феврале 1919 г., во избежание остановки железных дорог из-за отсутствия топлива, пришлось прибегнуть к реквизиции 50% всех запасов дров, находившихся на станциях, не считаясь с тем, кому они принадлежат.

И самые результаты заготовительных операций 1918—19 г. оказались весьма малоуспешными. Вместо подлежавших заготовке 9,4 милл. куб. саж. фактически было заготовлено только 4,2 милл. куб. саж., а вывезено из лесу лишь 3,2 милл. куб. саж., т. е. всего около $^1/_3$ намечавшагося количества.

В следующую зиму 1919—20 г. топливный голод принял острый, катастрофический характер. Чтобы усилить заготовительную деятельность к ней были привлечены заинтересованые ведомства в лице различных «главков» и «центров», отдельные предприятия, нуждавшиеся в топливе и, наконец, частный заготовительный аппарат в лице прежних предпринимателей. Кроме того были созданы еще специальные органы железнодорожные лесные комитеты («железком»), которым было предоставлено преимущественное право на эксплоатацию лесной площади в 10 верстной полосе от железнодорожных линий.

Заготовительная программа 1919—20 г. предусматривала заготовку древесины в количестве 14 милл. куб. саж., в том числе

дров 11,9 милл. куб. саж., и вывозку — 8,9 милл. куб. саж. В результате совместных усилий всем вышеозначенным органам удалось заготовить 9,4 милл. куб. саж. (78%) и вывезти 7 милл. куб. саж. (80%), не смотря на чрезвычайно острую продовольственную нужду, когда потребность по продовольствию могла быть удовлетворена не более 70% намечавшейся нормы, а потребность в фураже — 60% (овса).

Согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 10 августа 1920 г. операционный заготовительный период определен от 1 июля до 31 июня. В кампанию 1920—21 г. намечалось заготовить 19 милл. куб. саж. древесины, из них 14,5 милл. куб. саж. дров и 4,5 милл. лесных материалов и вывезти к линии железных дорог и сплавных рек 15 милл. куб. саж. Этот план был построен в расчете не только на полное удовлетворение потребностей внутри страны, но и на вывоз заграницу. Вместе с этим расчитывали на значительное увеличение механической работы и транспортных средств. К июлю 1920 г. было уже установлено до 39 электрических древопильных станций с производительностью по распилке до $^1/_2$ милл. куб. саж. в месяц, с намерением довести через год до 3 милл. куб. саж. Вновь было выстроено до 120 верст лесовозных ветвей с расчетом на значительное их увеличение в самом ближайшем будущем. Все это, повидимому, внушало надежды на самые успешные результаты и советские газеты уже заранее торжествовали и с гордостю заявляли:

«Оглядываясь на пройденный за эти три года путь надо признать, что из пустого места, каким в конце 1917 г. и в начале 1918 г. было заготовительное дело, удалось создать мощный и работоспособный аппарат, смогший, не смотря на естественные трудности операции — ее распыленность и громоздкость — развернуть на всю территорию и дать результаты весьма внушительные». («Эк. Жизнь» № 250, 7 ноября 1920 г.)

И действительно, выполнение работ по заготовкам и вывозу за первые пять месяцев кампании (до 1 октября 1920 г.) были вполне удовлетворительны: заготовлено было 1,579 тыс. куб. с. против задания в 2,019 тыс. куб. саж., т. е. 78% и вывезено было 662 тыс. куб. саж. против задания в 582 тыс., т. е. 113%. Запас дров, находившихся в распоряжении железных дорог на 1 ноября 1920 г., достигал 524 тыс. куб. саж.; а общий остаток дров в лесу к тому же сроку определялся в 2,5 милл. куб. саж. Ничто не предвещало никаких особенных неудач и осложнений, как

вдруг, неожиданно в некоторых населенных и промышленных пунктах в первую четверть 1921 г. разразился весьма острый, хотя и не продолжительный топливный кризис.

Правда, уже с наступлением холодов заготовительные операции стали ослабевать. Так, уже в октябре вместо 1.200 тыс. куб. саж., которые полагалось заготовить по плану, фактически было заготовлено всего лишь 416 тыс. куб. саж., т. е. ⅓ всего следуемого количества. И уже тогда указывалось на целый ряд неблагоприятных для производства работ обстоятельств, как, например: уклонение от трудовой повинности, использование населения по продовольственной разверстке, воинским нарядам и промысловым занятиям (рыболовы, лаптеплеты и др.), недостаток лесорубных инструментов, отсутствие одежды и обуви, недостаток продовольствия и фуража и проч. (см. «Эк. Жизнь» № 267, 27 ноября 1920).

Разразившийся зимою 1921 г. топливный кризис с убедительностью доказал всю неизбежность ошибочности расчетов, если таковые строятся для одной какой либо отрасли хозяйственной жизни страны без достаточного внимания к общему состоянию народного хозяйства и народных производительных сил в других отраслях производства. Так, вследствие тесной связи добычи топлива с продовольствием, а обезпечение продовольствия с промышленностью и, в свою очередь, промышленности с сырьем и топливом создается тот замкнутый круг хозяйственно-производственных отношений, который заставляет смотреть на народное хозяйство, как на такое единое целое, в котором всякая отдельная часть обусловлена взаимоотношением всех остальных его частей.

На ряду со всем этим необходимо, вообще, отнестись более критически и осторожно к вопросу о расширении у нас дровяного топлива.

Так, крупный знаток лесного дела в России С. Иберман смотрит на этот вопрос весьма пессимистично. По его расчетам, если считаться с условиями расположения лесов вдоль железнодорожных линий и сплавных рек, то вместо 100 милл. дес. лесной площади, насчитывающихся в 9 главнейших районах Европейской России, для эксплоатации едва окажется 30 милл. дес.,, и разрешение вопроса он видит в переносе центра топливных рессурсов с дров на каменный уголь и нефть.

«Пока основой нашего топливного баланса, говорит он, будут оставаться дрова мы не только не выберемся из топливных затруднений, но, наоборот, мы систематически будем переживать

топливный кризис, особенно, в осенние и весенние месяцы, а помимо того через 2—3 года мы увидим перед собою в корень разрушенное лесное хозяйство» («Эк. Жизнь» № 295, от 30 декабря 1920 года).

Истребление лесов на топливо должно уступить место более производительному и рациональному использованию их в форме лесопильных заводов, фанерных фабрик, целлюлозного производства, химической переработки древесины и т. д. Если не достает собственных средств, то есть полная возможность привлечь к этому делу иностранный капитал в форме государственных концессий. Дровяное топливо должно быть заменено другими видами топлива.

В этом отношении давно уже указывалось на необходимость разработки торфа в качестве материала для топлива. В России имеется громадное количество торфяников, еще почти совсем не исследованных. Использование этого торфа взамен древесного топлива могло бы сохранить несколько десятков миллионов десятин леса.

Однако не смотря на то, что торф, как топливо начал добываться у нас еще при Петре Великом, когда иностранцу Армусу была выдана привилегия на право добычи торфа в течение 10 лет — разработка торфяных болот еще до сих пор не получила надлежащего для себя развития. Только в самое последнее время, уже при советском режиме в связи с выдвигаемым советской властью грандиозным планом электрофикации, торфяное топливо начинает впервые привлекать к себе внимание в более значительной степени.

Начавшаяся недавно в Веймарнском районе разработка горных сланцев для топливного дела не имеет никакого значения. Добываемый в незначительном количестве (несколько десятков тысяч пудов в месяц) сланец вывозится в Петербург только для обработки его на газовых заводах.

Таким образом из всех видов горючего материала основным источником топливных рессурсов должен явиться у нас каменный уголь, а затем наши богатые нефтяные источники. На развитие их производительности и должны быть направлены все усилия в области топливного снабжения населения, железных дорог и промышленности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ТРУД.

1. Рабочий вопрос в России. — 2. Профессиональная организация труда. — 3. Биржи труда. — 4. Примирительные камеры. — 5. Законодательная охрана труда. — 6. Общая политика труда советской власти. 7. Меры по поднятию производительности труда.

1. Рабочий вопрос в России.

Отношение старой царской власти к положению труда в промышленности можно сравнить с отношением этой власти к народному представительству в законодательных учреждениях: устанавливая основные законы о народном представительстве, власть в лице своих министров публично выражала радость по поводу того, что «у нас, слава Богу, нет конституции!» — Подобно этому еще раньше та же власть, насаждая крупную промышленность и капитализм в России, уверяла всех, что «в России нет и не может быть рабочего вопроса». Правительство, видимо, хотело иметь в стране крупную промышленность, но без класса капиталистов и — капитализм без рабочего класса. И когда правительству это не удавалось, оно нервничало, прибегало к самым грубым приемам и средствам для подавления того, что оно само — правда, под давлением внешних сил — создавало. Отсюда через весь тридцатилетний период существования у нас рабочего законодательства, — от первых законов по охране детского труда (1882 г.) до последних законов о страховании рабочих (1912 г.) — проходят красной нитью три отличительные свойства старой политики труда: а) крайнее колебание и полная неустойчивость основных принципов, б) половинчатость во всех начинаниях и в) нескрываемый страх к организованному профессиональному движению и к самодеятельности рабочих в какой бы то ни было области. В этом последнем отношении достаточно вспомнить хотя бы историю борьбы рабочих с правительством по открытию больничных касс на фабриках и заводах!

Не признавая «рабочего вопроса» и игнорируя наличность рабочего класса, старое царское правительство не имело никакого представления о действительной численности рабочих и не озаботилось созданием какого-либо специального органа по учету рабочих сил и по об'единению предпринимаемых мер по охране и защите труда в крупной и мелкой промышленности. Все вопросы этого рода ведались столоначальниками каких то подотделов отдела сначала в министерстве финансов, а позже в министерстве торговли и промышленности. Даже уже в конституционную пору, когда одни страховые законы выдвигали целый ряд очень важных учреждений, правительство и мысли не допускало — не говоря об особом министерстве труда, но даже и о специальном сколько-нибудь самостоятельном департаменте или отделе труда.

Таковой Отдел Труда при министерстве торговли и промышленности возникает только уже во время революции и под ее же воздействием уже очень скоро отдел превращается в самостоятельное министерство труда. Но это уже явилось поздним цветочком на могиле умершего Временного Правительства. Параллельно тому, как в общей области государственного управления на ряду с оффициальной властью революция немедленно выдвинула фактическую власть Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, так и в данной, более специальной, области управления одновременно с правительственным оффициальным Отделом Труда при министерстве торговли и промышленности — уже в самом начале революции — возник «фактический» Отдел Труда при Совете Рабочих и Солдатских Депутатов.

О функциях, задачах и самой деятельности оффициального Отдела Труда (также как и о позднейшем министерстве труда) в современную общую печать не проникает почти никаких сведений. Тщетно кто либо стал бы перелистывать оффициальный орган самого министерства «Торг.-Пром. Газету» за весь 1917 год; он не встретит там почти никаких данных в указанной сфере вопросов. Тогда как та же газета часто и с большой подробностью останавливается на задачах и деятельности советского «фактического» Отдела Труда, не смотря на то, что этому последнему и без того отводилось много внимания в специальных органах рабочей печати.

Так, в начале мая 1917 г. «Торг.-Пром. Газ.» считает нужным отметить не только факт существования на ряду с правительственным органом «нового весьма влиятельного органа труда», но и указать на его функции и задачи. По представлению газеты функции этого последнего довольно скромны: он «взял на себя

роль инициатора в деле создания различных форм рабочего движения» и «выполняет, в частности, функции всероссийского органа, руководящего профессиональным движением, об'единение которого является важнейшей задачей с'езда профессиональных союзов» («Торг.-Пром. Газ.» 9 мая 1917 г. № 96).

Нельзя забывать, что самый орган «фактической» государственной власти — Совет Рабочих и Солдатских Депутатов — есть прежде всего и даже исключительно орган р а б о ч е й политики, а потому как таковой он стоял выше отдельных ведомств — в том числе и оффициального ведомства труда, — на ряду с общей, об'единенной оффициальной властью Временного Правительства. Отсюда отмечаемая оффициальным органом «скромность» задач «Отдела Труда» обусловливается специальностью возложенных на него функций по об'единению профессиональных организаций рабочих и по руководству этими организациями. В этом отношении перед советским Отделом Труда в действительности уже и тогда раскрывались весьма широкие и заманчивые перспективы.

«Отдел организует профессиональные союзы в провинции, направляет экономическую борьбу рабочих в различных предприятиях, издает брошюры и кроме чисто практических, ставит на разрешение теоретические вопросы профессионального строительства, для чего им выделена особая литературная коллегия. На ряду с этим представители Отдела принимают деятельное участие в заседаниях местных примирительных камер и способствуют мирному окончанию конфликтов. Этого рода деятельность тем более важна, что рабочие во многих случаях отказываются ждать решений центральной примирительной камеры... Представители Отдела участвуют в работах Отдела труда при министерстве торговли и промышленности...» (там же.)

Что касается деятельности самого оффициального органа Отдела, а позже министерства труда, — то и как по отношению к оффициальной государственной власти в лице Временного Правительства — мы имеем перед собой сферу оформления санкции по отношению ко всем тем мероприятиям, которые рождались помимо тех или иных чисто ведомственных задач правительства. «Революционная демократия», как уже указывалось выше, считала до времени более удобным для себя действовать через оффициальную власть и только тогда выступала от своего имени, когда эта последняя не соглашалась или оказывалась недостаточно авторитетной в глазах революционных сил.

Это положение особенно отчетливо выступает перед нами в намечавшейся уже с первых же дней революции политике рабочего контроля в промышленности.

Создавшиеся для того сами собой местные органы получили санкцию со стороны Временного Правительства (в апреле 1917 года) под наименованием «рабочих комитетов в промышленных заведениях». По оффициальному тексту предмет их ведения заключается в следующем:

а) представительство рабочих перед администрацией заведений по вопросам, касающимся взаимоотношений между предпринимателями и рабочими, как то: о заработной плате, рабочем времени, правилах внутреннего распорядка и т. п.

б) разрешение вопросов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими данного заведения;

в) представительство рабочих в их сношениях с правительственными и общественными учреждениями; и, наконец,

г) заботы о культурно-просветительной деятельности среди рабочих заведения и о других мероприятиях, направленных к улучшению их быта.

Насколько это оффициальное понимание задач и функций выдвигавшихся революцией «рабочих комитетов» расходилось с тем смыслом, какой фактически вкладывала в них «революционная демократия» хорошо видно из отчетов заседания первой конференции представителей этих комитетов Петроградского района, состоявшейся 31 мая 1917 г. для подготовки созыва Всероссийского с'езда представителей этих комитетов.

В самом обращении организационного бюро прямо и определенно указывается на цель совещания и на тот характер, какой должна принять деятельность этих местных органов труда.

Исходя из того, что «с каждым днем все ближе и ближе надвигается на Россию хозяйственная разруха», что «фабрики и заводы стоят перед возможностью приостановиться, так как нет топлива, нет сырых материалов, движение по железным дорогам расстроено, нет достаточного количества паровозов и вагонов», что «работа фабрик и заводов может остановиться, а тогда прежде всего пострадают миллионы рабочих и служащих, которые могут быть выброшены на улицу, как безработные», конференция ставила себе задачей решение вопроса не о частных профессиональных нуждах, а об общем положении производства в стране, о недостаточности одних правительственных мероприятий, о не-

обходимости непосредственного участия самих рабочих в решении вопросов по регулированию производства и распределения продуктов в стране. Именно это участие и должно выразиться в установлении рабочего контроля.

Соответственно этому на конференции была единогласно принята следующая резолюция:

«В видах обеспечения действия рабочего контроля над производством и распределением продуктов, конференция постановляет выбрать центр представителей фабрично-заводских комитетов в числе 25 человек. Этот центр должен работать в самом тесном единении с центральным бюро профессиональных союзов не только в области осуществления рабочего контроля, но и в организации всех боевых выступлений рабочих в борьбе за улучшение условий их труда. Конференция поручает своему выбранному центру вместе с центральным бюро профессиональных союзов выработать нормальный устав заводских комитетов и установить в подробностях организационные формы сотрудничества между заводскими комитетами и профессиональными союзами. Внесенные на конференции по данному вопросу резолюции передаются в качестве материала выбранному центру».

Приведя эту резолюцию «Торг.-Пром. Газ.» (№ 120, от 8 июня 1917 г.) сопровождает ее следующим замечанием: «Нельзя не отметить, что из этой резолюции исчезли те анархо-синдикалистские тенденции, которые намечались в проектах резолюций, выработанных организационным бюро конференции». Не желая или не будучи в состоянии понять истинный смысл этой резолюции, в которой сознательно игнорируется оффициальная власть и все внимание сосредоточено на совместной деятельности с одними лишь профессиональными союзами, газета раздраженно добавляет: «остались только указания на «контроль», который, как и другие, части резолюции передается только в качестве материала выбранному центру».

Раздражение и недовольство оффициального органа резолюциями конференции были тем сильнее, что в своих более ранних отзывах о работах конференции, которой оффициальная власть старалась придать узко профессиональный характер, та же газета отзывалась самым положительным образом и о комитетах, и их об'единении.

«Рабочие комитеты (говорится в № 112, от 31 мая 1917 г.), как известно, играют ныне значительную роль в регулировании

взаимоотношений труда и капитала в отдельных предприятиях и в регулировании хода производства. В соответствии с этим конференция и предстоящий с'езд представляют значительный практический интерес в отношении возможного урегулирования промышленной жизни».

Очевидно уже и тогда — весной 1917 г. — оффициальная власть и «революционная демократия» не понимали друг друга и говорили на разных языках. В дальнейшем это расхождение, как известно, пошло быстрее и решительнее.

Вот, напр., какой смысл и какое содержание вкладывала в организацию рабочих комитетов и связанных с ними рабочих союзов конференция металлистов Московского района, созванная в октябре 1917 г. (до большевистского переворота), и постановившая в одной из своих резолюций следующее:

«Заводские комитеты выполняют задачи частичного регулирования и контроля производства в пределах данного предприятия... Высшей единственной организацией, ответственной за поведение рабочих данного производства, является организация рабочих по производству — профессиональный союз. Союзу принадлежит право пред'явления организациям капиталистов и государству требований от лица всей профессии; только он может выразить волю всей профессии по вопросами о форме регулирования и контроля производства». («Торг.-Пром. Газ.», 18 окт. 1917 г., № 227).

Рабочий контроль в указанном сейчас смысле не получил себе санкции со стороны Временного Правительства и впервые был осуществлен лишь при советском режиме.

Чтобы полнее представить себе состояние «рабочего вопроса» и отношение к нему государственной власти до октябрьского переворота, необходимо подробнее остановиться на отдельных сторонах общей проблемы труда, какими являются профессиональная организация, посредничество по найму труда (биржи труда), деятельность примирительных палат по разрешению возникающих между трудом и капиталом промышленных конфликтов, наконец, самые мероприятия по защите и государственной охране труда.

Начнем с первого из перечисленных вопросов — о состоянии профессиональной организации рабочих.

2. Профессиональная организация труда.

До революции рабочее профессиональное движение в России не могло получить сколько-нибудь значительного для себя развития, так как даже формально право союзов и собраний вводится у нас впервые с 1905 года. Именно на период 1905—1907 г. г. и приходится поэтому наибольший под'ем профессиональных союзов по численности их и их членов. После этого периода общая политическая реакция полностью отражается и на профессиональной организации: союзы быстро распадаются и число организованных рабочих, достигавшее в годы под'ема 250 тыс. человек, сводится к десяткам тысяч человек, едва поддерживающих полулегальное состояние союзов.

С момента революции организация рабочих начинает немедленно расти и укрепляться. Уже в первые месяцы 1917 г. число организованных рабочих в одной обрабатывающей промышленности достигает 800 тыс., а с транспортными и почтово-телеграфными союзами число об'единенных в профессиональные союзы рабочих и служащих приближалось быть может уже к миллиону. Вместе с ростом численности союзов значительно возрастали отдельные местные организации. Так, напр., московский союз текстильных рабочих и петроградский союз рабочих по металлу насчитывали уже тогда по 100 тыс. и более членов. Каждый из этих союзов имел тогда в разных частях города более десятка отделений, в которых, как сообщала тогда профессиональная печать, «идет непрерывная запись в члены; число членов растет по часам, а для записи рабочие часто становятся в очередь».

Наряду с ростом числа профессиональных союзов и численности их членов только во время революции впервые у нас начался процесс об'единения и централизации отдельных союзов, т. е. в отдельных районах начали возникать центральные бюро или советы, об'единяющие собою все местные профессиональные союзы (рабочая федерация). Из этих об'единений впоследствии стали образовываться обще-рабочие конференции и с'езды. Затем процесс централизации стал выражаться в об'единении отдельных союзов одной какой-либо профессии по отдельным более широким районам или даже по всей территории государства (рабочая амальгамация). Одними из первых таких централизованных организаций явились областные союзы в текстильной промышленности в центральном промышленном, а, отчасти, и в северном районах. Такой областной союз фактически начинал руководить всей экономической борьбой в предприятиях своего района; онъ сосредоточивал в своих руках всю кассу (стачечный фонд и членские взносы), собирал сведения о безработных во всей области, проводил в ней же общие тарифные ставки и т. д. Местные, прежде совершенно самостоятельные, союзы постепенно становятся отделениями областных союзов и свой решающий голос теряют. Таким же путем об'единились, между прочим, и грузчики Волжского бассейна; в мае 1917 г. их областной союз насчитывал до 50 тыс. членов. Таким же путем начали об'единяться в целом ряде других профессий рабочие и даже торгово-промышленные служащие.

Централизация (амальгамация) профессиональной организации в форме областных, а позже и Всероссийских союзов могла бы получить гораздо более широкое распространение, если бы в России, как и на Западе, их созданию не препятствовали сами собою возникающие среди профессиональных работников недоверие и предубеждение по отношению к централистическому движению со стороны «независимых союзов». С другой стороны, против именно областных союзов выступают и крайние централисты, выдвигающие мысль об общем Всероссийском центре и опасающиеся, что создание областных об'единений может помешать созданию прочного общенационального союза.

Так, напр., в металлообрабатывающей промышленности, кожевенной, в печатном производстве и др. противники областных организаций перешли прямо к об'единению своих местных союзов во временные Всероссийские центры.

Наряду с открытием двух наиболее крупных Советов — Петербургского и Московского, — охватывающих все профессиональные союзы столичных районов, федеративное об'единение профессиональной организации достигает своего завершения в образовании единого для всей России «Центрального Совета» и в периодически созываемых Всероссийских с'ездах профессиональных союзов.

В период первого этапа революции за недостаточностью времени такой с'езд не был созван; подготовкой к нему была занята происходившая в июне 1917 г. III Всероссийская Конференция профессиональных союзов. Эта конференция учредила временный Центральный Совет профессиональных союзов России, который должен был нести свои полномочия до предстоявшего

с'езда и дать этому последнему подробный отчет о своей деятельности.

Той же конференцией были разработаны и основания для намечавшейся деятельности этого Центрального Совета. Положения эти хорошо рисуют весь начавшийся в России процесс об'единения и централизации профессионального строительства вообще. В значительной степени эти положения остались в силе и при советском режиме.

Они сводятся к следующему:

1. Совет поддерживает связи со всеми существующими в стране профессиональными союзами — местными, областными и центральными — и устанавливает связи со вновь возникающими организациями всякого рода. Таким образом, Центральный Совет не есть высший в иерархическом отношении орган, завершающий всю схему строгой последовательности от местных союзов через областные и центральные. Совет оставляет полную свободу за «децентралистами», отстаивающими самостоятельность и независимость своих местных или своих областных союзов. Но с другой стороны, Совет

2. содействует созданию областных и всероссийских об'единенных профессиональных союзов в отдельных отраслях труда, а также содействует общепрофессиональному об'единению (амальгамации).

3. Совет устанавливает связи с центральными органами профессиональных союзов всех стран;

4. Он выполняет все необходимые работы, связанные с подготовкой и созывом 1-го Всероссийского с'езда профессиональных союзов и т. д.

Впередь до избрания с'ездом постоянного центрального органа Совет берет на себя содействие профессиональным союзам в их организационной, агитационной и культурно-просветительной работе. Для этого Совет берет на себя представительство интересов профессионального движения перед центральными государственными органами и общественными учреждениями и организациями, устраивает свое собственное центральное статистическое бюро, издает всякого рода примерные уставы, инструкции, производит анкеты и т. д.

Центральный Совет, состоящий из 35 членов, избранных конференцией, выделяет из своего состава Исполнительный Комитет, состоящий из членов, проживающих в Петербурге и Москве; этот исполнительный Комитет созывает периодически общие собрания Центрального Совета.

Эти начала, как упоминалось выше, легли в основание всего русского профессионального строительства и полностью сохранились в последующее время господства советского режима, когда чисто-профессиональные функции рабочих союзов начали уступать место более широким функциям обще-производственного характера.

3. Биржи труда.

В тесной связи с общим вопросом о профессиональном строительстве рабочих стоит один из более частных относящихся сюда вопросов — об организации посредничества по приисканию занятий безработным. До водворения советского режима в России, как во всякой капиталистической стране, по мере развития промышленности сама собою росла «резервная армия рабочих» и связанная с нею забота по борьбе с безработицей. Этого рода мероприятия могли получить сколько-нибудь успешное для себя разрешение только при условии тщательного учета наличности всех производительных сил в стране. Между тем, старое царское правительство ни разу не произвело ни одного сколько-нибудь общего учета рабочих сил в России, если не считать совершенно недостаточных в этом отношении данных 1-ой всеобщей переписи населения 1897 г. Правительство никогда не задумывалось над возможностью недохвата рабочих сил, а излишнее предложение труда его мало заботило. Поэтому, не имея непосредственной практической нужды в регулировании рынка труда, старое правительство для своих ведомственных целей вполне удовлетворялось отрывочными данными о численности рабочих, собираемыми разными способами и из различных источников.

Революция получила от старой власти в наследство не только расстроенный аппарат народного хозяйства, но и очень мало статистических сведений о его состоянии. Старая власть не хотела, да, быть может, и не умела правильно поставить учет всех действующих в стране производительных сил. Только уже во время революции, когда перед властью неотступно стали вопросы о регулировании рынка труда, — сначала в виде забот о сокращении предложения труда, а позже в виде забот о более полном удовлетворении возросшего спроса на труд — только тогда мог в

действительности начаться более точный учет рабочих сил в России.

По старым данным царского правительства в России насчитывалось в производстве и транспорте всего около $3^1/_2$ миллионов рабочих и служащих, согласно следующим источникам:

В крупной промышленности по отчетам фабричной инспекции насчитывалось в 1914 г. (без Польши)	1.960.000 раб.
В горнозаводской и железоделательной промышленности по отчетным частным и оффициальным данным	550.000 „
Железно-дорожных служащих по отчетным данным мин. путей сообщения	772.000 „
Служащих и рабочих на внутренних водных путях по подсчетам еще в 1906 году (приблизительно)	320.000 „

На ряду с этими учтенными $3^1/_2$ милл. работниками, кроме стомиллионной массы крестьянского населения, существовала целая огромная постоянно передвигавшаяся армия рабочих, составлявшая знаменитый русский «отход», т. е. ничем нерегулируемый стихийный процесс перехода с севера на юг и с юга на север массы сельско-хозяйственных наемных рабочих.

Бессмысленная хищническая растрата рабочей силы не заботили ни правительство, ни нанимателей-землевладельцев. Только опасность развития эпидемий, страшная заболеваемость и смертность среди этой массы рабочих заставили некоторые земства обратить на это печальное и позорное явление старого режима хоть некоторое внимание. В связи с устройством врачебно-питательных пунктов по главнейшим путям следования «пришлых» рабочих масс началась впервые и самая регистрация ищущих заработка в форме земских «бирж труда».

Позже такие же биржи труда стали возникать и по инициативе органов городского самоуправления. Но до революции, как сельско-хозяйственные (земские), так и городские (муниципальные) биржи труда влачили весьма жалкое существование. Не говоря о сельских биржах, спорадических и случайных, но даже и городские биржи труда были малочисленны, бедны силами и по большей части лишь числились на бумаге, а если и проявляли свою деятельность, то совершенно в ничтожных размерах. Даже

самые значительные 5—6 из городских бирж, которые, как Московская и Петербургская резко выделялись из числа прочих, — по размерам своей деятельности не выходили за пределы мелких или в лучшем случае средних учреждений этого рода за-границей, — где вопрос об организации рынка труда за последние 10—15 лет, а в особенности, за годы войны, подвинулся было довольно значительно вперед.

У нас этот вопрос сколько-нибудь серьезно выступил только во время революции и перед новым правительством этот вопрос стал в совершенно сыром неподготовленном виде.

«Наши биржи труда, писал в то время известный исследователь рабочего вопроса в России А. Быков (в «Торг.-Пром. Газ.» 1917 г., № 114), все вместе насчитывающие едва ли 100.000 случаев посредничества в год (в Англии и Германии они превышают три миллиона Г. Ш.) вряд ли могут дать министерству труда для организации этого сложного дела какие либо серьезные указания практического опыта; напротив, ему придется все строить заново, на почти пустом месте».

Но революционное правительство и не попыталось взять на себя решение этого «сложного дела». Оно не озаботилось учетом живой рабочей силы в форме профессиональной переписи со специальным учетом безработных, не выработало наиболее рационального типа самой биржи труда, не установило принципов, на которых могли бы они опираться в своей деятельности, не обезпечило необходимых для того средств. Вместо всего этого «коалиционное» правительство первого этапа революции поспешило в конце апреля 1917 г. созвать совещание при тогдашнем еще отделе труда министерства торговли и промышленности и поручить этому совещанию составить проект «Положения о биржах труда».

Сущность этого Положения сводилась к тому, что «в тех местах, где это признается необходимым центральным органом трудового посредничества при Отделе Труда министерства торговли и промышленности, учреждаются органами городского и земского самоуправления, при финансовой поддержке государства, местные биржи труда». Другими словами, правительство берет на себя труд решить где биржи труда нужны (из ведомственного центра это как-будто виднее!), и выдачу нищенского вспомоществования, а какие биржи и как их устраивать — об этом должны позаботиться уже сами города и земства. Остальные

статьи Положения настолько ничтожны и бессодержательны, что на них нет даже смысла останавливаться.

Несмотря на такое упрощенное отношение правительства к этому «сложному» делу, русская общественность, никогда не ожидавшая многого от правительственной власти, принялась за дело сама без руководства, но за то и без какой бы то ни было регламентации свыше. Самочинным порядком начали возникать повсюду соответствующие учреждения и, хорошо или плохо, на собственный риск и страх повсюду началась живая работа.

Переложив всю тяжесть работ по организации бирж труда на плечи органов самоуправления и рабочих организаций, само правительство не отказалось, однако, от общей идеи регулирования рынка труда. Напротив, Временным Правительством был задуман широкий план по надлежащему распределению по всей стране наличной рабочей силы. В этих целях в июне 1917 г. был организован при министерстве труда особый орган — «Центральный Комитет по распределению рабочей силы», состоявший под председательством самого министра труда и из членов — представителей различных ведомств и общественных организаций.

Задачей этого органа являлось: рассмотрение общих вопросов, касавшихся планомерного распределения и использования рабочей силы для государственных и общественных нужд, составление плана распределения наличной рабочей силы между различными родами работ и между различными районами страны, установление категорий рабочих, подлежавших возвращению из армии и не подлежавших призыву в войска, выработка мер для привлечения к работе безработных, выработка норм и правил пользования трудом рабочих и контроль за их осуществлением, составление плана использования и распределения рабочих воинских команд, военнопленных и др.

Исполнительным органом Центрального Комитета являлся «Отдел рынка труда» при министерстве труда. По постановлению Комитета кроме того на местах могли быть учреждаемы при районных и местных комитетах снабжения — районные и местные комитеты по распределению рабочей силы, круг полномочий и деятельности которых определялись Центральным Комитетом.

Во исполнение возложенных на него обязанностей, образованный при министерстве труда «Отдел рынка труда», тотчас по своем возникновении обратился ко всем губернским земствам и

городским управам с предложением «сообщить ему не позже 15 июля т. г. данные о всех работах общественного характера, которые могли бы быть предприняты как в настоящее, так и в ближайшее и более отдаленное время, а также в какой мере земства и города могли бы ассигновать на эти работы свои средства и в каком размере потребовалось бы субсидирование их со стороны государства, и число рабочих рук, которое потребовалось бы на этих работах».

Далее мы увидим, как та же по существу идея распределения рабочей силы намечалась советским правительством уже не с точки зрения забот о безработных, а с точки зрения обеспечения производства необходимыми силами, и как из идеи права на труд возникла идея трудовой повинности.

Тут остановимся еще на других, отмеченных уже раньше, сторонах общего «рабочего вопроса», по сколько на нем отражалась соответствующая деятельность государственной власти. В этом отношении заслуживают внимания попытки по разрешению промышленных конфликтов.

4. Примирительные камеры.

Как одно из общеустановленных положений следует признать, что рост профессионального рабочего движения самым тесным образом связывается с усилением конфликтов между трудом и капиталом. Так было и в начале революции 1917 г. Хозяйственная разруха побуждала предпринимателей сокращать издержки производства, а возраставшая в то же время дороговизна заставляла рабочих требовать увеличения заработной платы. К этому основному требованию, как всегда, присоединялись во множестве и другие требования, расширявшие и углублявшие пропасть между предпринимателями и рабочими. Среди различных форм промышленных конфликтов господствующею явилась рабочая забастовка. Не стесняемая царской полицией забастовочная волна начала широко разливаться по всей стране во всех почти отраслях народного хозяйства. Но по мере того, как росла рабочая организация и усиливалось влияние «революционной демократии» единичные, разрозненные и малообоснованные выступления рабочих отдельных предприятий или даже отдельных цехов на заводах все более принимали характер планомерной и органи-

зованной борьбы об'единяющегося труда с об'единенным еще до революции капиталом. Такая стадия в развитии промышленных конфликтов всегда вызывает усиленную деятельность всякого рода примирительных учреждений. Подавляемая раньше царским правительством такая примирительная деятельность в период первого этапа революции получила чрезвычайно широкое развитие. Она выливалась в самых различных формах и привлекала к себе учреждения всякого рода. Занималось ею и оффициальное правительство в лице особого «Отдела взаимоотношений между трудом и капиталом» при министерстве труда и неоффициальная власть в лице Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и профессиональные организации, и общественные примирительные камеры. Этого рода деятельность повсеместно возникала по собственной инициативе рабочих или предпринимателей; позже оффициальная власть санкционировала это движение в форме закона о примирительных учреждениях.

Еще до издания этого закона в апреле 1917 г. было созвано особое совещание по вопросу о регулировании промышленных конфликтов. Совещание выдвинуло вопрос о признании принципа обязательности разрешения конфликтов; на нем настаивали представители капитала, но против него были представители труда; и в основание законопроекта о примирительных учреждениях было положено начало добровольности.

Выработанное министерским Отделом труда «Положение о примирительных камерах» представляло собою в значительной степени сколок с английских учреждений этого рода, но лишь с тем различием, что в России выдвигалась в бóльшей степени роль фабричной инспекции. При возникновении каких либо несогласий недовольная сторона может обратиться устно или письменно к фабричному инспектору с заявлением о желании передать рассмотрение спорного вопроса. Фабричный инспектор сообщает немедленно противной стороне о получении им заявления и предлагает ей до истечения 48 часов со времени получения уведомления сообщить о согласии передать спорный вопрос на рассмотрение примирительной камеры. В случае согласия фабричный инспектор содействует всеми зависящими от него мерами скорейшей организации примирительной камеры. В случае отказа, фабричный инспектор уведомляет об этом обратившуюся к нему сторону, производит расследование всех обстоятельств конфликта и незамедлительно оглашает в местной и оффициальной печати об обращении к нему одной стороны, об отказе другой стороны и о результатах своего расследования.

Недостаточность этого закона покоится именно на привлечении фабричной инспекции к делу для нее по существу чуждому. Этого требовала от инспекции старая власть, подрывавшая самую основу института фабричной инспекции тем, что заставляла ее быть судьею между враждующими сторонами. Если бы составители законопроекта были бы более осведомлены в этом вопросе, они бы легко могли избегнуть повторения ошибки прежнего правительства и, взяв за образец английскую практику, предоставили бы решение дел этого рода самим профессиональным организациям труда и капитала. Да и русская практика не последовала указанию правительства. Там, где профессиональные рабочие организации были еще слабы, примирительную деятельность брали на себя непосредственно заводские или рабочие комитеты, где таковые еще не успели образоваться — там выступали местные советы рабочих депутатов.

Как уже указывалось выше, примирительные камеры возникали повсюду как бы сами собой, не нуждаясь ни в каких оффициальных посредниках и не терпя на себе никакой правительственной регламентации. И вследствие этого чрезвычайно возрастала популярность этого рода учреждений.

По данным «Торг.-Пром. Газеты» (от 20 окт. 1917 г., № 229) примирительные камеры всякого рода на самых первых шагах своей деятельности оказались перегруженными работой по разрешению огромного числа конфликтов. Согласно анкете, предпринятой Петроградским Обществом фабрикантов в одном только Петрограде к концу июля 1917 г. существовало до 90 местных примирительных камер. Число конфликтов, разрешенных местными камерами огромно, хотя точному учету не поддается. По позднейшим официальным данным можно установить число конфликтов, перешедших на рассмотрение центральной примирительной камеры. До 1 октября 1917 г. в нее поступило 210 конфликтов, треть которых еще не могла быть рассмотрена. Но это число относится к тому времени, когда число обращений в центральную примирительную камеру уже начало сильно уменьшаться, так как с развитием и укреплением профессионального строительства все более начинала выступать деятельность примирительных отделов при профессиональных союзах. Огромное число конфликтов, поступавших на рассмотрение союзных при-

мирительных учреждений, с очевидностью подтверждает высказанную раньше мысль об естественном стремлении рабочих избегать при конфликтах какого бы то ни было правительственного вмешательства.

Так, например, союзом кожевенников до 1 августа 1917 г. было разрешено 260 конфликтов; союзом деревообделочников до того же срока 170 конфликтов; союзом металлистов до 1 октября — 560 конфликтов и т. д.

Таким образом, только в этих трех отраслях промышленности Петербургскими союзами было разрешено почти в пять раз больше конфликтов, чем в Центральной примирительной камере, обслуживавшей все профессии.

Насколько при этом удачно справлялись со своей задачей разрешения конфликтов профессиональные союзы, об этом можно судить по тому, что указанным трем союзам удалось все конфликты разрешить без единой стачки и забастовки.

Более сложные и наиболее крупные из конфликтов часто поступали на разрешение правительственного «Отдела взаимоотношений труда и капитала»; а, когда обострение классовой борьбы доходило до таких пределов, что затрагивались интересы особенно значительной группы предпринимателей или числа рабочих, и, когда правительственный орган не в состоянии был примирить спорящие стороны, то образовывались особые междуведомственные совещания с участием представителей общественных и профессиональных организаций. При этом, обыкновенно, обе стороны заранее обязывались подчиниться решению такого совещания. Случаи этого рода были в Петроградской текстильной промышленности, в Петроградской металлургической промышленности, в водном транспорте Волжского бассейна и др. Все этого рода случаи касались не столько примирения в смысле нового соглашения на будущее время, сколько разрешения в смысле правильного толкования наличных условий в договорах и соглашениях; в этом отношении на ряду с прежними элементами примирительной деятельности в собственном значении слова, выступал новый элемент арбитража, т. е., разбор дел третейским судом, и постановление судебного решения по существу, обязательного для обоих сторон, как единственно правильного, т. е., соответствующего истинному смыслу заключенного ранее договора. Впрочем, строгого различения между примирительным принципом и арбитражем в России не проводилось, да и в самой

Англии — в этой родине промышленных конфликтов и их мирного разрешения — начала «conciliation» и «arbitration» часто между собою смешиваются на практике.

Между тем, строгое различие этих двух основных начал мирного разрешения промышленных конфликтов имеет очень большое значение при наблюдаемом уже с давних пор развитии, так называемых, коллективных договоров (тарифных).

И этот вопрос, совершенно неизвестный периоду царской власти, выступил впервые лишь в революцию 1917 г., но уже в самом конце первого ее этапа.

В середине октября 1917 года в Москве происходила конференция металлистов Московского района; главным вопросом на ней явился вопрос о коллективном договоре. Признавая необходимым, чтобы все профессиональные союзы на местах подняли кампанию за заключение коллективных договоров, конференция установила следующие принципы, которыми союзы должны руководиться при проведении тарифов:

1. тарифные договоры должны заключаться союзами не с отдельными предпринимателями, а только с их об'единениями (ассоциациями нанимателей),

2. при проведении тарифов союзами должен быть установлен минимум выработки,

3. при установлении тарифов должно стремиться к повышению заработной платы низко оплачиваемых категорий рабочих, черно-рабочих, женщин и подростков в строгом соответствии с прожиточным минимумом,

4. в тарифных договорах следует отмечать, что тарифные ставки должны повышаться систематически в соответствии с возрастающей дороговизной.

В заключение конференция приняла следующую резолюцию:

«Тарифная кампания, проведенная в широком масштабе явится фактором, организующим рабочие массы вокруг союзов и систематизирующим экономическую борьбу. Вместе с тем она поднимает заработную плату отсталых производств до уровня передовых промышленных центров» («Торг.-Пром. Газ.» от 18 окт. 1917 г., № 227).

Тарифная политика профессиональных союзов не исчезла с переходом страны из капиталистического строя к советско-коммунистическому режиму, но приняла при этом режиме лишь иное выражение.

Здесь же надо еще отметить попытку оффициального установления минимума заработной платы. Эта попытка принадлежит Центральной Примирительной Камере, которая постановила ввести с 24 апреля 1917 г. в районе города Петрограда и его окрестностей следующий минимум заработной платы для рабочих всех категорий и во всех предприятиях, а именно, для взрослых мужчин 5 рублей за 8-ми часовый рабочий день или 64 коп. в час и для женщин — 4 руб. в день или 51 коп. в час. В счет этой платы для рабочих, получающих от предпринимателя квартиру, пищу и т. д. включается стоимость этого рода продовольствия, определяемая по взаимному соглашению препринимателей и рабочих.

Принимавшими участие в этом постановлении Центральной Палаты представителями от рабочих было внесено еще следующее заявление: «Документально основанные ходатайства промышленников о пересмотре контрактов и нормированных цен будут поддержаны рабочими».

Этот вопрос об установлении законодательным путем минимума заработной платы вводит нас в общую область рабочего законодательства.

5. Законодательная охрана труда.

В области законадательной охраны труда революцией не было осуществлено никаких сколько-нибудь значительных мероприятий, хотя таковые и выдвигались коллективными органами, состоявшими из представителей министерства труда и Совета Рабочих Депутатов.

Так, по инициативе рабочих в 1917 г., в апреле, был поднят вопрос о легализации 8-часового рабочего дня. Но представитель оффициального Отдела Труда предложил отсрочить проведение этой меры до окончания войны. Имея обильный материал по этому вопросу Отдел, однако, не счел возможным даже представить конкретный законопроект, считая более целесообразным предварительно ознакомиться с аргументацией сторон по данному вопросу. Аргументация была тотчас же выдвинута и, как легко было ожидать, рабочие высказывались за эту меру, предприниматели — против нее. Рабочие указывали на то, что демократизация государственного строя и призыв к общественной деятельности требуют досуга от промыслового труда; затем, что демобилизация угрожает безработицей, которую может смягчить сокращение рабочего времени, допускающее систему смен; наконец, рабочие указывали на важность принципиального признания этой меры, хотя бы и с допущением сверхурочных работ.

Со стороны предпринимтаелей высказывался все один и тот же старый, как мир, аргумент против сокращения рабочего времени с точки зрения удорожания производства.

Наряду с попыткой легализации, уже фактически почти повсюду введенного 8-часового рабочего дня, следует еще отметить попытку расширения области государственного страхования рабочих.

В виду особенного значения этого рода мероприятий при министерстве труда был образован специальный «отдел социального страхования».

Этот отдел поставил себе задачу двоякого рода: с одной стороны, он считал необходимым расширение тех начал государственного страхования, которые были едва лишь намечены действовавшим до этого времени законом от 23 июня 1912 г.; с другой стороны, он считал неизбежным расширение этих самых законов в целях приспособления их к новым социально-политическим условиям жизни страны; это последнее требовало принятия мер к смягчению многочисленных столкновений правительства с рабочими на этой почве, столкновений, грозивших сведением к нулю всех достигнутых за последние годы результатов в деле обеспечения рабочих на случай несчастия и болезни.

Совместно с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов министерство труда намечало коренное изменение законов от 23 июня 1912 г., а также введение страхования инвалидности и старости и распространение прежних форм страхового обеспечения — на случай несчастий и болезней — на все виды наемного труда.

Что касается устранения столкновений между правительством и рабочими на почве государственного страхования, то эти столкновения особенно сильно отражались в сфере деятельности больничных касс.

Во многих случаях рабочие, не понимая существа дел, требовали полного упразднения этих больничных касс с разделом всех их средств между участниками. В других случаях участники больничных касс отказывались делать соответствующие взносы, перелагая их на владельцев предприятий. Явочным порядком некоторые больничные кассы осуществляли принцип полной самостоятельности, граничившей с произволом в области расходо-

вания средств больничных касс на цели, не предусмотренные законом и ничего общего не имеющие с задачами организаций этого рода. Все это явилось естественным результатом прежнего отношения к этому вопросу царского правительства, отстранявшего рабочих от какого бы то ни было самостоятельного, сознательного участия в деле, касавшемся непосредственно их интересов.

Чтобы внести некоторое успокоение в рабочие массы и сохранить нормальное течение деятельности больничных касс в переходный период от старых законов к новым, Временное Правительство в лице Отдела Социального Страхования начало принимать более непосредственное участие в раз'яснении рабочим сущности страховых законов, в указании на ближайший пересмотр их и расширение их функций и района действий, отвечало на запросы, давало пояснения и толкования и т. д. («Торг.-Пром. Газ.» 1917 г., № 116).

В осуществление расширения об'ема страховых законов в сентябре 1917 г. специальная комиссия при министерстве труда при непосредственном участии рабочих представителей окончательно приняла для представления на утверждение Временного Правительства законопроект о страховании на случай безработицы.

Эту форму страхования было решено распространить не только на всех рабочих, но и на частное услужение (прислугу) и торговых служащих, на «всякое лицо, главным источником существования которого является работа по найму, работоспособное, не имеющее возможности найти подходящую работу за подходящее вознаграждение». Удостоверение в безработности должно было производиться путем сношения профессионального комитета по делам страхования на случай безработицы, профессионального союза или больничной кассы с местной биржей труда. Фактически все дело правительство передает в руки самих застрахованных, устанавливая для этого ряд соответствующих выборных профессиональных организаций. Фонды страховые образуются из взносов рабочих в пределах до 2% заработной платы, из соответствующих этим взносам приплат хозяев и из ассигнований казначейства, равных половине суммы всех взносов рабочих. Высшая норма пособий безработным определялась $^4/_5$ среднего заработка, получаемого застрахованным в последние три месяца, но не более $^2/_3$ средней платы чернорабочего («Торг.-Пром. Газ.» 1917 г., № 212).

Значительнейшая часть рабочего законодательства, впервые еще созданного царским правительством и намеченного к широкому своему развитию в период Временного Правительства, во второй этап революции, т. е. в период господства советской власти принципиально и фактически потеряла свое значение и реальное приложение уже в силу принципиального уничтожения самого института частного найма труда. Но если советскому правительству удастся осуществить намечаемые им концессии по эксплоатации естественных богатств России, то с развитием деятельности частного капитала вновь должны будут приобрести все свое огромное значение законы об охране наемного труда. В этом отношении не лишена общего интереса попытка Временного Правительства внести некоторые существенные изменения в существовавший тогда институт фабричной инспекции.

По проекту правительства предполагалось прежде всего расширить область применения надзора по охране труда на все главнейшие виды наемного труда, и, в первую очередь, кроме всех фабрично-заводских предприятий намечались: горное дело, горнозаводская промышленность, ремесло, торговля, транспорт и промыслы всякого рода.

В связи с этим предполагалось специализировать инспекцию труда по характеру надзора для однородных видов труда, как напр., фабрично-заводского, ремесленного, торгового и т. д. Всю страну предполагалось расчленить на районы, в зависимости от характера и той степени интенсивности, какой успела достичь промышленность данного района. Районы для каждого вида надзора распадаются на участки, которыми заведуют инспекторы труда, поставленные вполне самостоятельно и подчиненные главному инспектору, который, в свою очередь непосредственно подчинен министру труда. Во всяком районе инспекторы труда всех видов надзора об'единяются и направляются районными инспекторами. При инспекторах было намечено учредить особый институт рабочих-ассистентов. Эти рабочие-ассистенты назначаются на два года окружной палатой труда из числа кандидатов представляемых профессиональными организациями. Участвуя в надзоре на тех же основаниях, как и инспекторы труда, эти представители рабочих получают содержание от государства, но не отправляют никаких самостоятельных распорядительных и административных

функций. Инспекторы и ассистенты во всяком районе или округе ведут все свои работы коллегиально.

Местными органами труда вместо прежде существовавших чисто-административных фабричных присутствий с губернатором во главе по новому проекту намечались общие районные палаты труда в паритетном составе из представителей труда и капитала под председательством районного инспектора. На этот орган предполагалось возложить еще и другие различные функции по регламентации наемного труда, как то: надзор за деятельностью примирительных учреждений и бирж труда, учет рабочих данного района, организация статистики труда и др.

Районные палаты труда об'единяются в областные, а во главе областных стоит Всероссийская Палата Труда из представителей труда и капитала под председательством министра труда или назначаемого им лица.

Этими положениями устанавливались впервые в России прочные рациональные основы фабричной инспекции с ее строго ограниченным кругом социальных обязанностей — без смешения с ними полицейских, фискальных и др. для них посторонних задач и интересов; далее за фабричной инспекцией признавалась самостоятельность и независимость от других обще-административных органов власти; наконец, не опасаясь сокрытия каких-либо предпринимательских уклонений от исполнения фабричных законов, — впервые после недолгого опыта фабричных инспекторов первого призыва в 80-х годах прошлого столетия, — правительство решило начать опубликование подлинных полных отчетов фабричной инспекции на место прежних шаблонных и бессодержательных их «сводов».

6. Общая политика труда советской власти.

Советская власть, взяв управление страной в свои руки, вряд ли имела, какую-либо определенную практическую программу в области государственного регулирования труда.

В тезисах Ленина, об'явленных им по приезде в Россию весною 1917 г., об этом ничего не говорится. В экономической программе Всероссийск. Центр. Исп. Ком., опубликованной в ноябре 1917 г. говорится по этому поводу лишь между прочим и в очень общих выражениях: «Распределение рабочих сил населения между предприятиями и занятиями должно быть построено на полном

демократическом самоуправлении работников в деле распоряжения их личностями, причем безработные, пока им не будет обеспечено подходящее занятие, должны получать пособие в размере необходимой прожиточной нормы» (Изв. Сов. Раб. и Солд. Деп. от 18 ноября 1917 г., № 229). Эта декларация ни в коем случае не может служить указанием на планомерную деятельность советского правительства в области регулирования и охраны труда. Все этого рода вопросы, видимо, тогда отходили на задний план перед одним главным и основным вопросом о под'еме производительности, или, по крайней мере об удержании производства от губительных последствий наступившей хозяйственной разрухи. Этот вопрос явился кардинальным, решающим вопросом всей дальнейшей деятельности советского правительства в области политики труда, начиная с издания «Положения о рабочем контроле» (от 8 дек. 1917 г.), и кончая последними попытками превращения профессиональных рабочих союзов в союзы производственного характера.

С этой точки зрения и следует рассматривать все столь разнообразные и многочисленные мероприятия советской власти в сфере профессионального строительства, в учете и распределении рабочей силы и в обеспечении за этой последней наибольших производственных результатов.

Желания и стремления советского правительства в этом направлении в общих чертах были намечены в одной из резолюций, принятых на 1-м Всероссийском с'езде советов народного хозяйства весною 1918 г.

«Развитие производительных сил в стране требует установления обязательных норм выработки индивидуальных и заводских и соразмерения норм заработной платы с размерами выработки, строжайшей трудовой дисциплины, вводимыми самими рабочими организациями, постепенного введения трудовой повинности, мобилизации всех технических сил страны и специальностей, организованного перераспределения рабочих сил в зависимости от изменения районов и центров промышленности»... (Нар. Хоз. № 4, июнь 1918.)

Эта же точка зрения разделялась тогда и самими профессиональными организациями, как то видно из принятого Всер. Сов. Проф. Союзов «Положения о трудовой дисциплине».

«Признавая всю грозную остроту настоящего момента, говорит статья 2 этого Положения, профессиональные союзы должны

напрячь все усилия к поднятию производительности труда и к последовательному проявлению на фабриках и заводах необходимых основ трудовой дисциплины».

Констатируя, что главной причиной падения производительности труда, кроме причин технического и экономического характера, является отсутствие производительной дисциплины, положение требует, чтобы все профессиональные союзы строго следили за проведением в жизнь организационной и тарифной дисциплины, признав за правило, что за определенную гарантированную заработную плату должна быть гарантированна определенная норма производительности».

Указывая на устройство для того новых «Бюро нормирования» в связи с системой регистрации производительности, допущением сдельной платы, премирования и т. д. Положение заключается следующей статьей: «В решительных случаях, когда меры товарищеского воздействия исчерпаны, а отдельные группы рабочих отказываются починяться союзной дисциплине, союзы должны исключить таковые из состава союза со всеми вытекающими из того последствиями» (Нар. Хоз. № 2, апр. 1918 г).

Твердо упрочившись в сознании правительственной власти, эти положения не легко усваивались широкой массой самих рабочих, встречавших к тому же очень часто чрезвычайные препятствия для приложения своего труда, вообще в промышленности; уже вследствие этого одного рабочие стремились разбрестись по деревням.

Опасения безработицы и излишнего предложения труда, таким образом, уже очень скоро сменились заботами советского правительства о недостаточности труда, как в количественном, так и в качественном отношениях; в связи с этим уже очень рано выступили вопросы об учете рабочих и о принудительном привлечении их к производству в форме трудовой повинности и различного рода мобилизаций. С другой стороны, начали выдвигаться меры по под'ему квалифицированности промыслового труда.

Наряду с этим выдвигался вопрос об общих условиях производительности труда. Эти условия можно расчленить на три категории: условия усиления интенсификации труда, условия лучшей оборудованности труда и условия надлежащей организованности труда. Из этих трех категорий условий советскому правительству меньше всего удалось удовлетворительно разрешить затруднения, связанные с категорией условий, имеющих в виду обезпечение за

трудом лучшей оборудованности, так как эта последняя сама зависела от роста производительности в целом ряде отраслей народного хозяйства. Много усилий было приложено советской властью к тому, чтоб достичь бóльшей планомерности и организованности в деле надлежащего распределения имевшихся в стране наличных рабочих сил, в особенности более подготовленных из них и квалифицированных. Наконец, все главнейшие мероприятия советского правительства направлялись к тому, чтобы всевозможными средствами усилить интенсификацию труда.

Всеми этими положениями и заданиями характеризуется обширная и довольно пестрая масса правительственных распоряжений и мероприятий, которые образуют в своей совокупности область советской политики труда. Остановимся на главнейших из относящихся сюда советских мероприятий.

Начнем, прежде всего, с количественной стороны вопроса — с попыток учета и распределения рабочих сил в производстве.

За неимением более полных данных, пригодных для сравнения за некоторый продолжительный период времени, приходится и сейчас еще ограничиваться частными сведениями о численности рабочих по различным их категориям.

Так, в «Очерке» Ларина и Кричмана (стр. 38 и сл.) указывается на следующее сокращение численности одних промышленных рабочих (фабрично-заводских и горных) на территории Советской России — без Дона, Украины, Кавказа, Сибири и Туркестана:

в 1908 г. (по прежним данным) насчитывалось	1.355	тыс.	чел
к 1 янв. 1917 г. это число возросло до	2.048	,,	,,
к 31 авг. 1918 г. оно сократилось до (приблиз.)	1.400	,,	,,
к 1 марта 1919 г. оно сократилось уже до	1.200	,,	,,
к 1 янв. 1920 г. оно составляло всего	1.000	,,	,,

Если принять в расчет всех лиц, живущих наемным трудом в качестве рабочих и служащих, то на той же территории по советским данным число их сократилось с $7^1/_2$ милл. душ к 1 янв. 1917 г. до 5 милл. душ к 1 янв. 1920 г.

В «Экон. Жизни» (от 29 окт. 1920 г., № 242) мы находим более точные подсчеты, основанные на данных промышленных переписей 1918 и 1920 г. г.

Промышленная перепись 1918 г. была произведена в 35 губ.

К 31 авг., 1918 г. в них насчитывалось 6.090 действовавших предприятий с общим числом занятых в них рабочих в 1.253.900 чел. Учет 1920 г. распространяется на всю Россию в ее границах на 1 июня 1920 г. (за исключением Донецкого бассейна, Туркестана, Кавказа и части Сибири) и устанавливает в общей сложности 7.560 предприятий с 1.061.900 раб. Если сравнить только губернии, охваченные обеими переписями, то в последнем случае всего насчитывается 5.877 предприятий с 867 тыс. рабочих, т. е. с августа 1918 г. по июнь 1920 г. число промышленных заведений сократилось на 3,5% а число занятых в них рабочих упало на 31%; по отдельным губерниям Центрального Промышленного района эта доля сокращения рабочих достигает 75,5% (Иваново-Вознесенская губ.) и 79,8% (Владимирская).

Согласно последней сводке данных по учету потребностей предприятий в рабочей силе, опубликованной отделом потребности Нар. Комисс. Труда и обнимающей 25 губ., вначале 1921 г. в 2.585 мелких и средних предприятиях общее число наличных рабочих и служащих равнялось 746.561 чел., а общая потребность в рабочей силе выражается в цифре 1.476.983 рабочих и служащих, т. е. занято, в среднем, всего около половины нормы, достигая в ряде отдельных случаев даже 20—25% (Нов. Мир, № 53, от 3 апр. 1921 г.).

Несмотря на различие источников, все эти данные приходят к одному общему выводу — к сокращению числа промышленных рабочих и к проистекающей отсюда нужде в рабочей силе. В данном случае одинаково безразлично, чем бы ни обусловливалось это сокращение и чем бы ни вызывалась эта нужда. Факт недостачи труда в чисто количественном отношении требовал немедленных решительных мер под угрозой полной остановки промышленного производства, а с ним окончательной гибели страны и ее раздела между господами мирового капитализма.

Такими мерами советская власть признала трудовую повинность и трудовую мобилизацию.

Общая цель трудовой повинности, введенной советской властью уже в 1919 году, заключалась в борьбе против распыления промышленного пролетариата, которое происходило в трех направлениях: во первых, в уходе промышленных рабочих в хлебородные местности или в деревню, частью, чтобы прокормиться, частью, чтобы перейти к крестьянскому труду; во вторых, в уходе рабочих на кустарные или отхожие промыслы в области

ручного труда и, наконец, в третьих, в переходе от промышленного пролетариата в ряды спекулятивных торговцев — «мешечников».

Эта общая цель не была и не могла быть достигнута в форме трудовой повинности и задачи этой последней были скоро ограничены: сначала трудовая повинность должна была помогать привлечению лиц, не занятых вообще никаким общеполезным трудом, а затем задачи еще более с'узились — трудовая повинность должна была служить орудием борьбы против самовольного ухода рабочих с промышленных заведений и против прогулов.

Разрешение этих задач было возложено на специальный орган — Главный Комитет Труда с его местными комитетами труда при непосредственном содействии профессиональных союзов; наряду с этим к борьбе с «трудовым дезертирством» была привлечена и знаменитая «чрезвычайка» (Ч. К.), а впоследствии были даже созданы специальные учреждения в виде «дезертиркомиссии», снабженной целой системой карательных мер, и особых «отделов управления».

Эти последние, по словам «Экон. Жизни» (№ 258, от 17 ноября 1920 г.) являются органами направляющими, инструктирующими и контролирующими деятельность в данном направлении волостных исполнительных комитетов и сельских советов; они имеют в своем распоряжении «мощный аппарат» государственного принуждения в виде милиции и лагерей принудительных работ; пользуясь этим аппаратом «отделы управления», между прочим, берут на себя выполнение заданий в области осуществления единовременно или периодически работ по осуществлению таких видов трудовой повинности, как гужевая, топливная, снеговая, дорожная, санитарная и др.

Упоминаемые здесь лагери принудительных работ, по раз'яснению той же газеты, «являются не только арестными домами, но и воспитательно-трудовыми учреждениями»; в силу этого, для тех, кого нельзя выпускать из лагерей для работ на стороне, предполагалось организовать различные работы внутри лагерей, что, впрочем, до сих пор еще не исполнено и в самом существовании таких лагерей можно сильно сомневаться. Вряд ли это средство выходило когда-либо за пределы простой словесной угрозы.

В дополнение к основному декрету о трудовой повинности

4 мая 1920 г. вышло особое постановление Сов. Нар. Ком. «о трудовом дезертирстве и органах борьбы с ним», в котором следующими признаками устанавливается понятие «трудодезертирства»: а) уклонение от учета или регистрации, устанавливаемых органами, об'являющими — либо проводящими — трудовую повинность, б) сокрытие своей специальности, в) уклонение от явки, г) самовольное оставление работы или службы, д) неявка на работу и е) всякое вообще уклонение от трудовой повинности.

Можно сильно сомневаться, что бы эти меры внешнего принуждения могли дать сколько-нибудь значительные положительные результаты; скорее они диктовались отчаянностью положения.

Наряду с мероприятиями по борьбе с трудовым дезертирством сами собой выступали задачи по учету трудоспособного населения и по проведению самих трудовых мобилизаций. Но по этим вопросам не было достигнуто соглашения между органами власти и «на местах действуют всякие органы на собственный риск и страх, по собственным формам и методам, при конкуренции и параллелизме четырех категорий органов власти — народного комиссариата внутренних дел, народного комиссариата труда, народного комиссариата военного и органа по всеобщему обучению» («Экон. Жизнь» № 117, от 2 июня 1920 г.).

В качестве удостоверения личности в Петербурге и Москве были введены, между прочим, особые «трудовые книжки».

Что касается производства самих мобилизаций труда, то частично оно находило себе приложение еще в первой половине 1920 г. Но лишь 1 августа 1920 г. был создан специальный «мобилизационный подотдел при Главном Комитете Труда». Результаты прежних мобилизаций были совершенно ничтожны: они выражались всего только в нескольких десятках тысяч призванных к отправлению трудовой повинности.

Сообщающая эти данные «Экон. Жизнь» (№ 242 от 29 октября 1920 г.), ссылаясь на отчет по деятельности Главного Комитета Труда, дает следующие указания в об'яснение недостаточности этих результатов.

Прежде всего отсутствует порядок, согласно которому весь спрос на труд сосредоточивался бы в одном каком либо центре и представлялся бы, как цель мобилизации, лишь после проверки в степени действительной потребности в рабочей силе. На самом

же деле большинство организаций пред'являют спрос на рабочую силу без всяких расчетов, системы и плана. Отсюда не редко случается, что организации, получающие рабочую силу, неумело и несвоевременно ею пользуются. Наряду с этим при проведении трудовой мобилизации центральному органу распределения рабочей силы предоставляется право на производство добровольного набора, что должно совершенно разрушать план мобилизации, позволяя многим укрываться от самой мобилизации».

Сообщая о постановлении Сов. Нар. Ком. от 13 сент. 1920 г. по трудовой мобилизации всех лиц, родившихся в 1886, 1887, 1888 г. г., та же газета считает эту меру «началом нового метода по осуществлению трудовой повинности, призванной побороть современную хозяйственную разруху, оздоровить народное хозяйство и правильно использовать труд всех работоспособных граждан». Но по отношению к прошлому она вновь повторяет свою отрицательную оценку: «Все произведенные до настоящего времени попытки получить рабочие руки, которые не участвуют в трудовой жизни, не давали серьезных практических результатов, потому что мобилизация производилась частично по отдельным профессиональным группам, недостаточно широко и планомерно, и, что органы, на которые возлагалось проведение мобилизации не имели хорошо налаженного аппарата. Самое распределение рабочей силы было безрезультатно, потому что переброски происходили без обезпечения продовольствием, жилищами, нормальными условиями работы и жизни. Такие переброски очень часто приводили лишь к загруженности транспорта, которому приходилось по одной дороге перевозить мобилизованных к месту их назначения, а по другой возвращать дезертировавших к месту их постоянного жительства» («Экон. Жизнь» № 211, от 23 сент. 1920 г.).

Вследствие отсутствия полного и точного учета наличных рабочих сил в стране и действительной хозяйственной потребности в них, сама по себе такая естественная и необходимая мера, как всеобщая трудовая повинность, не только не получила себе реального осуществления, но явилась основанием для почти полного дискредитирования самой идеи одного из основных начал рационального, социалистического уклада народно-хозяйственной жизни страны.

7. Меры по поднятию производительности труда.

Переходя от количественной стороны проблемы труда к ее качественной стороне, т. е. к условиям повышения производительности, мы тут встречаемся с целым рядом советских мероприятий, которые, как уже упоминалось раньше, сводятся к двум основным категориям: одни из этих мероприятий направлены к тому, чтобы достичь бóльшей производительности путем усиления затраты рабочей силы, — ее интенсификации; другие мероприятия стремятся к той же цели, но путем осуществления более соответствующей организации труда.

Остановимся на каждой из этих категорий мер особо.

Начнем с первой из них, т. е. с указания на те меры и средства, которые направлены на достижение бóльшей интенсификации рабочей силы. Сюда относятся такие меры, как особенные формы материального обеспечения рабочих различных профессий, или в различных отраслях производства, и целый ряд мероприятий по достижению рабочими труда высшего качества, т. е. того, что называется «квалифицированием» труда, в связи с более рациональной («научной») постановкой труда в самих мастерских (система Тэйлора).

Вследствие невероятного обесценения денег уже с осени 1918 г. во многих промышленных районах в целях пробуждения в рабочих большей заинтересованности в производстве вводится начало «натурализации заработка». Весною 1919 г. это начало санкционируется советским правительством, но пока еще весьма ограничено: в апреле 1919 г. устанавливается безплатная выдача продуктов продовольствия детям рабочих и служащих, не достигшим 16 лет. Несколько позже вводится безплатная выдача учащимся одежды, обуви, фуражек и чулок. В области рабочего снабжения было установлено принятие на счет государства всех расходов, вызываемых в рабочей семье рождением ребенка и его первоначальным вскармливанием; при этом на каждого ребенка безплатно выдается по 30 аршин ткани. Затем следует целый ряд распоряжений по уничтожению денежной платы за пользование квартирой, за проезд на трамваях, а позже и по железным дорогам, за письма, за вход в театры, бани и т. д. Уже с 1919 г. вводится снабжение «общей производственной одеждой» и отчасти бельем, головным убором, обувью, мылом и т. д.

На этой почве возникли две особенные меры по привлечению рабочих к бóльшему напряжению труда — «натуральное премирование», введенное в апреле 1920 г., и «система бронирования» ряда предприятий продуктами продовольствия.

Согласно декрету от 8 июля 1920 г. «о порядке утверждения проэктов премирования» вся работа по премированию, как денежному, так и натурой, возлагается на отдел Нормирования Труда при Всероссийском Центральном Совете Профессиональных Союзов. Натуральное премирование распространяется прежде всего на самые предприятия, выполнившие полностью, или хотя бы даже частью (но не менее 55%), намеченную для них производственную программу; затем в самом предприятии премирование распределяется среди рабочих в зависимости от выполнения каждым из них своих индивидуальных или коллективно-групповых норм.

Кроме указанного органа делом премирования занимается еще особое «междуведомственное совещание», которое берет на себя функции троякого рода: выяснение соответствующего фонда, затем фиксирование списка предприятий и числа рабочих, подлежащих премированию и, наконец, определение самого порядка и условий премирования.

Это совещание установило, что число рабочих и служащих до 1 янв. 1921 г. не должно превышать 750,000 чел.; что касается фонда, гарантированного продовольственным ведомством, то он очень не велик: муки 500 т. п., чаю 300 т. ф., мануфактуры 5,5 милл. арш. на целый год и т. д. Интересны выработанные этим совещанием условия и основы премирования.

Причитающийся отдельным предприятиям полный фонд премирования выдается им только при условии выполнения ими 200% производственной программы; за меньшее выполнение фонд сокращается в следующей пропорции:

За исполнение	200 %	программы	выдается	100 %	фонда
,,	175 ,,	,,	,,	85 ,,	,,
,,	150 ,,	,,	,,	70 ,,	,,
,,	125 ,,	,,	,,	55 ,,	,,
,,	100 ,,	,,	,,	40 ,,	,,

Для предприятий оборудованных образцово натуральное премирование начинается не со ста, а с 125% исполнения производственной программы. Самая производственная программа

устанавливается Совнаркомом и ни в коем случае не может быть ниже максимальной производительности предшествовавшего года.

Внутри всякого предприятия все работники разбиваются на две группы. К первой относятся все рабочие производства и руководящий технический и административный персонал; ко второй — весь счетоводный и контрольный персонал, а также сторожа, рабочие по двору и др. Полная премия, полученная предприятием, распределяется таким образом, что на всю первую группу должно приходиться 80—85%, а на вторую — 15—20% фонда.

Среди рабочих, непосредственно связанных с производством и имеющих свою индивидуальную норму выработки, премия распределяется в зависимости от «перевыработки» след. обр.:

при	150%	перевыработки	нормы	получает	25%	премии
,,	200 ,,	,,	,,	,,	50 ,,	,,
,,	250 ,,	,,	,,	,,	75 ,,	,,
,,	300 ,,	,,	,,	,,	100 ,,	,,

Рабочим, развившим особую интенсивность и превысившим 300% своей нормы, кроме общей полной премии выдается еще добавочная премия в форме особой награды; размер такой награды определяется губернским или уездным профессиональным советом, а имена отличившихся публикуются в местной прессе.

Все лица, не имеющие индивидуальных норм (административный и технический персонал, а также лица 2-ой группы) получают натуральную премию по средней производительности данной однородной группы.

Наряду с премированием сохраняются взыскания за нарушение трудовой дисциплины, за прогул, опаздывание и т. д. в форме вычетов не только из заработка, но и из премии.

Кроме премирования советское правительство выдвинуло еще одну меру для повышения производительности труда; эта мера состоит в подборе предприятий и в привлечении к работам на них рабочих, которым заранее обеспечивается — «бронируется» — определенный размер материального, главн. обр., продовольственного обеспечения.

В общем число рабочих в предприятиях, включенных в сеть бронированного снабжения, обнаруживает сильную тенденцию к

своему росту. В конце 1919 г., когда впервые была введена эта мера, «забронированных» рабочих насчитывалось всего только 300 тыс. чел.; но уже через месяц число их удвоилось, к февралю 1920 г. — оно достигло уже свыше 1 милл., к декабрю 1920 г. уже 2,7 милл. и к марту 1921 г. свыше 3,4 милл. чел. До октября 1920 г. натуральный паек, подлежавший выдаче «забронированным» рабочим, был неодинаков в зависимости от продолжительности труда, а именно:

при	8	час.	рабочем	дне	паек	состоял	из	1	ф.	хлеба	и	48	зол.	свеж. овощей
,,	10	,,	,,	,,	,,	,,	,,	$1^1/_4$	,,	,,	,,	60	,,	,, ,,
,,	12	,,	,,	,,	,,	,,	,,	$1^1/_2$	,,	,,	,,	60	,,	,, ,,

Однако, фактически, вследствие продовольственных затруднений выдача на местах не превышала 30—40% указанных норм. В силу этого позже было предложено сократить число «бронируемых» предприятий, что могло бы дать максимальное увеличение пайка при 8 час. раб. дне до $1^1/_4$ ф. хлеба в день, 20 ф.свеж. овощей в месяц, сахару 1 ф. в месяц, масла $^3/_4$ ф. в месяц, мяса или рыбы $7^1/_2$ ф. в месяц, соли 1 ф. в месяц, кофе или чаю $^1/_4$ ф. в месяц, спичек 2 коробки в месяц; выдача табаку, ткани и обуви определялась по особым нормам. Семейства «забронированных» обезпечивались в половинном размере.

Как премирование, так и забронирование выражают собою крайнюю меру для под'ема производительности, расчитанную на еще не изжитые инстинкты рабочих, пробужденные в них капиталистическим строем, и обусловленную общей скудостью продовольствия в стране; но в этом отношении обе эти меры вызывают к себе отрицательную оценку даже со стороны самих более сознательных рабочих — коммунистов и уже раздаются голоса за отмену всяких пайковых привиллегий, как не соответствующих сущности нового строя. (см. Нов. Мир, № 35 от 11 марта 1921 г.).

Более положительной в принципиальном отношении мерой надо признать стремление советского правительства к введению новых способов более рационального направления и использования рабочих сил по, так назыв., «системе Тэйлора». Здесь нет места говорить об этой системе в ее общем значении; по этому вопросу уже создалась целая новая специальная отрасль знания. Важно лишь отметить, что созданная Тэйлором для капиталистического строя эта система может получить свое полное и истин-

ное значение только при социалистически организованном народном хозяйстве.

В конце января 1921 г. в Москве состоялась Всеросс. Конференция по научной постановке труда в производстве; ее задачей явилось осветить основные вопросы, связанные с этим способом интенсификации труда не только с общей теоретической точки зрения, но и с точки зрения приложения его в жизни. В этих целях было предложено создать центральный орган, который мог бы оказывать влияние на строительство всего народного хозяйства со стороны рационального использования промыслового труда.

Еще осенью 1920 г., согласно постановлению Высш. Сов. Нар. Хоз., была выделена группа заводов, которые по заданию должны были достигнуть максимума производительности при минимальной затрате материалов и рабочих сил путем применения «научного метода» приложения труда в производстве.

Достижение этой программы-максимума было обусловлено усовершенствованием технических процессов производства, правильной организацией административно-технического управления, улучшением условий работы, воспитанием и надлежащей подготовкой рабочих и т. д. В такую группу образцовых предприятий было включено 31 заведение, из них 5 в металлообрабатывающей промышленности, 17 — в химическом производстве, 4 — в текстильной и в др. Высший надзор за работой всех этих образцовых предприятий был сосредоточен в коллегии из трех при Центральной производственной комиссии Высш. Сов. Нар. Хоз. Кроме этого, на некоторых обыкновенных предприятиях было приступлено к производству опытов в смысле надлежащей постановки в них отдельных отраслей примерного заводского хозяйства.

Сколько-нибудь ощутительные результаты такие опыты, конечно, могут дать только в будущем в связи с общей организацией промышленной жизни страны и, в особенности, в непосредственной связи с улучшением качественной стороны труда рабочих, т. е. с под'емом его квалифицированности. И в этом направлении советским правительством намечен целый ряд очень важных мероприятий, главн. обр., в области общего и профессионального образования. Исходной предпосылкой при этом служило ясное сознание об органической неразрывной взаимной связи между хозяйством и школой: рациональная школа должна иметь

под собою прочную хозяйственную основу, но сколько-нибудь действительно прочное хозяйство не может явиться без рациональной школы. Не касаясь здесь общего вопроса о насаждении новой системы социального воспитания в форме «трудовой школы», отметим лишь некоторые мероприятия в области узко-профессионального образования.

В марте 1920 г. был учрежден Главн. Комитет по профессионально-техническому образованию. Этот Комитет берет на себя заботу по обеспечению достаточного числа специалистов по определенным видам специальности, в соответствии с основными крупными мероприятиями, предположенными для поднятия народного хозяйства и социалистической его перестройки, как то: электрификации России, индустриализации сельского хозяйства, урегулировании водного хозяйства и др.

В октябре 1920 г. этим комитетом был представлен отчет, в котором отмечались следующие данные: всех технических учебных заведений типа техникумов насчитывается в стране около 200, профессионально-технических около 390, учебнопоказательных мастерских и долгосрочных курсов — около 50. Продолжительность обучения в этих учебных заведениях колеблется от 1 году до 4 лет. Они подготовляют работников различных квалификаций, начиная от технически-грамотных рабочих и кончая инженерами-специалистами в узких отраслях технических знаний. Из всех существующих технических учебных заведений выделена «ударная» сеть, в числе 110 учебных заведений, которые должны будут подготовить определенное количество технических сил по заданиям Высш. Сов. Нар. Хоз. Дневные техникумы с продолжительностью курса в 4 года предназначаются для лиц, имеющих подготовку в размере единой (советской) трудовой школы; эти техникумы выпускают инженеров узкой специальности и техников. Вечерние техникумы предназначаются, главн. обр., для рабочих, занятых в производстве; эти заведения выпускают после 2 лет обучения рабочих повышенной квалификации, а после 6 лет обучения из них могут выходить и инженеры узкой специальности. Профессионально-технические школы, заступающие место 2-ой ступени единой трудовой школы, дают после 4—5 летнего курса познания, необходимые для мастера-техника. Наконец, долгосрочные курсы (от одного года и больше) соответствуют частью вечерним техникумам, частью профессионально-техническим школам.

В деле установления новых методов преподавания ведутся работы по вопросам обучения в процессе производства и усвоения преподаваемого без учебников путем индивидуализированного составления схематических курсов лекторами совместно со слушателями.

Декрет от 29 июня 1920 г. вводит более непосредственные меры к повышению квалификации труда. В связи с установленными производственными программами при каждой фабрике учреждаются трех-или четырех месячные курсы, через которые постепенно должны пройти все рабочие для ознакомления с положением данного производства среди всех прочих отраслей хозяйственной жизни, с взаимоотношением отдельных частей этого производства, с новейшими приемами в специальности каждого и с научными основами осуществляемых производственных процессов. Практические результаты этого рода мероприятий, к сожалению, пока еще не значительны.

По оффициальным подсчетам («Экон. Жизнь», № 223, 7 окт. 1920) общее число лиц, посещавших технические учебные заведения в 1920 г. достигало всего только 50 тыс. чел. при 6 тыс. преподавателей и их помощников. При благоприятных условиях расчитывают, что в том же году могут окончить курс со званием инженера 1,300 чел. и со званием техника — 1,800 чел. Но при падающей посещаемости вследствие продовольственных затруднений приходилось опасаться и за эти минимальные результаты. Нормальная нагрузка технических учебных заведений допускает выпуск в течение учебного года: инженеров разных специальностей 13 тыс. чел. и техников — 18 тыс. чел.

В виду такого несоответствия действительного числа оканчивающих курс с возможным числом, Комитет и решил выделить указанную выше сеть учебных заведений в качестве «ударных». Вместе с этим было решено организовать ускоренные курсы инженеров, куда по специальному постановлению Совнаркома были откомандированы студенты старших семестров технических школ; эта мера должна была иметь большое значение, так как значительное число студентов было взято в армию и застряло в различных учреждениях, служа не по своей специальности. Студентов ускоренного выпуска решено было снабдить усиленным пайком, учебными пособиями и устроить для них общежитие.

Все этого рода меры, естественно, представляют лишь первые шаги по воссозданию у нас весьма слабого до войны и революции, а затем почти совершенно разрушенного и войною и революциею, профессионального образования, без которого не может быть никакой рациональной системы квалифицированного труда.

Результаты этих опытов, как и самое расширение опытов в мероприятиях более устойчивого постоянного характера, конечно, дело будущего.

Для достижения бо́льшей производительности на ряду с повышением интенсификации и квалификации труда необходимым условием еще является надлежащая организация труда. По существу это — проблема весьма сложная. Она должна охватывать собою весьма широкую сферу мероприятий — начиная с надлежащей организации всякой отдельной мастерской и кончая рациональным распределением всей массы национального труда по отдельным отраслям народного хозяйства. Такая широкая область задач не может составлять сферу деятельности одной правительственной власти; отсюда все с бо́льшей настойчивостью выдвигается необходимость создать стройную систему общественных, свободных профессионально-производительных организаций, которые охватывали бы собою все производительные функции, начиная с самых мелких мастерских и кончая отдельными крупными отраслями производства.

В этом отношении работа лишь едва начинается. Выше (в главе 1-ой стр. 40 и сл.) в общих чертах была отмечена борьба отдельных мнений и течений вокруг этого вопроса. И хотя до сих пор по нему не достигнуто еще окончательного решения, однако, несмненно одно, что чисто правительственная сфера деятельности с ее узкой регламентацией и неизбежной централизацией должна будет уже в самом скором времени в области промышленного производства уступить свое место живой организационно-творческой работе профессиональных союзов, подобно тому, как в области сельско-хозяйственного производства правительственное ведомство должно будет уступить свое место широким, общественным, совершенно свободным и самостоятельным крестьянско-кооперативным организациям.

В настоящее время (весна 1921 г.) в Советской России имеются три главных центра, ведающих организацией труда, во 1-х, народный комиссариат труда, в 2-х, главный комитет по всеобщей трудовой повинности и, наконец, в 3-х, Всеросс. Центр. Сов. Проф. Союзов. По словам самой советской печати «между

ними частые несогласия и столкновения, в которых непосвященному трудно разобраться» («Экон. Ж.» № 295, 30 дек. 1920 г.).

После различных изменений за нар. ком. труда остались функции по охране труда, каковые, однако, тесно переплетаются с однородной деятельностью Всеросс. Центр. Сов. Проф. Союзов; и затем еще функции по учету и распределению рабочих сил, каковые опять таки составляют органическую работу Главн. Ком. по всеобщей трудовой повинности. Бывшие у нар. ком. труда функции по нормированию труда и заработной платы исключительно и всецело перешли к Всеросс. Центр. Сов. Проф. Союзов; за нар. ком. труда остались пока еще только подсобные функции — статистики труда и музей труда. Таким образом правительственный орган в области труда оказывается излишним и сам собою распадается.

Тем интереснее проследить развитие деятельности центрального органа профессиональных союзов. До 1919 г. он играл в области организации труда роль руководителя местных отделов труда, будучи одновременно резервуаром, откуда черпались ответственные работники. Никакой непосредственной работы в сколько-нибудь широких размерах сам он не производил, за исключением об'единения работ ячеек профессиональных союзов. После 1919 г. с его стороны обнаруживается определенное стремление устроить свой непосредственный аппарат для проведения общегосударственной работы в области организации труда. Это стремление уже успело осуществиться в целом ряде присвоенных им себе функций, как то: проведение общегосударственной работы в деле нормирования труда и заработной платы, обезпечение рабочих производственной одеждой, снабжение их средствами для достижения более нормальных санитарно-гигиенических условий приложения труда и целый ряд других функций, связанных с делом охраны труда, составлявшим раньше всецело предмет ведения оффициального нар. ком. труда. Этот последний в данной области, как мы увидим сейчас, оказался совершенно бессильным.

Итак, вышеустановленное положение о передаче дела организации и регулирования труда всецело в руки самих рабочих через их центральный орган профессиональных союзов, еще не признано советским правительством; и фактически в Советской России продолжает господствовать в этой области пестрая смесь многочисленных, разнообразных правительственных, узко-ведомственных органов, полуправительственных учреждений и чисто общественных организаций труда; со всем этим неизбежны бессистемность, случайность, частый недохват в главном и излишний параллелизм в мелочах.

Отсутствие надлежащей организации труда является неизбежным последствием еще не успевшей в надлежащем виде образоваться государственной власти. С урегулированием этой последней по упомянутой выше схеме, само собою, найдутся живые силы для организации не только промышленного, но и сельскохозяйственного и всякого промыслового труда вообще. Важно иметь перед собою ясную цель, а цель — это переход от разрушенного полукапиталистического строя к новому укладу социалистического, т .е. планомерного народного хозяйства.

В заключение нашего исследования деятельности советского правительства в области промышленного труда можно еще остановиться на состоянии государственной охраны труда.

Как уже было отмечено ранее, в области охраны труда революции досталось печальное наследие; и сама революция не создала в этой области никаких существенных мероприятий, хотя и был составлен кодекс законов о труде, построенный на новых началах, и были образованы выборные рабочие организации в области инспекции труда.

Оффициальные отчеты в этом отношении отмечают явления двоякого рода: с одной стороны, машинное производство очень часто заменяется ручным способом при обстоятельствах, которые не ограждают здоровья трудящихся; происходит рост мелких кустарных заведений и домашней промышленности, которые совершенно не считаются с законами по охране труда. С другой стороны, за редким исключением, старые предприятия переходят все в более для себя тяжелое состояние. При своих посещениях инспекторы труда отмечают крайнюю запущенность предприятий, неприспособленность зданий для промышленных целей, скученность и загрязнение их, отсутствие вентиляций, массовое скопление пыли, полное отсутствие приспособлений для удаления химических вредностей и для ограждения машин, отсутствие уборных, умывален, питьевой воды, тяжелые жилищные условия и мн. др. В этом отношени здесь, быть может, более, чем в какой бы то ни было другой области труда, особенно тяжело сказались результаты общей хозяйственной разрухи. Бороться против этого при наличных условиях советская власть в лице прави-

тельственного нар. ком. труда, совершенно бессильна. Единственно, что она сейчас в состоянии сделать — это апеллировать к самим рабочим и передать все дело их союзам. Со стороны этих последних, к сожалению, пока еще тоже почти ничего не сделано; правда, ими принимаются меры в форме, так называемой, «недели охраны труда»; но особенно полагаться на эту меру не приходится. И советская печать по этому поводу правильно отмечает: «Единственный практический результат этой меры может быть только в том, что она вскроет перед страной и руководителями предприятий, что в интересах повышения производительности труда нельзя игнорировать вопросов охраны труда» («Эк. Ж.» № 209, 21 сентября 1920 г.).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ФИНАНСЫ.

1. Общая характеристика финансового хозяйства в России. — 2. Государственный долг. — 3. Финансовая политика советской власти. — 4. Советские концессии. — 5. Натуральный кредит.

1. Общая характеристика финансового хозяйства в России.

Область финансов в России еще и до войны никогда не замыкалась в узких пределах одних мероприятий по обезпечению казны денежными средствами, необходимыми для покрытия расходов, вызываемых государственным управлением. Узко-специальная финансовая политика часто сливалась с обще-государственным воздействием на складывавшиеся в стране хозяйственные отношения. Со времени мировой войны в России, как и повсюду, сфера государственного хозяйства особенно значительно расширилась за счет свободных социально-экономических отношений и интересов населения. С наступлением революции эта тенденция к расширению финансового, т. е. государственно-принудительного хозяйства за счет остальной свободной части народного хозяйства не ослабла, а напротив, как мы уже видели, еще более усилилась, — правда, уже в силу совершенно иных идеологических построений.

Финансовое хозяйство, оставленное старой царской властью в наследие революции, по своему полному расстройству вполне соответствовало общему катастрофическому состоянию всего народного хозяйства.

С одной стороны, — непосильное для разоренных производительных сил страны, неравномерное и отсталое по форме обложение; с другой — чрезвычайная внешняя задолженность, резко нарушавшая международный расчетный баланс России и вынуждавшая путем форсированного вывоза сырья еще более обессиливать народное производство. Вот —, основные черты, которыми характеризуется старое царское финансовое хозяйство в России. Это состояние явилось не в силу одной какой-либо внезапной и неожиданной катастрофы. Как ни тягостны были для

страны расходы на последнюю мировую войну, как ни ужасно по своим последствиям было революционное крушение капитализма в России, но ни мировая война, ни революция сами не создали условий государственно-финансового банкротства. Это банкротство явилось неизбежным результатом всей предшествовавшей губительной для страны обще-экономической и в частности финансово-государственной политики русского правительства.

В начале настоящего исследования уже отмечалось прочно установившееся мнение русских историков-специалистов о непосильной для страны тяготе обложения, о несоответствии внешней политики правительства хозяйственно-материальным средствам населения, внешнего роста государственности — внутренней хозяйственной обезпеченности страны. «Государственные требования, до нельзя напрягая народные силы, не поднимали их, а только истощали» — это положение Ключевского может служить основным тезисом всей истории народного хозяйства России — с древних времен Московского государства до переживаемых нами ныне минут господства советской власти.

Налоговая система до самого последнего времени покоилась на давно изжитых архаических началах значительного преобладания косвенного обложения над прямым, ложась, таким образом, всею своею тяжестью на плечи малоимущего населения. Для выколачивания народных средств из страны об'ектом косвенного обложения избирались по преимуществу предметы первой необходимости или широкого массового потребления. Только во время войны с уничтожением винной монополии царское правительство нашло в себе мужество отказаться от получения для себя средств за счет спаивания и обессиливания народа. Самая система прямого обложения опиралась на такие начала, что вполне сознательно и преднамеренно была расчитана на переложение налогов с законных на фактических плательщиков, каковыми являлись все те же широкие массы малоимущего населения. Даже такой налог, как поземельный, в России давно потерял свой имущественно-подоходный характер, превратившись в формально отмененную подушную подать. С большим трудом и в невероятно архаической форме во время войны были введены подоходный налог и налог на военную прибыль, нашедшие себе весьма скромное место в русском государственном бюджете последних годов старого режима.

Не имея мощной капиталистической основы в стране, правительство вынуждено было вести войну не на повышении налогов, как в Англии, и не на внутреннем кредите, как в Германии, а исключительно на усилении внешней задолженности и за счет полного расстройства с таким трудом едва налаженного денежного обращения. Нуждаясь в снаряжении и боевых средствах, правительство кредитовалось заграницей, не считаясь с тяжестью условий кредита; нуждаясь в сырье и продовольствии, правительство обращалось к выпуску денежных знаков, не считаясь совершенно с наличностью обезпечивающего их ценность металлического запаса. Если к этому еще добавить вынужденное войной прекращение вывоза товаров заграницу, еще более ухудшившее общий расчетный баланс России, то мы этим исчерпываем все те общие положения, на которых строилась финансовая политика старого правительства.

Первый этап революции в лице Временного Правительства внес по существу мало нового в эти положения. Образованное на основании постановления Временного Правительства от 23 апреля 1917 г. особое Совещание для разработки плана финансовых преобразований успело только наметить ряд консультаций по всем основным отраслям финансового хозяйства — по прямому обложению, косвенному обложению, денежному обращению, государственному кредиту, местным финансам и государственному бюджету; но сколько-нибудь значительных практических результатов это Совещание, задуманное в столь широком об'еме, не дало.

Недостаточность средств для продолжения войны вынудила Временное Правительство начать свою финансовую деятельность с нажима податного винта. На ряду с целым рядом проектируемых государственных монополий, как особого вида косвенного обложения, Временное Правительство приступило к расширению и области прямого обложения. Так, уже в самом начале революции были приняты меры по повышению подоходного налога на 30% и по установлению рядом с ним в качестве единовременного сбора «дополнительного» подоходного налога также в размере 30%. Этот последний должен был иметь значение чрезвычайной меры и потому действие его было ограничено только одним годом. В будущем на место него предполагалось создать новый «поимущественный» налог.

На ряду с повышением подоходного налога Временное Правительство предприняло реформу налога на военную прибыль.

Обложение «прироста прибылей торгово-промышленных предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий» установлено было еще царским правительством — по зак. 13 мая 1916 г., проведенному без согласия Государственной Думы в порядке ст. 87 осн. зак. Уже вследствие этого одного налог на военную прибыль, с самого момента своего введения, вызывал в печати и в обществе резкие нападки; на ряду с этим и по существу новый закон представлял ряд крупных недочетов — своей неудачной конструкцией, допущением различных необоснованных льгот некоторым группам плательщиков и т. д. В виду этого, а также, вследствие недостаточности фискальных результатов, пересмотр закона об обложении военной прибыли был поставлен на очередь в последнюю сессию Государственной Думы и в думской финансовой комиссии уже рассматривался проект изменений этого налога. Однако, Государственная Дума не успела провести законопроект, и этот последний обсуждался уже во вновь учрежденной консультации по финансовому преобразованию, которая внесла в него некоторые новые изменения. 12 июня 1917 г. он был опубликован Временным Правительством в качестве закона «об изменении оснований взимания и размеров временного налога на прирост ценностей».

Практическим результатом реформы явилось значительное усиление обложения, достигая 80% прироста прибыли и 90% самой прибыли; понижен и минимум прибыли, освобождаемый от обложения с 8% до 6%, — как то было установлено во время войны в большинстве стран («Торг.-Пром. Газ.» № 157, 1917 г.).

Одновременно с реформой в области обложения Временное Правительство наметило ряд преобразований и в области чрезвычайно несовершенного русского бюджетного законодательства.

В об'яснительной записке к проекту государственной росписи, представленной Временному Правительству в июне 1917 года указывалось, что новый порядок составления бюджета, предусматривающий перенесение бюджетного года с 1 января на 1 июля, может быть введен в действие только 1 июля 1918 г. В виду этого представленная роспись должна была иметь переходный характер полугодового бюджета с января по июнь 1918 г.

Наиболее существенною особенностью такого переходного бюджета должно было явиться включение в него впервые расходов, вызванных военными обстоятельствами. Если точное исчисление таких расходов и невозможно в момент составления росписи, то вполне возможно включение в роспись приблизительной суммы. Смысл такого подсчета заключается в достижении необходимого в бюджетном деле единства и полноты финансового плана. Этого упорно не желало признавать старое царское правительство.

Далее, составитель росписи Временного Правительства совершенно правильно считает недопустимым включение в бюджет условных кредитов, столь широко практиковавшихся прежней властью в целях расширения компетенции правительства в ущерб бюджетным правам органа народного представительства и, конечно, в ущерб интересам самого народа и народного хозяйства страны. Срок составления отдельных смет определялся с таким расчетом, чтобы вся роспись могла быть внесена Временным Правительством на рассмотрение Учредительного Собрания не позже 15 ноября 1917 г.

Что касается самой материальной стороны новой росписи, то в об'яснительной записке указывается определенно на необходимость соблюдения строжайшей экономии, в виду «исключительно тягостного и угрожающего положения государственной казны».

«Нельзя думать, говорится в об'яснительной записке, о полном и неограниченном удовлетворении всех возникающих потребностей ведомств в то время, когда по одной лишь статье бюджетных расходов — на платежи по государственным займам — кредит должен будет определиться цифрой, превышающей три миллиарда рублей» (за полгода).

«Никакое увеличение податного обложения, имеющего свои крайние пределы, не покроет эту сумму. Потребуется заключение новых миллиардных займов, условия которых будут тем труднее, чем менее будет проявляться бережливость в расходовании казенных средств».

По подсчетам Г. Дементьева в докладе, представленном им на Общ. Собр. С'ездов предст. промышл. и торг. 19 июля 1917 г., первый революционный бюджетный год (1917-ый) должен был бы выразиться по поступлениям 5.800 милл. руб. и по обыкновенным расходам около 5.000 милл. руб., военные же расходы уже за протекшие полгода составили ок. 10.000 милл. руб., а общая сумма за год должна была бы составить не менее 22 миллиардов руб. Если прибавить к этому 1.000 милл. руб. непокрытого

дефицита, оставшегося после царского режима, и 800 милл. руб. нереализованных еще краткосрочных обязательств государственного казначейства, то общая потребность казны в денежных средствах за вторую половину 1917 года должна была бы выразиться в 13 миллиардов руб. (Торг.-Пром. Газ. № 154, 1917 г.).

Для покрытия такой невероятной для того времени суммы Временному Правительству приходилось искать каких-нибудь особенных и чрезвычайных источников. Но разоренная войной страна уже оказывалась слишком для того истощенной. Правда, Временное Правительство не отказывалось от мысли о принудительных внутренних займах; но хотя они и представлялись, по сознанию самих составителей многочисленных соответствующих проектов «крайним из всех крайних средств», практически сколько-нибудь значительных результатов от них ожидать нельзя было; и Временное Правительство не спешило с их осуществлением, — предпочитая использовать еще имевшееся со стороны союзных и нейтральных стран доверие к России и к ее новому революционному правительству. Но наступивший Октябрьский переворот положил конец и этому внешнему источнику, явившись тем самым невольной причиной остановившейся заграничной задолженности России другим странам.

Остановимся несколько подробнее на вопросе о русской задолженности вообще.

2. Государственный долг.

Для ближайшего ознакомления с фактическим состоянием финансового хозяйства до введения советского режима остановимся на некоторых числовых данных.

Обращаясь к анализу государственных бюджетов, долженствующих отражать на себе, как в зеркале, общее состояние финансов страны, мы прежде всего сталкиваемся с фактом систематических дефицитов в период, еще задолго предшествовавший мировой войне.

Так, в записке министра финансов к проекту росписи на 1912 год дается интересная справочная таблица роста доходов и расходов с 1903 по 1910 г. г. включительно. При рассмотрении ее сначала кажется, что как будто Россия переживала тогда состояние полного благополучия. Средний ежегодный рост обыкновенных доходов составляет 5,3%, а ежегодный рост расходов

только 4,5%. Однако, в самой записке указывается, что такой средний вывод получился от включения в исчисление данных одного последнего 1910 г., — совершенно необычного по поступлению доходов. Если этот год исключить из расчетов и взять средние величины с 1903 по 1909 г. включительно, то получится обратная картина: доходы возрасли в среднем на 4% в год, а расходы — на 5%. В записке к росписи 1913 г. министр финансов счел вынужденным для себя вновь указать на то, что рост доходов не поспевает за ростом расходов. В 1913 г. ожидалось 8,9% прироста доходов и 12,0% прироста расходов. Не смотря на всегда присущий всем министрам финансов оптимизм, русский министр финансов не мог не выразить опасений за будущее, выразившись очень осторожно, что «такое построение бюджета, если только оно не примет характера хронического, еще не представляется опасным». По проекту росписи на 1914 г. обыкновенные доходы исчислены с прибавкой на 8,7%, а расходы — с увеличением на 9,6%.

Итак, остается несомненным тот факт, что еще до начала мировой войны государственный бюджет в среднем за последние 10 лет сводился с значительным дефицитом, покрывавшимся из источников «чрезвычайных» поступлений. Этими чрезвычайными источниками были у нас займы и, так называемая, «свободная наличность».

Под «свободною наличностью казначейства» у нас понималось накопление запасных средств, отчасти, в целях покрытия возможных дефицитов, отчасти, в целях «свободного» и самовольного распоряжения ими правительством без предварительного испрашивания кредитов у законодательных органов государства. Как простой факт недостаточно точного учета поступлений «свободная наличность» обнаруживается еще в бытность министром финансов И. А. Вышнеградского; но тогда (в 1891—92 г. г.) этого рода накопления были очень скромны; они не превышали 25 до 70 милл. рублей. Затем, как система, это накопление связывается с именем С. Ю. Витте, когда в период 1894—1902 г. г. размер свободных сумм казначейства достигал 333—381 милл. руб. И в самых методах накопления происходят тогда же большие перемены: на ряду с намеренным преуменьшением подсчетов по поступлениям и безпощадным выколачиванием из мужика последней копейки для накопления «свободной наличности» не стеснялись еще обременять население и займами. Во время Японской

войны наличность эта быстро растаяла и в 1905 году образовался уже ничем не прикрытый значительный дефицит в 157,9 милл. руб. С 1908 года уже в целях освобождения правительства от органов народного представительства вновь начинают прибегать к накоплению «свободной наличности», не смотря на дефициты по бюджету обыкновенных поступлений. С какой стремительностью росло это «накопление» можно судить по следующим данным:

к 1 января	1908	г.	свободная	наличность	составляла	8,9	милл.	руб.
„ 1 „	1909	„	„	„	„	1,8	„	„
„ 1 „	1910	„	„	„	„	107,4	„	„
„ 1 „	1911	„	„	„	„	333,0	„	„
„ 1 „	1912	„	„	„	„	473,4	„	„
„ 1 „	1913	„	„	„	„	433,3	„	„

Не говоря об явной неправомерности с точки зрения бюджетных законов, эта политика «свободной наличности казначейства» тяжело отзывалась на населении, чрезмерно обремененном налогами; рациональная финансовая политика бережет силы плательщика и предпочитает оставлять лучше в его распоряжении лишнюю копейку, чем делать непредусмотренные планом финансового хозяйства запасы. Царское правительство поступало как раз обратно этому: оно предпочитало держать свободные запасы, когда у населения и без того не доставало оборотных средств.

В рамки настоящей работы не входит исследование расходной части государственных бюджетов России, иначе можно бы было показать в какой ничтожной доле выкачиваемые из населения средства возвращались ему в форме удовлетворения элементарнейших коллективных потребностей. Преобладающая доля собираемых с народа налогов шла на потребности поддержания государством своего внешнего престижа (расход на войско) и на укрепление автократической власти (расход на полицию). И когда на эти статьи расходов не хватало налогов, правительство спешило прибегать к займам, приводившим страну все к более тяжкой внутренней и внешней задолженности.

Не останавливаясь на истории вопроса о русском государственном долге, ограничимся только приведением относящихся сюда числовых данных. Наиболее полная сводка всех кредитных операций, как царского правительства, так и Временного Правительства, недавно опубликована Ю. А. Павловским (Зап. Рус. Экон. Общ. в Лондоне № 1).

Согласно этой сводке мы имеем:

до-военный долг	8.691.500.000 руб.
по займам 1914—1917 г. г.	23.888.000.000 „
всего	32.579.500.000 „

По приблизительным подсчетам Временного Правительства к 1 января 1918 г. общий государственный долг должен был достичь 60 миллиардов рублей, что потребовало бы уплаты процентов до $3^1/_2$ миллиардов рублей в год («Торг.-Пром. Газ.» 1917 г., № 154).

Внешняя задолженность России на 1 января 1918 г. выражается в 12.920.000.000, из которых приходится на довоенное время 4.200.000.000 рублей.

Не останавливаясь на вопросе о выпуске бумажных денежных знаков, фактически потерявших в настоящее время окончательную ценность, интересно отметить здесь некоторые числовые данные, характеризующие состояние золотой наличности до октябрьского переворота.

Согласно данным б. управляющего Государственным Банком И. П. Шипова к началу августа 1917 г. золотая наличность определялась внутри страны (в форме монет, слитков и ассигновок, находившихся в кладовых Банка) — на сумму 1.295 милл. руб. и заграницей — на 308 милл. руб. Эта последная сумма была переведена еще до революции в счет уплаты и гарантий по заграничным заказам.

В «Экон. Жизни» (№ 198 от 8 сент. 1920 г.) были опубликованы некоторые позднейшие данные из отчета мин. фин. Омского Правительства о судьбах русского золотого запаса к концу 1920 г. Эти данные представляют общий интерес, как пример безжалостного расхищения народного достояния России.

С захватом Казани в марте 1918 г. учредиловцами, впоследствии перешедшими к Омскому Правительству (Колчаку), в руки этого последнего попало до 30.000 пуд. золота.

Для безопасности золото было эвакуировано из Казани в Самару, а оттуда в Омск. 10 марта 1919 г. 1.238 ящиков со слитками золота было отослано из Омска во Владивосток. В августе и сентябре 1917 г. было еще послано во Владивосток

в слитках и монетах золота на 197 милл. рублей. В октябре было направлено во Владивосток, но задержано в Чите атаманом Семеновым в слитках на 10,6 милл. руб. и в российской монете на 33 милл. рублей.

Эвакуация золота, по замечанию «Экон. Жизни», производилась с преступной халатностью, с полной возможностью хищений.

Доставленное во Владивосток золото передавалось правительству для валютных операций. Точные количества и суммы золота не известны; приблизительно было передано: около 1,377 пуд. чистого золота, 31,9 милл. руб., 1 милл. долларов и 2,7 милл. пезет. Незадолго до переворота Омским правительством было сделано распоряжение о переводе всех имевшихся во Владивостоке сумм в иностранной валюте заграницу, — Лондон, Нью-Йорк и Токио.

По оффициальным отчетам Государственного Банка в Омске из Казани и Самары было вывезено золота (считая золотник чистого веса в 5 руб. 50 коп.) на следующие суммы:

в российской монете на . .	514.820.743	руб.	78	к.
„ иностранной „ „ . .	40.577.839	„	36	„
„ слитках „ „ . .	95.078.493	„	25	„
„ полосах „ „ . .	529.594	„	24	„
„ кружках „ „ . .	525.447	„	23	„
всего на	651.532.117	„	86	„

или общим весом в 30.563 пуд.

Из этого количества было получено во Владивостоке 9,043 пуд., задержано атаманом Семеновым 2.000 пуд. и реэвакуировано из Омска советской властью — 19.520 пуд.

Кроме того во Владивосток было вывезено и там оставлено 514 ящиков со смесями: золотистого серебра, серебристого золота, самородков и др. весом около 2.000 пуд.; наконец, переведено заграницу до 9.244,5 пуд. золота.

После всех описанных перипетий с русским золотым запасом в руках советской власти из него все же могло остаться до одного миллиарда руб., не считая вкладов, хранящихся за границей, но за вычетом контрибуции, уплаченной Германии (ок. 300 милл. рубл.)

3. Финансовая политика советской власти.

Финансы, как выражение самостоятельной области государственного хозяйства, стоящей обособленно от всех прочих сторон народного хозяйства, по существу, более уже не должны иметь себе места при коммунистическом строе. Государственное хозяйство сливается со всем народным хозяйством и финансовая политика не отделяется от общей экономической политики страны. Два основных источника поступлений во всяком государстве — налоги и кредит — исчезают. Денежная система прекращает свои посреднические функции и уступает место процессу натурализации хозяйственного быта. Государство выступает в роли единого исключительного собственника всех средств и орудий производства и единым исключительным распределителем всех продуктов народного производства. Хозяйство страны представляет одно огромное единоличное предприятие, хозяйствующим суб'ектом которого является государство в лице правительственной власти. Все чисто хозяйственные интересы населения исчезают или подчиняются одним интересам служения государству, как главному стимулу всей деятельности, вообще. Все — на службе государства; и каждый выполняет свое порученное ему государством задание; и за то каждый получает от государства необходимые для существования средства и предметы продовольствия. Государство, как организованная власть, безгранично и всецело сливается с обществом, как организованным хозяйством.

Это положение формулировано в программе коммунистической партии, принятой VII-м с'ездом весною 1919 г. следующим образом:

«В эпоху начавшегося обобществления экспроприированных у капиталистов средств производства, государственная власть перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом: она превращается в организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны, и постольку же государственный бюджет становится бюджетом всего народного хозяйства в целом».

Такова идеология наиболее крайних и прямолинейных коммунистов, которым сейчас принадлежит государственная власть в советской России. При осуществлении этой идеологии в жизни

ими делается целый ряд крупных временных отступлений, — поскольку всякое приложение идеи к делу требует неизбежных уступок и практического приспособления. Но, чтобы судить о деятельности советского правительства в области экономической политики, надо исходить не от частных отступлений и вынужденных уступок, а из общей основной и руководящей идеи. Совокупность таких идей в сфере взаимоотношений государства и общества, права и хозяйства, и образует собою вышеприведенную схему советско — коммунистической идеологии.

Исходя из нее попытаемся представить себе основные финансово-экономические мероприятия советской власти.

Прежде всего необходимо отметить, что согласно конституции 10 июля 1918 г. советская власть не отказывается от признания особого «бюджетного права». Это последнее покоится в советской Росси на трех основаниях:

Во первых, вследствие неразграничения законодательной и исполнительной функций государственной власти роспись государственным доходам и расходам утверждается обоими вышеуказанными органами: Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Совнаркомом; отсюда по существу не устанавливается никаких пределов для удовлетворения чисто ведомственных притязаний и интересов. Во-вторых, сохраняется расчленение общегосударственных и местных финансов. По ст. 81 конст. Всероссийский С'езд или Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет определяют, какие виды доходов и сборов входят в общегосударственный бюджет и какие поступают в распоряжение местных советов. И, наконец, в третьих, сохраняется «обложение налогами и сборами» наряду с предоставлением всех необходимых средств, «не останавливаясь перед вторжением в право частной собственности» (ст. 79 и 82).

Первым актом советской власти в области финансовых мероприятий явился декрет Всер. Центр. Исп. Ком. от 21 января 1918 г. об аннулировании государственных займов и всех гарантий по займам различных предприятий и учреждений. Этот декрет должен был имет обратную силу — уже с 1 дек. 1917 г. Иностранные займы аннулируются «безусловно и без всяких исключений». По отношению к прочим обязательствам делается оговорка: во 1-х, краткосрочные обязательства и серии Государственного Казначейства остаются в силе, приобретая значение безпроцентных кредитных билетов, и во 2-х, малоимущие граждане, владеющие

аннулированными государственными бумагами на сумму не свыше 10.000 рублей (номинальных) «получают взамен именные свидетельства нового займа Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». В позднейшем «Постановлении о применении декретов об аннулировании», опубликованном 7 марта 1918 г. делается еще дополнение по отношению к держателям бумаг внутренних займов, а именно: «лица, имеющие аннулированных ценных бумаг более чем на 10.000 руб., но менее, чем 25.000 руб. сохраняют право на пожизненный доход с первых 10.000 руб.».

Еще раньше декр. от 18 февр. 1918 г. устанавливается, что вклады в гос. сберегательные кассы и проценты по ним неприкосновенны, и что остаются в силе мелкие купюры (не свыше 100 руб.) займа Свободы; они ходят наравне с кредитными билетами.

Итак, наряду с аннулированием всех займов, заключенных всеми прежними правительствами до перехода государственной власти к представителям советского режима, советская власть принципиально не отрицает возможности и даже необходимости заключать государственные займы вообще. Отсюда нельзя делать того заключения, что советская власть об'являет себя несостоятельным должником по отношению к своим кредиторам. Хотя с точки зрения этих последних нежелание советской власти признавать старые долги России и может рассматриваться, как факт государственного банкротства России, но, по существу, эта мера советского правительства представляется скорее актом чисто политического, чем экономического характера. Так эта мера и была мотивирована советскими представителями. Не считая себя связанной с прошлым режимом и всегда открыто выступая против него, советская власть желала быть совершенно свободной в своих действиях; и устанавливая аннулирование займов, как общую меру, она легко могла уже в то время представлять себе возможность частичного и исключительного признания отдельных обязательств по своему свободному усмотрению. Тут нарушалось единство традиций и преемственности государственной власти, независимых от перемены внешних форм правления. На этих началах традиции и преемственности власти стояло Временное Правительство, но эти начала отвергла советская власть, считая только себя по существу революционной. С точки зрения господствующих государственно-правовых учений этим создаются

новые, быть может, весьма спорные положения в особенности в области международных отношений, но с экономической точки зрения тут нет еще банкротства в собственном смысле слова. В истории европейских финансов, обыкновенно, об'явление государственной несостоятельности по отношению к заграничным кредиторам сопровождалось такой слабостью государственной власти, что она продолжала существовать лишь формально, а, по существу, хозяевами обанкротившейся страны были иностранные кредиторы. По отношению к России мы пока еще ничего подобного не находим. Напротив, государственная власть признает себя сильнее, чем прежде, и фактически показывает это своими внешними военными успехами и международными торговыми соглашениями.

Что аннулирование старых займов не есть мера экономическая показывает далее еще то обстоятельство, что 1-ым Всеросс. с'ездом советов народного хозяйства весною 1918 г. и последовавшим за ним с'ездом финансовых отделов советов рабочих депутатов (17 мая 1918 г.) не только не были отвергнуты капиталистические формы финансового хозяйства, а, напротив, всецело приняв их, они пытались их расширить и усилить.

Среди резолюций принятых первым из этих с'ездов мы встречаем признание необходимыми следующие финансовые мероприятия: проведение подоходного и поимущественного обложения, жестокие косвенные налоги на все предметы роскоши, процентные налоговые ставки на монополизированные продукты, подготовка займов внешних — в форме кредитов по производственным заказам — и внутренних принудительных и добровольных на предмет усиления фонда финансирования народного хозяйства, немедленная временная замена годовыми обязательствами казначейства не подлежащих аннулированию облигаций, аннулированных займов и др. (см. Нар. Хоз. № 4, Июнь 1918 г.). Также и с'езд 17 мая 1918 г., выработав и приняв план финансовой политики, настаивает на проведении тех же мероприятий — подоходно-имущественное обложение, усиление косвенного обложения (в форме государств. монополий), единство кассы, централизация банковой деятельности и др. (см. Нар. Хоз. № 5, 1918 г.).

Фактически, правда, ни одно из намечавшихся тогда финансовых мероприятий не получило себе до сих пор осуществления.

Но об'ясняется это тем, что выступление против советской власти как внутренних, так и внешних вооруженных сил направило всю область социальной политики в сторону самого крайнего военно-экономического централизма, от которого советская власть впервые начинает освобождаться лишь с момента прекращения международной и внешней войны, с прекращением блокады и со вступления на путь хотя бы фактического признания Советской России другими странами.

Вряд ли было бы основательно видеть в действиях советской власти одни только неуверенные колебания и вынужденные внешней силой компромиссы. Идея «переходного времени» вряд ли совершенно исчезала из сознания советских руководителей финансовой, а с ней и общеэкономической политики; но понимание т е м п а этого «переходного» процесса воспринималось не всегда и не всеми одинаково. Охваченные свойственным революционному настроению нетерпением как можно скорее достичь конечных целей и, стремлением как можно решительнее пересоздать самые основы социально-экономического строя России — с тем, чтобы затруднить или сделать навсегда невозможными попытки к его реставрации, — коммунисты переоценили свои революционно-разрушительные силы и недооценили силы фактической инертности окружающей их действительности. Если к этому еще прибавить значительную пассивность народных масс при своевольной и безответственной деятельности отдельных лиц, оказавшихся случайно у власти, то станет вполне понятно, что при создававшейся тогда атмосфере, трудно было спокойно разбираться в рациональных началах финансовой политики; потому таковая, как уже говорилось выше, почти и не существовала вовсе.

Налоговой аппарат сам собою разрушался; обложение все более теряло свой смысл; и вместо него выступила другая более соответствовавшая историческому моменту форма принудительного государственного властвования — реквизиция и конфискация, принявшие под конец форму «принудительной разверстки» продуктов сельско-хозяйственного производства; наконец, в самый последний момент «разверстка», т. е. конфискация всего дохода сельского производителя, как указывалось выше, заменяется «натуральным налогом», т. е. отчуждением в казну лишь части дохода с признанием свободного распоряжения остальной частью. Этой мерой вновь восстанавливается обычный смысл

финансовой политики, хотя и в своеобразной полуденежной и полунатуральной форме.

Если бы первоначальный план советской власти — конфискация всего сельского дохода в форме разверстки — удался, то мы бы имели перед собой первый пример коммунистического безденежного хозяйства. Обладая всем запасом сырья, коммунистическое правительство располагало бы средствами не только для рационального направления всех производительных сил страны, но и для внешнего натурального обмена. Идя по этому пути, советская власть приступила к натурализации вознаграждения своих служащих и рабочих и к отмене денежных сборов за пользование предметами удовлетворения коллективных потребностей, — трамвайное и железнодорожное сообщение, почта, театры, бани и т. д. По своей основной идее это был единственный рациональный путь к тому, чтобы выйти из под слепой и гнетущей власти затопивших страну обезцененных и с каждым моментом все более обесцениваемых и все более затопляющих страну денежных знаков. Бумажно-денежное обращение в России уже давно потеряло какой бы то ни было финансовый смысл «инфляции»: это — слепая, стихийная сила, действующая самым пагубным образом на состояние производительных сил страны, лишая их какой бы то ни было устойчивости и уверенности в завтрашнем дне. Уничтожение этой бумажно-денежной стихийной силы является поэтому одной из неотложнейших реформ со стороны советской власти. Но этого нельзя достичь ни девальвацией, ни введением металлической (серебрянной) валюты или других каких либо «товарных» видов денег (соляных и др.). Единственным путем по прежнему остается путь дальнейшего натурализования обмена. Сейчас с отказом от разверстки и с допущением свободного рыночного обмена этот процесс натурализования может значительно затормозиться вновь вызванной силой бумажно-денежной стихии. Но как единственный путь натурализование обмена должно найти для себя средства и силы перебороть выступающую против него бумажно-денежную стихию. Или страна окончательно захлестнется безпредельным потоком бумажно-денежных знаков, или она станет прочно на путь натурального обмена — tertium non datur.

Нельзя серьезно говорить о подведении металлической основы под современные бумажно-денежные знаки в России — не

только серебрянной, но хотя бы даже медной или даже железной — потому что отсутствие товара немедленно сорвет всякое установленное властью соотношение между металлом и денежным (номинальным) знаком; и наступит такой же процесс обезценения металла, какой переживает страна по отношению к бумажным деньгам. Замена бумажно-денежных знаков каким либо товаром тоже не может явиться мерой реальной и разумной. Если такой товар по своей природе является предметом роскоши или во всяком случае предметом не первой необходимости, то во 1-х, такого товара (как и драгоценного металла) не может хватить в качестве основы хотя бы и девальвированной массы (едва ли даже учтенной!) денежных знаков и, во 2-х, если бы даже и хватило такого товара, то с ним неминуемо приключилось бы тоже самое, что́ и с металлическим основанием денег, т.е. при отсутствии продуктов потребления в стране наступил бы и по отношению к этому избранному продукту тот же процесс обезценения и сверх-инфляции. Если же товар, принимаемый за основу денежного обращения, явится предметом первой необходимости (как соль), то этим вводится ограничение потребления для самой бедной неимущей части населения, и кроме новых восстаний в результате ничего не получится.

Итак, охватившая Россию бумажно-денежная стихия выдвигает сама собою вопрос если не об окончательном уничтожении денежного обращения в обычном его значении, то о возможно бо́льшем его сокращении и о введении натурализованного обмена, хотя бы наряду с сокращаемым денежным обращением.

Неудачная попытка в этом направлении советской власти не устраняет необходимые для того меры, а, наоборот, делает эти меры неотложными.

Меры эти двоякого рода: натуральные концессии и натуральный кредит.

Но раньше, чем переходить к этим более общим вопросам остановимся несколько на некоторых фактических данных, рисующих общее состояние денежного хозяйства страны. Отметим здесь лишь два частных вопроса: во-первых, какие именно нужды вызывают потребность в денежных знаках? и во-вторых, каково хотя бы приблизительное количество этих последних?

На первый из этих вопросов сами коммунисты дают вполне определенный ответ, а именно: по данным «Экон. Жиз.» (№ 157 от 31 июля 1920 г.) «главную часть всех расходов, покрываемых

выпуском бумажных денег составляет заработная плата рабочих и служащих в государственных предприятиях и учреждениях». Согласно этим данным, в одной тогдашней Советской России — без Украины, Дона, Кавказа, Сибири и Туркестана — в первой половине 1920 г. насчитывалось 5 милл. рабочих и служащих, а принимая во внимание все окраины, да присчитывая еще получающих от государства ежемесячную пенсию инвалидов труда, жен красно-армейцев и т. д. наберется до 10 милл. душ. Средний денежный заработок со всеми прибавками определялся тогда в три тысячи руб. в месяц или ок. 40 тыс. руб. в год, а потому весь расход по этой одной статье бюджета должен был выразиться в 400 миллиардов (400.000.000.000) бумажных руб. Между тем, как такая важная отрасль государственных заготовок, как все сельско-хозяйственные продукты по твердым ценам в год составляли менее 20 миллиардов бум. рублей.

Соответственно таким потребностям в денежных знаках, естественно, увеличивался их выпуск.

До войны, на 1 января 1914 г. в среднем на душу населения приходилось 14 бум. рублей. За время войны количество бумажных денег быстро возрастало: на 1 янв. 1915, приходилось на 1 душу 21 бум. руб., на 1 янв. 1916 г. — 39 бум. руб.; в начале советского режима (к 7 ноября 1917 г.) — 117 бум. руб. и к 1 июля 1920 г. свыше 4.000 бум. руб.

По оффициальным данным бумажных денег было выпущено в России:

до 7 ноября	1917 г.	на сумму	18.916	милл.	руб
с 7 „	1917, по 1 ноября 1918 .	„ „	30.597	„	„
„ 1 „	1918, „ 1 окт. 1919 . . .	„ „	92.711	„	„
„ 1 окт.	1919, „ 1 янв. 1920 . . .	„ „	80.000	„	„

Позднейших точных данных пока еще не имеется, но по приблизительным подсчетам общая сумма бумажных денежных знаков уже достигла, а может быть уже и превысила совершенно фантастическую цифру — тысячу миллиардов рублей (1.000.000.000.000!).

Сопоставляя общую потребность в денежных знаках и наличное их количество, необходимо прийти к выше-установленному положению о возможности единого выхода — в продолжении процесса натурализации не только в области товарного обращения, но и натурализации самого государственного бюджета. Натуральный налог и натуральное вознаграждение являются к тому первым и весьма значительным шагом.

В связи с ними должно значительно измениться и самое финансовое управление страны. Так, напр., в связи с натуральным налогом вводится особый институт «налоговой инспекции», состоящий при нар. комиссариате продовольствия. В задачи новой инспекции входит наблюдение за правильным поступлением всех сырьевых налогов. Совнаркомом утверждено также и положение о представителях отдельных групп плательщиков налога, избираемых на общих собраниях из расчета одного представителя на 5 хозяйств. Представители плательщиков в раскладке налога по отдельным хозяйствам наблюдают за исправным выполнением налоговых обязательств плательщиками, участвуют в рассмотрении жалоб на допущение неправильности при обложении и взимании налогов и т. д. (см. Нов. Мир, № 101, от 2 июня 1921 г.).

С дальнейшим процессом натурализования народного хозяйства и другие «финансовые» учреждения должны будут или измениться или исчезнуть совсем из круга правительственных функций, уступая свое место чисто хозяйственным функциям общественно-профессиональных, производственно-кооперативных и др. организаций.

В тесной связи с этим должны стоять и два вышеотмеченных вопроса — о натуральных концессиях и натуральном кредите.

4. Советские концессии.

Концессии, также, как замена принудительной разверстки натуральным налогом, из всех экономических мероприятий советского правительства вызывают наиболее яростные к себе нападки со стороны противников советско-коммунистического режима. Не желая или не будучи в состоянии понять сущности развивавшегося в России революционного процесса, авторы этих нападков скорее отражают в них свое общее недовольство советской властью; и потому в этих нападках можно менее всего найти действительную критику мероприятий, выдвигаемых в области советской экономической политики, — тем более, что эти нападки, большей частью, принадлежат не авторитетным

экономистам, а отстраненным от власти партийно-политическим врагам русских коммунистов.

Чтобы подойти к оценке концессий, оставаясь в пределах научно-экономической внепартийной критики, необходимо исходить из того вышеустановленного общего положения, что современное народное хозяйство в советской России и связанное с этим положением состояние экономической политики советского правительства явились в результате окончательного истощения производственных средств страны. Вытекающая отсюда политика отчаяния не может строиться ни на нормальной системе обложения, ни на обычной системе государственного кредита. Истощенная и обнищавшая страна не имеет в достаточном количестве собственных производственных средств. Эти средства должны быть привлечены из заграницы в форме иностранного производственного капитала. Для привлечения этого капитала у советского правительства имеются лишь два пути: внешний товарообмен и концессии. И советское правительство стремится использовать оба эти пути. Смысл и значение внешнего товарообмена сами по себе понятны и ясны для каждого и о фактической возможности этого пути мы скажем подробнее несколько далее. Остановимся здесь на вопросе о концессиях, вокруг которого уже успело накопиться довольно много недоразумений.

Что должны представлять собою для России концессии вообще? в какой форме они допустимы с точки зрения целостности и независимости России, как государства? и при каких условиях они желательны и осуществимы на практике? вот три основных относящихся сюда вопроса.

Противники советской власти определяют концессии, как «высшее выражение эксплоатации чужой страны». Если в этом определении сделать ударение на слове «эксплоатация», то против такого понимания концессий никто спорить не станет: как явление капиталистического мира, концессии и не могут представлять собою по существу ничего иного, как способ эксплоатации капитала по отношению к трудящимся классам; в этом отношении концессии ничем не отличаются от других форм привлечения или водворения иностранного капитала, как, например, всюду легко допускаемое открытие фабрик и заводов или скупка соответствующих акций, или всюду широко развиваемое заключение внешних займов и т. д. Если же в данном выше определении

признак эксплоатации принять как само собою очевидный и неизбежный элемент концессий, являющихся одной из форм капиталистической эксплоатации вообще, и ударение сделать на слове «высшее» (выражение), то тут мы вступаем в область сравнительной оценки, требующей соответственного сопоставления с этой формой эксплоатации других возможных форм эксплоатации страны иностранным капиталом. Противники концессий не делают в этом отношении никаких указаний положительного характера, ограничиваясь простым словесным и по существу произвольным утверждением, не касаясь даже самых форм и условий концессий, опубликованных советским правительством в России и заграницей.

Раньше, чем перейти к более подробной оценке степени выгодности или невыгодности концессий, степени эксплоатации ими русского трудящегося народа и условий допустимости такой эксплоатации, установим здесь то общее и основное понимание концессий, из которого будем в дальнейшем исходить при их оценке.

Под концессией в общем смысле слова следует понимать предоставление государством частному капиталу исключительного права на приложение материальных средств в данной стране в хозяйственно-производственных целях. Предприниматель видит в концессии для себя выгоду от возможности приложить к делу свои свободные средства; государство видит в концессии для себя выгоду в ее хозяйственно-производственных результатах.

В этом смысле концессии вводятся у нас уже с XVII-го века сначала за отсутствием собственных предпринимателей по отношению к иностранцам, а позже концессии давались и отечественным капиталистам. Охраняя чисто национальные интересы страны, государство старается путем концессий привлечь частный капитал в такие области, куда по собственной инициативе капитал идет неохотно, не видя непосредственной для себя выгоды начинать дело. Отсюда всякая концессия точно обусловливается сроком действия, который не должен быть менее того времени, какое по рассчету капиталиста необходимо для покрытия всех произведенных им расходов и для получения обычной предпринимательской прибыли.

Для реализации концессий в России имеются на лицо как благоприятные, так и неблагоприятные обстоятельства.

К благоприятным обстоятельствам следует отнести, с одной

стороны, неотложную нужду советской России в производственных средствах, с другой стороны, столь же неотложную потребность иностранного капитала найти себе достаточное приложение.

К неблагоприятным обстоятельствам следует отнести, с одной стороны, желание советской власти сохранить и по возможности усилить и развить все те производственные отношения, какие необходимы для перехода от капитализма к социализму, а, с другой стороны, именно против этого перехода к социализму и борется частный капитал заграницей. Положение характеризуется тем, что социалистически настроенной советской России нужны производственные средства, находящиеся еще всецело в руках частных капиталистов, а частным капиталистам нужна Россия, находящаяся — тоже еще всецело — в руках социалистически настроенной власти. Тут мы имеем в расширенном международном масштабе ту же борьбу гетерогенных антагонистических интересов, какую во всякой стране ведет рабочий класс с классом предпринимателей, т. е., борьбу, результаты которой определяются в конце концов фактическим соотношением борющихся сил. Эта борьба может продолжаться, по существу, очень долго; но временно она часто может прерываться моментами перемирия в форме договорных соглашений. Эту временную стадию сейчас и переживает Советская Россия по отношению к прочим капиталистическим странам, с которыми она начинает заключать перемирия в форме торговых договоров.

Но этими общими торговыми договорами еще не решается вопрос об относительной выгодности концессий для каждой из заинтересованных сторон, также как не решается вопрос о реализации концессий, вообще. В момент, когда пишутся эти строки обе стороны стоят друг против друга в полном вооружении и с естественным недоверием по отношению друг к другу.

Чем фактически кончится этот момент напряженного состояния? Сейчас предвидеть это еще невозможно во всех подробностях. Но насколько можно судить об указанном выше состоянии обоих сторон, т. е. о критическом состоянии народного хозяйства России и не менее критическом состоянии иностранного капитала — этот момент может завершиться довольно продолжительным перемирием с соответствующими очень значительными уступками с обоих сторон. Иначе дальнейшая, такая же острая и безпощадная, борьба между Советской Россией и всем прочим культурным миром, и, в особенности, с Западной Европой приведет к крушению России, которая своими обломками неизбежно погребет и остальную Европу. Под этой угрозой в настоящее время происходит взаимоотношение России и других стран в области товарообмена; под этой угрозой должны будут решиться и конкретные условия реализации самих концессий.

С точки зрения целостности и независимости России, как государства, концессии могут быть заключены только в форме отдельных, всякий раз особых, срочных договоров с иностранными наиболее надежными фирмами по отношению к таким областям народного хозяйства, которые без иностранного капитала обречены были бы лежать втуне еще многие годы и, быть может, столетия. Такими областями советское правительство и намечает, с одной стороны, лесные концессии на Севере России и в Сибири с эксплоатацией недр и с сооружением в этих районах необходимых для производства достаточной сети железнодорожных и водных сообщений; с другой стороны, продовольственные концессии для тракторной обработки земли в недоступных совсем или в малодоступных для русского земледелия обширных степных пространствах Заволжья, Приволжья и Северного Кавказа; эти пространства, как весь Юг России, вообще, требуют огромных работ по орошению и регулированию влажности, но, к сожалению, на эту сторону вопроса как раньше, так и сейчас в России мало обращается внимания.

По частным газетным известиям предполагается еще предоставить ряд концессий менее выгодного характера и менее допустимого с принципальной точки зрения; это — концессии по открытию частно-капиталистических фабрик и заводов, постройке железных дорог и т. д. Этого рода об'екты концессии не желательны ни с точки зрения выгодности, ни с точки зрения общей тенденции и политики хозяйства переходного времени. Если крайняя необходимость и заставит советское правительство предоставить иностранному капиталу такого рода концессии, то эти последние должны быть немногочисленны и ограничены, по возможности, более кратким сроком. Только при этих условиях концессии не только допустимы, но и весьма желательны для под'ема производительных сил России. И в этом отношении советское правительство продолжает экономическую политику, как мы видели выше, уже давно выдвинувшуюся в истории русского народного хозяйства под воздействием чисто внешних условий

— обширности территории, слабости расселения и скудости производственных средств, т. е. производственного капитала.

Но чтобы указанная форма привлечения иностранного капитала явилась действительно реальной мерой, одинаково выгодной обоим сторонам, необходима наличность ряда определенных конкретных условий или ограничений для обоих договаривающихся контрагентов.

К этим ограничениям должны быть отнесены:

во 1-х, полная добросовестная гарантия со стороны советской власти в полной фактической возможности получения капиталом выговоренной в соглашении выгоды; но, с другой стороны, добросовестный и не на словах, а по существу, реальный и полный отказ со стороны концессионеров от участия или помощи в каких бы то ни было попытках интервенции по свержению господствующей в стране государственной власти, или, вообще, какого бы то ни было политического выступления против России,

во 2-х, концессии, как временное приложение производственных средств, ни в коем случае не должны переходить в отчуждение государственной территории или в захват ее концессионерами — в какой бы то ни было форме,

в 3-х, наконец, концессии должны являться источниками привлечения производственных средств, как орудия производства, сырья и т. д., а не быть только финансирующей операцией. С этой стороны по отношению к концессионерам должно быть ясно поставлено условие полного воспрещения ввоза в Россию обезцененных русских денежных знаков. Впрочем, это требование должно быть общей мерой финансовой политики правительства по натурализованию обмена, о чем подробнее будет сказано ниже.

Тут надлежит еще коснуться одного вопроса, подымающегося часто в эмигрантской печати.

Почему советское правительство пытается установить привилегию для иностранного капитала и не допускает возвращения в страну собственных средств?

Сторонники советской власти отвечают на это указанием на то, что собственного производственного капитала у русских нет и по национализации производства быть не может. Вывезенные заграницу финансовые рессурсы сливаются с таковыми же иностранного происхождения и русские торговопромышленные фирмы являются лишь отделениями иностранных фирм. И в этом отношении у советской власти нет никакой возможности воспрещать русскому капиталу принимать участие в концессиях. Но допущение самостоятельного частного капитала стояло бы в прямом противоречии с политикой национализации и регулирования всего отечественного производства, как единого целого. При этом привлечение иностранного капитала в форме концессий является временным средством, тогда как русский частный капитал всеми силами будет стремиться к своему сохранению и усилению, что́ всегда явится значительной угрозой политической реставрации.

Аргументации эти вряд ли можно признать сильными с принципиальной стороны. Опасения реставрации политического строя вряд ли могут быть основательны, если за небольшой группой отечественных капиталистов не будет стоять всеобщее неудовольствие советско-коммунистическим режимом. Наконец, фактически неверно утверждение об отсутствии в самой стране собственного частного капитала, — лишь распыленного и скрытого, но еще далеко не уничтоженного, даже, как мы видели выше, и не национализованного в полной мере. Все этого рода аргументации против допущения отечественных капиталистов-концессионеров являются выражением еще далеко не ослабевшей политической борьбы членов коммунистической партии. С ослаблением этой борьбы и вообще с укреплением государственной власти допущение отечественного частного капитала станет само собою неизбежным и даже желательным для восстановления производительных сил страны.

Не представляя ничего опасного и нежелательного для национальной целостности и независимости России, концессии, однако, могут стать весьма тяжелыми цепями для ее свободы, если не будут выполнены указанные выше условия реализации концессий, условия, о которых более подробно может идти речь лишь в самих соглашениях: тут от представителей советской власти потребуется большое напряжение сил и ума, так как этими соглашениями могут быть связаны не одно поколение будущих русских граждан.

Более подробную оценку и критику советских концессий можно будет дать только после того, как будут выработаны этого рода соглашения с отдельными концессионерами. Пока еще фак-

тически, насколько известно по периодической прессе, не заключено ни одного концессионного соглашения между советским правительством и иностранным капиталом. Таким образом, действительное осуществление этой меры еще все впереди.

Пока очень важно иметь в виду только одно основное требование, это — ввоз производственных средств и оборудование производства в самой стране в целях увеличения товарных, натуральных рессурсов. Именно в этом смысле речь должна идти не о концессиях вообще (как то было раньше), а исключительно о натуральных концессиях, стоящих в связи с указанным общим процессом натурализования русского народного хозяйства.

5. Натуральный кредит.

Идея натурального кредита в смысле практического своего осуществления для внутреннего товарного обращения впервые была выдвинута Прудоном во время февральской революции 1848 года. Одно время эта идея уничтожения денежного обращения привлекла к себе внимание экономистов, не только сторонников социализма, но и защитников капиталистического строя. Но затем она была незаслуженно высмеяна и почти совершенно забыта. Быть может, на долю русской революции и связанного с нею коммунистического опыта выпадает случай дать этой идее вполне ею заслуженное жизненное значение.

Натуральный кредит по отношению к государству может представляться в тех же двух основных своих формах, в каких представляется обычный публичный кредит, т. е. в форме долгосрочных и краткосрочных, а также внешних и внутренних займов.

О краткосрочном кредите в области денежного обращения будет подробнее сказано ниже. Что же касается внешних займов, то их можно себе легко представить в форме получения в кредит из заграницы определенного количества машин или орудий производства или даже сырья с обязательством возвращения за них эквивалентного количества сырья или товаров. Эквивалентность, как и условия срока, форм расчета и проч. устанавливаются соответствующими договорами на общем международно-правовом основании. В обеспечение своевременности и полноты погашения взаимных обязательств Россия за получаемый ею немедленно товар может предоставить в залог свои природные рессурсы, которыми продолжает пользоваться она сама, но лишь в такой степени, что этим пользованием не уничтожается основная ценность данного источника (леса, рудники и проч.). На этих основаниях, как выше указывалось, может быть построена и самая система натуральных концессий.

Натуральный кредит в области международного товарного обращения, естественно, может найти себе место скорее в странах, более пострадавших от войны, как напр., Германия и Италия — или в таких странах полунатурального хозяйства, как Чехословакия или Югославия; в странах же с развитым финансовым капиталом натуральный кредит встретит со стороны этого последнего серьезное сопротивление, так как проведение натурального кредита лишает финансовый капитал посредничества и связанной с этим посреднической прибыли.

В более широкой степени может найти себе приложение натуральный кредит внутри самой страны — во 1-х, по отношению к государству, как финансовая мера, и, во 2-х, по отношению к товарообмену, как мера общеэкономическая.

Попытка осуществления принудительного натурального кредита уже была произведена советской властью все в той же общей мере обязательной разверстки. Однако, сельские производители не приняли эту меру за кредитную операцию, лишив ее основного элемента всякого кредита — доверия. Элемент принуждения окончательно дискредитировал эту меру, превратив ее из займа в безвозвратное отчуждение.

Подорвав этим доверие к себе населения, советское правительство должно теперь пойти совершенно иным путем: не непосредственно через свои правительственные органы, а через посредство стоящих близко к населению и пользующихся с его стороны полным к себе доверием общественно-экономических организаций. Из таких организаций первое место должно принадлежать кооперации совершенно освобожденной от регламентации правительственной власти. Свободное сотрудничество советского правительства с самостоятельной (в хозяйственном смысле) кооперацией может явиться одним из самых прочных оснований для укрепления советско-коммунистического режима, как особой формы «народоного хозяйства переходного времени».

Натуральный кредит, как новую форму товарного обращения, легко себе представить в дальнейшем развитии тех операций, которые до последнего времени с таким успехом производила русская кредитно-производительная кооперация.

Все сельские производители — крестьяне и кустари — об'единяются в соответствующие основные производственно-кредитные организации. Представители этих основных организаций составляют смешанные советы или конференции с привлечением представителей мелкой и крупной промышленности. На этих советах или конференциях по взаимному соглашению устанавливается схема эквивалентности различного рода продуктов сельского и промышленного труда. Для всякого сколько-нибудь значительного района устанавливается своя расценка в зависимости от местных условий (урожай, обезпечение сырьем, топливом и т. д.). Наряду с этим из представителей всех основных или первичных производственно-кредитных организаций образуется кооперативная биржа и кооперативная расчетная палата со своими складами и магазинами. Эти биржа и палата стоят в непосредственной связи с кооперативно-распределительным центром, подобно тому, как отдельные производственно-кредитные кооперативы стоят в связи с соответствующими местными потребительными кооперативами.

Кооперативная биржа является вместе с тем посредствующим органом между правительственной властью и народным производством. Ограничивая собственное казенное хозяйство возможным минимумом — почтовое сношение, железные дороги, производство вооружения и предметов снабжения армии, — с отнесением сюда же всей или части тяжелой индустрии (добывающей промышленности), правительство получает необходимые для него средства натурой через кооперативную биржу и натурой рассчитывается со своим служебным классом, доведенным в своей численности до минимума, вследствие отпадения от правительства целого ряда функций.

Борьба с бюрократизмом уже давно озабочивает советскую власть. Расширение бюрократического аппарата диктовалось интересами самозащиты и военным периодом в деятельности советского правительства. Наступает момент, когда не только вследствие необходимости сокращения государственных расходов, но и по самой идее нового общественно-хозяйственного строя,

приходится самым тщательным образом пересмотреть накопившиеся за время царизма и революции многочисленные, часто не только совершенно излишние, но и вредные для жизни страны, функции правительственной власти и связанные с их осуществлением правительственные учреждения.

Уже выше, в главе о рабочем вопросе, отмечалось, как само собой уничтожалось внутреннее содержание правительственного ведомства труда. С постепенным сосредоточением народного производства и распределения в руках рабочих профессиональных союзов и производственно-кредитных и потребительных кооперативных организаций, сами собою должны уничтожиться такие ведомства, как комиссариаты промышленности, продовольствия и др. Не только чисто хозяйственные функции правительства должны значительно сократиться, но и такие функции, как забота о народном просвещении должна перейти, если не всецело, то в значительной своей части общественным или народным сводобным установлениям, как например, университетам, которые легко могли бы стать самостоятельным центром народного просвещения для целого значительного района.

С'узившись до пределов трех-четырех главнейших ведомств — внешней торговли и дипломатии, военно-морского, внутреннего правопорядка и путей сообщения (включая почтовые сношения) — советское правительство значительнейшим образом могло бы содействовать этим укреплению государственной власти, опирающейся на прочное и здоровое основание народно-хозяйственных организаций.

Выдвигаемый всем ходом русской революции вопрос о натурализовании обмена легко допускает несколько способов для своего разрешения, так же, как несколько форм для своего внешнего выражения. Но каковы бы ни были решение и внешнее выражение этого вопроса, он по необходимости всегда будет тесно связан с многоразличными операциями кредитного характера. В этом имено смысле и указывалась выше связь этого процесса с идеей Прудона об уничтожении капиталистической власти денег. Натуральный кредит в этом отношении выдвигает уже очень старую проблему «трудовых денег».

Идея «трудовых» денег очень проста и осуществление этой идеи при социалистическом строе не может встретить сколько-нибудь значительных препятствий. Но для «хозяйства

переходного времени», конечно, тут могут легко встретиться некоторые осложнения чисто практического характера.

Трудовые деньги это прежде всего формальное удостоверение на право соответствующей доли в общем продукте национального труда. Трудовые деньги выполняют функции двоякого рода: во 1-х, они служат платежными средствами при выборе предметов по удовлетворению потребностей различного рода и характера, а во 2-х, они являются условием накопления средств для удовлетворения потребностей в будущем. Размер причитающейся доли в общем продукте национального труда определяется соответствующим участием в общем процессе народного производства.

В «переходную» эпоху народного хозяйства «трудовые» деньги вводятся постепенно на ряду с натурализованным вознаграждением, но с отказом от дальнейшего выпуска капиталистических денег и с постепенным уничтожением этих последних при поступлении их в казну. Трудовые деньги должны иметь преимущество перед прежними капиталистическими деньгами в том отношении, что трудовые деньги выдаются в начале исключительно в таком размере, в каком имеется на лицо покрывающий их товар. Отсюда в первое время трудовые деньги имеют натурализованное выражение, т. е. они представляют собою денежные знаки со строго определенными номенклатурой и количеством товара и для затруднения спекуляции ими они должны быть ограничены по возможности кратким сроком. В этом смысле введению настоящих трудовых денег должно предшествовать установление чеково-трудового обращения; такие «трудовые» чеки (трудчеки) могут быть в начале даже именными.

Практически дело представляется в следующем виде. Всякий производитель, или член профессионально-производственного союза (в крупной промышленности), член соответствующей кооперативно-производительной организации и т. д. при сдаче продукта своего труда получает от данной организации соответствующее удостверение, которое он может или немедленно обменять в потребительной лавке на необходимые для него предметы потребления или отдать на хранение соответствующей кредитной организации (сберегательной кассе). Для обеспечения товарного покрытия за трудовыми чеками и трудовыми деньгами постепенно открываются специальные потребительно-трудовые склады, в

которых отпуск товара обусловлен пред'явлением трудовых денежных знаков. На этой почве с развитием подобных операций со временем образуется, как указывалось раньше, соответствующая сеть кредитных учреждений — как рассчетные палаты, центральные банки с многочисленными местными отделами, ссудо-сберегательные кассы и т. под.

Таким образом, если при капиталистическом строе основанием денег (настоящих реальных денег, а не суррогатов их — денежных знаков) является по необходимости металл или, вообще, товарное обеспечение, то при чисто-социалистическом строе таким основанием должен служить самый труд в форме затраченной энергии и соответствующей ей компенсации. При «переходном» состоянии народного хозяйства рядом с постепенным уничтожением прежних капиталистических денежных знаков должны быть введены трудовые денежные знаки в форме трудовых чеков (трудчеки) и натуральных паев (натурчеки) при общем натуральном обмене — строго регулируемом государственной властью, но осуществляемым через посредство свободных хозяйственных организаций.

Только при таких условиях может успешно завершиться процесс окончательной замены капиталистических товарных денег деньгами трудовыми, социалистическими.

При этом само собою разумеется, что натурализация товарного обращения необходимо предполагает наличность строгого регулирования спроса и предложения. Но такое регулирование может быть достигнуто, конечно, не декретными воспрещениями частной торговли, а только широкой и действительно прочной хозяйственно-общественной организацей. Такая организация, заняв прочное положение в стране, решительнее и успешнее всяких насильственных правительственных мер уничтожит частную торговлю, которая при стесненных условиях рынка может быть только спектулятивной, т.-е. подрывающей самые основы, необходимые для восстановления нормального производственного процесса в стране.

И тут — в области товарного обращения и финансов — мы встречаемся с общим положением, служившим для нас руководящей идеей в продолжении всего настоящего исследования: народное хозяйство в настоящее время представляет собою единный, неразрывный, органически-целый, очень сложный процесс, в кото-

ром всякое отдельное звено тесно обусловлено всем целым и успешность самого этого целого обусловлена приспособлением к нему всех его отдельных звеньев и частей.

Современный капиталистический строй, руководимый не всеобщим интересом, а частным корыстным расчетом, уже тем самым представляется недостаточным и потому неизбежно обреченным уступить свое место новому порядку вещей, в котором указанные единство и целостность народного хозяйственного процессе получат себе более полное осуществление.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Сделанный выше общий обзор состояния народного хозяйства в России завершается моментом нового коренного перелома в экономической политике советской власти. С признанием несостоятельными целого ряда прежних правительственных мероприятий с весны 1921 года в советских кругах выдвигается новый лозунг к перемене «экономического курса».

Этот лозунг с присущей советской власти быстротою и решительностью немедленно начал проводиться в жизнь. Фактические результаты «новой» экономической политики сейчас предвидеть еще трудно; но тенденции, характеризующие общий уклон экономической жизни страны, обнаруживаются довольно отчетливо уже и в настоящий переходный и бурный момент русской революции.

Когда в результате «октябрьского переворота» правительственная власть перешла к представителям коммунистической партии (большевиков), отчасти в силу продолжавшейся инерции революционного радикализма и борьбы с контр-революцией, отчасти в осуществление партийно-догматических требований революционного марксизма экономическая политика не пошла по первоначально намеченному самими коммунистами (Лениным) пути «хозяйства переходного времени». Медленное и постепенное раскрытие этой формулы, создавшейся еще в первые дни русской революции, не соответствовали настроению и запросам «революционной демократии», быстро превращавшейся в «революционный пролетариат» с явным стремлением к исключительному господствующему в стране положению. Этому стремлению более соответствовала другая формула: «диктатура пролетариата» с присущей ей попыткой быстрого и решительного уничтожения всяких следов прежнего капиталистического строя и господствовавшего раньше буржуазного класса. По этому пути и направилась экономическая политика советской власти. Наступил период ничем по существу не сдержимаго, грубого и жестокого принуждения и насилия, принявших следующие четыре внешние

формы: форму национализации по отношению к крупно-капиталистическим банковым и промышленным предприятиям, форму трудовой повинности — по отношению к рабочим, форму принудительной разверстки — по отношению к широкой крестьянской массе, занятой земледелием, и, наконец, форму натурального пайкового снабжения широких слоев населения.

На этих четырех началах — национализации, трудовой повинности, разверстке и натурального снабжения — было предположено установить новую хозяйственную систему государственно-централистического коммунизма. Отринув начало личной хозяйственной заинтересованности, как один из основных элементов капиталистического строя, новая система пыталась во благо более широкого коллективного обще-народного или даже пролетарско-мирового интереса опереться на своего рода принцип пролетарско-просвещенного абсолютизма — с тем, чтобы революционным (т. е. по существу принудительным) путем осуществить давние заветы социализма.

Этот опыт введения коммунизма не удался.

Причинами неудачи являются: слабость и недостаточность марксистской идеологии, которой руководились вожди движения, инертная сила старого централистического бюрократического аппарата и крайняя инертность самих широких масс населения. Представлялась такая картина: на верху, в центре страны, думала, говорила и давала распоряжения (декреты!) небольшая группа идеалистически настроенных горячих приверженцев идеи всеспасительности мировой социальной революции, направляемой прежде всего на сокрушение ненавистного им современного буржуазно-капиталистического строя; затем, внизу — огромная безцветная, серая и темная крестьянская масса; чуждая социально-революционной идеологии, враждебная к созданной революцией автократической власти народных комиссаров, эта масса хранила, как и до революции, глубокое молчание, бездействовала и лишь иногда стихийно подымалась на своих притеснителей, не различая «красных» и «белых», являясь в большинстве случаев слепым орудием в руках отдельных политических авантюристов; наконец, между подвижным и актуально-настроенным верхом и молчаливым инертным низом стоит застывший и оцепеневший советско-бюрократический аппарат, отправляющий свои какие-то особенные и ему лишь понятные функции, одинаково чуждые и далекие, как по отношению к требованиям революционных верхов, так и к сколько-нибудь живым интересам широких масс на низах. Жизнь как бы разбилась на три совершенно отдельные и самостоятельные течения. Одно — выражает собою тяжелые и безплодные потуги чисто головным умозрительно-отвлеченным путем, считаясь не с живой действительностью а лишь с узкой партийной догмой, при помощи каких угодно средств спасти страну от угрожающего ей порабощением западно-европейского империалистического капитализма. Другое течение представляет собою своего рода «пир во время чумы», т. е. отвратительную картину зарождения новой советской буржуазии, направляющей всю свою энергию и деятельность на попечения и заботы о личном благополучии, пользуясь преступной спекуляцией или причастностью к правительственному аппарату, — всесильному и безответственному, мертвому чуждому, как по пониманию, так и по выполнению всех тех широких планов, которые от времени до времени рождаются в головах отдельных вождей-энтузиастов. Наконец, третье течение — безцветная, как и раньше, узкая, жалкая «местная» жизнь основных и самых широких масс населения с их узкими интерсами и заботами мелкой повседневности. Взаимоотношение этих трех течений выражается только в том, что рождающиеся на верху идеи, часто подвергшись в бюрократическом аппарате полному извращению, доходят до низов в форме оголенного насилия и полного произвола. Отсюда так часто раздававшийся в первое время советскаго режима лозунг: «долой коммиссаров, да здравствуют советы!»

Одно голое принуждение, естественно, могло дать только самые отрицательные результаты, которые вполне обнаружились уже на третий год господства советской власти; и, как уже указывалось, с весны 1921 г. было решено направить экономическую политику по новому пути.

Основой «нового курса» было признано начало регулируемого правительством товарообмена, покоющегося на личной хозяйственной заинтересованности производителей. В этом отношении новая экономическая политика советской власти, отказываясь от своего прежнего опыта «введения коммунизма», возвращается к своей первоначальной идее «хозяйства переходного времени».

Осуществление этой идеи проходит довольно длинный последовательный ряд этапов.

Первым таким этапом по осуществлению новой экономической политики советской власти явилась вышеописанная замена принудительной разверстки продовольственным налогом. В тесной связи с этой мерой, как указывалось, явилось разрешение продажи по вольным ценам излишков, остающихся после уплаты продовольственного налога. Сначала допускался только один местный оборот; но мелко-буржуазная стихия, прорвав плотину, воздвигнутую против нее коммунистическим опытом, не остановилась и начала быстро овладевать товарным оборотом в общегосударственном масштабе. На борьбу с алчной и хищной новой мелко-капиталистической буржуазией выступила кооперация, принимающая постепенно новый характер и обещающая стать в будущем одним из основных факторов организации хозяйственных сил страны. Допуская вольную продажу, советская власть была вынуждена затем снять свой запрет и с вольной промышленности; к этой последней мере кроме того принуждал и самый факт недостатка в топливе и сырье. Не прибегая пока еще к окончательной «денационализации», советское правительство решает ограничить область государственной (национализованной) промышленности небольшим числом наиболее крупных и лучше поставленных предприятий, а все остальные промышленные предприятия начать сдавать в аренду кооперативам или даже частным лицам, во многих случаях их прежним владельцам. Этим сам собою решается затронутый нами выше вопрос о допущении в Россию сохранившегося за границей национального капитала, на ряду с политикой концессий по привлечению в страну и иностранного капитала. Наконец, последующим, но далеко еще не последним этапом по пути осуществления идеи «хозяйства переходного времени», должно явиться разрешение вольного банкового дела и связанных с ним различного рода финансово-кредитных операций.

Таковы общие тенденции новой экономической политики советской власти; само собою разумеется, что с изменением общеэкономического базиса страны должна будет значительно измениться и самая финансовая политика советского правительства.

Первый период обще-экономической политики, характеризующийся попыткой введения государственно-централистического коммунизма, сам собою уничтожал «финансы», как самостоятельную ветвь экономики. Финансовый план (бюджет) неразрывно сливался с обще-экономическим планом, а денежное хозяйство, естественно, должно было в конце концов уступить свое место строго регламентированному государственно-натуральному хозяйству. С отказом от коммунистического опыта и с принятием идеи «хозяйства переходного времени» с неизбежно присущими такому хозяйству некоторыми элементами капиталистического строя, само собою выступает необходимость установления денежного оборота, а с ним вновь выступает и «финансовое хозяйство», как более или менее самостоятельная отрасль государственного управления, т. е. государственный бюджет вновь получает свое самостоятельное значение по установлению своих особых источников поступлений и своих строго определенных статей расходов. Поскольку собственные государственные (национализованные) хозяйственные предприятия (казенные заводы, леса, пути сообщения, почта и телеграф и т. д.) явятся недостаточными источниками поступлений для покрытия остающихся все еще очень широкими общих задач государственного управления, сам собою выдвигается вопрос о соответствующей налоговой политике и о государственном кредите; в связи с этим можно думать и самая идея «национализации» изменит свой основной характер, превратившись в идею государственной монополии в ее узко-фискальном значении и смысле.

Таковы тенденции и ближайшие перспективы экономической политики советского правительства. В этой перемене курса, как бы она ни была резка и решительна, пока еще не приходится видеть отказа советской власти от своей основной цели — установления такого строя, который обезпечивал бы господствующее положение не за владельцами орудий и средств производства (капиталистами), а за широкой массой трудового населения (пролетариата). Не отказываясь от этой цели, советская власть меняет лишь пути и средства к ее достижению: инертная сила окружающей мелко-буржуазной стихии оказалась сильнее революционного энтузиазма и веры во всеспасительность социальной революции; и считаясь с этим фактом, советская власть решается стать на путь уступок и соглашений, продолжая по прежнему верить в возможность полного преодоления мелко-буржуазной стихии в будущем, когда, с одной стороны, еще более укрепится в стране сама советская власть и когда, с другой стороны удастся подвести под ее политику более прочный хозяйственный базис.

С точки зрения логики и последовательности тут противоречий нет. Другое дело — оправдаются ли эти ожидания? когда? и в

какой степени? Все это — вопросы одинаково гадательные и неопределенные, как для противников, так и для самих сторонников советского режима. Решение этих вопросов сейчас не может быть дано ни умозрительным суждением, ни опытом прошлого: это — вопрос веры, убеждений, стремлений и действия.

В этом отношении далеко не правы все те из противников коммунизма, кто в неудачных мероприятиях советского правительства видят подтверждение своим убеждениям в несостоятельности установившегося в России нового режима, а с этим и в несостоятельности *всякой* попытки, направляемой к замене ныне господствующего капиталистического строя каким-либо иным укладом социально-экономических отношений. Но не правы и те из наиболее горячих и правоверных приверженцев революционного коммунизма, кто опасается, что уступки натиску мелко-буржуазной стихии, ослабляя уже завоеванные позиции коммунизма, неизбежно должны будут привести к востановлению в стране прежнего капиталистического строя.

Как те, так и другие не правы по существу дела, так как они забывают или игнорируют целый ряд обстоятельств чрезвычайно важного, как фактического, так и принципального значения.

Прежде всего всякая экономическая политика, как попытка воздействия власти на фактически складывающееся положение вещей, имеет по самой своей природе определенные пределы для своего претворения в жизни; а потому для полной беспристрастной оценки *существа* вопроса не достаточно считаться только с той или иной степенью достигнутых результатов, но необходимо считаться и с самой *идеей*, какая положена в основание данного акта. Так, в момент, когда общество охвачено злостной спекуляцией, нельзя не признать по существу положительным желание государственной власти противодействовать вредному влиянию спекуляции; другой вопрос, на сколько разумны и целесообразны с этой точки зрения те отдельные меры и распоряжения, которыми правительство пытается бороться с проявлениями данной язвы общественности, — на сколько эти меры и распоряжения встречают для своего претворения в жизни поддержку или противодействие со стороны данной окружающей среды в целом или в отдельных ее элементах. Таких примеров борьбы власти, пытающейся провести в жизнь новые разумные начала, и самой среды, отвергающей эти начала в силу своего непонимания или узкого

преступного эгоизма — безконечное множество в области социальной политики. И далеко не всегда по существу рациональные и правильные начала фактически находят себе немедленное осуществление. Достаточно, напр. представить себе различные попытки по установлению нормальных («справедливых») цен, рациональной системы обложения, правильного денежного обращения и т. д. Все эти меры, не смотря на всю их бесспорную желательность, могут встречать и фактически встречают значительнейшие противодействия со стороны отдельных элементов общества — косных, хищных или просто узко-эгоистических. Но от того, что эти меры не всегда получают себе полное осуществление в жизни, они еще не является ни утопическими, ни нежелательными. А если так, то сама собою на сцену выступает старая как мир идея «просвещенного деспотизма». Не только в широкой сфере социально-политических отношений, но и в личной жизни каждый из нас встречается с этой идеей, принимает ее и с ней борится, — принимает с тем, чтобы ее отвергнуть и от нее отказаться, но отвергнув ее, вновь неизбежно с ней сталкивается и вновь принимает. Как бы ни было избито и тривиально, но не совсем неправильно так часто приводимое ныне сопоставление переживаемой нами эпохи принудительного водворения социализма с эпохой насильственного водворения европеизма в России, как новой и более высокой формы социально-экономического уклада по сравнению с господствовавшим до него патриархальным строем.

Что социалистический строй *по существу* знаменует собою высшую ступень в развитии современных социально-экономических отношений, в этом вряд ли кто знакомый с учением социалистов может сомневаться; и не это, обыкновенно, является предметом споров и расхождений во взглядах современных экономистов, а вопрос о степени возможности или о возможности вообще наступления или водворения социализма? каким путем? в какой форме?

Можно считать осуществление идей социализма делом весьма сложным и трудным или даже вещью вовсе не осуществимой при данных условиях, но нельзя отрицать в социализме идеи не только высшего, но и более желательного нового общественного строя. Если бы все те, кто считал и считает себя социалистами по убеждению, прониклись по существу *идеей* социализма, а не убивали бы своей веры мертвой догмой партийных разногласий и не ослабляли бы своей воли борьбой из-за мелочных, по существу

относительных и временных партийных разногласий — быть может для осуществления социализма или хотя бы для приближения к его осуществлению и не понадобилось бы всех тех неисчислимых жертв, какие уже потребовал себе русский коммунистический опыт и какие быть может в неизмеримо большем числе еще потребует себе коммунистический опыт в обще-мировом масштабе.

И тут выступает перед нами еще одно обстоятельство, которое забывают или игнорируют противники нового курса в экономической политике советской власти.

Дело в следующем.

Русский советско-коммунистический опыт пытается опереться на требования и положения марксизма. Но весь трагизм, так назыв., «научного», т. е. марксистского социализма заключается в том, что он не дал никакого положительного учения о будущем общественном строе. Вполне правильно признавая практически не осуществимыми «утопические» построения великих идеалистов, своих предшественников, К. Маркс и его ближайшие последователи останавливались по преимуществу на условиях крушения капиталистического строя. Исходя из того убеждения, что претворение идеи в конкретную действительность есть уже дело самой жизни, Маркс и его последователи отказывались давать социальные рецепты и не брали на себя ответственности за то, как создаваемые ими идеи будут фактически перевоплощаться в жизни — подобно тому, как композитор, не будучи виртуозом и не беря на себя самое выполнение созданного им музыкального творения, не берет на себя ответственности за то, как данное творение будет претворяться в звуки отдельными исполнителями — виртуозами.

Отсюда само собою вытекало, что русским исполнителям идей марксизма приходилось итти своей совершенно самостоятельной дорогой, считаясь с настроением масс и с фактически складывающимся положением вещей. Отсюда русский социальный опыт и приобретает совершенно исключительное общемировое значение: он впервые в истории человечества решается в общегосударственном масштабе претворить идею социализма в живую конкретную действительность. На сколько это удается или удастся русским коммунистами? это — уже вопрос иной; это — вопрос о достаточности или недостаточности средств и условий, а не вопрос о правильности или неправильности самой идеи.

Выше были подробно разобраны те средства, какими русские коммунисты пытались «ввести коммунизм» в Россию; эти средства оказались негодными и пришлось обратиться за новыми. На сколько пригодными окажутся эти новые средства в значительной степени зависит от тех условий, при каких эти средства будут прилагаться — и тут перед нами выдвигается третье весьма важное обстоятельство, которое не приходится упускать из виду при оценке нового экономическаго курса.

Каковы те условия, при которых протекает самый процесс осуществления идей социализма или приближения к их осуществлению в России? Эти условия носят одно общее наименование р е в о л ю ц и и. Но всякая революция, как внезапное разряжение накопившейся энергии, имеет по существу отрицательно-разрушительный характеръ; задача революции прежде всего сокрушить исторически сложившийся порядок вещей с тем, чтобы очистить и подготовить место новому общественному строй. Террор и насилие присущи революции, как всякой стихии. В этом и положительная, и отрицательная сторона революционной стихии: как гроза она очищает воздух и оживляет природу, но и как гроза она сокрушает вековые дубы, затопляет поля и нередко побивает и совершенно уничтожает самые богатые всходы. При сокрушительном натиске революционных сил нельзя требовать того спокойствия, той обдуманности и планомерности, какие естественно ожидать от государственной власти при нормальном состояние общества. Отсюда вполне понятно, что советская власть, убежденная в правильности своей основной идеи и уверенная в ее практической осуществимости, но встречающая на своем пути сильное противодействие, враждебность и открытую борьбу, далеко не всегда в состоянии разобраться в относительных качествах имеющихся в ее арсенале орудий и средств. Отсюда и экономическая политика советской власти по необходимости отражает на себе окружающее революционно-боевое настроение и часто проявляет революционнно-судорожные порывы, бросаясь от одной крайней меры к другой тоже быть может крайней, а потому малоуспешной и недостаточной мере. В этом отношении отдельные мероприятия советского правительства могут вызывать и по справедливости вызывают самую жестокую их критику. Но эта критика еще не доказывает несостоятельности самой идеи, лежащей в основании векового стремления к низвержению старого капиталистического строя, с такой отчетли-

востью обнаруживающего самые отрицательные свои свойства, новым социалистическим строем, в котором данные свойства могут быть ослаблены или совершенно уничтожены.

И так, для оценки «нового курса» в экономической политике советской власти надо считаться с тремя сейчас указанными обстоятельствами, а именно: с ограниченности действия всякой экономической политики, как воздействия власти на более или меня инертную и косную социальную среду, с отсутствием у современного социализма какого-либо положительного учения о построении будущего общественного строя, т. е. с предоставлением самой жизни находить соответствующие идее средства к ее осуществлению и наконец — с революционно-стихийным, по существу отрицательно-разрушительным, характером переживаемой эпохи.

Эти три рода обстоятельств об'ясняют возможность, и даже неизбежность — ошибок и ложных шагов при всякой попытке осуществления в жизни какой либо социальной идеи. Но чем эта идея значительнее, тем бо́льшая ответственность лежит на всех тех, кто берется за ее осуществление в жизни, и тем строже и безпощаднее должна отнестись к ним критика. И в этом отношении, по сознанию даже самих коммунистов, советским правительством был сделан целый ряд грубейших и непростительных ошибок.

До последнего времени, как не раз указывалось выше, советская власть (как до нее Временное Правительство) шла на поводу внешних для нее стихийных сил революции: ни Временное Правительство, ни советская власть не находили в себе сил сдерживать и регулировать революционный процесс по собственной воле, выраженной в единстве, планомерности и последовательности. Ленин с присущей ему до дерзости откровенностью сам это констатировал на IX с'езде коммунистической партии весною 1920 г.: «мы плыли по течению, потому что нельзя было выделить элемента правильного и неправильного». Если в первое время захвата власти вожди господствующей партии могли оправдываться, что они «наглупили достаточно» потому, что: «откуда было взять ума, когда они в первый раз брались за новое дело?» — то теперь, на 4-ый год своего господства для руководителей судьбами страны и народа подобное оправдание становится преступлением, вменение которого современный уголовный кодекс

определяет наличностью двух признаков: «сознания совершаемого и предвидения его последствий».

С этой точки зрения «преступлением» были многие мероприятия советской власти, которые она проводила, если и в «запальчивости и раздражении» по отношению к боровшимся с нею политическим партиям, то все же в вменяемом состоянии, т.-е., в состоянии полной ответственности за свои действия и поступки.

Главнейшими из этих «преступлений» советской власти надо признать следующие три: партийную гегемонию, подавление общественности и насильственную коммунизацию деревни.

Свободное, как религия, исповедание политических убеждений и идеалов советская власть превратила в предмет своего рода «коммунистической инквизиции», угрожая партийной догмою умертвить всякое творческое проявление живой русской общественности. В этом отношении одним из тягчайших »преступлений» советской власти являлась попытка умерщвления русской кооперации, как одного из наиболее ярких и стойких выразителей независимой русской общественности. Русская кооперация уже с самого своего начала выдвинула на своем знамени свободное культурное развитие производительных сил страны. В отличие от других стран русская кооперация с'умела с самого своего зарождения и до последних минут своего независимого состояния подчинить мелко-буржуазный хозяйственный интерес интересу широкого интеллектуально-культурного прогресса. Кооперация могла ошибаться в своей социальной идеологии, как ошибались например, наши первые народники с Чернышевским во главе в идеологии общинного быта. Но подымать на русскую кооперацию руку было так же преступно для советской власти, как было преступно царской власти подымать руку на русскую поземельную общину. Никому из экономистов никогда не приходило в голову искусственно «задерживать» естественный процесс распадения общины. Но Столыпинский опыт разрушения общины насильственным путем был вызовом со стороны реакции по отношению к радикальной части русского общества и потому был встречен всей русской общественностью открытым негодованием, получившим себе завершение в убийстве его инициатора. Никому из экономистов не приходило в голову сомневаться, что кооперативная организация мелко-буржуазных элементов должна будет со временем стать основой общегосударственной политики в области более широких экономических отношений; но разгон

старых кооперативных работников и попытка превратить кооперацию в подчиненное партийной диктатуре ведомство не могут не вызывать к себе открытого негодования со стороны всех представителей русской общественности.

Наконец, конфискация всего дохода крестьянского сельскохозяйственного производства — безразлично из-за каких-бы общих идей и целей она ни предпринималась — является «преступным» актом советского правительства, если и не по «злой воле», то по проявленной им недостаточной серьезности в разрешении веками сложившегося «крестьянского вопроса». Не отдавая себе отчета в бытовых условиях русского крестьянства, советское правительство, как указывалось выше (в главе о сельском хозяйстве) «преступно» игнорировало коренные интересы русского крестьянина, безразлично, в данном случае, является ли он в образе кулака, или середняка, или «пролетарского» сельского рабочего. Своей политикой советское правительство не облегчило, а затруднило рациональное решение этой, одной из насущнейших проблем народно-хозяйственного строительства в России.

Не трудно было бы привести еще не мало и других грехов и «преступлений», совершенных советским правительством при осуществлении им своего опыта по насильственному введению коммунизма в России. Экономический результат такого рода «политики» оказался весьма плачевным: советской власти не удалось одержать победы на хозяйственном фронте, как это ей удалось на военном фронте — в гражданской войне и в борьбе против интервенции и блокады. Но об'яснений такой неудачи в сфере хозяйственных отношений надо искать не столько в отдельных мероприятиях советской власти, как бы неудачны и отрицательны они бы не были сами по себе, сколько в том общем положении, какое создавала русская революция.

В этом отношении надо ясно сознать, что хозяйство и революция — «две вещи не совместные». Хозяйство, как организация производительных сил общества, необходимо требует для себя определенного и прочного основания. Революция же, как политическая борьба, по самой своей сущности предполагает быструю, энергичную, порывистую, решительную деятельность, подчас жестокую и безпощадную в своем стремлении к разрушению всего старого и насильственному установлению нового. Всякая революция может относительно легко достигнуть своих разрушительных целей; но никакая революция не в состоянии на

долго удержать за собой всех своих достижений и завоеваний. Как сильное, внезапное разряжение накопившейся в обществе энергии, революция в состоянии чрезвычайно резко изменить установившийся веками порядок вещей; но когда вслед за революционным под'емом наступают истощение революционной энергии и ослабление революционного порыва, в обществе начинают постепенно выступать таящиеся в нем его стихийные силы — инерция, пассивность, желание покоя, простого животного насыщения и довольства; и эти стихийные силы общества начинают все более и более охватывать узким кольцом революционные элементы пока совсем не задушат их инертной силой своих масс.

Запас революционной энергии в обществе сам по себе обыкновенно бывает не очень велик, но он значительно пополняется внешним раздражением — в особенности со стороны других стран, опасающихся проникновения революции и пытающихся противопоставить революционному насилию собственное насилие. В этом отношении враждебное выступление всех современных государств, в лице их стоящих у власти правительств, против создавшегося в России революционного советско-коммунистического режима играет роль весьма сильного внешнего раздражителя; этот последний поддерживает в русском обществе волю к революции, и к насильственному удержанию достигнутых революцией политических завоеваний, по скольку внешнее вмешательство угрожает национальной самостоятельности и целостности России. Поддерживая таким путем русскую революцию, интервенция — открытая или скрытая, активная или пассивная — с каждым днем все более и более разрушает основы русского народного хозяйства; а подрывая основы русского народного хозяйства, современная международная политика своим резко враждебным отношением к установившемуся в России социально-политическому режиму подкапывает корни всего мирового хозяйства, а следовательно, наносит значительный хозяйственный вред и собственным странам. Сознание этого становится с каждым днем само собою очевиднее; но вместо откровенного отказа от неправомерного и недопустимого иностранного вмешательства во внутренние деле одной какой-либо страны современная международная политика узкая, слепая и алчная ведет двойную игру: с одной стороны, она с жадностью смотрит на Россию, как на соблазнительный об'ект возможных захвата и обогощения; с другой сто-

роны, она опасается, что из-за дележа добычи может начаться новая мировая бойня, после которой равновесие международных политических сил может резко нарушиться и далеко не в пользу отдельных стран, расчитывающих поживиться за счет России. Под влиянием таких соображений во всех странах ведется сейчас. та двойная игра, которая принимает внешнюю форму торговых соглашений отдельных стран с советской Россией. А лишенная не только какой-либо власти, но даже какой бы то ни было моральной силы и авторитета современная Лига Наций играет при этом преступную роль молчаливого свидетеля и попустителя самых грубых элементарных нарушений международного права.

Судьба России, как всякой современной культурной страны, зависит в значительной степени от отношения к ней других стран мира. Это отношение может быть отрицательно-враждебным или положительным, дружеским. Сейчас это отношение отрицательно и враждебно; основанием для такого отношения, можно думать, служит не столько опасение русской «большевисткой заразы», сколько желание воспользоваться удобным случаем для захвата России и использования ее в качестве колонии. Отсюда, отрицательно-враждебное отношение отдельных стран к советской России может измениться только тогда, когда эти страны определенно откажутся от своих тайных и явных вожделений обогатиться за счет раздела и захвата России. В таком отказе значительную роль будут играть, с одной стороны, собственное положение вещей в самих этих странах; с другой — положение вещей в России.

Начавшийся в 1921 году мировой торгово-промышленный кризис, осложняемый международными политическими несогласиями и раздорами, всею своею тяжестью обрушился как раз на страны, вышедшие из мировой войны победительницами. Необычайный и катастрофический рост безработицы в Англии и Америке послужил, предостерегающим моментом по отношению к выступлению с какими-либо враждебно-аггрессивными мерами против советской России. Но этого мало. С каждым днем все более крепнет сознание в необходимости оказания России самой живой, активной поддержки по восстановлению разрушенного войной и революцией русскаго народного хозяйства. Само собой разумеется, что такая поддержка в сколько-нибудь значительных и существенных размерах может быть оказана только при

условии признания России, независимо от устанавливающегося в ней внутреннего состояния вещей, — суверенным и равноправным членом международной среды. Такое признание России само собою исключает всякий расчет на раздел России и на обогощение за ее счет.

Но для того, чтобы такое международное признание России могло совершиться скорее, успешнее и прочнее, все русское общество в его целом должно само признать данный революционный политический переворот в России совершившимся фактом и, отказавшись от борьбы с ним, напречь все свои силы на то, чтобы извлечь из данного исторического факта наибольшие положительные результаты. Отказ от контр-революции, т. е. от насильственного низвержения достигнутого революцией политического строя, сам собою означает и конец самой революции с ее террором, насилием и разрушением; а конец революции знаменует собой отказ от одностороннего узкого господства политики над экономикой, что уже само по себе должно будет явиться значительным положительным фактором для восстановления в стране ее производительных сил.

Итак, последовательным ходом суждений мы приходим к нижеследующему общему заключению:

Восстановление народного хозяйства в России возможно только с прекращением в ней революции; как всякое сильное средство, революция не может быть продолжительна, иначе она вырождается в ничем неоправдываемую тираннию, неизбежно ведущую к гибели страну и народ. Революция может окончательно прекратиться только при полном, всеобщем, открытом признании того социально-политического строя, какой водворился в стране в результате борьбы революционных сил общества; явное несовершенство этого строя должно будет повлечь за собою самые решительныя мероприятия, но не в порядке революционного порыва и насилия, а в порядке правового положительного созидания.

Отказ русского общества от борьбы с революцией и признание им ныне фактически установившейся в России государственной власти уже сами собою должны будут лишить все другие правительства формальных оснований для их враждебно-отрицательного отношения к России и для вмешательства в ее собственные внутренние дела. Но и этим положение вещей ограничится еще не может: под давлением присущих мировому хо-

зяйству экономических сил и стремлений отдельные страны все более будут вынуждаться вступать на путь взаимных уступок и хозяйственных соглашений; только при помощи таких международных соглашений и может быть восстановлено разрушенное войною хозяйство не только России, и не только одних наиболее пострадавших от войны стран, но хозяйства всего мира, как единого хозяйственно-производственного процесса.

Такова — логика вещей; последует ли за ней жизнь? и в какой степени? — кто дерзнет ответить на это сейчас? Во всяком случае для нас, современников, представляется эта логика единственно правильной, целесообразной, неизбежной и обязательной.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 7

Введение: О мировой войне, мировом капитализме, мировой революции и о призыве нашего времени 11

Глава первая. **Образование государственной власти:**

1. Государственная власть в первый период революции 17
2. Структура советской власти 24
3. Коммунистическая партия, советы и общественно-профессиональные организации 35
4. Диктатура пролетариата и демократия 43
5. В чем выход? 53

Глава вторая. **Организация народного хозяйства:**

1. Взаимоотношение политики и экономики в России 63
2. Центральные и местные хозяйственные органы 68
3. Советская экономическая политика. Национализация 76
4. Меры по поднятию национальной производительности 83
5. Единый хозяйственный план 92

Глава третья. **Продовольственное дело:**

1. Продовольственное дело до революции 101
2. Продовольственная политика Временного Правительства 110
3. Первые продовольственные опыты советской власти 118
4. Политика продовольственных заготовок 124
5. Политика продовольственного снабжения 134

Глава четвертая. **Сельское хозяйство:**

1. «Оскудение» и попытка введения сельско-хозяйственного капитализма в России 145
2. Аграрная революция и ее последствия 150
3. Коллективизация сельского хозяйства 159
4. Меры по поднятию сельско-хозяйственной производительности . . 166
5. Посевная политика советской власти 173
6. Крестьянский вопрос в его современном значении 180

Глава пятая. **Промышленность:**

1. Из истории промышленного капитализма в России 186
2. Состояние промышленности при Временном Правительстве 191
3. Русская металлургическая промышленность до революции 200
4. Состояние русской металлургии во время революции 206
5. Сырьевое обеспечение текстильной промышленности 213
6. Хлопчато-бумажное производство и шерстяная промышленность 220
7. Современное состояние текстильной промышленности 227

Глава шестая. **Транспорт:**

1. Общее значение транспорта и его состояние в России до революции 236
2. Железно-дорожное хозяйство 241
3. Транспортная политика советской власти 246
4. Современное состояние транспорта в советской России 251

Глава седьмая. **Топливо:**

1. Общее значение топлива в хозяйстве народа 258
2. Каменно-угольная промышленность 261
3. Нефтяная промышленность 273
4. Дровяное топливо и лесное дело в России 278

Глава восьмая. **Труд:**

1. Рабочий вопрос в России 288
2. Профессиональная организация труда 294
3. Биржи труда 297
4. Примирительные камеры 301
5. Законодательная охрана труда 306
6. Общая политика труда советской власти 310
7. Меры по поднятию производительности труда 318

Глава девятая. **Финансы:**

1. Общая характеристика финансового хозяйства в России 329
2. Государственный долг 334
3. Финансовая политика советской власти 339
4. Советские концессии 347
5. Натуральный кредит 354

Заключение 361